

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2021 – № 1 (24)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2021

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhski philological bulletin : научный журнал. –
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 1 (24) – 207 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24
2021, № 1 (24). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершурен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Выкулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горюшко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривонос**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (EPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леднев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухун**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение, культурология, исторические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021

© Авторы статей, 2021

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2021. – № 1 (24). – 207 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24

2021, № 1 (24). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschuere**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **E. I. Goroshko**, doctor of philological sciences, doctor of sociological sciences, professor, head of department of cross-cultural communication, Kharkov polytechnical institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, doctor of philological sciences, professor, department of english language, Military university of Ministry of defence (Moscow); **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavic philology of philosophy faculty of Masayk university, Bmo (Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of social communications, Mariupol state university (Ukraine); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavic languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasbourg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:

- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism, culturalological sciences, historical sciences)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2021

© Authors of the articles, 2021

*«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»*

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

<i>Лученецкая-Бурдина И. Ю., Федотова А. А.</i> Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова _____	8
<i>Андреева В. Г.</i> Н. Н. Страхоб об эпической основе сочинений Л. Н. Толстого _____	18
<i>Богданова О. В., Некрасов С. М.</i> Мотив «сухой беды» и народная ментальность в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» _____	26
<i>Болдырева Е. М.</i> Мотивные переключки в поэзии Б. Пастернака и Ван Цзясиня _____	34
<i>Колядко С. В.</i> Эмотивный анализ поэтического произведения _____	45
<i>Бокарев А. С., Ткачук Ю. В.</i> Интерсубъектность в цикле стихотворений Марии Степановой «Spolia» _____	52

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

<i>Беглова Е. И.</i> Своеобразие использования лексических средств в произведении В. В. Розанова «Опавшие листья» _____	58
<i>Канафьева А. В.</i> Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке _____	67
<i>Кузнецова Ю. А., Калмазова Н. А.</i> Репрезентация понятия <i>vor</i> в современных средствах массовой информации _____	74
<i>Колесникова С. М., Бурская Е. А.</i> Влияние аффиксов на фоносемантическую градуальную картину производного слова в поэтических текстах В. Маяковского _____	81
<i>Кулаковский М. Н.</i> Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого _____	87
<i>Мельникова Е. М.</i> Ярославский микротопоним ЗАВОЛГА: грамматический статус, семантика _____	95
<i>Козловская А. А.</i> Личные формы предикатива с семантикой позитивной экспрессии в лирике А. Ахматовой _____	104

Теория языка

<i>Лукин О. В.</i> «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба: немецкая философская грамматика на российской почве _____	112
<i>Исаева М. Г.</i> Кодовые переключения на сицилийский диалект в романе Дж. Куликкья « <i>Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale</i> » _____	121
<i>Ли Сяотао, Колода С. А.</i> Специфика использования иноязычных заимствований в рекламе на китайском и русском языках _____	128
<i>Бойчук Е. И.</i> Автоматизированный анализ ритма рекламного текста _____	137
<i>Глебова Е. А., Тисленкова И. А., Бганцева И. В.</i> Лингвокультурные концепты цвета в английском, французском и русском языках (на материале фразеологических единиц с цветовым признаком) __	145
<i>Ртищева О. В.</i> Языковая личность в культуре: направления исследований _____	152

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Хренов Н. А.</i> Россия и Китай: от страха перед панмонголизмом к постижению евразийства _____	159
<i>Злотникова Т. С., Самсонова А. В.</i> Театральная интерпретация классики как культурный опыт постсоветской эпохи _____	173
<i>Иливицкая Л. Г.</i> Город и его со-бытийный хронотоп: диагностический аспект _____	178
<i>Ерохина Т. И., Желтов Е. С.</i> Репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах _____	185
<i>Зайцев А. В.</i> Гуманистическая онтология мировоззрения литературного критика И. Дедкова: истоки, природа, сущность _____	193
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	204

«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

- Luchenetskaya-Burdina I. Yu., Fedotova A. A.** Functioning of Gospel quotations in N. S. Leskov's «autobiographical» narrative _____ 8
- Andreeva V. G.** N. N. Strakhov on the epic basis of Leo Tolstoy's works _____ 18
- Bogdanova O. V., Nekrasov S. M.** The motif of «dry misfortune» and people's mentality in N. A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia?» _____ 26
- Boldyreva E. M.** Motive echoes in the poetry of B. Pasternak and Wang Jiaxin _____ 34
- Koliadko S. V.** Emotive analysis of poetic text _____ 45
- Bokarev A. S., Tkachuk Y. V.** Intersubjectivity in Maria Stepanova's poetic cycle «Spolia» _____ 52

LINGUISTICS

Russian language

- Beglova E. I.** Peculiarities of using lexical means in the work of V. V. Rozanov's «The Fallen Leaves» _____ 58
- Kanafeva A. V.** Interrogative modifications of mononuclear and two-member sentences in modern Russian _____ 67
- Kuznetsova Y. A., Kalmazova N. A.** Representation of the concept 'thief' in the modern mass media _____ 74
- Kolesnikova S. M., Burskaya E. A.** The influence of affixes on the phonosemantic gradable picture of derivative words in V. Mayakovsky's poetic texts _____ 81
- Kulakovskiy M. N.** Parentheses in A. Belyi's poetry and prose _____ 87
- Melnikova E. M.** Yaroslavl microtoponym ZAVOLGA: grammatical status, semantics _____ 95
- Kozlovskaya A. A.** Personal predicatives with the semantics of positive expression in A. Akhmatova's poetry _____ 104

Language theory

- Lukin O. V.** «The Outline of Universal Grammar» by L. H. Jakob: German philosophical grammar in Russia _____ 112
- Isaeva M. G.** Code switches to the sicilian dialect in G. Culicchia's novel «Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale» _____ 121

<i>Li Xiaotao, Koloda S. A.</i> Specifics of using foreign language loanwords in chinese and russian advertising _____	128
<i>Boichuk E. I.</i> Automated analysis of the rhythm of advertising text _____	137
<i>Glebova E. A., Tislenkova I. A., Bgantseva I. V.</i> Linguo-cultural concepts of colour in english, french and russian (on the material of phraseological units with colour attribute) _____	145
<i>Rtischeva O. V.</i> Linguistic personality in culture: research areas _____	152
CULTURAL SCIENCE	
<i>Khrenov N. A.</i> Russia and China: from fear of pan-Mongolism to perception of Eurasianism _____	159
<i>Zlotnikova T. S., Samsonova A. V.</i> Theatrical interpretation of the classics as cultural experience of the post-soviet era _____	173
<i>Ilivitskaya L. G.</i> The city and its co-existential chronotope: a diagnostic aspect _____	178
<i>Erohina T. I., Zheltov E. C.</i> Representation of the soviet era in national comics _____	185
<i>Zaitsev A. V.</i> Humanistic ontology of the worldview in I. Dedkov's literary criticism: origins, nature, essence _____	193
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS _____	206

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

УДК 821.161.1.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

<https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>

А. А. Федотова

<https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова

Для цитирования: Лученецкая-Бурдина И. Ю., Федотова А. А. Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 8–17. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-8-17

Статья посвящена актуальному вопросу об индивидуально авторских стратегиях «присвоения» Лесковым евангельского текста. Материалом для анализа выступили малоизученные произведения писателя 1892 года, которые самим Лесковым позиционируются как «автобиографические», – «рапсодия» «Юдоль» и «картинка с натуры» «Импровизаторы». Применяя современные методики текстового анализа (коммуникативно-прагматический, рецептивный методы, комплекс исследовательских методов теоретической поэтики), авторы статьи исследовали проблему рецепции писателем Евангелия на уровне авторского стиля как совокупности основных стилевых элементов (нарративных, композиционных, сюжетных, образных, языковых). В произведениях Лескова 1890-х гг. «автобиографический» вид наррации получил весьма значительное распространение. Он встречается и как форма первичного нарратива, дополняющего вторичное сказовое повествование («Полунощники», «Заячий ремиз»), и как самостоятельная повествовательная форма («По поводу „Крейцеровой сонаты“», «Юдоль», «Импровизаторы», «Дама и фефела»). Сопоставительный анализ «Юдоли» и «Импровизаторов» продемонстрировал принципиальные сходства в функционировании евангельских цитат в «автобиографических» произведениях Лескова. Смысловой и эмоциональной кульминацией последних является лирический монолог Я-нарратора, в котором писатель обращается к цитированию Евангелия. Евангельские цитаты не вытекают прямо из сюжета и представлены не как рациональные выводы из описанных событий, но как своеобразное «откровение» Я-нарратора, на первый план выходит не сила логического убеждения, но чувство. Обращение к евангельскому слову, которое выступает в произведениях как главное средство утоления духовного «голода», позволяет Лескову показать читателю путь выхода из ситуации нравственного и духовного невежества, в которой, по мнению писателя, оказалось русское «простонародье» в конце XIX века.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, Евангелие, русская литература XIX века, рецепция, поэтика, нарратив, интертекстуальность.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

I. Yu. Luchenetskaya-Burdina, A. A. Fedotova

Functioning of Gospel quotations in N. S. Leskov's «autobiographical» narrative

The article is devoted to the topical issue of N. Leskov's strategies for Gospel text «appropriation». The material for the analysis were the less studied works of the writer written in 1892 which Leskov himself positioned as «autobiographical» – «rhapsody» *The Vale of Tears* and «picture from life» *The Improvisers*. Applying modern methods of textual analysis (communicative-pragmatic, receptive) and a complex of research methods of theoretical poetics, the authors of the article investigate the problem of the Gospel reception by the writer at the level of the author's style as a

combination of basic stylistic elements (narrative, compositional, plot, figurative, linguistic). In the 1890s Leskov's works, the «autobiographical» kind of narration became quite common. It can be found both as a form of primary narrative, complementing the secondary fairy tale narration (*Midnighters*, *Rabbit Remiz*), and as an independent narrative form (*Concerning the Kreutzer Sonata*, *The Vale of Tears*, *The Improvisers*, *Lady and Fefela*). The comparative analysis of *The Vale of Tears* and *The Improvisers* demonstrates fundamental similarities in the functioning of the Gospel quotes in Leskov's «autobiographical» works. The semantic and emotional culmination of the latter is the lyrical monologue of the I-narrator, in which the writer turns to quoting the Gospel. The Gospel quotes do not result directly from the plot and are presented not as rational conclusions from the events described, but as a kind of «revelation» of the I-narrator. It is not the power of logical persuasion that comes to the fore, but feeling. Appeal to the Gospel word, which acts in his works as the main means of satisfying spiritual «hunger,» allows Leskov to show the reader a way out of the situation of moral and spiritual ignorance, which, according to the writer, the Russian «common people» found themselves in at the end of the 19th century.

Keywords: N. S. Leskov, the Gospel, 19th century russian literature, reception, poetics, narrative, intertextuality.

Введение

Проблема обращения Н. С. Лескова к Евангелию с начала 1990-х годов не выходит из поля зрения отечественных и зарубежных литературоведов. На протяжении последних 30 лет постоянно публикуются статьи, посвященные данному вопросу (см., напр., [Dlugolecka-Pietrzak, 2017; Лукашевич, 2017; Старыгина, 2017]). Евангельский текст в работах названных ученых изучается преимущественно с целью выяснить специфику религиозных взглядов писателя на разных этапах его творчества (об этом см. также [Ильинская, 2017; Ильинская, 2016]), в связи с чем основное внимание уделяется анализу образной и мотивной организации произведений Лескова (см., напр. [Старыгина, 2020]). В гораздо меньшей степени исследована проблема рецепции писателем Евангелия на уровне авторского стиля как совокупности основных стиливых элементов (в том числе нарративных, композиционных, сюжетных, языковых), своеобразии стратегий «присвоения» (если воспользоваться термином М. М. Бахтина [Бахтин, 1975]) Лесковым евангельского слова, его «вплетения» в ткань лесковского текста. Изучению вопроса об индивидуально авторских стратегиях «присвоения» Лесковым евангельского текста и посвящена данная статья. Особенности работы писателя с евангельскими цитатами исследуются в ней на материале произведений 1892 года – повести «Юдоли» (опубликована в июньском номере «Книжек „Недели”») и рассказа «Импровизаторы» (декабрьский выпуск того же журнала), которые являются типичными примерами «автобиографического» нарратива, присутствующего в поздней прозе Лескова.

Основная часть

В произведениях Лескова 1890-х гг. «автобиографический» вид нарратива получил весьма значительное распространение. Он встречается и как

форма первичного нарратива, дополняющего вторичное сказовое повествование («Полунощники», «Заячий ремиз»), и как самостоятельная повествовательная форма («По поводу „Крейцеровой сонаты”», «Юдоли», «Импровизаторы», «Дама и фefела»). Автобиографический нарратив в творчестве Лескова не обязательно подразумевает описанное В. Шмидом [Шмид, 2003] сочетание двух временных перспектив, которое возникает в результате формирования повествовательной дистанции между Я-настоящим и Я-прошедшим (в наиболее явном виде эта особенность свойственна только «Юдоли»). Однако эта разновидность Я-повествования подразумевает присутствие автобиографического нарратора, наделенного рядом признаков, которые отчетливо опознаются как присущие авторской биографии.

В «Юдоли» и в «Импровизаторах» узнаваемы, прежде всего, топонимы. Действие в «Юдоли» локализовано в местах, связанных с детством писателя: «К той местности, где была деревенька моих родителей – в Орловском уезде Орловской же губернии» [Лесков, 1958а, с. 219], в «Импровизаторах» Лесков обращается к географически точному описанию места своего летнего пребывания в 1891 и 1892 годах – западной окраине Усть-Нарвы Шмецку (ныне Нарва-Йыэсуу, Эстония), где в XIX веке находился популярный курорт Гунтербург: «Шмецк – это длинная береговая линия домиков, соединяющая Устье-Наровы, или Гунтербург, с мерекюльским лесом, за которым непосредственно начинается и сам знаменитый некогда Мерекюль» [Лесков, 1958а, с. 332]. В произведениях встречаются и другие отсылы к биографии автора: описание тети Полли в «Юдоли» или упоминание о собственной болезни в «Импровизаторах» («Тяжко больной, я был далек от личного участия в делах» [Лесков, 1958а, с. 324]). Между тем, автобиографизм лесковских текстов не следует преувеличивать (об этом по-

дробно см. [Федотова, 2018a]). Подчеркнутая автобиографичность, на наш взгляд, необходима писателю прежде всего для того, чтобы указать на документальность создаваемых им текстов.

Документальность в «Юдоли» и «Импровизаторах» выступает как знак ориентации писателя на публицистический дискурс. Произведения локализованы не только географически точно, но и хронологически конкретно. «Юдоль» посвящена охватившему почти половину губерний Российской Империи во второй половине 1891 г. голоду, «Импровизаторы» – эпидемии холеры 1892–95 гг. В «Юдоли» явные черты публицистики несет первая глава, предвещающая воспоминания нарратора. Точная датировка («теперь (с наступлением весны 1892 года)» [Лесков, 1958а, с. 218]), указание на актуальность («мы очень благополучно пережили крайне опасное положение, какое подготовили нам наше плохое хозяйство и неурожай прошлого лета» [Лесков, 1958а, с. 218]), наконец, апелляция к посвященной теме голода газетной публикации («См. Неделя, 19 апреля 1892 г., № 16» [Лесков, 1958а, с. 219]) дают Лескову возможность включить текст в текущую хронику событий. «Импровизаторы», созданные писателем, когда пандемия еще только-только начала свое отступление, содержат многочисленные отсылы к историческим реалиям холерной эпидемии, что подчеркивается подзаголовком рассказа – «картинка с натуры». Современники писателя высоко оценили именно эту, документальную и публицистическую сторону произведений. В рецензии на 11 том собрания сочинений Лескова в беллетристическом отделе «Русской мысли» подчеркивалось: «Наибольший интерес в этом томе представляют повествования, озаглавленные „Юдоль“, „Импровизаторы“ и „Пустоплясы“, имеющие очень близкое отношение к недавно пережитым Россией бедствиям голода и холерной эпидемии <...> В картинке с натуры „Импровизаторы“ автор передает виденное и слышанное им во время прошлогодней холерной эпидемии» [Русская мысль, с. 300].

Подчеркнутая фактографичность произведений накладывает строгие ограничения на автобиографического нарратора. Кажется, что актуализация фигуры эксплицитного диегетического нарратора, который – в случае «Юдоли» – предлагает рассказ о воспоминаниях детства (от размышлений о голоде 1891 г. Лесков обращается к событиям неурожайного 1840 г.), предполагает формирование личного и интимного коммуникативного пространства. Между тем, автобиографи-

ческое повествование у Лескова (и в этом его яркое отличие от сказового, характеристика которого дана в [Kucherskaya, 2016; Pospíšil, 2012]) стремится быть предельно объективным. В «Юдоли» эта позиция нарратора прямо вербализуется в тексте: «Я предлагаю только то, что могу вспомнить и о чем теперь можно говорить бесстрастно и даже с отрадою, к которой дает возможность наш нынешний благополучный выход из угрожавшей нам беды» [Лесков, 1958а, с. 220]. Сдержанность и даже сухость экономного на прямые оценки повествования в «Юдоли» и «Импровизаторах» контрастирует с характером описанных в произведениях событий. Перед глазами читателя проходит череда бессмысленных и ужасных смертей: в каждом из эпизодов хроники описывается насильственная или – реже – естественная гибель одного из персонажей (подробнее об этой стороне повести см. [Федотова, 2018b]).

Среди этих эпизодов в нарраториальном плане выделяется эпизод гибели сельской девочки Васёнки. Именно в этом фрагменте текста Лесков в первый раз в «Юдоли» обращается к цитированию Евангелия. В эпизоде, в отличие от значительной части повести, не просто декларируется, а реально присутствует точка зрения нарратора-ребенка. Интимность коммуникативной ситуации рассказывания непосредственно связана с событийным рядом эпизода, о кульминации которого Лесков сразу же осведомляет читателя, используя пролепис: «у птичницы Аграфены были дети, прижитые с крепостным мужем, и в числе их была та Васёнка, которую „бог взял“, о чем сейчас и будет предложено» [Лесков, 1958а, с. 241]. Кавычки – знаки «чужой» речи – являются очевидным сигналом усложнения композиции точек зрения. Благодаря аллюзии к известной русской пословице «Бог дал – бог и взял» (восходящей, кстати, к библейскому: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (кн. Иова 1:21) [Библия]) Лесков, еще не рассказав о подробностях самого события, уже формирует предварительную читательскую оценку: в народной пословице воплощен примирительный и смиренный взгляд на смерть.

Характер последующего описания смерти девочки заметно контрастирует с предложенной оценочной перспективой: «Девочка была в одной рубашке и босая, но ножки обвертела хлопочками, которые нашла в выставленном сюда из избы плетеном гнезде, на котором в свое время сидели на яйцах наседки. Васёнка подвинула одно из таких гнезд под застреху, уселась в него, а головкою

прислонилась к заиндеветым хворостинным решетинам соломенной кровли и так заоченела, но она еще была жива, и когда ее принесли в избу, она даже как будто бы смотрела, но только глазки у нее были „как сонные”» [Лесков, 1958а, с. 242]. Эмоционально насыщенные подробности, настойчивое употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов, трогательные телесные образы необходимы Лескову для того, чтобы усилить чувство жалости и сострадания у читателя. По силе воздействия на читателя, эмоциональная реакция которого формируется в том числе и благодаря прямому указанию на переживания нарратора («я бросился в угол <...> и горько заплакал», «Ей теперь хорошо; но сколько она должна была перестрадать и перемучиться, пока застыла под застрехой!» [Лесков, 1958а, с. 244]), этот фрагмент текста составляет кульминацию первой части повести. По воспоминаниям сына писателя, именно этот эпизод является в полной мере автобиографическим: «Лескову в этот орловский голод было девять лет. Простота смерти обморозившейся и изголодавшейся девочки, происшедшей у него на глазах, глубоко врезалась в его память, запала в душу» [Лесков, 1984, с. 95].

Итогом описания смерти девочки выступает прямая оценка этого события Я-нарратором, которая хотя и не противопоставлена напрямую обобщенной «народной» точке зрения, но вступает с ней в очевидный диссонанс: «Этот первый случай, “как дух уходил, и никто не видел, куда он идет”, врезался у меня в памяти на всю мою жизнь, и тихая “смёрточка” тихой Васёнки тогда вдруг показалась мне страшным укором, вставшим против самых близких и дорогих мне людей, до которых сердце мое не желало бы допустить никакой укоризны» [Лесков, 1958а, с. 244]. Этот фрагмент выделяется на фоне текста повести по ряду принципиальных параметров. В нарраториальном плане для него характерно формирование двойной повествовательной перспективы: Я-прошедшее корректируется позицией Я-настоящего, что значительно усиливает обобщающую силу слов нарратора. Только в этом эпизоде первой части повести объективного и сдержанного «хроникера» событий голодного года сменяет взволнованный свидетель «ужасной зимы». Эмоциональное воздействие на читателя усиливается благодаря речевой организации эпизода, в котором преобладает высокая лексика, а общая патетика поддерживается усложненным синтаксисом, придающим предложению отчетливый ритм. Тем самым на первый план выходит не ло-

гика, не сила логического убеждения, но чувство, непосредственное переживание ужаса смерти, впервые испытанное ребенком.

В этом, особенно насыщенном эмоционально, фрагменте монолога «автобиографического» нарратора Лесков обращается к цитированию Евангелия. Слова «как дух уходил, и никто не видел, куда он идет» отсылают читателя к высказыванию Иисуса Христа, обращенному в начале его проповеди к «одному из начальников Иудейских» Никодиму: «Дух, идеже хошет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуда приходит и камо идет» (Ин. 3:8) [Библия]. В новом контексте Лесков затушевывает основное значение евангельских слов. Обращаясь к Никодиму, Иисус указывает главные условия человеческого спасения: крещение «водой» и крещение «Духом Святым». Сравнение же Духа Святого с ветром в стихе, цитируемом Лесковым (в греческом оригинале лексема «πνεῦμα» означает и «Дух» и «ветер», в переводе на церковнославянский и русский языки эта игра слов не сохраняется), подчеркивает невозможность для человека рационального познания таинственного действия Духа. Обращение писателя к евангельским словам в контексте эпизода смерти Васёнки актуализирует значение слова «дух», синонимичное лексеме «душа». Эта единственная в первой части повести евангельская цитата соответствует общему тону высказывания и возвышает его интонацию до торжественного пафоса. Евангельское высказывание «как дух уходил, и никто не видел, куда он идет» выступает в роли перифраза, свойственного книжному стилю речи, заменяя нейтральное «умирала». Благодаря введению лексемы «никто», отсутствующей в претексте, Лесков усиливает идею таинственности смерти, которая неожиданно открывается Я-нарратору. Евангельское слово органично входит в этот эмоциональный фрагмент повести, позволяя Лескову показать, что обращение к нему является естественной потребностью человеческой души. Последнее подчеркивается благодаря тому, что евангельские цитаты включены в речь ребенка.

Гибель Васёнки оказывается в «Юдоли» моментом инициации нарратора-ребенка во взрослую жизнь. Во вторую часть повести, посвященную изображению милосердной деятельности тети Полли – тип лесковской героини-праведницы, писатель включает эпизод, параллельный проанализированному – наблюдение Я-нарратора за совместным пением тети Полли и ее подруги «квакерши Гильдегарды». Объединяет эпизоды

нарраториальный ракурс: это второй фрагмент повести, в котором Лесков прибегает к точке зрения Я-нарратора-ребенка: «Они пели „cantique” на текст „Приходящего ко мне не изгоню вон” (Иоанна VI, 37) <...> Я почувствовал необыкновенно полную радость оттого, что всякий человек сейчас же, „таков как есть”, может вступить в настроение, для которого нет расторгающего значения времени и пространства. И мне казалось, что как будто, когда они тронулись к нему „за верой, зреньем и прощеньем”, и он тоже шел к ним навстречу, он подавал им то, что делает иго его благим и бремя его легким <...> О, если бы за все скорби жизни земной еще раз получить такую минуту при уходе из тела!» [Лесков, 1958а, с. 298–299].

Актуализация фигуры нарратора-ребенка в обоих случаях мотивирована высокой экспрессией и патетикой эпизодов. Если сцена смерти Васёнки выступала в качестве эмоциональной кульминации первой части «Юдоли», то сцена пения двух праведниц играет эту же роль во второй части произведения. Принципиальная разница эпизодов в том, что эмоциональное переживание ужаса смерти сменяется восторженным принятием красоты добра. Показательно, что в обоих эпизодах нарратор плачет, во втором случае – от радости («О, какая это была минута! я уткнулся лицом в спинку мягкого кресла и плакал впервые слезами неведомого мне до сей поры счастья» [Лесков, 1958а, с. 299]), а в первом – от горя. В семантическом плане повести важно, что во втором эпизоде – также, как и в первом, возникает тема смерти («О, если бы за все скорби жизни земной еще раз получить такую минуту при уходе из тела!»). Если бессмысленная гибель Васёнки в символическом плане повести ставила вопрос о смысле человеческой жизни в целом, то кульминационная для «Юдоли» сцена пения дала на него ответ, выступив как завершение инициации Я-нарратора. Лесков мастерски передает религиозное чувство последнего. Внезапное расширение пространства текста, символические образы «звезд» и «тихого света», патетическая речь, по своему характеру вновь приближающаяся к ритмизованной прозе, формируют возвышенный фон для очередного цитирования евангельских слов.

Как и в эпизоде смерти Васёнки, основным источником для цитирования выступает Евангелие от Иоанна. Атрибуция Лесковым цитаты показывает принципиальную для автора необходимость «опознания» читателем источника заимствования. Цитируемый писателем фрагмент в Евангелии

звучит в следующем ближайшем контексте: «Я ем хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда <...> Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6: 35–37) [Библия]. Обращение Лескова к этому библейскому фрагменту заставляет читателя осмыслить в евангельском контексте не только прямо описываемые в сцене религиозные переживания нарратора, но и центральную в «Юдоли» проблему голода. Возможность символической интерпретации мотива голода была подготовлена Лесковым в предваряющем эпизод пения диалоге тети Полли с отцом нарратора. Его смысловым центром является отсылка к одному из наиболее отвратительных эпизодов народной жизни из первой части произведения: «Отец рассказал ей известную историю со свечой из Кожиёнова сала» [Лесков, 1958а, с. 295]. Именно тете Полли писатель дает право оценить это кровавое событие, в котором Лесков воплотил идею о насилии, свойственном крестьянской среде: «Да!.. здесь юдоль плача... Голод ума, голод сердца и голод души. Вот моток, в котором не знаешь, за какую нить хвататься!..» [Лесков, 1958а, с. 295].

Оценивая причины жестоких преступлений в среде крестьян, произошедших во время голодного года, Лесков прибегает к метафоричному ряду «голод ума, голод сердца и голод души», пропуская самый очевидный и основной повод – голод тела. Показательно, что в активной переписке Лескова с Толстым 1890-х гг. есть письмо, в котором Лесков, словно вспомнив название знаменитого толстовского трактата «Так что же нам делать?», просит своего знаменитого современника посоветовать ему, «нужно ли нам в это горе (голодный год – А. Ф.) встречать и что именно пристойно нам делать?» [Лесков, 1958b, с. 491] (подробнее о диалоге писателей см. [Федотова, 2016]). В ответном обстоятельном письме Толстой в свойственном его учению духе (см. об этом: [Лученецкая-Бурдина, 2015]) отвечает о необходимости постоянного самосовершенствования для каждого человека, утверждая, что «покуда этого не будет – голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души» [Толстой, 1958, с. 11–12].

Сравнение лесковского и толстовского текстов демонстрирует, что редукция Лесковым выражения «голод тела» была, скорее всего, сознательной. С её помощью писатель перенес акцент с буквального значения слова «голод» на

переносный смысл лексемы и тем самым восстановил евангельский контекст толстовского образа, дав своеобразную «подсказку» читателю с помощью атрибутированной цитаты из Евангелия в ключевом для формирования образа Я-нарратора эпизоде.

Евангельский образ дает писателю возможность в финале повести раскрыть основную причину отвратительных и грубых преступлений, разнообразные намеки на которую Лесков приво-дил в первой части «Юдоли». Голодный год, по мнению автора «рапсодии», приоткрыл глубину нравственного невежества русского простона-родья. В возвышенный внутренний монолог Я-нарратора, благодаря привлечению соответствующего фрагмента Евангелия от Иоанна, включено и указание на средство утоления «голода»: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог» (Ин. 6: 27) [Библия]. Кульминация «Юдоли» отражает открытие Я-нарратором этого источника, который, с точки зрения писателя способен преодолеть «голод души... и всякий голод». Однако немаловажно, что прозрение ограничивается только нарратором, и Лесков намеренно подчеркивает контраст между его фигурой и «народными» героями в главе-эпизоде повести: «Хлеб созрел необыкновенно рано <...> На улице опять «шла гульба», было «сыто и пьяно» <...> но <...> Я ощущал *голод ума*, и мне были милы те звуки, которые я слышал, когда тетя и Гильдегарда пели, глядя на звездное небо, давшее им “зрение”, при котором можно всё простить и всё в себе и в других успокоить» [Лесков, 1958а, с. 312]. Авторское выделение курсивом образа «голода ума» на фоне торжествующей картины утоления «голода тела» призвано вновь заострить внимание читателя на антитезе материального и духовного голода и с помощью возвышенного перифраза отослать к ключевой для семантики текста евангельской цитате. Финал повести внутренне конфликтен: конец «голодного года» ничего не изменил в народной жизни, в которой торжествует телесная полнота. Путь нравственного и духовного преодоления «голода ума» открылся лишь Я-нарратору и, что немаловажно, читателю, который вместе с автором прошел путь «инициации» во взрослую жизнь.

В отличие от значительной по объему «рапсодии» «Юдоль», «Импровизаторы» – лаконичный текст, в основе которого одно событие: распространение слухов о причастности врачей-

«немцев» к гибели пациентов во время холерной эпидемии. Если в «Юдоли» художественное начало значительно превалировало над публицистическим, то в «Импровизаторах» они фактически уравниены в правах. Эпидемия холеры в 1890–е годы во многих городах и селах (Астрахань, Саратов, шахтерский городок Юзовка) сопровождалась холерными бунтами, которые в ряде случаев закончились жестокой расправой над медицинским персоналом и разгромом лечебных учреждений. Хронику эпидемии публиковали в июне – сентябре 1892 года «Вестник Европы», «Русская мысль» и другие крупные журналы, где утверждалось, что бунты явились следствием страха населения перед неведомой болезнью, отсутствием у людей элементарных знаний о сути и способах передачи заболевания, а также несостоятельностью официальной медицины в оказании помощи заболевшим и проведении профилактических мероприятий. Откликом на эту социальную проблему и выступили «Импровизаторы».

Лесков обращается к цитированию Евангелия в третьей части рассказа в эпизоде встречи нарратора с «порционным мужиком», прозванным так из-за малого роста. Автобиографический Я-нарратор выступает в этом фрагменте текста не только как Я-повествующее, но и как Я-действующее, т. е. становится полноправным участником диегезиса. Подобная повествовательная организация выделяет эпизод на фоне остального рассказа и привлекает к нему особое внимание читателя, усиленное еще и тем, что включение этого фрагмента фактически не мотивировано сюжетно и его «изъятие», кажется, никак не повлияет на событийную канву произведения. И тем не менее «порционный мужик» – единственный из героев «Импровизаторов» – наделяется детализированным портретом и развернутой нарраториальной характеристикой, которые во многом и мотивируют необходимость присутствия в эпизоде именно точки зрения Я-нарратора, близкой авторской: «Мужичонко молча вернулся и пошел, и по мере того, как он ближе к нам подходил, я мог яснее его рассматривать <...> Рост крошечный, как рост пятнадцатилетнего мальчика; худ точно скелет, но обтянутый не кожей, а вылинявшею и выветренной набойкой; губ нет вовсе – открыты два ряда превосходных белых зубов; нос тоненький и свернувшийся, как корешок у сухой фиги. <...> Это был не человек, а какое-то движущееся ничто. Это сухой лист, который оторван где-то от какого-то ледащего дерева, и его теперь гонит и кружит по ветру, и мочит его, и сушит, и все это

опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далее...» [Лесков, 1958а, с. 333].

В повествовательном плане фрагмент построен по тем же принципам, что и проанализированные выше эпизоды из повести «Юдоль». Фигура Я-нарратора мотивирует переход от подробного описания внешности героя к расширению повествовательной перспективы: «Это был не человек, а какое-то движущееся ничто. Это сухой лист...». Фрагмент выделяется языковой организацией: использование развернутой метафоры, выразительный синтаксис, в основе которого антитеза, инверсия и полисиндетон, создают неожиданный (на фоне повествовательной манеры «Импровизаторов» в целом) и весьма возвышенный образ. Как и в «Юдоли», эпизод представляет собой эмоциональную кульминацию текста.

Именно этот торжественный и эмоционально насыщенный монолог Я-нарратора, как и в случае «Юдоли», включает в себя евангельские цитаты, которые не только стилистически возвышают эпизод, но и значительно углубляют проблематику произведения. Используемые писателем знаки «чужой» речи – «кавычки» – вновь свидетельствуют о том, что Лескову было принципиально опознание читателем источника цитирования. Ключевые для эпизода слова «Господи! что сей сам или родители его согрешили, и как проявятся в нем дела божии?!» [Лесков, 1958а, с. 333]. отсылают к Евангелию от Иоанна: «И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин. 9: 1–5) [Библия]. Евангельская цитата, предваренная образным сравнением существования «порционного мужика» с бессмысленным передвижением «листка» и оформленная в виде риторического вопроса и восклицания, приобретает сильную эмоциональность звучания, не свойственную претексту. Последнему способствует и контаминация вопросительной реплики учеников Иисуса с ответом Христа: евангельский диалог у Лескова трансформируется в отчаянное молитвенное воззвание к Господу.

Вопрос о смысле человеческих страданий и человеческой жизни в целом приобретает еще большую эмоциональную глубину благодаря двум евангельским сюжетам в следующей лесковской фразе. В высказывании «неужели если бы птицы исклевали его в зерне или если бы камень жерновый утопил его в детстве, – ему тогда было

бы хуже?» [Лесков, 1958а, с. 333–334]. Лесков контаминирует два фрагмента из Евангелия: притчу о Сеятеле (Мф. 13: 3–4) [Библия] и слова Иисуса о награде и каре (Мк. 9:42) [Библия]. В данном случае писатель не актуализирует смысловой потенциал фрагментов, аллюзия функционирует как возвышенный перифраз, позволяющий писателю поставить проблему соотношения кажущихся бессмысленными страданий и смерти. В заключении нарраториального отступления – благодаря цитированию книги Псалмов – Лесков формулирует и предложенное в религиозной практике решение этой проблемы: «Конечно, „весть Господь, чего ради изнемождает плоть сынов человеческих“» [Лесков, 1958а, с. 334]. Читатель отсылается к началу 72 Псалма: «Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек» [Библия]. Писатель прибегает к мистификации, заключая в кавычки добавленную им самим в цитату фразу «весть Господь». Тем самым Лесков не только выражает идею о смиренном принятии страданий, но и вводит в текст выразительную антитезу между Божественным «судом» и человеческим состраданием: «...но человеку все-таки будет „страшно за человека“!» [Лесков, 1958а, с. 334].

Этот эпизод, не связанный напрямую ни с основной сюжетной линией повести, ни, как кажется на первый взгляд, с ее главной темой, тем не менее придает порой комичному повествованию (особенно в своей сказовой части) о слухах вокруг холерной «запятой» (так в «Импровизаторах» назван холерный вибрион Коха) философскую глубину. Евангельские цитирования позволяют писателю увидеть и показать читателю за ужасными в своей нелепости слухами о том, что эпидемии холеры содействует деятельность врачей, которые сами убивают пациентов, трагедию нищего и непросвещенного русского человека, воплощенного в поднимавшемся до символического обобщения образе «порционного мужика». Призыв к состраданию, отчетливо слышимый в словах автобиографического Я-нарратора, выступает как полемически направленный против столь часто упоминаемых в рассказе «мер» генерала Н. М. Баранова, призывающего применять насилие против тех, кто распространяет слухи о холере.

Как и в повести «Юдоль», писатель возвращается к патетическому монологу Я-нарратора в финале повести, подчеркивая особую его важность в смысловом пространстве произведения: «За что же его («порционного мужика» – А. Ф.) так участь жестока? О господи! сжался над ним, да сошли и

нам просвещающую веру вместо суеверия! Из всех „запятых” самые ужасные – те, которые скрываются во тьме суеверий» [Лесков, 1958а, с. 338]. В этих заключительных строках «Импровизаторов» Лесков объединяет основные семантические линии рассказа, превращая в единое смысловое целое злободневную проблему холерной эпидемии, философскую проблему смысла человеческой жизни и человеческих страданий и эмоциональное, почти молитвенное, обращение к Богу. Показательно, что антитеза света (просвещающей веры) и тьмы (тьмы суеверий) в финальном обобщении писателя вновь отсылает к эпизоду исцеления слепорожденного: «Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру. Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому» (Ин. 9: 6) [Библия]. Просвещение евангельским словом утверждается Лесковым как главный и единственный путь преодоления невежества и насилия, царящего в народной среде.

Заключение

Сопоставительный анализ «автобиографических» нарративов Лескова «рапсодии» «Юдоли» и «картинки с натуры» «Импровизаторы» демонстрирует принципиальные сходства в функционировании в них евангельских цитат. Выбор автобиографического Я-нарратора позволил Лескову органически вводить в основное повествование полные возвышенного лиризма монологи. Именно лирическое высказывание Я-нарратора является смысловой и эмоциональной кульминацией каждого из произведений. Важнейшим элементом монологов являются евангельские цитаты, органически вписанные в текст благодаря языковой организации фрагментов. Лесков настойчиво цитирует Евангелие от Иоанна, которое по мнению исследователей, наиболее полно раскрывает божественную личность Иисуса Христа.

Показательно, что евангельские цитаты, в которых заключена основная идея текстов, включены автором не в финал, а в самый центр повествования. Они не вытекают прямо из сюжета и представлены не как рациональные выводы из описанных событий, но как своеобразное «откровение» Я-нарратора. Писатель вводит их в наиболее лирически взволнованные и эмоционально насыщенные моменты рассказа, когда на первый план выходит не сила логического убеждения, но чувство. Лесков выбирает особенно проникновенные

эпизоды, будь то переживание ужасов болезни и смерти или восторг от неожиданно открывшейся красоты добра. Обращение к евангельскому слову в эмоциональных кульминациях произведений демонстрирует его естественность, внутреннюю органичность для человека. В «Юдоли» подобный эффект усиливается благодаря актуализируемому автором образу ребенка, в уста которого и вложены евангельские цитаты.

Учение Христа показано в произведениях как естественное свойство человеческой души. Обращение к Евангелию позволяет писателю показать читателю путь выхода из ситуации нравственного и духовного невежества, в которой, по мнению Лескова, находится русский народ. А. И. Фаресов, подчеркивая, что «ум писателя в последние годы был занят психологией невежественной толпы» [Фаресов, 1904, с. 378], вспоминал слова Лескова, свидетельствующие о непредвзятом взгляде последнего на «мужика»: «Этот народ рвет своих докторов и сестер милосердия, как мы видим, на куски и потом идет служить молебны <...> Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент» [Фаресов, 1904, с. 43–44]. При этом Лесков в «Юдоли» и «Импровизаторах» не ограничивается постановкой диагноза социальных болезней русского общества конца XIX века. Писатель отчетливо демонстрирует и путь к выздоровлению – утоление духовного «голода» народа проповедью евангельского слова.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/> (дата обращения: 16. 12. 2020).
3. Женетт Ж. Фигуры. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
4. Ильинская Т. Б. Старообрядческий брак в интерпретации Н. С. Лескова: соотношение художественного и публицистического образа // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 308–312.
5. Ильинская Т. Б. Художественная семантика ритуальной пищи в творчестве Н. С. Лескова (от православного поста к вегетарианству) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 269–275.
6. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам : в 2 т. Т. 1. Москва : Худ. литература, 1984. 479 с.
7. Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 9. Москва : ГИХЛ, 1958. 652 с.
8. Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 11. Москва : ГИХЛ, 1958. 862 с.

9. Лукашевич М. Библия в художественном мире рассказа Н. С. Лескова «Однотум» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 259–266.

10. Лукашевич М. Христианские ценности и предубеждения в повести Николая Лескова «Полунощники» // *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury* (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). Brno, Masarykova univerzita, 2017. S. 77–87.

11. Лукашевич М. Церковная проблематика в ранней публицистике Н. С. Лескова // Церковь. Богословие. История : Материалы III Международной научно-богословской конференции. Екатеринбург, 2015. С. 335–342.

12. Лукашевич М. «Я не враг церкви, а ее друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Н. Лескова. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

13. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Трактат Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?»: поэтика социологического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 118–123.

14. Муллер де Морюгес И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 442–453.

15. Новикова А. А. Мифопоэтический образ жарптицы в христианском контексте повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения). Москва : ИМЛИ РАН, 2010. С. 88–99.

16. Новикова А. А. Художественное богопознание в творчестве Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 97–111.

17. Русская мысль. 1893. № 7. С. 300.

18. Старыгина Н. Контекстуальная поэтика в творчестве Н. С. Лескова // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. S. 171–181.

19. Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 238–259.

20. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 66. Письма 1891–1893. Москва : ГИХЛ, 1958. 527 с.

21. Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1904. 409 с.

22. Федотова А. А. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в полемике вокруг «страшного вопроса» 1891 года // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 5. С. 135–140.

23. Федотова А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 342 с.

24. Федотова А. А. «Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент?»: полемика Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым в изображении русского народа // *Nová rusistika* (Новая русистика). 2018. № 2. S. 47–57.

25. Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

26. Długolecka-Pietrzak M. Świat wartości w twórczości N. Leskova // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. Brno, 2017. 29–51.

27. Kucherskaya M. A., Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method/ *Scandoslavica*. 2016. № 1. P. 234–242.

28. Pospíšil I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, *Studia Academia Slovaca*, 2012. S. 17–27.

Reference List

1. Bahtin M. M. *Voprosy literatury i jestetiki = Questions of literature and aesthetics*. Moskva : *Hudozhestvennaja literatura*, 1975. 504 s.

2. Biblija. *Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta = The Bible. Books of the Old and New Testament scriptures*. URL: <https://bible-teka.com/> (data obrashhenija: 16. 12. 2020).

3. Zhenett Zh. *Figury = Figures*. Moskva : *Izd-vo im. Sabashnikovyh*, 1998. 944 s.

4. Il'inskaja T. B. *Staroobrjadcheskij brak v interpretacii N. S. Leskova: sootnoshenie hudozhestvennogo i publicisticheskogo obraza = The Old Believers Marriage in Leskov's Interpretation: the Relationship between the Artistic and the Publicistic Image* // *Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik*. 2017. № 2. S. 308–312.

5. Il'inskaja T. B. *Hudozhestvennaja semantika ritual'noj pishhi v tvorcestve N. S. Leskova (ot pravoslavnogo posta k vegetarianstvu) = The literary semantics of ritual food in N. S. Leskov's works (from Orthodox Lent to vegetarianism)* // *Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik*. 2016. № 3. S. 269–275.

6. Leskov A. N. *Zhizn' Nikolaja Leskova po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisjam i pamjatjam : v 2 t. T. 1 = Nikolai Leskov's life according to his personal, family and non-family records and memoirs : in 2 vols. V. 1*. Moskva : *Hud. literatura*, 1984. 479 s.

7. Leskov N. S. *Sobranie sochinenij : v 11 t. T. 9 = Collected Works : in 11 vols. V. 9*. Moskva : *GIHL*, 1958. 652 s.

8. Leskov N. S. *Sobranie sochinenij : v 11 t. T. 11 = Collected Works : in 11 vols. V. 11*. Moskva : *GIHL*, 1958. 862 s.

9. Lukashevich M. *Biblija v hudozhestvennom mire rasskaza N. S. Leskova «Odnodum» = The Bible in the artistic world of N. S. Leskov's story «A Single Thought»* // *Problemy istoricheskoy pojetiki*. Petrozavodsk : *Izd-vo PetrGU*, 2012. Vyp. 10. S. 259–266.

10. Lukashevich M. *Hristianskie cennosti i predubezhdenija v povesti Nikolaja Leskova «Polunoshh-*

niki» = Christian values and prejudice in Nikolai Leskov's story *The Midnighters* // *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury* (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). Brno, Masarykova univerzita, 2017. S. 77–87.

11. Lukashevich M. *Cerkov'naja problematika v rannej publicistiky N. S. Leskova = Church related issues in N. S. Leskov's early writing* // *Cerkov'. Bogoslovie. Istorija: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii*. Ekaterinburg, 2015. S. 335–342.

12. Lukashevich M. «Ja ne vrag cerkvi, a ee drug... i uverenij pravoslavnyj». *Cerkov'naja problematika v publicistiky N. S. Leskova = «I am not an enemy to the church, but a friend... and a confident orthodox»*. Church related issues in N. Leskov's writing. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

13. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. *Traktat L. N. Tolstogo «Tak chto zhe nam delat'?»: pojetika sociologičeskogo diskursa = Leo Tolstoy's treatise So What Shall We Do?: The poetics of sociological discourse* // *Verhnevzhskij filologičeskij vestnik*. 2015. № 1. S. 118–123.

14. Muller de Morogues I. *Marfa i Marija. Obraz ideal'noj zhenshhiny v tvorčestve Leskova = Marfa and Maria. The image of the ideal woman in Leskov's work* // *Problemy istoričeskoy pojetiki*. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 1998. Vyp. 5. S. 442–453.

15. Novikova A. A. *Mifopojetičeskij obraz zharpticy v hristianskom kontekste povesti N. S. Leskova «Zajachij remiz» = The mythological and poetic image of the Firebird in the Christian context of Leskov's story «The Rabbit's Warren»* // *N. S. Leskov v prostranstve sovremennoj filologičeskoy mysli (k 175-letiju so dnja rozhdenija)*. Moskva: IMLI RAN, 2010. S. 88–99.

16. Novikova A. A. *Hudozhestvennoe bogopoznanie v tvorčestve N. S. Leskova = Artistic understanding of God in the work of Nikolai Leskov* // *Problemy istoričeskoy pojetiki*. Petrozavodsk; Sankt-Peterburg: Al-etejja, 2011. Vyp. 9. S. 97–111.

17. *Russkaja mysl' = Russian thought*. 1893. № 7. S. 300.

18. Starygina N. *Kontekstual'naja pojetika v tvorčestve N. S. Leskova = Contextual poetics in Nikolai Leskov's work* // *Leskov i vokrug. Konteksty tvorčestva i sostojanie sovremenno go leskovovedenija*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, 2017. S. 171–181.

19. Starygina N. N. *Hristianskaja semantika rasskaza «Hristos v gostjah u muzhika» N. S. Leskova = Christian semantics of the story «Christ visiting a peasant» by Nikolai Leskov* // *Problemy istoričeskoy pojetiki*. 2020. T. 18. № 2. S. 238–259.

20. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 66. Pis'ma 1891–1893 = The Complete Works: In 90 vols. V. 66. Letters 1891–1893*. Moskva: GIHL, 1958. 527 s.

21. Faresov A. I. *Protiv techenij: N. S. Leskov. Ego zhizn', sochinenija, polemika i vospominanija o nem = Against the Currents: N. S. Leskov. His life, writings, polemics and memories of him*. Sankt-Peterburg: Tip. M. Merkusheva, 1904. 409 s.

22. Fedotova A. A. L. N. Tolstoj i N. S. Leskov v polemike vokrug «strashnogo voprosa» 1891 goda = L. N. Tolstoy and N. S. Leskov debating over the «terrible question» in 1891 // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. 2016. T. 22. № 5. S. 135–140.

23. Fedotova A. A. «Trudnyj rost»: recepcija v proze N. S. Leskova = «Difficult growth»: reception in N. S. Leskov's prose. Jaroslavl: RIO JaGPU, 2018. 342 s.

24. Fedotova A. A. «Ved' s jetim zver'em razve možno chto-nibud' sozdat' v dannyj moment?»: polemika N. S. Leskova s L. N. Tolstym v izobrazhenii russkogo naroda = «San anything be created with these beasts at the moment?»: Leskov's polemic with Leo Tolstoy's portrayal of the Russian people // *Nová rusistika (Novaja rusistika)*. 2018. № 2. S. 47–57.

25. Shmid V. *Narratologija = Narratology*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

26. Długolecka-Pietrzak M. *Świat wartości w twórczości N. Leskova* // *Leskov i vokrug. Konteksty tvorčestva i sostojanie sovremenno go leskovovedenija*. Brno, 2017. 29–51.

27. Kucherskaya M. A., *Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method* // *Scando-Slavica*. 2016. № 1. P. 234–242.

28. Pospíšil I. *Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova*. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, *Studia Academia Slovaca*, 2012. S. 17–27.

УДК 821.161.09«19»

В. Г. Андреева

<https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Н. Н. Страхов об эпической основе сочинений Л. Н. Толстого

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Андреева В. Г. Н. Н. Страхов об эпической основе сочинений Л. Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 18–25. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-18-25

В статье рассматривается проблема оценки Н. Н. Страховым жанрового своеобразия произведений Л. Н. Толстого. Автор работы считает, что философские выводы Страхова были в 1870-е гг. особенно значимы для художественного и нравственного поиска Толстого, который во многом под влиянием идей Страхова стремился к всеохватности. Страхов впервые достаточно смело заговорил о религиозных основах искусства Толстого, требовавших особой художественной формы, могущей «объять необъятное», вместить народную жизнь в ее разнообразии и полноте. В статьях Страхова о «Войне и мире» делаются верные замечания об эпическом таланте художника, основанном на религиозном искусстве, о его возвышении над традиционным романским конфликтом. Автор работы показывает, что в отличие от К. Н. Леонтьева, рассуждавшего о возрастающей объективности Толстого по мере его освобождения от якобы пагубного воздействия натуральной школы, Страхов в статьях о «Войне и мире» несколько раз подчеркивает правдивость писателя, отсутствие фальши, открывает примечательную особенность его эпического повествования – у Толстого жизнь не обобщается заранее, авторская позиция не скрадывает собой многогранности и сложности бытия. Страхов шаг за шагом приближается к осмыслению эпического характера художественных миров Толстого, под которым понимается не просто спокойная и неторопливая манера повествования писателя, а именно возрождение в новой литературе широты древних эпосов. Страхов пронизательно обозначил две основы русского эпического искусства, показал глубинную связь семейной темы в отечественной литературе с идеей прогресса. Через сопоставление творчества Толстого и Пушкина Страхов значительно поднимал фигуру первого над сиюминутными спорами, над современной ему литературой, охваченной нигилистическими веяниями, определяя значение писателя в становлении истинно народного искусства.

Ключевые слова: Толстой Л. Н., Страхов Н. Н., эпическое видение, романский конфликт, народное искусство, религиозная основа, объективность, формула творчества.

V. G. Andreeva

N. N. Strakhov on the epic basis of Leo Tolstoy's works

The article deals with the problem of Nikolay Strakhov's assessment of the genre originality in Leo Tolstoy's works. The author of the article believes that Strakhov's philosophical observations of the 1870-s were especially significant for the artistic and moral search of Tolstoy, who, mainly under the influence of Strakhov's ideas, strove for all-inclusiveness. Strakhov was the first to speak boldly enough about the religious foundations of Tolstoy's art, which demanded a special artistic form that could «embrace the unembraceable», accommodate people's life in its diversity and fullness. Strakhov's articles on War and Peace make accurate remarks about the artist's epic talent based on religious art, about his elevation above the traditional novel conflict. The author of the article shows that unlike K. N. Leontiev, who spoke of Tolstoy's growing objectivity as he freed himself from the allegedly pernicious influence of the natural school, Strakhov in his articles on War and Peace stresses the writer's truthfulness, absence of hypocrisy and reveals remarkable features of his epic narrative. In Tolstoy's works, life is not generalized in advance, the writer's position does not obscure the versatile and complex nature of existence. Step by step Strakhov comes to understanding the epic nature of Tolstoy's artistic worlds, which is understood not just as a calm and unhurried manner of narration, but as a revival of the scope of ancient epics in the new literature. Strakhov's subtle outline of the two foundations of Russian epic art showed a profound connection between the family theme in Russian literature and the idea of progress. By comparing the works of Tolstoy and Pushkin, Strakhov raised the figure of the former significantly above the momentary disputes, above his contemporary literature engulfed by nihilistic trends, defining the significance of the writer in the formation of truly people's art.

Keywords: Leo Tolstoy, Nikolay Strakhov, epic vision, novel conflict, people's art, religious basis, objectivity, formula of creativity.

Параллелизм мировоззренческого поиска Толстого и Стрехова

В литературоведении уже немало написано о дружеских и творческих взаимоотношениях Л. Н. Толстого и Н. Н. Стрехова. Учеными достаточно подробно проанализирована переписка писателя и критика, размышления Стрехова о героях произведений Толстого. Многие открытия Стрехова справедливо оценены с учетом достижений современного литературоведения и переосмыслены как очень точные и верные характеристики творчества Толстого. Особенного внимания заслуживают работы философов, раскрывающие глубинные основы взглядов Стрехова, в том числе ключевые позиции его статей о литературных произведениях. Так, к примеру, с философской позиции осмысливается историзм Толстого, оцененный критиком. П. А. Ольхов, рассуждая об оценке Стреховым толстовской эпопеи, пишет: «Н. Н. Стрехов ведет речь о некотором максимуме историчности, которым отличаются познавательные предпосылки толстовского исторического письма» [Ольхов, 2010, с. 186]. На фоне возросшего интереса к наследию Стрехова актуальным видится нам обращение к проблемам оценки критиком жанрового своеобразия произведений Толстого.

Ученые немало говорят о своеобразной конгенитальности писателя и критика. И дело не только в том, что с начала 1870-х гг. они были близкими друзьями и живо интересовались творчеством и открытиями друг друга, не только в том, что Толстой и Стрехов были ровесниками и очень схоже оценивали многие современные им явления и события, не только в особой широте и объективности мыслей Стрехова, соответствовавших эпическому таланту Толстого, но и в идейной близости произведений Толстого Стрехову. Часто именно со Стреховым Толстой делился своими самыми сокровенными мыслями и планами. В марте 1873 г. писатель сообщает критику о замысле возможного будущего произведения: «Расскажу теперь про себя, но, пожалуйста, под великим секретом, потому что, может быть, ничего не выйдет из того, что я имею сказать вам. <...> Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно...».

В. В. Тихомиров отмечает: «Ранее творчество

Л. Толстого рассматривается Стреховым в категориях традиционной эстетики. Анализ художественного мастерства писателя сопровождается указанием на особую эстетическую функцию нравственных ценностей, близких и дорогих его героям» [Тихомиров, 2000, с. 17]. Нельзя не учитывать влияния выводов и обобщений критика, сделанных им в пору работы над статьями о «Войне и мире», которые по-своему направляли писателя. Стрехов был убежден, что нравственный идеал Толстого гармонично воплощен в создаваемом художественном мире, однако этот идеал у Стрехова всегда был связан с религиозным сознанием. Для художественного и нравственного поиска Толстого выводы Стрехова, скорее всего, были чрезвычайно значимы. «Поэтому, вместо понятия добра – понятия относительного – я прошу поставить понятие красоты. Все религии, имеющие задачу определить сущность жизни, имеют своей основой красоту – греки – плотскую, христиане – духовную», – отмечает Толстой в письме Стрехову от 11 мая 1873 г. Как справедливо отмечают литературоведы, диалог со Стреховым направлял Толстого и его поиски, но все решительные новаторские открытия были сделаны самим писателем: «Стрехов был человеком его круга и уровня образования, с ним можно было обсуждать сложные философские проблемы и научные гипотезы, но как человек сомневающийся, не верящий в свои силы, он шел за Толстым» [Городилова, 2020, с. 145].

Переписка Толстого и Стрехова 1870-х гг., особенно активная в период работы писателя над «Анной Карениной», открывает сложные взаимовлияния корреспондентов. Не случайно исследователи называют ее «интеллектуально-психологическим эпистолярным романом» [Николаева; Николаева, Щербинина]. Вероятнее всего, Толстой хорошо чувствовал в эстетической критике Стрехова, посвященной «Войне и миру», те религиозные основы, о которых Стрехов писал осторожно и сдержанно. Многие моменты в «Анне Карениной» продуманы Толстым с учетом рассуждений критика, в частности, образ художника Михайлова: «С образом художника Михайлова связано авторское понимание глубоко символической, божественной основы искусства. Л. Толстым, по сути, ставится проблема взаимосвязи художественно-эстетического и философско-религиозного сознания. Искусство, Слово рождаются в душе создателя из глубины Бытия и осуществляются не как придуманное, принесённое

извне, но как причастное „непостижимому”, проникнутое „невыразимым” бытийным смыслом» [Панова, 2009, с. 43].

В. А. Туниманов замечает, что «Толстой обладал ключами и к внутренней жизни Страхова, который постоянно и эмоционально исповедовался перед ним...» [Туниманов, 2013, с. 276]. Но и Страхов, по всей видимости, очень проникновенно угадывал собеседника, он фактически впервые по отношению к Толстому и достаточно смело на фоне существовавшей в то время полемики заговорил о религиозных основах его искусства. Мировоззренческий поиск писателя и критика шел во многом параллельно. Интересно, что в письмах Толстой не раз говорит о своем особом доверии Страхову. «Вам я верю вполне», – пишет Толстой, разрешая критику редактуру «Войны и мира» Толстой. «Нынче я говорил жене, что одно из счастлих, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Н. Н. Страхов».

Миссия художника в представлении Страхова

С. М. Климова отмечает, что в диалог писателя и критика стал «открытием целостности как универсального метода новой философии, открытием толстовской формулы творчества (опять-таки по оценке Страхова), понимаемой предельно широко, и как жизнь, и как органическое (экзистенциально-религиозное) в ней бытование» [Климова, 2011, с. 50]. Это широкое понимание творчества и миссии художника, несомненно, требовало от писателя обобщений, возможных только в эпосе. Диалог со Страховым делал для Толстого особенно ценным его постоянное стремление к всеохватности. В апреле 1879 г. Толстой отмечает: «...Все хочу сделать то, что не велит Прудков – обнять необъятное». Без сомнения, Толстой говорит здесь о романе из времени Петра I. Ранее, в марте 1879 г., он сообщал Страхову, что ездил в Москву «за дровами для своей печи» – писатель был в Московском архиве министерства юстиции, где знакомился с материалами дел XVIII в.

Указанное писателем стремление «обнять необъятное» было, вероятно, связано с возвращением к исторической эпопее, над которой он работал еще до «Анны Карениной» в 1872–1873 гг. с попыткой устранения всех отвлекающих моментов разворачивающейся и продолжающейся жизни и подчинения своего художественного мира объективным историческим смыслом. «Необъятное» – это вся русская жизнь, которую невозможно было объективно передать в какой-то определенной части, в образе преимущественно большого света, московского и петербургского общества,

а также нескольких помещичьих имений (как в «Анне Карениной»), необходим был объективный взгляд на окружающее, а самое главное – полно и целостно переданная позиция народа. А. В. Гулин отмечает, что «народная тема присутствует в незавершенном романе постоянно» [Гулин, с. 109], отмечает найденные Толстым в романе из времени Петра I «чрезвычайные художественные решения», отступавшие от привычной поэтики Толстого, и «превосходящие объективные картины народной жизни в „Казаках”» [Гулин, с. 113]. В 1870-е гг. Страхов во многом именно за Толстым приходит к проблеме национальной идентичности [Мухина, 2015, с. 106].

В поздних статьях о Толстом Страхов уже со всей прямотой и смелостью будет писать о нем как о христианском писателе, применяя эту характеристику в том числе и к более ранним произведениям Толстого. Так, в статье «Толки о Л. Н. Толстом» Страхов отметит: «Все дело в том, чтобы найти правильную точку зрения на Толстого, отыскать тот центр, которым управляются его мысли и действия, из которого поэтому хорошо видны их связь и порядок. Этот центр, эта исходная точка всех его стремлений есть не что иное, как евангельское учение» [Страхов, 1891]. А оценивая статью М. де Воюэ в работе «Французская литература об Л. Н. Толстом» Страхов еще раз подчеркнет глубинное чувство лучших героев Толстого, с которым и писатель, и критик связывали преобразование русского общества: «В русском художнике, выведшем на сцену Каратаева, очевидно, сказалось христианское чувство, проникающее собою весь русский народ, бессознательно живущее и в тех классах, которые пытаются идти по другим путям. Симпатия, которою Л. Н. Толстой окружил Каратаева, и значение, которое дал ему в своей эпопее, ясно доказывают, что поворот художника к религиозным мыслям, обнаружившийся в последнее время, не был внезапною вспышкой, не совершился случайно, под каким-нибудь внешним воздействием, а есть только настроение, которое жило в нем всегда и все яснее и яснее раскрывалось в его произведениях» [Страхов, 1885]. Н. В. Снетова считает, что критик, всегда несколько скромно и аккуратно высказывавшийся о религии, в указанной статье впервые и единственный раз так ярко говорит о религии как о возможном нравственном фундаменте [Снетова, 2015, с. 48].

Однако эта правильная точка зрения, с которой, несомненно, и должны быть оцениваемы произведения писателя, всю жизнь ставившего превыше всего любовь к людям и духовное преображение

личности, выбрана Страховым уже в первых его работах о Толстом. Именно она позволила критику проникательно уловить многие открытия писателя, к которым он постепенно шел в первый, ранний период творчества, и которые полно выразились в романе-эпопее «Война и мир». В статьях о «Войне и мире» критик прямо не говорит еще о православных основах художественного творчества Толстого. Скорее всего, осторожность его формулировок была связана с особенностями общественно-политической ситуации в России в 1860-е гг. «В той исторической обстановке, когда в образованных кругах России господствовали позитивистские и, по широко распространенному словоупотреблению, нигилистические взгляды, само определение религиозных идей было бы открытым вызовом либералам и прогрессистам, представлялось обскурантским, глубоко провинциальным проявлением консерватизма», – отмечает В. В. Тихомиров [Тихомиров, с. 20].

Тем не менее, именно прекрасно уловленная Страховым в произведениях Толстого уникальная пропорция в представлении действительности и идеала, Божественного промысла, который явлен в жизни не в виде чудес, а в виде трудно и долго прозреваемых людьми совпадений, и помогла критику сделать верные заключения об эпичности таланта Толстого, показать его решительное возвышение над традиционным романским конфликтом, вычленив те формы русской жизни, благодаря которым Толстой вслед за Пушкиным смог обозреть все русское общество и целостно и полно осветить проблему национальной идентичности.

Л. Р. Авдеева справедливо подчеркивает, что «пафос героизма самопреодоления и самопожертвования, восхищения свободной личностью, возобладавшие в философии последней трети XIX в., несмотря на всю свою привлекательность, закрывали путь к адекватному пониманию идей и построений Страхова, который поистине «не был современником своего века» [Авдеева, с. 112]. В статьях о произведениях Толстого Страхов, кстати, неоднократно рассуждал о героизме, однако этот истинный героизм отличался у него от теоретического жертвенного героизма молодых демократов и революционеров 1860-х гг.

Особенности эпического дара Толстого в работах Страхова

В отличие от К. Н. Леонтьева, рассуждавшего о возрастающей объективности Толстого по мере его освобождения от якобы пагубного воздействия натуральной школы, Страхов в ряде статей о «Войне и мире» несколько раз подчеркивает

правдивость писателя, отсутствие фальши. Такие повторяющиеся замечания Страхова не случайны – они открывают не просто объективность писателя, но и примечательную особенность его эпического повествования – у Толстого жизнь не обобщается заранее, авторская позиция не скрадывает собой многогранности и сложности бытия. Страхов шаг за шагом приближается к осмыслению эпического характера художественных миров Толстого, под которым понимается не просто спокойная и неторопливая манера повествования писателя, а именно возрождение в новой литературе широты древних эпопей, возможное исключительно на основании воплощения в произведениях религиозного сознания.

Еще только приступая к оценке «Войны и мира», Страхов выделяет две сферы, где, по его мнению, жизнь выражается несомненно: «...у г-на Л. Н. Толстого, как и у других наших писателей, очень тонкое понимание простого народа. В простом народе есть так называемая непосредственная жизнь... Затем ... это явление исторической жизни народа, это великие события, в которых внутренняя сила вещей проявляется помимо людской воли» [Страхов, 1901].

И если в первой области Страхов, как мы видим, упомянул Толстого в ряду других художников, то в сфере исторической жизни за Толстым признается почти полное новаторство. Позднее Страхов упомянет о Пушкине и его «Капитанской дочке» как непосредственной основе для появления эпического масштаба произведений Толстого. Очень интересны в статьях критика эти смысловые скрепы: рассуждая о герое и произведении, о приеме или особенностях анализа Толстого, Страхов нередко возвращается к уже указанным объектам после обозначения найденного решения. Так, в представлении Страхова, все ранние произведения Толстого, начиная с первой трилогии, включая военные рассказы, Севастопольские рассказы, – это сфера длительного и подготовительного анализа, в результате которого Толстой все более приближался к эпической широте повествования и эпопейному масштабу. Немногие критики правильно уловили рост эпического таланта Толстого и увидели, что «мерилом и важнейшим показателем эпического начала в данном случае выступает особая национальная сплоченность, народное единство, создаваемое на основе противостояния врагу во время защиты своей земли» [Андреева, с. 238–239].

Рассуждая о героях первых повестей и рассказов Толстого, Страхов показывает их рано начинающийся разлад с понятиями, привитыми обще-

ством, выход из своего круга, поиски иного пути. Эта разлагающая аналитика, разумеется, еще не способствует эпическому отображению действительности, не случайно Страхов замечает: «Таков центр, точка зрения» [Страхов, 1901]. Помимо этого центра уже в ранних произведениях писателя даются выходы к особой эпической широте русской жизни: в образах простых людей из народа, а также в образах храбрых, героических личностей (тут Страхов вспоминает Козельцова и его рассуждения о войне).

Особого внимания заслуживает у Страхова размышление об отдельных героях и собирательном образе героического русского народа. На примере персонажей из «Войны и мира» критик демонстрирует, что писателем ценится лишь то настоящее геройство, которое соединяет интересы личности и народа, государства в самые напряженные моменты: «Князь Андрей и его отец в сфере общих интересов суть настоящие герои. Когда князь Андрей уезжает из Брюнны в армию, находящуюся в опасности, насмешливый Вилибин два раза, без всякой насмешки, дает ему титул героя. <...> Старик Болконский не уступает своему сыну. <...> Вспомните потом, что все интересы России становятся для этого старика как будто его собственными, личными интересами, составляют главную часть его жизни. Он жадно следит за делами из своих Лысых Гор» [Страхов, 1901].

Страхов подчеркивает, что упоминая о примерах древних эпоев и идее героической жизни, Толстой представляет их «в настоящем смысле», а не на основах, завещанных древностью: «Он хочет, чтобы мы отвыкли от этих ложных представлений, и для этого дает нам истинные представления» [Страхов, 1901]. Под этими *истинными представлениями* и стоит разуть ту религиозную основу, которая в статьях о «Войне и мире» только пунктиром намечалась критиком, которая в православной России одна только и могла способствовать переходу от официально-государственного мировоззрения к народному в самые важные и значимые моменты русской жизни: «Эпоейное мирозерцание есть мышление о бытии в самом крупном плане по самому большому счету и через самые коренные ценности» [Гачев, с. 82].

Между тем, эти же незыблемые основы, вероятнее всего, имеет в виду критик, когда говорит об отсутствии у своих современников исторической памяти, когда рассуждает об общем ходе умственного прогресса: «...сегодня мы забываем то, что сделано вчера, и каждую минуту чувствуем себя так, как будто за нами нет никакого прошед-

шего, – каждую минуту готовы начинать все с нуля» [Страхов, 1901]. С этой раздробленностью сознания большинства своих современников во многом и связывал Страхов их «относительную слепоту», не позволявшую увидеть целостность мира и связующие его основы.

По словам К. С. Аксакова, «глубокопроникающий и всевидящий эпический взор», «всеобъемлющее эпическое сознание» «допускает спокойное появление одного лица за другим, без внешней связи, тогда как один мир объемлет их, связуя их глубоко и неразрывно единством внутренним» [Аксаков, с. 143–144]. И Страхов максимально близко подошел к объяснению эпической сущности романа-эпопеи «Война и мир» с сочетанием военных и мирных глав, сцен сражений и обычных, каждодневных, но захватывающих семейных событий.

«Заметим мимоходом, что „Война и мир“ вовсе не есть исторический роман, то есть вовсе не имеет в виду делать из исторических лиц романтических героев и, рассказывая их похождения, соединять в себе интерес романа и истории», – пишет Страхов [Страхов, 1901]. От достаточно прозрачных рассуждений об историзме критик переходит к гораздо более важным размышлениям об особом пути русской литературы.

Народная и семейная темы у Толстого

Размышления о жанре «Войны и мира», особенностях художественного мира произведения, Страхов раскрывает через сопоставление его с «Капитанской дочкой» А. С. Пушкина, подчеркивая и особую роль «преданья русского семейства» в нашей литературе. Критик подводит мысль к переходу от частного к общему, к появлению жанра, в котором интересы личности логично перерастают в интересы рода. «Мы нашли наконец тот *род* словесных произведений, к которому следует отнести „Войну и мир“. Это не роман вообще, не исторический роман, даже не историческая хроника; это – *хроника семейная*. Этот своеобразный род, которого нет в других словесностях, и идея которого долго тревожила Пушкина и, наконец, была осуществлена им...» [Страхов, 1901]. Критик еще не раз будет подчеркивать, что «Война и мир» – это не просто роман.

Страхов отмечает особую близость произведения Толстого к жизни, где элемент обобщения, вымысла, авторской субъективности минимален. «...это – *хроника*, т. е. простой, бесхитростный рассказ, без всяких завязок и запутанных приключений, без наружного единства и связи. Эта форма, очевидно, проще, чем роман, – ближе к дей-

ствительности, к правде: она хочет, чтобы ее принимали за быль, а не за простую возможность» [Страхов, 1901]. В последующих абзацах Страхов еще несколько раз оговорится об исчезновении романического в простоте пушкинского и толстовского художественных миров. Критик подходит к мысли об особой роли семейной темы в русской литературе XIX в., напрямую связанной с идеей прогресса. Нельзя не учитывать, что семейная тема оказалась одной из ключевых, связанных в русской литературе с рассуждениями о новом герое, пути России и т. п. Примечательно, что в новейшем труде по истории русской литературы издательства Оксфордского университета семейные сюжеты и конфликты поколений рассматриваются в контексте художественного разрешения вопроса национальной идентичности [Kahn, Lipovetsky et al, 2018, p. 504–505].

Собственно Страхов находит две основы русского эпического искусства, которые в нашей словесности изначально были глубоко проникнуты православным видением. Это соотнесение личного интереса с общественным в соборном единстве, а также идея прорастания личности в свой род. «Позволим себе сделать еще одно сближение. В „Капитанской дочке“, как и в „Воине и мире“, изображено столкновение частной жизни с государственной. Оба художника, очевидно, чувствовали желание подсмотреть и показать то отношение, в котором русский человек находится к своей государственной жизни. Не вправе ли мы отсюда заключить, что к числу существеннейших элементов нашей жизни принадлежит двоякая связь: связь с семейством и связь с государством?» [Страхов, 1901].

Не случайно критик примеряет на «Капитанскую дочку» наряд европейского романа и отмечает полное несоответствие его своеобразию русской жизни: «Нельзя не подивиться гениальности Пушкина, обнаружившейся в этом случае. „Капитанская дочка“ имеет все внешние формы романов Вальтера Скотта, эпиграфы, разделение на главы и т. п. (Так, внешняя форма „Истории Государства Российского“ взята у Юма.) Но, вздумавши подражать, Пушкин написал произведение в высшей степени оригинальное» [Страхов, 1901].

Критик не раз останавливается на мысли о том, что все творчество Толстого до «Воины и мира» было подготовкой к новому реалистическому искусству. Страхов проникательно приближается к понятию пушкинской меры и гармонии, присутствующей в эпосе Толстого при изображении семейной жизни. Он показывает, как в «Воине и мире» приобретает умеренные масштабы покло-

нение светскому, а при этом и развенчание идеала *comme il faut*. «Итак, несмотря на то, что одно семейство – графское, а другое – княжеское, „Воина и мир“ не имеет и тени великосветского характера. „Великосветскость“ некогда очень соблазняла нашу литературу и породила в ней целый ряд фальшивых произведений» [Страхов, 1901]. Критик считает, что Толстой закономерно перерастает реалиста-обличителя и реалиста-фотографа, вслед за Пушкиным становясь на высшую ступень и преобразая реализм.

Семейная тема, по мнению Страхова, дает художнику верный и последовательный выход к жизненной широте, позволяет сблизить будничную действительность и идеал. «Но, как только Пушкин стал изображать простую русскую жизнь, например, в „Капитанской дочке“, семья тотчас взяла все свои права. Гринева и Миронова являются на сцену, как два семейства, как люди, живущие в тесных семейных отношениях. Но нигде с такою яркостью и силою не выступала русская семейная жизнь, как в „Воине и мире“» [Страхов, 1901].

Сопоставляя в данном случае творчество Пушкина и Толстого, Страхов через семейную тему, поданную обоими писателями в традициях православных ценностей, выходит к народности русской литературы, к проблеме соотнесения человека и мира. Страхов показывает, что отходя от высокого индивидуального героизма: «Таким образом, весь его рассказ получает не героический, а человеческий характер, это не история подвигов и великих событий, а история людей, которые в них участвовали» [Страхов, 1901], Толстой возвращается к героизму на уровне объединения воли и стремлений отдельных людей. «Русский народ, не осознавая до конца этих особенностей своего характера, явил миру новую форму героической жизни – мощь и величие скромности, смирения и доброты. Он почитает от века не страсть или силу, а святость – и этой идеей живет и процветает...», – отмечает Л. Р. Авдеева [Авдеева, 1992, с. 121].

Сам Страхов в статьях о Толстом обозначает основы своего обращения к творчеству Пушкина и к центральным мыслям А. А. Григорьева. Заключаются они, конечно, в постепенном движении русской литературы к народной теме, но не в смысле досконального отображения всех мелочей народного бытия, а в смысле выявления содержания национальной жизни. Страхов следовал за Григорьевым в утверждении выхода лучшей ветви русской литературы к эпической широте. В творчестве Толстого эта широта отразилась максимально полно, в произведениях второстепенных

литераторов – не совсем, а в шедеврах Лермонтова, к примеру, просто не успела реализоваться во всей полноте: «Статьи А. А. Григорьева в противовес часто присваиваемой Лермонтову байронической концепции „мировой скорби“, разочарования и протеста героя, который в своей гордыне противопоставляет себя миру, бросая ему вызов, выдвинули своеобразную „почвенную“ мотивацию творчества поэта, вектор которой направлен к безбрежности народного бытия, к ценностям, которые обладали непреходящим значением» [Филипповский, 2016, с. 57]. Ссылаясь на идеи В. М. Марковича, Г. Ю. Филипповский замечает, что во второй половине XIX в. восторжествовала гипотеза о повороте Лермонтова к народности, «согласно которой поэт наверняка кончил бы тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой» [Филипповский, 2016, с. 57].

Толстой в «Войне и мире», как показывает Страхов, впервые приблизился к настоящим героическим ценностям русского народа, но проявляемым не только в моменты исторических сломов и катаклизмов. Критик показывает, что Толстой поднимается до масштабов неизменных ценностей благодаря описанию новых семей, с которыми у читателя ассоциируется путь России.

В завершении цикла статей о «Войне и мире» примечательны два момента. Во-первых, Страхов пишет об абсолютном новаторском характере шедевра Толстого на фоне славянской и европейской литературы. И тут, конечно, первостепенной является мысль критика о понимании человека, отличном от европейского, о том нездоровом представлении об успехе и прогрессе, которое быстро проникло и в Россию: «Но главное, конечно, не в том, что мы скажем Европе или что пошлем славянам; главное – в нас самих, в том благотворном влиянии, которое может иметь „Война и мир“ на духовное развитие нашего общества – этого большого общества, пораженного недугами, приводящими иногда в ужас и отчаяние людей, преданных своему народу» [Страхов, 1901]. Во-вторых, важен образ книги. Страхов намеренно в финале статьи не называет «Войну и мир» хроникой, семейной хроникой, тем более романом. Не оговариваясь о жанровом своеобразии «Войны и мира», Страхов несколько раз повторяет лексему «книга», которая в свете предшествующего образа болезни («невольно приходит в голову мысль, не поражены ли мы какою-нибудь неизлечимой болезнью») должна выступать силой духовно исцеляющей.

Как отмечают авторы «Истории русской литературы», «термин „книга“, который Толстой ис-

пользует в заглавии к тому, что можно назвать послесловием к роману, а также и в тексте, будучи слишком общим, почти бессодержательным, вместе с тем отсылает (с характерным для Толстого дерзновением) к Библии...» [Kahn, Lipovetsky et al, 2018, p. 499]. Таким образом, можно констатировать, что Страхов одним из первых критиков чутко уловил тесную взаимосвязь особенностей нового русского реализма, внимания русской литературы к личности и появлению особого жанра, для которого характерна глубинная эпическая доминанта и эпопейный масштаб, возможные, по мнению критика, только в новом религиозном реалистическом искусстве.

Библиографический список

1. Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Москва: МГУ, 1992. 198 с.
2. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. Москва: Современник, 1981. 383 с.
3. Андреева В. Г. Образ земли и его функции в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 236–251.
4. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Москва: Просвещение, 1968. 302 с.
5. Гордилова Н. И. Особенности эпического повествования в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: от автора к герою // *Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 3. С. 141–147.
6. Гулин А. В. Несбывшийся эпос (Л. Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // *Два века русской классики*. Т. 2. № 3. С. 86–117.
7. Климова С. М. Философско-эпистолярный диалог Льва Толстого и Николая Страхова // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2011. № 3. С. 48–62.
8. Мухина Г. А. Русские критики XIX века о русской идентичности // *Вестник Омского университета*. Серия: Исторические науки. 2015. № 2(6). С. 92–110.
9. Николаева Е. В. Переписка Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова // *Рема*. 2018. № 3. С. 15–38.
10. Николаева Е. В., А. А. Щербинина Жанровые формы эпистолярных диалогов Л. Н. Толстого с литераторами 1850–1870-х гг. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. № 12. С. 21–27.
11. Ольхов П. А. История как искусство: «Война и мир» Л. Н. Толстого в истолковании Н. Н. Страхова // *Дом Бурганова. Пространство культуры*. 2010. № 4. С. 181–192.
12. Панова О. Б. Евангельский текст русской культуры. Религиозная основа эпоса Л. Н. Толстого // *Язык и культура*. 2009. № 1(5). С. 39–53.
13. Снетова Н. В. Николай Страхов: концепция нравственного идеала // *Вестник русской христианской гуманитарной академии*. 2015. № 2. С. 45–57.
14. Страхов Н. Н. Сочинения гр. Л. Н. Толстого. В двух частях. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. Киев, 1901. URL: [24](http://tolstoy-

</div>
<div data-bbox=)

lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/strahov-sochineniya-tolstogo/sochineniya-tolstogo.htm

15. Страхов Н. Н. Толки о Толстом. (Психологический этюд) // Вопросы философии и психологии. Москва, 1891. Год II, кн. 9. С. 98–132. URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1891_tolki_o_tolstom.shtm

16. Страхов Н. Н. Французская статья о Л. Н. Толстом // Русь. 1885. № 2. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/strahov-francuzskaya-statya-ob-tolstom.htm>

17. Тихомиров В. В. Л. Н. Толстой и возрождение религиозного искусства (Н. Н. Страхов о Л. Н. Толстом) // Вестник Ивановского государственного университета. 2000. № 1. С. 17–27.

18. Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (Лабиринт сцеплений) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: Избранные статьи. Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2013. С. 248–316.

19. Филипповский Г. Ю. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: аспекты эпической типологии // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 55–60.

20. Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. New York: Oxford University Press, 2018. 960 p.

Reference List

1. Avdeeva L. R. Russkie mysliteli: Ap. A. Grigor'ev, N. Ja. Danilevskij, N. N. Strahov = Russian thinkers: Ap. A. Grigoriev, N. Y. Danilevsky, N. N. Strakhov. Moskva: MGU, 1992. 198 s.

2. Aksakov K. S., Aksakov I. S. Literaturnaja kritika = Literary criticism. Moskva: Sovremennik, 1981. 383 s.

3. Andreeva V. G. Obraz zemli i ego funkcii v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie» = The image of land and its functions in Leo Tolstoy's novel Resurrection // Studia Litterarum. 2020. T. 5. № 3. S. 236–251.

4. Gachev G. D. Soderzhatel'nost' hudozhestvennyh form = Richness of artistic forms. Moskva: Prosveshhenie, 1968. 302 s.

5. Gorodilova N. I. Osobennosti jepicheskogo povestvovaniya v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina»: ot avtora k geroju = Peculiarities of epic narrative in Leo Tolstoy's novel Anna Karenina: from author to hero // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 26. № 3. S. 141–147.

6. Gulin A. V. Nesbyvshijsja jepos (L. N. Tolstoj v rabote nad romanom iz vremeni Petra I) = Unrealised epic (L. N. Tolstoy's work on a novel from the time of Peter the Great) // Dva veka russkoj klassiki. T. 2. № 3. S. 86–117.

7. Klimova S. M. Filosofsko-jepistoljarnyj dialog L'va Tolstogo i Nikolaja Strahova = Philosophical and epistolary dialogue between Leo Tolstoy and Nikolai Strakhov // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2011. № 3. S. 48–62.

8. Muhina G. A. Russkie kritiki XIX veka o russkoj identichnosti = 19th-century Russian critics on Russian identity //

Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Istoricheskie nauki. 2015. № 2(6). S. 92–110.

9. Nikolaeva E. V. Perepiska L. N. Tolstogo i N. N. Strahova = Correspondence between Leo Tolstoy and N. N. Strakhov // Rema. 2018. № 3. S. 15–38.

10. Nikolaeva E. V., Shherbinina A. A. Zhanrovyje formy jepistoljarnyh dialogov L. N. Tolstogo s literatorami 1850–1870-h gg. = The genre forms of Leo Tolstoy's epistolary dialogues with writers of the 1850s – 1870s. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 12. S. 21–27.

11. Ol'hov P. A. Istorija kak iskusstvo: «Vojna i mir» L. N. Tolstogo v istolkovanii N. N. Strahova = History as the arts: Leo Tolstoy's War and Peace interpreted by N. N. Strakhov // Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. 2010. № 4. S. 181–192.

12. Panova O. B. Evangel'skij tekst russkoj kul'tury. Religioznaja osnova jeposa L. N. Tolstogo = The Gospel text of Russian culture. The religious basis for Leo Tolstoy's epic // Jazyk i kul'tura. 2009. № 1(5). S. 39–53.

13. Snetova N. V. Nikolaj Strahov: koncepcija npravstvennogo ideala = Nikolai Strakhov: the concept of the moral ideal // Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2015. № 2. S. 45–57.

14. Strahov N. N. Sochinenija gr. L. N. Tolstogo. V dvuh chastjah. Kriticheskie stat'i ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom = Works of Count Leo Tolstoy. In two parts. Critical articles on I. S. Turgenev and Leo Tolstoy. Kiev, 1901. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/strahov-sochineniya-tolstogo/sochineniya-tolstogo.htm>

15. Strahov N. N. Tolki o Tolstom. (Psihologicheskij jetjud) = Interpretation of Tolstoy. (Psychological sketch) // Voprosy filosofii i psihologii. Moskva, 1891. God II, kn. 9. S. 98–132. URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1891_tolki_o_tolstom.shtml

16. Strahov N. N. Francuzskaja stat'ja o L. N. Tolstom = French article on Leo Tolstoy // Rus'. 1885. № 2. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/strahov-francuzskaya-statya-ob-tolstom.htm>

17. Tihomirov V. V. L. N. Tolstoj i vozrozhdenie religioznogo iskusstva (N. N. Strahov o L. N. Tolstom) = Leo Tolstoy and the revival of religious art (N. N. Strakhov on Leo Tolstoy) // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2000. № 1. S. 17–27.

18. Tunimanov V. A. Dostoevskij, Strahov, Tolstoj (Labyrinth of connections) = Dostoyevsky, Strakhov, Tolstoy (Labyrinth of connections) // Tunimanov V. A. Labyrinth of connections: Izbrannye stat'i. Sankt-Peterburg: Pushkinskij dom, 2013. S. 248–316.

19. Filippovskij G. Ju. «Pesnja pro carja Ivana Vasil'evicha, molodogo oprichnika i udalogo kupca Kalashnikova»: aspekty jepicheskogo tipologii = «The Song of Tsar Ivan Vasilievich, the Young Oprichnik and the Merchant Kalashnikov»: aspects of epic typology // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 6. S. 55–60.

20. Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. New York: Oxford University Press, 2018. 960 p.

УДК 821.161.1

О. В. Богданова

<https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

С. М. Некрасов

<https://orcid.org/0000-0003-3606-1262>

**Мотив «сухой беды» и народная ментальность в поэме Н. А. Некрасова
«Кому на Руси жить хорошо»**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272
«Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова
в оценках отечественных мыслителей и исследователей»*

Для цитирования: Богданова О. В., Некрасов С. М. Мотив «сухой беды» и народная ментальность в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 26–33. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-26-33

Целью настоящей работы является попытка осмыслить хрестоматийный текст Н. А. Некрасова с новых, современных позиций и задуматься над вопросом: отвечает ли поэма – «эпос народной жизни» – эпической направленности, отмеченной критикой, и в какой мере в заключительной главе поэт приближается к решению вопроса, вынесенного в титульную позицию. Авторами работы сопоставляются «канонический» текст главы «Пир на весь мир» с черновыми заметками, вариантами, постраничными правками, что позволяет проследить, как менялась точка зрения Некрасова на события и характер центрального героя одного из важных эпизодов главы – Якова – и каким тенденциям следовал поэт в создании изображаемой ситуации. В работе показано, что традиционно воспринимаемая как вершинная сцена заключительной главы поэмы история Якова верного в художественной реальности поэмы противостоит традиционным канонам «крестьянского эпоса». В статье продемонстрировано, что в противовес устойчивой христианской (православной) традиции Некрасов изображает самоубийство героя как акт высокого отщепенства, благословленного Богом, тогда как подобное поведение не может быть признано органичным и приемлемым для ментальности русского народа. Проведенный в статье анализ демонстрирует окказиональный характер многих изображенных писателем обстоятельств, непоследовательность и алогизм разрабатываемых Некрасовым характеров и поведения героев, нарушение структурно-композиционной стройности поэмы. Суммарность тенденциозных факторов, сопровождающих текст поэмы, неустойчивость и вариативность авторских подходов позволяют авторам статьи обозначить и констатировать процесс снижения объективности и эпического потенциала произведения, предложить новые стратегии в осмыслении поэмы и определения ее места в ряду классических произведений русской литературы.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, «Пир на весь мир», мотив «сухой беды», народная ментальность, объективность, эпичность.

O. V. Bogdanova, S. M. Nekrasov

**The motif of «dry misfortune» and people's mentality in N. A. Nekrasov's poem
«Who is Happy in Russia?»**

The article seeks to interpret N. A. Nekrasov's text from a new, modern perspective and to consider whether the poem, an «epic of people's life», meets the criteria of an epic work noted by critics, and to what extent the poet answers the question from the title in the final chapter of his work. The authors compare the «canonical» text of the chapter «The Feast for the Whole World» with the draft notes, variants, and page-by-page corrections, which makes it possible to see how Nekrasov's point of view on the events and the main character, Yakov, changed in one of the important episodes, and what tendencies the poet followed in creating the situation depicted. The article shows that the story of Yakov the Faithful, traditionally perceived as the apex scene of the final chapter, contrasts with the conventional canons of the «peasant epic» in the artistic reality of the poem. The article demonstrates that, in contrast to the stable Christian (Orthodox) tradition, Nekrasov portrays the character's suicide as an act of high vengeance, blessed by God, whereas such behavior cannot be recognized as natural and acceptable to the Russian mentality. The analysis carried out in the article demonstrates the occasional nature of many of the circumstances depicted by the writer, the inconsistency and

alogism of Nekrasov's characters and their behavior, the violation of the structural and compositional order of the poem. A number of tendentious factors in the text of the poem, the instability and variability of the writer's approaches help the authors of the article identify and establish the process of reducing the objectivity and epic potential of the work, and propose new strategies for understanding the poem and finding its place among the classical works of Russian literature.

Keywords: N. A. Nekrasov, «Feast for the Whole World», motif of «dry misfortune», people's mentality, objectivity, epic.

Постановка проблемы и ее актуальность

Творчество Н. А. Некрасова получило обширное освещение в критике и литературоведении, породив сотни трудов некрасоведов – как отечественных, так и зарубежных, среди которых такие известные исследователи-классики, как Б. Я. Бухштаб [Бухштаб, 1989], В. Е. Евгеньев-Максимов [Евгеньева-Максимов, 1953], В. А. Кошелев [Кошелев, 1999; Кошелев, 1993], Б. В. Мельгунов [Мельгунов, 1989], Н. Н. Пайков [Пайков, 2000], Ф. Я. Прийма [Прийма, 1987], Н. Н. Скатов [Скатов, 1994; Скатов, 1986; Скатов, 1985], Н. Л. Степанов [Степанов, 1962], А. Ф. Тарасов [Тарасов, 1989], С. Gatto [Gatto, 1975] и др. Но сегодня, когда традиционное представление о творчестве и личности Н. А. Некрасова все чаще оказывается под прицелом критики, собственные позиции в некрасоведении начинают отстаивать и современные ученые, подходящие к поэзии классика с новых позиций, открывающие иные ракурсы в его лиро-эпическом наследии, – Р. Ю. Данилевский [Данилевский, 2006], М. С. Макеев [Макеев, 2017], С. Смирнов [Смирнов, 2009], А. Luisier [Luisier, 2005] и др. В этом плане поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877), как в целом, так и в своих частях, все чаще становится в современном литературоведении тем текстом, который актуализирует важные и спорные вопросы о характере эволюционирования и доминантных тенденциях русской литературы середины XIX века и непосредственно поэзии Некрасова. В частности и глава «Пир на весь мир» (1877) провоцирует к постановке сущностно конститутивных вопросов, среди которых особенно важны следующие: каковы фольклорные и литературные истоки истории о верном холопе Якове, в какой мере семантическое ядро главы отвечает особенностям русской ментальности, насколько прочно и органично связан эпизод самоубийства героя с этической (и, как следствие, эпической) традицией православного христианина-крестьянина.

Методологические направления исследования

Основными методами, используемыми в процессе предпринятого исследования, избраны историко-литературный, сравнительно-типологический, поэтологический и интертексту-

альный – в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет приоткрыть новые грани традиционно (и поэтому нередко односторонне) воспринимаемого текста Некрасова.

Исследовательская часть

Что касается «заключительной» (последней по времени создания) главы «Пир на весь мир», то, как известно, в ее основе лежит изображение сцены посиделок-гулянья мужиков-вахлаков, радующихся смерти помещика-последыша и надеющихся на передачу им «поемных земель», обещанных наследниками вельможного князя. Именно ситуация пира на весь мир и позволяет художнику ввести в текст поэмы узловые эпизоды-фрагменты, внести те важные концептуальные сцены, которые помогают (должны помочь) поэту ответить на главный (титульный) вопрос всего произведения.

Разыгранный в предшествующей «Пиру...» главе «Последыш» спектакль теперь мутирует в крестьянский «пир» вокруг ведра (ведер) водки («Пей, вахлачки, погуливай!») [Некрасов, 1982, с. 188]: «У каждого в груди / Играло чувство новое, / Как будто выносила их / Могучая волна / Со дна бездонной пропасти / На свет, где *нескончаемый* / Им уготован *пир*!» [Некрасов, 1982, с. 191].

Свободные вахлаки, рассчитывающие получить пойменные луга, словно бы претендуют на звание искомым счастливым, давно разыскиваемых странниками-крестьянами, однако повествователем этот мотив (уже) оставлен. В главе «Пир...» нарративный план главы трансформирован: вопросно-ответная форма изложения аннигилирована [см. об этом: Богданова, 2020]. Даже актуальный для вахлаков вопрос: «Как им с лугами быть?» [Некрасов, 1982, с. 189] – формулируется, но отступает на второй план, поскольку «Еще ведро поставили, / Галденье непрерывное / И песни начались» [Некрасов, 1982, с. 191].

Некрасов не мудрствует над проблемой выстраивания экспоненты главы, но жизнеподобно (для русского крестьянина) сопровождает процесс «пира» увеселительным пением. Потому в текст главы обильно вводятся песни: вначале в исполнении «молодцов» братьев-семинаристов Саввы и Григория звучит «Веселая», следом – вахлацкая «Бар-

щинная»).

Примечательно, что обе песни (вопреки названию «Веселая») актуализируют грустный смысл, повествуют о тяготах и нуждах крестьянина.

«Веселая»: «"Кушай тюрю, Яша! / Молочка-то нет!" – Где ж коровка наша? — / "Увели, мой свет! / Барин для приплоду / Взял ее домой". / Славно жить народу / На Руси святой!» [Некрасов, 1982, с. 192].

«Барщинная»: «Беден, нечесан Калинушка, / Нечем ему щеголять, / Только расписана спинушка, / Да за рубахой не знать» [Некрасов, 1982, с. 193].

Причем, на взгляд поэта, тяготы крестьянской жизни неистоимы, потому «Веселая» не завершается неким финальным куплетом-рефреном, но – неожиданным для поэмы сокращением «и т. д.» [Некрасов, 1982, с. 193], вероятно, должествующим свидетельствовать о бесконечности народных несчастий (или о незавершенности выписанной Некрасовым песни).

Любопытно (и парадоксально), что радость свободных героев-вахлаков сопровождается песнями грустными, «протяжными, печальными» [Некрасов, 1982, с. 193], чему лирический голос автора дает пояснение: «Иных покмест нет» [Некрасов, 1982, с. 193]: «Не диво ли? Широкая / Сторонка Русь крещеная, / Народу в ней тьма тем, / А ни в одной-то душеньке / Спокон веков до нашего / Не загорелась песенка / Веселая и ясная, / Как ведреной денек. / Не дивно ли? не страшно ли?» [Некрасов, 1982, с. 193].

Можно предположить, что «перепевческий» талант Некрасова [см. об этом подробнее: Богданова, 2020; Богданова, Некрасов, 2020] в данном случае питался рассказом И. С. Тургенева «Певцы» из «Записок охотника» (1846–1874).

Некогда в своих «Воспоминаниях» Н. А. Островская со слов Тургенева воспроизвела эпизод о том, как была написана некрасовская «Саша». Тургенев: «Когда я написал Рудина, я еще г-на Некрасова не узнал, и мы были с ним приятелями. Говорит он мне однажды: – "Послушай, ты не будешь в претензии? Мне хочется твоего Рудина заковать в стихи, чтобы он более врезывался в память!" – Я отвечаю: – "Ты знаешь, что я до твоих стихов не охотник, но в претензии не буду: пиши, что хочешь". – Он написал "Сашу" и, по своему обыкновению, обмелел тип» [Тургеневский сборник, 1915, с. 96].

Подобным образом и теперь в главе «Пир...» Некрасов отталкивается от тургеневского наблюдения (контурированного в «Певцах») и «обмеля-

ет» его. У Некрасова не соседствуют песни рядчика и Яшки-турка, они не репрезентируют разные грани и свойства национального характера, но в текст вносится генерализирующая для поэта социальная коннотация: сейчас песен «иных покмест нет», но вскоре: «О время, время новое! / Ты тоже в песне скажешься, / Но как?.. Душа народная, / Воссмейся ж наконец!...» [Некрасов, 1982, с. 193].

Социальная тенденция Некрасова усугубляется слабостью стиха (окаzionale *воссмейся* вместо традиционного *возрадуйся*), горестное содержание песен отвлекает от алогизма складывающейся ситуации: расположившиеся счастливо отпраздновать обретение пойменных лугов вахлаки странным образом радость подменяют грустью (хотя об обмане наследников они еще – фабульно, но не сюжетно – не знают).

Случайность доминирует в тексте главы-пира: песня не следует за песней, но перебивается вставками-сказами («чудными сказами» [Некрасов, 1982, с. 195]). И первым и важнейшим среди них оказывается рассказ «выездного» дворового человека Викентия Александровича «Про холопа примерного – Якова верного».

Напомним, что вслед за К. И. Чуковским [Чуковский, 2012] современные исследователи (например, В. А. Кошелев [Кошелев, 1999]) повторяют мысль о противопоставленности в тексте поэмы образов мужиков-тружеников (в данном случае вахлаков) и дворовых людей. Подтверждением тому (как будто бы) служит и текст поэмы: если «Веселая», по словам повествователя, певалась «попами и дворовыми», а «вахлак ее не пел» [Некрасов, 1982, с. 192], то «Барщинная» – собственно вахлацкая песня, т. е. крестьянская. Объяснить, почему попы и дворовые оказались в данном случае в неожиданном соседстве, не представляется возможным (можно только предположить: в результате ироничного отношения к ним крестьян), но в главе снова, в очередной раз, формируется и обнажается алогизм: в «Пире...» самую «яркую картину» доносит до крестьян-слушателей именно взрощенный на сорочьих яйцах («такая память знатная» [Некрасов, 1982, с. 196]) *дворовый человек* (причем вопреки традиции – народной и некрасовской – названный по имени и отчеству) Викентий Александрович.

Как принято считать, в основу рассказа дворового «Про холопа примерного – Якова верного» была положена история, услышанная Некрасовым от А. Ф. Кони (в свою очередь переданная Кони неким сторожем волостного правления Николаем Васильевичем) [Кони, 1968]. В воспоминаниях о

Некрасове А. Ф. Кони воспроизводит разговор с поэтом:

«На мой вопрос, отчего он <Некрасов> не продолжает „Кому на Руси жить хорошо”, он ответил мне, что по плану своего произведения дошел до того места, где хотел бы поместить наиболее яркие картины из времен крепостного права, но что ему нужен фактический материал, который собирать некогда и трудно, так как у нас даже недавним прошлым никто не интересуется» [Кони, 1968, с. 260–261].

Кони с готовностью передает поэту рассказ старого сторожа:

«...старик рассказал мне с большими подробностями историю <...> местного помещика, который зверски обращался со своими крепостными, находя усердного исполнителя своих велений в своем любимом кучере – человеке жестоком и беспощадном. У помещика, ведшего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач-кучер на руках вносил его в коляску и вынимал из нее. У сельского Малюты Скуратова был, однако, сын, на котором отец сосредоточил всю нежность и сострадание, не находимые им в себе для других. Этот сын задумал жениться и пришел с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что тот согласия не дал. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на своем посту, прощенный барин, который слишком нуждался в его непосредственных услугах. Вскоре затем барин поехал куда-то со своим Малютою Скуратовым на козлах. Почти от самого Панькина начинался глубокий и широкий овраг, поросший по краям и на дне густым лесом, между которым вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, в овраг, называвшийся Чертово Городище, внезапно свернул кучер, не обративший никакого внимания на возражения и окрики сидевшего в коляске барина. Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глухом месте оврага, молча, с угрюмым видом, – как рассказывал в первые минуты после пережитого барин, – отпряг их и отогнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почуввав неминуемую расправу, барин в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. „Нет, – отвечал ему кучер, – не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришел-

ся, так тяжело с тобой жить стало, что вот я, старый человек, через тебя душу свою погублю... И возле самой коляски на глазах у беспомощного и бесплодно кричащего в ужасе барина он влез на дерево и повесился на вожжах.

Выслушав мой рассказ, Некрасов задумался <...> и когда мы расставались, сказал мне: „Я этим рассказом воспользуюсь”, – а через год прислал мне корректурный лист, на котором было набрано: „О Якове верном – холопе примерном”, прося сообщить, „так ли?”. Я ответил ему, что некоторые маленькие варианты нисколько не изменяют существа дела, и через месяц получил от него отдельный оттиск той части „Кому на Руси жить хорошо”, в которой изображена эта пронская история в потрясающих стихах» [Кони, 1968, с. 263–264].

Нельзя не поверить рассказу Кони, однако можно напомнить и то обстоятельство, что еще в 1840-х годах в «Отечественных записках» публиковался цикл рассказов В. И. Даля «Картины русского быта» и один из рассказов – «Сухая беда» – весьма близок повествованию о Якове [Даль, 1983]. (Однако об этом ниже).

Если же все-таки отталкиваться от первоисточника «по Кони» и сопоставить рассказ сторожа и историю Некрасова, то обращают на себя внимание некоторые важные обстоятельства: зависимость от чужого рассказа («воспользуюсь...») и собственно некрасовская поэтическая тенденциозность.

Если о помещике Кони известно только то, что он вел «весьма разгульную жизнь» и «зверски обращался со своими крепостными», то у Некрасова его образ обрастает поэтически жизнеподобными и художественно достоверными деталями и обретает собственно биографические черты («маленькие варианты», по Кони): «Был господин невысокого рода, / Он деревнишку на взятки купил, / Жил в ней безвыездно тридцать три года, / Вольничал, бражничал, горькую пил, / Жадный, скупой, не дружил с дворянами, / Только к сестрице ездил на чаек; / Даже с родными, не только с крестьянами, / Был господин Поливанов жесток [Некрасов, 1982, с. 196].

Герой Некрасова – помещик средней руки, обретает фамилию Поливанов (*греч.* «многохвальный» [Суперанская, 2005, с. 151]). Он жестокий крепостник, суровый не только с крестьянами, но и с родными, даже с собственной дочерью: «Дочь повенчав, муженька благоверного / Высек – обоих прогнал нагишом» [Некрасов, 1982, с. 196].

В герое проступают черты гоголевского Плюшкина. Он скуп и жаден. Не дружит с соседями.

Пьяница – «бражничал», «горькую пил». Взятчик – на взятки «деревнишку» купил.

Примечательно, что герой-помещик жил в своей деревеньке «безвыездно тридцать три года» и к старости обезножил: «Стали у барина ножки хиреть, / Ездил лечиться, да ноги не ожили...» [Некрасов, 1982, с. 196].

Некрасов, ориентированный на устное народное поэтическое творчество и знакомый с фольклорными формулами, упускает из виду (!?), что обезноженным героем, тридцать три года пролежавшим на печи, в русском сознании неизменно предстает Илья Муромец. «Балладный» сюжет неожиданно переключается на «былинный» [см. об этом: Яшина, 2016], невольно возникает образ древнерусского богатыря-воина.

Однако «совпадение» у Некрасова скорее всего случайное, семантической значимости в себе не несет, если только не предположить, что Некрасов выступал с опровержением и отторжением формулы славянофилов середины XIX века, убежденно проводящих параллель между героем-богатырем Ильей Муромцем и русским (пассивным, «спящим» до поры) народом. Об этом, например, писал К. С. Аксаков: «Как он спокоен, как медлит он идти на бой, как долготерпелив, и только в крайнем случае, когда лопнуло наконец его терпение и вооружается он всею грозною своею силой, – как он непобедимо могуч и велик. В этом образе любимого русского богатыря как не узнать образа самого русского народа» [Аксаков, 1995, с. 271].

Между тем напомним, что «славянофильская» интенция образа Ильи Муромца присутствует в тексте поэмы Некрасова: как в окончательном его варианте, так и черновиках. Например: «Народ с Ил<ьею> Мур<омцем> / Сравнил почтенный муж» [Некрасов, 1982, с. 520]. То есть об этом сравнении Некрасов определенно помнит. И на этом фоне особенно странными в портретировании помещика Поливанова выглядят детали «тридцать три года» и «обезноживание». Они уведут повествование в сторону, заставляя задаваться вопросами, почему и с какой целью злодей помещик Поливанов «сопоставляется» Некрасовым с Ильей Муромцем. И сопоставляется ли (?).

Но как бы то ни было, безымянный кучер-силач из рассказа сторожа – иронично названный А. Ф. Кони «Малюта Скуратов» – у Некрасова получает имя Яков. Значение имени – буквально «следующий по пятам» (*ивр.*) [Суперанская, 2005, с. 247] – не противоречит роли литературного персонажа, во всем следующего за своим барином и потакающего его прихотям: «Яков при барине:

другом и братом / Верного Якова барин зовет. / Зиму и лето вдвоем коротали, / В карточки больше играли они, / Скуку рассеять к сестрице езжали / Верст за двенадцать в хорошие дни. / Вынесет сам его Яков, уложит, / Сам на долгуше свезет до сестры, / Сам до старушки добратся поможет. / Так они жили ладком...» [Некрасов, 1982, с. 197].

Примечательно, что безымянный *сын* кучера у Некрасова перевоплощается в *племянника* Якова – по имени Григорий (Гриша), и даже невеста Гриши обретает имя – Аринушка. Посредством антропонима Некрасов (словно бы) персонализирует безымянные (почти внесценические) типы, тем самым придавая их образам коннотации жизненности, реальности, достоверности, превращая (намереваясь превратить) околофольклорный тип в литературную индивидуальность.

Но несмотря на это в психологическом плане пересказ-переложение Некрасова проигрывает незатейливой истории сторожа. Если в первообразном рассказе решение кучера повеситься на глазах жестокого барина сопровождается спокойствием персонажа и его эмоциональным равновесием (достигнутым равнодушием), проявляющимся в характере поведения, становясь знаком окончательной и неколебимой решимости обиженного отомстить обидчику, то «неустойчивого» героя Некрасова «мутит» нечистый: «Вожжи у Якова дрожмя дрожат, / Крестится: „Чур меня, сила нечистая!“ / Шепчет: „Рассыпья!“ (мутил его враг)...» [Некрасов, 1982, с. 198].

Некрасов вырисовывает образ героя смущенного, растерянного, не уверенного в принятом решении («Мечется Яков на козлах» [Некрасов, 1982, с. 535]), его одолевают сомнения и нерешительность («Чур, меня...»).

Последний диалог, который звучит в рассказе Кони, проще и богаче в подтексте, трагичнее, чем у Некрасова. Герой истории сторожа спокоен, немногословен, тих: «Нет, – отвечал ему кучер, – не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу...» Тогда как герой Некрасова зол и груб, почти истеричен, он бледен и дрожит: «Верного Яшу, *дрожащего, бледного*, / Начал помещик тогда умолять. / Выслушал Яков посулы – и *грубо*, / *Зло засмеялся*: “Нашел душегуба! / Стану я руки убийством марать, / Нет, не тебе умирать!”» [Некрасов, 1982, с. 198].

Весь синтаксический строй некрасовского повествования наполнен резкими рубленными фразами, повторными отрицаниями, сопровождается восклицательными интонациями. Смех героя (в противоположность тихой речи героя из рассказа

сторожа) привносит в сцену некое бесовское начало. Речевой оборот «руки убийством марасть» звучит много грубее и прямолинейнее, чем в мужицком рассказе – «через тебя душу свою погублю...» Смерть героя поэмы, несомненно, вызывает сочувствие, но злость, грубость, смех, сопровождающие эпизод самоубийства, упрощают и примитивизируют его, снижают трагический накал ситуации.

Отступление от фольклорных маркеров дополняет процесс опрошения сцены: трущоба, в которую сворачивает Яков, – *направо* («Направо трущоба лесистая...»), тогда как народное мировосприятие должно было продиктовать свернуть *налево* (тем более что и овраг, куда направляется Яков, зовется Чертовым). По Чертову оврагу, которым едет Яков и где «собирается сила нечистая» [Некрасов, 1982, с. 535], как ни парадоксально, «бегут <...> *веишние* воды» [Некрасов, 1982, с. 198], чей обновляюще-весенний образ размывает (растущевывает) ноты тревоги и напряженного трагизма локуса. Или вариант в черновиках: «Ключ *говорливо* бежит по оврагу...» [Некрасов, 1982, с. 535]. Отвлекающе чужеродным выглядит и сравнение горящих волчьих глаз «с чугушкой» («Словно чугушка подходит – горят / Чьи-то два круглые, яркие ока...» [Некрасов, 1982, с. 199]).

Однако наиболее сомнителен (спорен) сам акт повешения Якова на глазах обидчика-помещика Поливанова. Способ отмщения, к которому прибегает герой Некрасова, с одной стороны, известен народным представлениям, но с другой – не характерен для русского народа, он распространен преимущественно среди восточных народностей и языческих верований (чуваша, удмурты, мордва и др.). Повеситься на глазах обидчика в сознании этих народов означает призвать на того неминуемое несчастье – такая месть называется «сухой бедой». «„Тащить сухую беду“ – это значит, что назло своему заклятому врагу нужно повеситься у него во владении, чтобы заставить его мучиться всю жизнь» [Телешов, 1983, с. 112].

Как уже было замечено выше, рассказ под таким названием – «Сухая беда» – был написан В. И. Далем еще в 1848 году и впервые был опубликован в некрасовских «Отечественных записках» (1848. Т. 56. № 2). Не помнить этого рассказа Некрасов не мог (тем более что в 1861 году рассказ вошел в собрание сочинений В. И. Даля). Однако у Даля повествование ведется о «чувашской деревне», где рассказчику-свидетелю «приходилось ночевать» и слышать рассказ о традиции «сухой беды». Некрасов же для «яркости картины» ино(на)родный обычай «русифицирует»: его герой-

самоубийца (в отличие от чувашей или мордвы) сознает *греховность* своего поступка (речь заходит о гибели души), одновременно и обидчик у Некрасова достигает уровня осознания собственной вины («Грешен я, грешен! <...>» – не перестает повторять барин, наутро найденный в лесу охотником [Некрасов, 1982, с. 199]).

В результате в поэме вновь формируется семантическая антитеза: грех самоубийства, осененный крестом («крестится», «перекрестился» [Некрасов, 1982, с. 198]), признается допустимым и (почти) благословленным («Будешь помнить <...> до судного дня»; «Экие страсти Господни...» [Некрасов, 1982, с. 199]). Другими словами – Некрасов пересекает границы языческой традиции, но и не замыкается в пределах традиции христианской, они у него смыкаются и диффундируют. Впрочем, надо признать, что для русской ментальности спаянность христианской и языческой традиций не нова.

Не менее бросок и еще один смысловой сдвиг. Если, по словам повествователя, «Люди холопского звания – / Сущие псы иногда: / Чем тяжелей наказания, / Тем им милей господа...» [Некрасов, 1982, с. 196], и высказанное суждение напрямую соотносится с личностью холопа Якова: «Яков таким объявился из младости, / Только и было у Якова радости: / Барина холить, беречь, ублажать...» [Некрасов, 1982, с. 196], то в противовес приведенному суждению (в противовес собственным наблюдениям Некрасова) верного слугу «не умилили» обиды барина, а вызвали ненависть и желание отмщения племянника, мщения за племянника.

Между тем предпринятый мотив-трансформация – превращение «кучерского» сына в «холопского» племянника – в известной мере ослабляет драматическую интригу: «бессемейность» Якова как будто бы усиливает (драматизирует) мотив преданности и верности примерного слуги господину, но заступничество не за сына, а за племянника ослабляет нарративную убедительность. Посредством «маленького варианта», предпринятого Некрасовым, драматизм семейной связи (отец – сын) снижается и облегчается (дядя – племянник): в «народной книге» пара «отец – сын» была бы более убедительна и семантически значима, более традиционна. Причем трансформация осуществлена явно в слабую сторону и не располагает некой серьезной «отеческой» мотивацией.

Еще более примечательно, что героем «чудесного сказа» становится холоп (те самые «люди холопского звания»), который противопоставлен вахлаку-крестьянину, по Некрасову, носителю

подлинно народной точки зрения, психологии и морали. Слушатели-вахлаки по окончании истории жалеют холопа: «Жаль Якова...» [Некрасов, 1982, с. 199], то есть намеченное (и акцентированное в тексте) противопоставление крестьянина-труженика дворовому человеку (актуализированное даже на уровне песен) растушевывается, ослабляется, сдвигается в позицию нерелевантности. Один понятийный вектор гасится другим (автор словно бы сам себе противоречит).

Выводы и перспективы исследования

Таким образом, можно подвести некоторые итоги и утверждать, что с «чужого голоса» написанная история «Про холопа примерного – Якова верного» при ближайшем рассмотрении оказывается полна противоречий, несостыковок, алогизмов. Столь существенная как для Некрасова, так и для всей его поэмы история верного холопа Якова (при всем трагизме воспроизводимой ситуации) в итоге, как видно, сильно «пострадала» от переделок Некрасова и оказалась в малой степени связанной с проблемой русского национального характера и его ментальности, с характером крестьянина-христианина, с ориентацией на русский фольклор и на его этико-эстетические (эпические) константы. Яркая сама по себе, история Якова выбивается из контекста всей поэмы, дискредитируя доминантные нарративные сентенции, деформируя суждения автора-создателя, проводимые в тексте поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (особенно в первой части) и констатирующие ее главные смысловые слагаемые. Усилие принципа объективизма при анализе главы «Пир на весь мир» поможет открыть новые исследовательские ракурсы в осмыслении всей поэмы Некрасова, точнее определить ее связь с отечественной традицией и, как следствие, ее действительное место в истории русской литературы. В канун юбилея писателя эта перспектива особенно актуальна.

Библиографический список

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. Москва : Искусство, 1995. 525 с.
2. Богданова О. В. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Вып. 109. Санкт-Петербург : Филологический фак-т СПбГУ, 2020. 60 с.
3. Богданова О. В., Некрасов С. М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Пир» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : ЯГПУ, 2020. № 1 (20). С. 19–27.
4. Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов: проблемы творчества : монография. Ленинград : Советский писатель, 1989. 349 с.
5. Даль В. И. Повести и рассказы / сост. Ю. М. Акутина и А. А. Ильина-Томича; примеч. А. А. Ильина-Томича. Москва : Советская Россия, 1983. 429 с.
6. Данилевский Р. Ю. «Между искусством, коммерцией и революцией» // Русская литература. 2006. № 3. С. 255–257.
7. Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова : монография. Москва; Ленинград : Наука, 1953. 282 с.
8. Кони А. Ф. Собр. соч.: [в 8 томах] / под общ. ред. В. Г. Базанова и др. Т. 6. Статьи и воспоминания о русских литераторах / вступ. статья А. Б. Муратова, коммент. А. Д. Алексеева и др. Москва : Юридическая литература, 1968. 695 с.
9. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: о великой поэме и вечной проблеме : монография. Новгород Великий : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. 166 с.
10. Кошелев В. А. Некрасов и «джентельменский кодекс» охоты // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 1993. Вып. 2. 355 с.
11. Макеев М. С. Николай Некрасов : монография. Москва : Молодая гвардия, 2017. 464 с.
12. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы : монография. Ленинград : Наука, 1989. 280 с.
13. Некрасов Н. А. Собрание сочинений: [в 15 томах] / ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. Т. 5. «Кому на Руси жить хорошо» / подгот. текстов и комм. О. Б. Алексеева и др.; ред. Ф. Я. Прийма. Ленинград : Наука, ЛО, 1982. 688 с.
14. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова : избранные статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль : Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. 120 с.
15. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература : монография. Ленинград : Наука, 1987. 264 с.
16. Скатов Н. Н. Некрасов : монография. Москва : Молодая гвардия, 1994. 411 с.
17. Скатов Н. Н. Некрасов: современники и продолжатели : очерки. Москва : Советская Россия, 1986. 336 с.
18. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...»: о творчестве Н. А. Некрасова : монография. Москва : Просвещение, 1985. 174 с.
19. Смирнов С. Монументализация фантомов: некоторые особенности бытования идеологической биографии Н. А. Некрасова // Вопросы литературы. 2009. № 6. С. 77–99.
20. Степанов Н. Л. Н. А. Некрасов : монография. Москва : Гослитиздат, 1962. 261 с.
21. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён. Москва : Айрис-пресс, 2005. 465 с.
22. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе : монография. Ярославль : Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. 224 с.
23. Телешов Н. Д. Сухая беда (1897) // Телешов Н. Д. Рассказы. Повести. Легенды. Москва : Советская Россия, 1983. 336 с.
24. Тургеневский сборник / под ред. Н. К. Пиксанова. Петроград : «Огни», 1915. 114 с.
25. Чуковский К. И. Работа над фольклором // Чуковский К. И. Собр. соч.: [в 15 томах]. Т. 10. Мастерство Некрасова. Статьи 1960–1969 / предисл. и коммент.

Б. Мельгунова и Е. Чуковской. 2-е изд., электр. Москва : Агентство ФТМ, 2012. 736 с. С. 379–590.

26. Яшина А. А. Мотив самоубийства в поэзии Н. А. Некрасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 11 (65). В 3 ч. Ч. 1. С. 64–71.

27. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. P. 194–195.

28. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.

Reference List

1. Aksakov K. S. Jestetika i literaturnaja kritika = Aesthetics and literary criticism. Moskva : Iskusstvo, 1995. 525 s.

2. Bogdanova O. V. Pojema N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho». Vyp. 109 = N. A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia?». Issue. 109. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fak-t SPbGU, 2020. 60 s.

3. Bogdanova O. V., Nekrasov S. M. Tendencioznyj dualizm avtorskogo videnija (glava «Pop» v kontekste pojemy N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho») = The tendentious dualism of the author's vision (the chapter «Priest» in the context of N. A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia?») // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl' : JaGPU, 2020. № 1 (20). S. 19–27.

4. Buhstjab B. Ja. N. A. Nekrasov: problemy tvorcestva = N. A. Nekrasov: problems of creative work : monografija. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1989. 349 s.

5. Dal' V. I. Povesti i rasskazy = Novellas and short stories / sost. Ju. M. Akutina i A. A. Il'ina-Tomicha; primech. A. A. Il'ina-Tomicha. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1983. 429 s.

6. Danilevskij R. Ju. «Mezhdju iskusstvom, kommercej i revoluciej» = «Between the arts, commerce and revolution» // Russkaja literatura. 2006. № 3. S. 255–257.

7. Evgen'ev-Maksimov V. E. Tvorcheskij put' N. A. Nekrasova = The creative life of N. A. Nekrasov : monografija. Moskva; Leningrad : Nauka, 1953. 282 s.

8. Koni A. F. Sobr. soch.: [v 8 tomah] = Collected Works: [in 8 vols.] / pod obshh. red. V. G. Bazanova i dr. T. 6. Stat'i i vospominanija o russkih literatorah / vstup. stat'ja A. B. Muratova, komment. A. D. Alekseeva i dr. Moskva : Juridicheskaja literatura, 1968. 695 s.

9. Koshelev V. A. «Komu na Rusi zhit' horosho»: o velikoj pojeme i vechnoj probleme = «Who is Happy in Russia»: about the great poem and the eternal problem : monografija. Novgorod Velikij : NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 1999. 166 s.

10. Koshelev V. A. Nekrasov i «dzhentel'menskij kodeks» ohoty = Nekrasov and the «gentleman's code» of hunting // Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Jaroslavl', 1993. Vyp. 2. 355 s.

11. Makeev M. S. Nikolaj Nekrasov : = Nikolai Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 464 s.

12. Mel'gunov B. V. Nekrasov-zhurnalist. Maloizuchennye aspekty problemy = Nekrasov as a journalist. The

insufficiently studied aspects of the problem : monografija. Leningrad : Nauka, 1989. 280 s.

13. Nekrasov N. A. Sobranie sochinenij: [v 15 tomah] = Collected Works: [in 15 volumes] / IRLI SSSR, Pushkinskij Dom. T. 5. «Komu na Rusi zhit' horosho» / podgot. tekstov i komm. O. B. Alekseeva i dr.; red. F. Ja. Prijma. Leningrad : Nauka, LO, 1982. 688 s.

14. Pajkov N. N. Fenomen Nekrasova : izbrannye stat'i o lichnosti i tvorcestve pojeta = The Nekrasov phenomenon : selected articles on the poet's personality and work. Jaroslavl' : Jarosl. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo, 2000. 120 s.

15. Prijma F. Ja. Nekrasov i russkaja literatura = Nekrasov and Russian literature : monografija. Leningrad : Nauka, 1987. 264 s.

16. Skatov N. N. Nekrasov = Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 1994. 411 s.

17. Skatov N. N. Nekrasov: sovremenniki i prodolzhateli = Nekrasov: contemporaries and successors : ocherki. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1986. 336 s.

18. Skatov N. N. «Ja liru posvjatil narodu svoemu...»: o tvorcestve N. A. Nekrasova = «I dedicated my poems to my people...»: on the work of N. A. Nekrasov : monografija. Moskva : Prosveshhenie, 1985. 174 s.

19. Smirnov S. Monumentalizacija fantomov: nekotorye osobennosti bytovanija ideologicheskoi biografii N. A. Nekrasova = Monumentalising phantoms: some peculiarities of N. A. Nekrasov's ideological biography // Voprosy literatury. 2009. № 6. S. 77–99.

20. Stepanov N. L. N. A. Nekrasov = N. A. Nekrasov : monografija. Moskva : Goslitizdat, 1962. 261 s.

21. Superanskaja A. V. Sovremennij slovar' lichnyh imjon = Modern Dictionary of Personal Names. Moskva : Ajrispress, 2005. 465 s.

22. Tarasov A. F. Nekrasov v Karabihe = Nekrasov in Karabikha : monografija. Jaroslavl' : Verhne-Volzhs. kn. izdvo, 1989. 224 s.

23. Teleshov N. D. Suhaja beda (1897) = Dry Trouble (1897) // Teleshov N. D. Rasskazy. Povesti. Legendy. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1983. 336 s.

24. Turgenevskij sbornik = The Turgenev collection / pod red. N. K. Piksanova. Petrograd : «Ogni», 1915. 114 s.

25. Chukovskij K. I. Rabota nad fol'klorom = Working on folklore // Chukovskij K. I. Sobr. soch.: [v 15 tomah]. T. 10. Masterstvo Nekrasova. Stat'i 1960–1969 / predisl. i komment. B. Mel'gunova i E. Chukovskoj. 2-e izd., jelekt. Moskva : Agentstvo FTM, 2012. 736 s. S. 379–590.

26. Jashina A. A. Motiv samoubijstva v poezii N. A. Nekrasova = The suicide motif in N. A. Nekrasov's poetry // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2016. № 11 (65). V 3 ch. Ch. 1. S. 64–71.

27. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. R. 194–195.

28. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева

<https://orcid.org/0000-0003-2977-726>

Мотивные переключки в поэзии Б. Пастернака и Ван Цзясиня

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. Мотивные переключки в поэзии Б. Пастернака и Ван Цзясиня // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 34–44. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-34-44

В статье рассматривается творчество китайского поэта Ван Цзясиня (на материале не переведенных на русский язык произведений), названного критиками «китайским Пастернаком», как характерный пример духовного и художественного влияния творчества Пастернака на современную китайскую поэзию. При сопоставлении произведений Бориса Пастернака и Ван Цзясиня выявляется множество значимых для художественного мира поэтов мотивных и образных переключек (мотивы горящей свечи, снега и метели, сада, грозы, моря, дождя), но одним из наиболее ярких образов, общих для Пастернака и Цзясиня, является образ ветра. В статье выявляются общие для обоих поэтов символические коннотации данного образа: антропоморфизация ветра, ветер как медиатор между телом человека и миром, ветер как вселенская всепроникающая сущность, пантеистически растворенная в мироздании, объединяющая сила, способствующая слиянию частных в единый космос, хранитель культурной памяти, осуществляющий связь времен и поколений, ветер как язык искусства, стихия в поисках средств вербализации, ветер как символ преобразующей силы искусства, символ исторических потрясений, ветер как универсальная метафизическая сила, управляющая миром и др. В статье рассматриваются интертекстуальные связи творчества Вана Цзясиня с «ветровым текстом» китайской поэзии на примере поэзии танской эпохи и лирики поэтов 20–40 гг. XX века. В статье делается вывод, что ветер Пастернака – это важнейшая составляющая его поэтического природного космоса, воплощение стихийно-игрового, радостного, жизнеутверждающего творческого начала, ветер же Ван Цзясиня – более суровая, таинственная и неодолимая стихия, это не только отражение значимых для поэта мировоззренческих констант, но и своего рода «литературный ветер», аккумулирующий в себе множественные культурные коннотации, отражающий и «ветровые песни» классической китайской поэзии, и «ветренность» поэтической вселенной Пастернака, а творческий диалог Ван Цзясиня и Б. Пастернака не только демонстрирует глубинную связь китайской и русской поэтических традиций, но и позволяет по-новому взглянуть на поэзию Пастернака, увидев ее блистательное отражение в лирическом зеркале Ван Цзясиня.

Ключевые слова: Ван Цзясинь, Б. Пастернак, русская литература XX века, китайская литература, поэтический космос, символ, лирический герой, мотив, философия природы, концепция фэн лю.

Е. М. Boldyreva

Motive echoes in the poetry of B. Pasternak and Wang Jiaxin

The article considers the work of the Chinese poet Wang Jiaxin (based on the works not translated into Russian), called by critics «Chinese Pasternak», as a characteristic example of the spiritual and artistic influence of Pasternak's work on modern Chinese poetry. Comparing the works of Boris Pasternak and Wang Jiaxin we discover a lot of motifs and images that are significant for the poets' artistic world (motifs of burning candle, snow and snowstorm, garden, thunderstorm, sea, rain), but one of the most powerful images Pasternak and Jiaxin share is that of the wind. The article reveals symbolic connotations of this image common for both poets: anthropomorphization of the wind; wind as a mediator between the human body and the world; wind as a universal omnipresent entity, pantheistically dissolved in the universe, a unifying force that facilitates the merging of particularities into a single cosmos; the guardian of cultural memory, creating the link between times and generations; wind as the language of art, the element in search of means of verbalization; wind as a symbol of the transformative power of art, the symbol of historical upheavals; wind as a universal metaphysical force that governs the world, etc. This article examines the intertextual links of Wang Jiaxin's work with the «wind text» of Chinese poetry, using the poetry of the Tang era and the lyrics of the poets of the 20–40s of the XX century as examples. The article concludes that Pasternak's wind is the most important component of his poetic natural cosmos, the embodiment of spontaneous playful, joyful, life-affirming creativity, while Wang Jiaxin's wind is a more severe, mysterious and irresistible element; it is not only a reflection of some values significant for the

poet, but also a kind of «literary wind» that accumulates multiple cultural connotations and reflects both «wind songs» of classical Chinese poetry and the «windiness» of Pasternak's poetic universe, and the creative dialogue between Wang Jiaxin and Pasternak not only demonstrates a profound connection of Chinese and Russian poetic traditions, but also allows us to take a new look at Pasternak's poetry, seeing its brilliant reflection in Wang Jiaxin's lyrical mirror.

Keywords: Wang Jiaxin, B. Pasternak, Russian literature of the twentieth century, Chinese literature, poetic space, symbol, lyrical hero, motif, philosophy of nature, concept of feng liu.

Введение

Исследование китайско-русского литературного диалога – одно из актуальных и перспективных направлений русского и китайского литературоведения, стремящегося выявить как влияние великой русской литературы на китайских писателей, так и уникальность преломления художественного опыта русских классиков в творчестве лучших китайских художников слова. «Лу Синь – китайский Гоголь», «Хай Цзы – китайский Есенин», Го Можо – китайский Маяковский», «Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов» и т. д. Подобные формулы, объединяющие в типологические пары русских и китайских писателей и актуализирующие русско-китайские литературные связи, не раз появлялись в китайском и российском литературоведении» [Болдырева, 2020, с. 170]. По аналогии с этим китайский поэт Ван Цзясинь может быть назван «китайским Пастернаком», не случайно сам он заявлял, что «Среди первых десяти-двадцати [поэтов], повлиявших на меня – как китайских, так и зарубежных – находятся русские поэты: Пушкин, Цветаева, Мандельштам, Ахматова, Пастернак, Бродский» [Преобразующая сила языка..., 2016]. Творчество Ван Цзясиня – характерный пример духовного и художественного влияния творчества Пастернака на современную китайскую поэзию, а биографический и художественный материал дают основания для установления «литературного родства» двух поэтов. Исследование влияния Б. Пастернака на китайскую поэзию – одно из актуальных направлений как китайского литературоведения, так и отечественной синологии, и именно творчество Ван Цзясиня рассматривается критиками как наиболее яркое отражение пастернаковских традиций [Агеносов, Ли Иннань, 2019; Ли Иннань, Агеносов, 2019; Ван Юн, Виноградова, 2015; Протасова, 2011; 柏桦 2006; 柏桦 2008; 陈静 2014; 高昌旭 2017; 霍俊明 2008; 罗敏仪 2019; 李振声 2010].

Ван Цзясинь·王家新, автор семи поэтических сборников, десяти книг критических эссе и множества поэтических переводов в Китае (в том числе и стихотворений Пастернака) часто воспринимается

как одна из наиболее влиятельных фигур постмодернистской поэзии. Сейчас Ван Цзясинь преподает китайскую литературу в Народном университете, где он получил пост профессора в 2006 году, и возглавляет Международный писательский центр [Власова, 2016]. Б. Пастернака далеко не случайно можно рассматривать как один из важнейших литературных ориентиров для китайского поэта: по его словам, именно судьбы Пастернака и Ахматовой возбудили у него особое сочувствие, их стихи ему особенно близки: хотя «в поэзии западно-европейских стран я ощущаю свободу творчества, противоречивую силу и тесную связь между поэзией и современной жизнью человека, поэзия Пастернака и Ахматовой... больше, чем всяческие силы, потрясают до самой глубины мою душу» [Цит. по Ван Юн, Виноградова, 2015, с. 100]. Ван Цзясинь является автором двух длинных стихотворений Варькинская баллада: Пастернак·瓦雷金诺叙事曲 (1989) и Пастернак·帕斯捷尔纳克 (1990). В одном из своих эссе он признаётся, что влияние русской поэзии на него никогда не ограничивалось формальным аспектом, но затрагивало более глубокие, ментальные, слои, порождая ощущение единства поэтических «дыханий и судеб» [Ван Цзясинь, 2015]. В стихотворении «Пастернак» (1990) он говорит том, что ощущает удивительное родство душ с русским поэтом и испытывает сходные переживания. В стихотворении «Баллада о Варькино – Пастернаку», наполненном искренней любовью к русскому поэту, Ван Цзясинь как бы перешагивает пространство и время и ощущает себя живущим в одну эпоху с Пастернаком, в этом стихотворении появляется знаменитый пастернаковский образ горящей свечи: «Свеча горит, Поэт пишет зимой, Вся Россия устала, Под его пером утихает Еще одна метель, Тихая ночь, Все, кто еще не уснул, будут удивлены красотой этого страдающего мира и моментами его покоя» [Цит. по 柏桦, 2006, с. 14] (Здесь и далее перевод мой – Е. Б.).

«Пастернаковский текст» в жизни и творчестве Ван Цзясиня – это не только влияние личности и биографии Пастернака на творческое самоопределение китайского поэта, но и система пастерна-

ковских реминисценций в стихотворениях Ван Цзясиня, общие для обоих поэтов мировоззренческие константы (философия природы, осмысление природы поэтического творчества, роль личности художника в переломные моменты истории, онтологический статус человека). При сопоставлении произведений Бориса Пастернака и Ван Цзясиня выявляется множество значимых для художественного мира поэтов мотивных и образных переключек (мотивы горящей свечи, снега и метели, сада, грозы, моря, дождя), но одним из наиболее ярких образов, общих для Пастернака и Цзясиня, является образ ветра, представленный в различных ипостасях и восходящий к значимой для Пастернака блоковско-пютчевской традиции.

Поэтическая семантика ветра в творчестве Б. Пастернака и Ван Цзясиня

Ветер в стихотворениях обоих поэтов **сначала возникает как конкретное природное явление**. Пастернаковский ветер появляется в разных лирических ситуациях: в бытовом контексте (сквозняк в доме), дача, имение, корабельная бухта, старый парк, деревня, он может дуть с севера или с юга, ветер у Ван Цзясиня тоже может быть сопряжен с разными локусами – темнеющий сад с надвигающейся грозой, пространство за окном поезда, опасные скалы или старый замок Скарборо у моря, это может быть осенний ветер, от которого горят на ветру кленовые листья или холодный ночной ветер, из-за которого люди не могут выйти со двора, ветер может непрерывно менять свое направление и дуть, как в стихотворении «Снежный фестиваль» то «по диагонали», то по вертикали, как бы падая сверху «с серого неба» [王家新]. Но практически сразу же **ветер утрачивает свой статус эмпирического образа и превращается в лейтмотив широкого масштаба, несущий в себе множество символических коннотаций и пребывающий вне пространства и времени**, как, например в стихотворении Пастернака «Десятилетье Пресни», где дующий с юга сирокко оборачивается тревогой, дующей с грядущего, или в стихотворении Ван Цзясиня «Скарборо», где морской ветер начинает кружиться «в поисках незабываемого», вырываясь из границ конкретного локуса прибрежного пейзажа: «Вне времени Пришел порыв ветра» [王家新].

У обоих поэтов мы видим своего рода **антропоморфизацию ветра**: в стихотворении Пастернака «Ветер» «И ветер, жалуясь и плача, Раскачивает лес и дачу» [Пастернак, 2004 б, с. 523], в стихотворении Ван Цзясиня «Смотреть» «дует ветер,

темный и беспомощный» [王家新], в стихотворении «Скарборо» ветер «срезает плоть замка», «ветер заставляет камни звать поколения» [王家新]. Правда, пастернаковский ветер в своей антропоморфной ипостаси не так суров и недосыгаем, как ветер Ван Цзясиня, у которого мы не встречаем веселого и дерзкого игрового контакта с космосом: ветер Пастернака часто оказывается озорником, гулякой: подобно есенинскому клену, который, одуревши в доску, обнимал березку, в стихотворении Пастернака «Ночной ветер» он бредет наугад с вечеринки с толпой ребят: «Только ветер бредет наугад Все по той же заросшей тропинке, По которой с толпою ребят Восвояси он шёл с вечеринки» [Пастернак, 2004 а, с. 163], а в стихотворении «До всего этого была зима» «Ветер за руки схватив, Деревя Гонят лестницей с квартир По дрова» [Пастернак, 2003, с. 122]. Но несмотря на это **философия природы Ван Цзясиня близка пастернаковской**: оба они считают себя частью природы, которую воспринимают в целостности, во взаимодействии всех ее элементов, в постоянном движении и в непрерывном единстве с человеком и человечеством. Именно поэтому у обоих поэтов возникает **мотив взаимной проницаемости внешнего и внутреннего мира, и ветер становится своего рода медиатором между телом человека и вселенной**. Это стремление «слиться с ветром» мы встречаем уже в раннем стихотворении Пастернака «Вокзал»:

И вот уж, за дымом вослед,
Срываются поле и ветер, –
О, быть бы и мне в их числе!» [Пастернак, 2003, с. 68].

В стихотворении «Ветер (о Блоке)» Пастернак **ощущает ветер как стихию, проникающую в тело и душу человека**: «Тот ветер, проникший под ребра» [Пастернак, 2004 а, с. 170], **как вселенскую всепроникающую сущность, пантеистически растворенную в мироздании, Душу мира**:

Тот ветер повсюду. Он – дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти, везде [Пастернак, 2004 а, с. 170].

У Пастернака ветер проникает под ребра, у Ван Цзясиня в стихотворении «Изменение» доходит до костей («Ветер дошел до твоих костей» [王家新]), как бы реализуя пастернаковское стремление во всем дойти до самой сути, до осно-

ваний, до корней, до сердцевины. В этом же стихотворении Ван Цзясиня «просто ветренная ночь», в которой оказывается лирический герой, становится волшебной преображающей силой, превращая тело в пустую бочку, как бы освобождая его от всего брэнного и лишней суеты. Ветер растворяет разум в природной стихии, и измученный до неузнаваемости стареющий человек начинает просто качаться, подчиняя свое тело ритму природы и обретая тем самым блаженную гармонию:

Вы внезапно стареете
Измученный, до неузнаваемости
Борясь в клубах опавших листьев
Просто ветренная ночь
Бочка в теле такая пустая
Прогуливайся
Просто качайся [王家新]

Ветер у Пастернака – это **объединяющая сила, способствующая слиянию частных в единый космос, это единство, «преодолевающее отдельность и смерть»** [Жолковский, 2011, с. 370]. В стихотворении «Ветер»:

И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все деревья [Пастернак, 2004 б, с. 523].

Или в стихотворении «Зеркало»:
Несметный мир семенит в месмеризме,
И только ветру связать,
Что ломится в жизнь и ломается в призме,
И радо играть в слезах [Пастернак, 2003, с. 118].

Ветер Ван Цзясиня тоже как бы заставляет людей **колебаться в едином ритме с мирозданием**:

Звук деревьев на ветру
Звуки людей и брызги автомобилей на расстоянии
Все в одном направлении [王家新]

Именно ветер оказывается у Ван Цзясиня той силой, которая способна очистить лирического героя от всего ненужного, суетного, мешающего познать подлинную сущность бытия и самого себя: так, в стихотворении «Воспоминание о летнем полдне» лирический герой слушает цикад, цепенеет в какой-то пустоте, и только когда начинает дуть осенний ветер, «ты наконец вспомнил, кто ты есть» [王家新].

Ветер у обоих поэтов раздвигает границы мироздания, пробирается в каждую складку

мировой материи, он вездесущ и всепроникающ. В стихотворении Пастернака «Осень» поэт обращается к ветру: «О вихрь, Общупай все глубины и дупла, Найди мою песню в живых!» [Пастернак, 2003, с. 210]. Точно так же в стихотворении Ван Цзясиня «Изменение»:

Ветер дует белыми облаками
Ветер делает небо выше и дальше
Ветер в трещинах плитки, везде, где ты не слышишь... [王家新]

Ветер появляется в стихотворениях Ван Цзясиня даже не как объект, воспринимаемый сознанием лирического героя, а как не зависящий от него феномен, он есть там, где его не слышат.

Ветер в поэзии Пастернака и Ван Цзясиня – это **хранитель культурной памяти, осуществляющий связь времен и поколений.** Великий ветер в стихотворении Ван Цзясиня «Скарборо» «заставляет камни звать поколения», заставляет вспомнить человека, «который раньше смотрел на маяк» [王家新], в стихотворении «Пастернаку» Ван Цзясинь обращается к поэту: «Но суждено читать ваши стихи с преданностью жизни через тысячи миль ветра и снега» [王家新] – так же, как и в стихотворении Пастернака «Ветер (о Блоке)» ветер становится катализатором воспоминаний о прошлом имения, «где жил еще дед-якобинец, Кристальной души радикал» [Пастернак, 2004 а, с. 169]:

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет [Пастернак, 2004 а, с. 170].

Ветер Ван Цзясиня воплощает в себе и память литературную: стремительно прорываясь сквозь границы разных эпох, он вызывает в сознании лирического героя воспоминания о художественных мирах тех поэтов, с которыми он ощущает глубинное родство; так, в стихотворении «Вечерняя прогулка по Неве» Ван Цзясиня «Только ветер дует бесконечно, только волны стучат, как у Пушкина или затянувшаяся рифма из стихотворения Ахматовой» [王家新].

«Быть художником – значит выдерживать ветер из миров искусства» [Блок, 2010, с. 129] – эти блоковские коннотации, связывающие ветер и искусство, мы также встречаем в лирике русского и китайского поэтов. Ветер у Пастернака и Ван Цзясиня – это не беспечная ярость, не эгоистическое самоутверждение, а поиск слова, **ветер – это**

язык искусства, стихия в поисках воплощения, в поисках средств вербализации («Одна из своеобразнейших черт пастернаковского видения природы – стремление определить через нее сущность поэзии и вдохновения» [Эпштейн, 1990, с. 251]). В пастернаковском стихотворении «Ветер» ветер раскачивает весь мир «со всею далью беспредельной»:

И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной [Пастернак, 2004б, с. 523].

В стихотворении «Осень» поэт обращается к ветру с призывом: «Найди мою песню в живых!» [Пастернак, 2003, с. 210]. **Ветер в поисках языка поэзии, ветер как символ преображающей силы искусства** появляется и в стихотворении Ван Цзясиня «Изменение»:

Ты поворачиваешься, небо
Под ветром
На удивление синее... [王家新]

В стихотворении «Скарборо» Ван Цзясинь демонстрирует синхронность процесса творчества со звуками великого морского ветра и преображающую силу ветра по отношению к словам:

Когда я хочу написать стихотворение
Камень все еще звенит
И слова краснеют на соленом ветру ... [王家新]

А в стихотворении «Путешественник» ветер становится **катализатором рефлексии и творческого вдохновения лирического героя**:

Иногда в поезде, когда дует ветер, я думаю
И достаю записную книжку... [王家新]

Наконец, одной из важнейших символических коннотаций ветра в творчестве обоих поэтов становится ветер **как символ исторических потрясений, ветер как дионисийская стихия, универсальная метафизическая сила, управляющая миром**. И, безусловно, ветер – «сквозной» образ поэзии Блока – осознанно был перенят Пастернаком со всей его символической нагрузкой и в последствии отождествлен с фигурой Блока. Ветер в позднем творчестве Александра Блока неразрывно соединен с приходом «нового» времени и сопрягает в себе мир природы и неумолимое движение исторического потока времени. «В «ветренности» «Четырех отрывков» Пастернак объединяет личность Блока и пережитое им время, отразив-

шееся в его стихах: Блок, чья поэтическая натура подобна ветру, соотносится с эпохой революции, т. е. «ветром перемен», открывающим поэму «Двенадцать» [Лукашенко, 2017, с. 225]:

Когда ж над большою столицей
Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган.
Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон [Пастернак, 2004а, с. 171].

Не случайно в стихотворении «Пастернак» Ван Цзясинь, обращаясь к русскому поэту, утверждает:

Так же, как и вам, придется терпеть более
Сильный ветер и снег

Чтобы удержать вашу Россию, [王家新]

Ветер как стихия, ветер исторических катаклизмов, ветер как испытание предстает перед нами в стихотворении Ван Цзясиня «Изменение»:

Держись устойчиво, пора держаться на ветру
Или пора полностью сдаться [王家新]

В стихотворении «Написанное на пике восхождения в гору» лирический герой ищет возможные пути преодоления жизненных трудностей в способности противостоять ветру: «Может быть, постоять минут пять против ветра и все будет иначе» [王家新], однако это противостояние почти всегда нереализуемо: **ветер Ван Цзясиня, как блоковская музыка революции, вне категорий добра и зла, его нужно воспринять как данность, ибо противостоять ему бессмысленно, нужно научиться жить в мире, пронизанном ветрами или сдаться и утратить самого себя**.

Символика ветра в творчестве Ван Цзясиня в контексте классической китайской поэзии

В работах китайских литературоведов, рассматривающих своеобразие поэтической рецепции Ван Цзясинем творчества Пастернака, неизменным объектом исследования являются два стихотворения Ван Цзясиня: «Пастернак» и «Варькинская баллада: Пастернаку», по отношению к которым правомерность подобного сопоставления неоспорима, поскольку фигура Пастернака заявлена в качестве поэтического адресата. Анализ же поэтической семантики образа ветра (и других общих для обоих поэтов образов) в творчестве Б. Пастернака и Ван Цзясиня неизбежно вызывает

вопрос, каковы причины подобных мотивных перекличек: это непосредственное влияние лирики Пастернака на китайского поэта или закономерное типологическое схождение, обусловленное общностью исторических обстоятельств развития русской и китайской литератур XX в. Безусловно, рассмотрение генезиса пастернаковских образов в творчестве Ван Цзясиня как прямого отражения творчества русского поэта было бы односторонним, поскольку творчество Ван Цзясиня, получившего образование на факультете китайской филологии Уханьского университета, в ныне работающего профессором Института литературы Китайского народного университета и преподающего сравнительное исследование китайской и западной современной поэзии и писательское мастерство) оказывается своего рода палимпсестом, и сквозь его тексты постоянно просвечивают не только поэтические константы пастернаковского художественного мира (ветер, снег, метель, зима, зимняя ночь, сад, гроза и др.), но и мировоззренческие устойчивые символы и традиционные речевые формулы классической китайской пейзажной поэзии (например, в стихотворении Ван Цзясиня «Вулканическая скала Датун» воссоздается один из частотных образов китайской пейзажной поэзии – колыхания ветром цветов: «Ветви диких хризантем колышутся на ветру» [王家新]). Образ ветра – один из наиболее частотных природных образов в традиционной китайской поэзии и один из значимых элементов древней китайской философии. В ветре Ван Цзясиня явно ощущается древнее дыхание сложившегося в символике традиционной китайской поэзии Духа ветра и потока как состояния полной внутренней свободы, раскованности, естественности, творческого вдохновения в слиянии с природой. Поэтому для Ван Цзясиня как для подлинного художника, впитавшего в себя неповторимый дух классической китайской поэзии, неотъемлемым условием творчества оказывается следование концепции фэн лю. «Фэн лю – 風流 ветер и поток. Эстетический идеал, стиль мышления, поведения и творчества, сложившийся в период Шести династий (Лю чао, III–IV вв.). Входящий в это сочетание иероглиф фэн (ветер, веяние, поветрие, нрав) подразумевает естественное движение мировой идеально-материальной субстанции – «пневмы», проявляющееся в самых разных сферах бытия на уровнях индивидуума, общества (ср. фэнсюй – манеры, фэнси – нравы и обычаи, «Го фэн» – «Нравы царств» и т. п.) и природы. Второй иероглиф – лю (поток, течение) указывает на аналогию

с движением воды, которая в китайской культуре метафорически (а нередко вполне натуралистически) отождествляется с «пневмой» и дао» [Духовная культура Китая, с. 471]. В сфере императивов индивидуального действия и творчества эстетическим ценностям фэн лю соответствовало «сохранение внутренней свободы, внерефлективная чуткость к движениям дао в мистических глубинах человеческого духа» [Духовная культура Китая, 2006, с. 471]. Именно отсюда проистекает органическое для Ван Цзясиня слияние ветра с дыханием человека и со всем его существом как залог рождения подлинного искусства: «В каноне фэн лю <...> художник творит как дышит. Включение своего «я» в бесконечный, вечно меняющийся поток, <...> важнейшая этическая норма в рамках канона фэнлю» [Завадская, 1973, с. 83]. Воздействие ветра на лирического героя Ван Цзясиня «было аналогично действию музыки, танца, ритму повторяющегося заклинания – мантры; оно вырывало человека из-под власти реальности, погружало в состояние транса», когда он оказывался «вместе со стихиями Инь и Ян в их потоке, созвучный первоизначальности изначального эфира» [Лисевич, 1979, с. 37], поэтому, уподобляясь ветру и потоку, лирический герой Ван Цзясиня открывает им путь в свое сердце, дабы слиться с мирозданием, обрести гармонию внутреннего и внешнего.

«Творчество Ван Цзясиня принадлежит к одной из двух великих традиций классической китайской поэзии – гражданской традиции танского поэта Ду Фу (712–770 н. э.), лирический герой которого ощущает свою моральную ответственность за судьбу Поднебесной (другая столь же великая традиция идет от неудержимой фантазии и романтического полета души поэта Ли Бо (годы жизни 701–762/763 н. э.))» [Агеносов, Ли Иннань, 2019, с. 59]. В многоликих ветрах Ван Цзясиня постоянно проступают образы поэзии как Ду Фу, так и (в меньшей степени) Ли Бо. Ван Цзясинь далек от того безмятежного умиротворения летним днем в горах, которое испытывает лирический герой Ли Бо («Сосновый ветер льется мне на грудь» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 28]) или его отшельник Юань Даныцю живущий в горах, не ведающий «ни дряг ни ссор» и слушающий пение ветерка: «И ручейка он слышал звон, и песенки ветерка» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 30]. Это спокойное умиротворение бездумного слияния с органическим природным миром, скорее, перекликается с пастернаковскими «Соснами»:

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.
Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся и снова
Меняем позы и места.
И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены [Пастернак, 2004а, с. 107].

Ветер же Ван Цзясиня, как и ветер в творчестве двух гениев танской эпохи – это холодный северный ветер, бешено свистящий ночной ветер – именно такой ветер неоднократно встречается в стихотворениях Ли Бо: «Здесь северный снег Пролетает средь облачной мглы И, следуя ветру, Несется за берег морской». [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 41] «И ветви под резким ветром в ночи Качаются и трещат» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 75], «Только северный ветер Свистит, свирепея в ночи» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 76], «Осенний ветер во дворах Всю ночь свистеть не устает» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 83]. Ветер Ду Фу – это тоже «бушующий ветер», ударяющий в борта лодки [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 113], лирический герой постоянно стоит на «неистовом ветру» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 116], живет в мире, где «свистят ледяные ветра» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 116], или «свистят зимние ветры» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 136], наклоняя макушки цветка – лесной ясноглазки, в мире Ду Фу «осенние ветры тоску нагоняют и страх» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 152], «вздывает ветер темных волн поток [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 185], «о берег ветер бьется» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 195], «стремителен ветер, и небо высоко» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 197], осенний ветер Ду Фу безжалостно ломает камышовую крышу хижины поэта; «Осенний ветер Дует все сильней, Дела свои Разбойничьи верша. Он с тростниковой Хижины моей Сорвал Четыре слоя камыша» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 173]. В поэзии Ван Цзясиня мы тоже не встретим теплого ласкающего ветерка, его ветер предстает перед нами в разных стихотворениях как северный, холодный, резкий, осенний, ночной, он швыряет о берег морские камни в Скарборо, заставляет дрожать от холода кленовые листья, предвещает надвигающуюся грозу и кружит клубы снега в небе над Пекином.

Ветер Ван Цзясиня, часто сопряженный с ситуацией подлинного творческого вдохновения и сам являющийся символом этого творчества, перекликается с многими стихотворениями Ли Бо,

такими, например, как «Лиловая глициния», где ветер как символ творчески преобразующего взгляда поэта способен остановить мгновение и возвести его в ранг божественного произведения искусства: «И ароматный легкий ветерок Красавицу внезапно остановит, Хотя б на миг – на самый краткий срок» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 42]. Подобно тому, как появление ветра у Ван Цзясиня заставляет путешественника схватиться за карандаш и записную книжку, а соленый морской ветер в Скарборо становится толчком для творческого вдохновения, у Ли Бо свежий ветер и одинокая ночная тишина на западной башне в городе Цзиньлин тоже становились оптимальной лирической ситуацией для творчества, когда поэт читает стихи под луной: «В ночной тишине Цзиньлина Проносится свежий ветер, Один я всхожу на башню». [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 46], а ветер как транслятор искусства разносит песню поэта «по далям необозримым» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 54]. В стихотворении Ли Бо «Песни осеннего берега» ветер становится катализатором воспоминаний: «Но подуют ветра – И как будто я снова в Чанша» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 53], ветер в стихотворении «Луна над горной заставой» соединяет времена и пространства: над горами Тяньшань «резкий ветер, пронесшийся Сотни и тысячи ли, Дует здесь, на заставе, От родины нашей вдали [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 61], так же, как и у Ван Цзясиня лирический герой, оказавшийся во власти бесконечного ветра, вспоминает бьющиеся о берег пушкинские волны или людей, живших здесь много лет назад.

Но, безусловно, ближе Ван Цзясиню оказывается ветер в поэзии Ду Фу – это всегда активная стихия, бунтующая, неукротимая. Ветер неспособна усмирить даже попытка заключить его в «клетку искусства»: в стихотворении Ду Фу «Картина, изображающая сокола» «с белого шелка вздымаются ветер и холод» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 100], ветер, подобно соколу, в любой момент готов рвануться и отдаться упоению битвы. Лирический герой Ван Цзясиня призывает учиться устойчиво держаться на ветру, учиться терпеть сильный ветер и снег, чтобы выжить и «удержать Россию», как и герои Ду Фу постоянно боролись с ветром, стремясь «сквозь ветер и ненастье» перейти плавающий мост [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 125], а влюбленные, разлученные ветром и снегом («И снег и ветер Разделяли нас». [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 125], стремились преодолеть эту роковую разъединенность. Эти постоянно звучащие призывы противостоять ветру в лирике Ду Фу зачастую

соотнесены с конкретными бытовыми ситуациями («Жена-старуха На ветру рыдает [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 146]»), в восприятии ветра у Ду Фу преобладают социально-политические обертона, он мечтает построить огромный дом для обиженных судьбой бедняков, «чтоб не бояться ветра и дождя» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 176], тогда как у Ван Цзясиня это противостояние почти всегда лишено конкретной социальной окраски и выведено в экзистенциальную плоскость.

Кроме реминисценций из классической китайской поэзии, образ ветра Ван Цзясиня в этой ипостаси символа социальных потрясений и жизненных испытаний, которые должен пройти человек, чтобы выстоять в переломные исторические моменты, отсылает и к системе художественных образов китайской поэзии начала XX века, где этот природный символ становится метафорой революционной стихии – как в лирике Блока и «блоковских текстах» Пастернака – когда «в стихотворениях китайских поэтов, созданных в пореволюционные годы, мы также можем обнаружить мотив разрушения мира ветром и огнем, перекликающихся с блоковским «мировым пожаром» [Ван Вэньцзянь, 2006, с. 176]. Так, в стихотворении «В Москве» поэта Ин Сюжэня, профессионального революционера, члена Лиги левых писателей Китая, ветер становится воплощением революционной стихии и поразительно напоминает строки из поэмы Блока «Двенадцать»:

Ветер крепок,
Снег глубок,
Сильный ветер валит с ног.
Мы идем – в руке рука,
И дорога нам легка.
Ветер щеки жжет и лоб,
За сугробом встал сугроб.
Мы идем – к плечу плечо, —
Нам легко и горячо! [Поэзия и проза Китая... 2002: 73].

Многочисленные образы холодного, резкого северного ветра, от которого страдает человек в поэзии Ван Цзясиня («Дует ветер... Ветер такой холодный, что люди не могут выйти со двора» [王家新]) перекликаются с такими же образами в поэзии многих активных участников «Движения 4 мая», таких, например, как Лю Бань-нун, который в стихотворении «Коврик» пишет «Тащится рикша, струится пот, дует северный ветер Холодно» [Сорок поэтов..., 1978, с. 40], или Го Можо, у которого в стихотворении «Темная ночь» ветер – часть трагической картины природы, а люди му-

чаются от ветра и холода: «Небо сумрачно и сыро, зябнут люди в непогоду, стонет ветер в чаще леса [Го Можо, 1990, с. 50]. Подобные интертекстуальные нити, связывающие творчество Вана Цзясиня с «ветровым текстом» китайской поэзии, можно протягивать до бесконечности. Обретя свое поэтическое дыхание в недрах золотого века танской эпохи, пронесясь сквозь много веков и получая в каждый период новые символические коннотации, этот «ветер искусства» вновь являет себя миру в поэтической вселенной Ван Цзясиня, обогащая его пастернаковские реминисценции многовековой мудростью китайской культуры.

Заключение

Подводя итоги рассмотрению мотивных переключек поэзии Б. Пастернака и Ван Цзясиня, можно сделать вывод, что ветер Пастернака – это важнейшая составляющая его поэтического природного космоса, воплощение стихийно-игрового, радостного, жизнеутверждающего творческого начала, в поздней лирике впитавший блоковские коннотации «музыки стихии», ветер же Ван Цзясиня – более суровая, таинственная и неодолимая стихия, это не только отражение значимых для поэта мировоззренческих констант, но и своего рода «литературный ветер», аккумулирующий в себе множественные культурные коннотации, отражающий и «ветровые песни» классической китайской поэзии, и «ветренность» поэтической вселенной Пастернака. Рассматривая проблему поэтического диалога Пастернака и Ван Цзясиня, китайский литературовед Бай Хуа отмечал, что в китайской поэтической традиции распространена метафора поиска «слышащего звука» друга, иначе говоря, человека (может быть, даже незнакомого), способного услышать звуки души поэта [Бай Хуа, 2011]. Для Ван Цзясиня, замороженного звуками музыки пастернаковского ветра, таким другом и был Пастернак, и их поэтический диалог не только демонстрирует глубинную связь китайской и русской поэтических традиций, но и позволяет по-новому взглянуть на поэзию Пастернака, увидев ее блистательное отражение в лирическом зеркале Ван Цзясиня.

Библиографический список

1. Агеносов В. В., Ли Иннань. Борис Пастернак в творчестве новых китайских поэтов (на примере стихотворений Ван Цзясиня) // Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. № 2 (2). С. 58–70.

2. Бай Хуа. Ван Цзясинь и Пастернак // Лилунь пинлунь. 19.12.2011. URL: www.ilf.cn/theo/72690.html (дата обращения: 12.01.2021).
3. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). Москва: Наука, 2010. 586 с.
4. Болдырева Е. М. Российско-китайский культурный диалог: Го Можо – «китайский Маяковский» // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 169–182.
5. Ван Вэньцян. Образы ветра в русской и китайской поэзии начала XX века // Язык, культура, менталитет проблемы изучения в иностранной аудитории материалы V Междунар научно-практ конф. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им А И Герцена, 2006. С. 175–177.
6. Ван Цзясинь. Китайская баллада. Проект «Стихо(т)ворье 诗江湖» Юлия Дрейзис. URL: <https://versevagrant.com/2015/11/03/ван-цзясинь-китайская-баллада/> (дата обращения: 14.01.2021).
7. Ван Юн, Виноградова О. В. Китайская современная поэзия и русская поэзия модернизма и постмодернизма: влияния и аналогии. Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). В 15 т. Т. 14. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 97–106.
8. Власова М. «Я возвратил Цветасву Цветасовой. В Музее Серебряного века выступил китайский поэт Ван Цзясинь». URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-07-21/3_vlasova.html (дата обращения: 14.01.2021).
9. Го Можо. Сочинения: Стихотворения. Драммы. Повести и рассказы / сост. и вступ. ст. Н. Федоренко. Москва: Художественная литература, 1990. 623 с.
10. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. Москва: Вост. лит., 2006. 727 с.
11. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.
12. Завадская Е. В. Эстетический канон жизни художника – фэнлю (ветер и поток) // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. Сборник статей. Москва: Наука, 1973. 254 с. С. 82–90.
13. Ли Бо, Ду Фу. Избранная лирика. Перевод с китайского. Москва: «Детская литература», 1987. 216 с.
14. Ли Иннань, Агеносов В. В. Пастернак в Китае: переводы и восприятие творчества // Журнал Знание-Сила. 2019. № 9. С. 82–89. URL: <https://znanie-sila.ru/magazine/pasternak-v-kitae-perevody-i-vospriyatie-tvorchestva> (дата обращения: 14.01.2021).
15. Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. Москва: Наука, 1979. 266 с.
16. Лукашенко Л. В. Мотив ветра в книге «Когда разгуляется»: к теме Пастернак и Блок // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. № 2. С. 221–230.
17. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1912–1931. Москва: Слово, 2003. 573 с.
18. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 2. Спекторский; Стихотворения. 1930–1959. Москва: Слово, 2004а. 525 с.
19. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 4. Доктор Живаго: роман. Москва: Слово, 2004б. 756 с.
20. Поэзия и проза Китая XX века: о прошлом – для будущего / сост. Г. Б. Ярославцев и Н. В. Захарова. Москва: Центрполиграф, 2002. 686 с.
21. Преобразующая сила языка. Интервью с Ван Цзясинем. Проект «Стихо(т)ворье 诗江湖» Юлия Дрейзис URL: <https://versevagrant.com/2016/02/05/преобразующая-сила-языка-интервью-с-в/> (дата обращения: 14.01.2021).
22. Протасова Н. В. Влияние творчества Б. Пастернака на поэзию Ван Цзясиня // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. № 8. С. 79–82.
23. Сорок поэтов: китайская лирика 20–40 годов / пер. с кит. Л. Е. Черкаского. Москва: Наука, 1978. 341 с.
24. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва: Высшая школа, 1990. 303 с.
25. 王家新诗选. Электронный ресурс. URL: <http://www.shigeku.org/shiku/xs/wangjiaxin.htm> (дата обращения: 14.01.2021)
26. 柏桦. 心灵与背景: 共同主题下的影响—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J]. 江汉大学学报 (人文科学版) · 2006 (3).
27. 柏桦. 从模仿到互文—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J]. 中外文化与文论 · 2008 (1).
28. 陈静. 诗意的检验: 论帕斯捷尔纳克精神对中国当代抒情诗之影响 [J]. 新疆大学学报 (哲学·人文社会科学版), 2014 (2).
29. 高昌旭. 瓦雷金诺的生命之音: 论《日瓦戈医生》组诗的艺术特色 [J]. 名作欣赏 · 2017 (21).
30. 霍俊明. 在寒冷的雪中让内心和时代发声—王家新《帕斯捷尔纳克》欣赏 [J]. 名作欣赏, 2008 (21).

31. 罗敏仪. 不合时宜的同时代人 – 论王家新诗歌中“雪”的意象 [J]. 铜陵职业技术学院学报, 2019 (3).
32. 李振声. “它在要求一个对称”:王家新的踟蹰和犹豫 – 重读《帕斯捷尔纳克》 [J]. 《长沙理工大学学报(社会科学版)》, 2010(6).

Reference List

1. Agenosov V. V., Li Innan'. Boris Pasternak v tvorčestve novyh kitajskih pojetov (na primere stihotvorenij Van Czjasinja) = Boris Pasternak in the work of modern Chinese poets (based on Wang Jiixin's poems) // Mir russkogovorjashhih stran = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. № 2 (2). S. 58–70.
2. Baj Hua. Van Czjasin' i Pasternak = Wang Jiixin and Pasternak // Lilun' pinlun'. 19.12.2011. URL: www.ilf.cn/theo/72690.html (data obrashhenija: 12.01.2021).
3. Blok A. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 8: Proza (1908–1916) = The Complete Works and Letters: in 20 vols. Vol. 8: Prose (1908–1916). Moskva : Nauka, 2010. 586 s.
4. Boldyreva E. M. Rossijsko-kitajskij kul'turnyj dialog: Go Mozho – «kitajskij Majakovskij» = Russian-Chinese cultural dialogue: Guo Mozho – the «Chinese Mayakovsky» // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2020. № 4 (115). S. 169–182.
5. Van Vjen'čjan'. Obrazy vetra v ruskoj i kitajskoj poezii nachala XX veka = Images of wind in the early 20th century Russian and Chinese poetry // Jazyk, kul'tura, mentalitet problemy izučeniya v inostrannoju auditorii materialy V Mezhdunar nauchno-prakt konf. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im A I Gercena, 2006. S 175–177.
6. Van Czjasin'. Kitajskaja ballada. Proekt «Stiho(t)vor'e 诗江湖» Julija Drejis = A Chinese ballad. Project «Poe(m)aking 诗江湖» by Julia Draizis. URL: <https://versevagrant.com/2015/11/03/van-czjasin'-kitajskaja-ballada/> (data obrashhenija: 14.01.2021).
7. Van Jun, Vinogradova O. V. Kitajskaja sovremennaja poezija i russkaja poezija modernizma i postmodernizma: vlijanija i analogii. Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury = Modern Chinese poetry and Russian poetry of modernism and postmodernism: influences and analogies. The Russian Language and Literature in the Space of World Culture // Materialy XIII Kongressa MAPRJaL (g. Granada, Ispanija, 13–20 sentjabrja 2015 goda). V 15 t. T. 14. Sankt-Peterburg : MAPRJaL, 2015. S. 97–106.
8. Vlasova M. «Ja vozvratil Cvetaevu Cvetaevoj. V Muzeje Serebrjanogo veka vystupil kitajskij pojet Van Czjasin'» = «I gave Tsvetaeva back to Tsvetaeva. The Chinese poet Wang Jiixin made a speech at the Silver Age Museum». URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-07-21/3_vlasova.html (data obrashhenija: 14.01.2021).
9. Go Mozho. Sochinenija: Stihotvorenija. Dramy. Povesti i rasskazy = Essays: Poems. Dramas. Novellas and short stories / sost. i vstup. st. N. Fedorenko. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 623 s.
10. Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. = Spiritual Culture of China: Encyclopaedia: in 5 vols. / Gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. T. 1. Filosofija / red. M. L. Titarenko, A. I. Kobzev, A. E. Luk'janov. Moskva : Vost. lit., 2006. 727 s.
11. Zholkovskij A. K. Pojetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty = Pasternak's Poetics: Invariants, Structures, Intertexts. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 608 s.
12. Zavadskaja E. V. Jestetičeskij kanon zhizni hudozhnika – fjenlju (veter i potok) = The aesthetic canon of the artist's life – feng liu (wind and flow) // Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki. Sbornik statej. Moskva : Nauka, 1973. 254 s. S. 82–90.
13. Li Bo, Du Fu. Izbrannaja lirika. Perevod s kitajskogo = Selected poems. Translated from Chinese. Moskva : «Detskaja literatura», 1987. 216 s.
14. Li Innan', Agenosov V. V. Pasternak v Kitae: perevody i vosprijatie tvorčestva = Pasternak in China: translations and perceptions of creativity // Zhurnal Znanie-Sila. 2019. № 9. S. 82–89. URL: <https://znanie-sila.ru/magazine/pasternak-v-kitae-perevody-i-vosprijatie-tvorčestva> (data obrashhenija: 14.01.2021).
15. Lisevich I. S. Literaturnaja mysl' Kitaja na rubezhe drevnosti i srednih vekov = Literary thought in China at the turn of the ancient times and Middle Ages. Moskva : Nauka, 1979. 266 s.
16. Lukashenko L. V. Motiv vetra v knige «Kogda razguljaetsja»: k teme Pasternak i Blok = The wind motif in 'When it clears up': On Pasternak and Blok // Vestnik ruskoj hristianskoj gumanitarnej akademii. 2017. Tom 18. № 2. S. 221–230.
17. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 1. Stihotvorenija i pojemy. 1912–1931 = Complete Works: In 11 vols. Vol. 1. Verses and Poems. 1912–1931. Moskva : Slovo, 2003. 573 s.
18. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 2. Spektorskij; Stihotvorenija. 1930–1959 = Complete Works: In 11 vols. Vol. 2. Spektorsky; Poems. 1930–1959. Moskva : Slovo, 2004a. 525 s.
19. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 4. Doktor Zhivago: roman. = Complete Works: In 11 vols. Vol. 4. Doctor Zhivago: A Novel. Moskva : Slovo, 2004b. 756 s.
20. Pozejija i proza Kitaja XX veka: o proshlom – dlja budushhego / sost. G. B. Jaroslavcev i N. V. Zaharova = Poetry and Prose of the 20th century China: about the past – for the future / by G. B. Yaroslavtsev and N. Zakharova. Moskva : Centrpoligraf, 2002. 686 s.
21. Preobrazujushhaja sila jazyka. Interv'ju s Van Czjasinem. Proekt «Stiho(t)vor'e 诗江湖» Julija Drejis =

The transforming power of language. An interview with Wang Jiabin. Project «Poe(m)aking 诗江湖» by Julia Draizis.

URL: <https://versevagrant.com/2016/02/05/preobrazujushhaja-sila-jazyka-interv'ju-s-v/> (data obrashhenija: 14.01.2021).

22. Protasova N. V. Vlijanie tvorčestva B. Pasternaka na poeziju Van Czjasinja = The influence of B. Pasternak's work on Wang Jiabin's poetry // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ulan-Udje : Izd-vo BGU, 2011. № 8. S. 79–82.

23. Sorok poetov: kitajskaja lirika 20–40 godov = Forty Poets: Chinese Poetry of the 20s – 40s / per. s kit. L. E. Cherkasskogo. Moskva : Nauka, 1978. 341 s.

24. Jepshtejn M. N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: Sistema pejzaznyh obrazov v russskoj poezii = «Nature, the world, the secrets of the universe...»: The system of landscape imagery in Russian poetry. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 303 s.

25. 王家新诗选. URL: <http://www.shigeku.org/shiku/xs/wangjiabin.htm> (data obrashhenija: 14.01.2021)

26. 柏桦. 心灵与背景：共同主题下的影响—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J].

江汉大学学报（人文科学版），2006（3）.

27. 柏桦. 从模仿到互文—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J].

中外文化与文论，2008（1）.

28. 陈静.

诗意的检验：论帕斯捷尔纳克精神对中国当代抒情诗之影响 [J].

新疆大学学报（哲学·人文社会科学版），2014（2）.

29. 高昌旭.

瓦雷金诺的生命之音：论《日瓦戈医生》组诗的艺术特色 [J]. 名作欣赏，2017（21）.

30. 霍俊明. 在寒冷的雪中让内心和时代发声—

王家新《帕斯捷尔纳克》欣赏 [J]. 名作欣赏，2008（21）.

31. 罗敏仪. 不合时宜的同时代人—

论王家新诗歌中“雪”的意象 [J].

铜陵职业技术学院学报，2019（3）.

32. 李振声.

“它在要求一个对称”：王家新的踟蹰和犹豫—

重读《帕斯捷尔纳克》 [J].

《长沙理工大学学报(社会科学版)》，2010(6).

УДК 821.161.3.09

С. В. Колядко

<https://orcid.org/0000-0003-4226-9967>

Эмотивный анализ поэтического произведения

Для цитирования: Колядко С. В. Эмотивный анализ поэтического произведения // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 45–51. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-45-51

Цель статьи – рассмотреть действие эмоции в поэтическом произведении и описать этот процесс в эмотивном анализе. Ставится задача описания этого действия как в раскрытии авторской субъективности и отображении его внутреннего мира, так и в субъектной организации поэтического текста. Эмотивный анализ поэтического произведения основан на констатации фактов воздействия эмоции на организацию текста на всех уровнях его структурирования. Выявление эмотивности текстовых компонентов в содержании и форме осуществляется методом эмотивного анализа. Нами предлагается многоуровневый эмотивный анализ, затрагивающий разные структуры и уровни поэтического текста: фонетический (звукопись), лексический, изобразительно-выразительный (тропы, фигуры речи, образы), синтаксический (поэтический синтаксис), жанровый (жанровые формы и разновидности), сюжетно-композиционный (эмотемы и изменения в лирическом переживании) и др. В статье делается вывод, что эмотивностью обладают не только стилистические средства, но и эмотема, образ-эмотив, лирический сюжет, эмотивный тип творческой личности и т. д. Эмотивность координирует все уровни структурной модели поэтического текста, воздействуя на раскрытие смыслов произведения и их восприятие читателем. А поэтическая эмоция становится еще и активизатором определенных лирических ситуаций / лирических событий, регулятором эмоциональных изменений в «событиях души», эмотивным маркером определенных настроений, состояний, переживаний.

Ключевые слова: эмотивный анализ, эмоция, эмотив, эмотивность, эмотема, лирический сюжет, стиль, переживание.

S. V. Koliadko

Emotive analysis of poetic text

The purpose of the article is to examine the functioning of emotion in a poetic work and to describe this process by means of emotive analysis. The aim is to describe this action through revealing the author's subjectivity and depicting his inner world, as well as through the subjective organisation of the poetic text. Emotive analysis of a poetic work is based on establishing the influence of emotion on the organisation of the text at all levels of its structuring. Identifying the emotivity of textual components in content and form is carried out by the method of emotive analysis. We propose a multilevel emotive analysis, concerning different structures and levels of poetic text: phonetic (sound writing), lexical, descriptive and expressive (tropes, figures of speech, images), syntactic (poetic syntax), genre (genre forms and varieties), plot and composition (emotemes and changes in poetic experience), etc. The author of the article concludes that emotivity is characteristic not only of stylistic means, but also of the emoteme, emotive image, lyrical plot, emotive type of creative personality, etc. Emotivity coordinates all levels of the poetic text structure and influences the revealing of the poet's message and the reader's perception of it. And the poetic emotion also becomes an activator of certain lyrical situations / lyrical events, a regulator of emotional changes in 'events of the soul', an emotive marker of certain moods, states, experiences.

Keywords: emotive analysis, emotion, emotive, emotivity, emoteme, lyrical plot, style, experience.

Введение

Сегодня во многих зарубежных исследованиях эмоциональные процессы, отраженные в литературном произведении, анализируются в контексте психологического [Feelings and Emotions..., 2004; Armstrong, P. B., 2013], социологического [Handbook..., 2006; Harris, S. R., 2015], культурологического [Kunz, T., 2012;

Emocje w kulturze, 2012], философского [Damasio, A. R., 1994], исторического [Interpreting emotions..., 2011; Histoire des Emotions, 2016], лингвистического [Emotion in Language, 2015; Tělo, smysly, 2012], когнитивного [Burke, M., 2010; Cognitive Poetics..., 2003; Cognitive Literary Science, 2017; The Oxford Handbook..., 2015; Stockwell, P., 2002] и других теоретических и

эмпирических подходов. По этой причине представляется целесообразным и действенным изучение поэтического текста с позиции междисциплинарности с использованием научного инструментария смежных гуманитарных дисциплин. Комплексный подход к изучению эмотивности на разных уровнях структурной модели текста требует разработки современной методологии, соответствующей задачам литературного анализа поэтического произведения. Актуальность исследования поэтической эмоции также определяется превалированием в поэзии XX–XXI ст. произведений рефлексивного и медитативного характера, что требует разработки и введения понятийно-терминологического аппарата эмотиологии [Шаховский, 2008; Плампер, 2018; Burke, 2011; Hogan, 2011], и ее положений в практику анализа названных произведений в школе и вузе. В проведении целостного литературоведческого анализа поэтического произведения должны быть задействованы методы эмотивного, эстетического и рецептивного анализа, а для этого нужно обозначить границы действия разных понятий в классификационной системе эмотиологии.

Понятийный аппарат

В нашем исследовании разграничиваются следующие термины: *эмоциональность* – категория, характеризующая сферу чувств и переживаний автора в поэтическом тексте, и *эмотивность* – категория, отражающая присутствие поэтической эмоции на всех уровнях структурной модели поэтического текста. В эмоциональном пространстве поэтического текста происходят различные процессы, которые находят отображение, с одной стороны, в раскрытии темы, идеи, предметно-образной системы и т. д., с другой – в структуре произведения и его языке. Именно многофункциональность эмотивности воздействует на условное разграничение понятий «произведение» и «текст»: значения категорий и понятий литературоведческой эмотиологии относятся к плану содержания *произведения*, а структурные элементы или компоненты формы – к планам выражения / изображения в *тексте*. Поэтический *текст* представляет собой семантическое и формальное единство, поэтическое *произведение* – смысловое и эстетическое.

Эмотивность – категория, коррелирующая с категорией «эмоциональность», понятиями «поэтическая эмоция», «эмотив», «эмотема», а также «поэтический текст» и «поэтическое произведение», способная эксплицировать планы содержа-

ния, выражения и изображения, оказывать влияние на смыслы поэтических образов и всего произведения, на структурные компоненты текста и их координацию. Эмотивность воздействует на организацию всех уровней структурной модели текста, где на фонетическом (звукопись), лексико-морфологическом, синтаксическом, ритмико-интонационном, мелодическом и других уровнях эмотивные содержательные и структурные компоненты и элементы служат воплощению творческого замысла. Эмотивным является текст, передающий информацию об эмоциональном состоянии, отношении, оценке автора / лирического героя, содержащий в своей структуре эмотивные средства, эмоциональные маркеры, образы-эмотивы, художественные тропы и риторические фигуры, с помощью которых кодируются эмоции, характеризующийся эмоциональными коммуникативными целями. И при этом в эмотивном тексте отображается эмоциональный компонент художественной картины мира, концептосферы творчества отдельного автора.

Поэтическая эмоция – обобщающее определение эмоциональных и эмотивных процессов, отраженных в поэтическом произведении, она присутствует на всех уровнях структурной модели текста. Обозначения поэтической эмоции связаны с раскрытием темы, идеи, проблематики, образа автора / лирического героя, образной системы, лирического сюжета, композиции, жанровых разновидностей лирического стихотворения и др. Поэтическая эмоция выступает средством оживления внутренней формы слова, приводящим в активное взаимодействие различные тропы, фигуры и нейтральные слова.

Слово-образ, оказавшееся в эмоциональном, часто метафорическом контексте, может приобретать многоярусную структуру с эмотивными значениями / смыслами. Метафорический образ в сопровождении поэтической эмоции превращается в образ-эмотив, он открыт для ассоциативных связей с другими образами. *Образ-эмотив (или эмотив)* представляет собой единство эмотивного смыслового выражения и эмоционального воздействия. Эмотив – стилистическое средство (художественный троп) с наибольшей эмоциональной нагрузкой в воплощении творческого замысла, которым обозначены состояние, настроение, переживание, передана авторская оценка, отношение. В поэтическом тексте носителями эмотивности могут быть как образы-эмотивы, так и нейтральные слово-образы, которые в контексте могут становиться эмоционально

заряженными (приобретая эмоциональную коннотацию). Образ-эмотив обладает эмотивной валентностью. *Эмотивная валентность* – это, с одной стороны, способность слово-образа с переносным значением, приобретая эмоциональную нагрузку, наращивать дополнительные эмотивные значения / коннотации. С другой стороны, его возможность вступать в контекстуальные / подтекстовые ассоциативные связи (с активизацией положительных / отрицательных коннотаций) с другими эмотивными слово-образами или нейтральными словами и за счет этого расширять свой образотворческий потенциал, образно-смысловое выражение и эстетические функции. В эмотивном анализе произведения при объяснении смыслов образа-эмотива, чаще представленного метафорой, корреляция эмоционального и рационального интерпретируется на уровне ментальной структуры этого взаимодействия.

Средством опредмечивания эмоционального состояния становится поэтический троп, чаще это метафора (метафорическое выражение), возможны также метонимия, синекдоха, эпитет, сравнение и др. При отсутствии тропов в стихотворении эмотивные функции выполняют другие изобразительные средства (например, поэтический синтаксис, звукопись, ритмико-интонационное оформление и т. д.). Троп, выраженный слово-образом с метафорическим значением, в контексте приобретает эмотивное значение / эмоциональную коннотацию как дополнительные. Все эти значения в слово-образе находятся в определенной соподчиненности, наибольшая активность одного из них определяется контекстом / подтекстом. Эмотивное значение имеют эмоционально заряженные слово-образы в качестве константного компонента. Коннотация – образотворческое эмоционально-экспрессивное или оценочное значение слово-образа, актуализированное контекстом, которое присоединяется к основному значению. (Коннотацию могут иметь как образы-эмотивы, так и нейтральные образы, способные стать в контексте эмоционально заряженными).

Эмотивность проявляется в художественном тексте через совокупность текстовых компонентов, *показателей эмотивности* – эмоционально заряженных слов, фраз, предложений, тропов, фигур и др. *Эмоциональные маркеры* (различные стилистические риторические тропы, фигуры) – языковые средства-идентификаторы определенных поэтических эмоций, обозначающие определенные состояния автора / лирического героя в поэтическом тексте, выражающие различные

смыслы эмоций, которые их сопровождают, а также акцентирующие внимание на экспрессии, аффектации, пафосности поэтического высказывания. Образ-эмотив также может выступать в роли эмоционального маркера. К примеру, писатель для акцентирования определенных эмоциональных моментов в поэтическом высказывании пользуется различными видами маркирования поэтической эмоции: повторами, экспрессивными обращениями, развернутыми метафорами, парцелляциями, эллипсисами, инверсией и др.

Эмотивный анализ

Объективация эмотивности текстовых компонентов в содержании и форме осуществляется методом *эмотивного анализа*, являющегося частью целостного анализа поэтического произведения. В анализе используется инструментарий традиционной теоретической поэтики (стиховедения, стилистики, топики), структурной поэтики, методы и приемы герменевтики, феноменологии, гносеологии, гендерологии, рецептивной эстетики и др.

Эмотивный анализ поэтического произведения

Общая позатекстовая информация

Какие факты из биографии поэта могут быть связаны с творческой идеей и ее воплощением в стихотворении? (принимаются во внимание в первую очередь эмоциональные факторы).

Литературные связи (выражение доминантных эмоций в произведениях этого и иных авторов).

Связи с другими видами искусства (влияние музыки, изобразительного искусства, фотоискусства на эмоции автора и их раскрытие в поэтическом произведении).

Литературоведческий анализ

Первые эмоции, которые вызывает текст.

Род, жанр, эмотивная жанровая разновидность (пафосная, патетическая, риторическая, экспрессивная и т. д.).

Пафос (связь с модусом художественности и модальностью в поэтическом высказывании).

Тема (заголовок как эмотивный интенсификатор при развертывании темы).

Идея (раскрытие лирического переживания посредством различных форм соотношения эмоций и чувств).

Композиция (из каких эмоциональных частей, или эмотем, состоит произведение? Сколько их в тексте и как они связаны между собой?).

Лирический сюжет (изменение каких эмоций в тексте составляет движение лирического пере-

живания?)

Тип мировосприятия (связь поэтической эмоции с рефлексией и медитацией, с романтизмом, сентиментализмом, импрессионизмом и др.).

Лирический герой (какие эмоции в его изображении связаны с личностью автора? Лирический герой, лирическое «я» и лирический субъект через призму эмоционального и рационального. Субъектное и субъективное в эмоциональном).

Художественные образы (образ-эмотив как троп, в котором воплощена доминантная эмоция произведения, и другие образы-эмотивы при их наличии).

Детали (эмоциональные маркеры в обозначении настроений, состояний, переживаний).

Пейзаж (эмотивная роль пейзажа в раскрытии переживания и отображении состояния героя)

Художественные средства (эмоциональные средства: тропы, фигуры поэтического синтаксиса, звукопись, колориты и т. д.).

Ритм, размер стиха, интонация (их влияние на тональность поэтического высказывания, пафос произведения).

Язык и стиль произведения (эмотивные средства на лексическом, фразеологическом, морфологическом, синтаксическом уровнях структурной модели поэтического текста).

Текстологический анализ (сравнение текстов с несколькими вариантами или переизданными в разное время со значительными правками, воздействующими на его эмотивность).

С помощью эмотивного анализа исследователь акцентирует внимание на возможностях поэтической эмоции влиять на структурную организацию всех уровней поэтического текста и передавать смыслы произведения. Поэтическая эмоция проявляет себя в формировании авторского стиля, в организации лирических произведений в определенную жанровую разновидность, в структурировании текста (композиция, лирический сюжет), а также в функционировании поэтического синтаксиса. Эмотивный анализ становится способом актуализации эмоциональности и эмотивности как приемов и средств в раскрытии идеи произведения. Эмотивность, выходя в анализе в «очищенном» виде на первые позиции, рассматривается как структуроорганизующий принцип. Поэтому эмоция как эстетический компонент произведения раскрывает новые горизонты в интерпретации образов поэзии.

Эмотивность компонентов формы и содержания – взаимосвязанные стилистические средства в распознавании лирического произведения. В дан-

ном случае в процессе идентификации поэтического произведения как лирического исследователь выделяет эмоциональное начало авторского самовыражения и средства его отражения в лирическом переживании как способе раскрытия авторской субъектности. Лиризм поэтического произведения – главный признак идентичности лирики как эмотивной. Элементы лиризма как средства особой эмоциональной насыщенности определяют эмотивность текста, каждый из этих элементов несет на себе эстетическую, экспрессивно-оценочную и другие нагрузки. Соответственно эмотивность, с одной стороны, это фактор, компонент стиля, направленный на формирование единства содержания и формы, с другой – это и есть одна из форм организации стиля. Эмотивность – постоянный стилеобразующий фактор в отличие от других изменчивых, единичных в индивидуально-авторском стиле. Эмотивность в совокупности с другими стилеобразующими факторами формирует эстетическую целостность, завершенность и уникальность произведения.

В движении эмоции от уровня «поверхностной» констатации (в качестве лексических средств, передающих конкретные эмоции) к уровню глубинных преобразований (к образам поэзии, наделенных эмотивной валентностью и эстетическим потенциалом раскрывать многовекторность поэтической мысли) мы можем вычленивать новый лирический сюжет, накладывающийся на динамику авторских высказываний. Однозначно присутствие сюжета в лирике как формы развертывания темы, подчиняющейся переживанию лирического субъекта (субъектной организации текста). То есть, тема может разворачиваться через цепь событий, поступков, которые прикреплены к пространственно-временным измерениям и образуют единое завершенное целое (лиро-эпические произведения), а может разворачиваться через смену пейзажных кадров, мыслей и рассуждений с разными смыслами и с разной тональностью, определенных настроений с акцентом на той или иной эмоции или их изменении и т. д. Лирический сюжет, в основе которого развитие лирического переживания (изменения в нем определяет координация чувства и эмоции), событийность душевных состояний или само движение чувства, эмоции, мысли, часто отображает «вторичную» структуру текста, целью выявления которой является рассмотрение разных уровней текста и обозначение доминантного, служащего более точной интерпретации авторского замысла. В выделении лирического сюжета имеет значение

наличие некоторых аспектов: лирического субъекта, лирической ситуации / лирического события души и некоторых других. Изменение лирических ситуаций, обусловленное их движением в лирическом переживании автора / лирического героя, в итоге воплощается в лирическом действии как завершённом творческом акте в эстетическом целом произведения.

Лирическое переживание в движении от одного эмоционального состояния к другому может разворачиваться параллельно с отражением изменений в настроениях, ощущениях, чувствах и т. д. При таком развертывании лирического переживания образуются определенные эмоционально-смысловые части, или мотивы, которые мы назовем эмотемами (микротемы или мотивные части внутри стихотворения, актуализированные определенными эмоциями, в каждой из частей выражаются доминантные эмоции). В поэтическом произведении лирический сюжет состоит из эмотем как кодовых систем, с помощью которых фиксируются «события души», изменения в чувствах, переживаниях, подчиненных воздействию различных эмоций. Эмоциональные высказывания в произведении не всегда имеют иерархическую структуру, они могут быть однолинейными, однопорядковыми, параллельными и др. Один и тот же образ может входить в различные эмотемы произведения и раскрываться в каждой из них как с идентичными, так и новыми / разными смыслами. В поэтическом произведении тема и эмотема могут совпадать, накладываясь одна на другую, а могут определять содержание параллельных текстов внутри единого организма произведения. Следовательно, стихотворение может структурироваться с эмотем, в каждой из которых выделяются свои эмоциональные доминанты, а движение поэтических эмоций может составлять композицию лирического сюжета.

Композиция лирического сюжета может рассматриваться как с позиций наличия / отсутствия канонических, традиционных, трафаретных приемов в сюжетопостроении (типа последовательности частей в структуре стихотворения, типизации субъективных переживаний и др.), так и свободных, эмотивных приемов (появление возбуждения в эмоциональных частях по линии возрастания / понижения его градуса, нагнетания эмоциональных состояний, выражения прямой авторской оценки, отношений и др.).

Отображая палитру многоаспектных эмоциональных переживаний, авторы часто обращаются к поэтическим тропам, которые, как и образы-

эмотивы, имеют экспрессивную функцию. Троп используется в качестве средства выражения личного, оценочного момента в высказывании, а также в качестве средства описания определенного эмоционального состояния; это широко используемый компонент плана выражения / изображения. Стилистическая дифференциация эмоциональных средств связана с формальным выражением их на всех уровнях структурной модели поэтического текста – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом, ритмико-интонационном – и выражением в риторических и синтаксических фигурах и тропах. В анализе важно учитывать взаимодействие эмотивности со спецификой словоразмещения в поэтической строке, их лексическую характеристику, разные аспекты поэтического синтаксиса. Если стиль – это структурная закономерность художественной формы, то эмоциональные средства – одни из создателей ее (формы) своеобразия и целостности, выразители многообразия содержательных воплощений в единстве произведения. Семантическая способность эмоциональных средств выражать эмоции раскрывается при выявлении отношений (в том числе ситуативных) к предметам, явлениям и событиям, в отражении чувственности, переживания автора. Аффективные, экспрессивные эмоциональные средства увеличивают силу воздействия высказывания на читателя за счет усиления его образности и динамичности, эстетических свойств, выступают репрезентантами своеобразного, отличительного, индивидуально-характерного в эмоциональной сфере автора / лирического героя.

Выводы

Таким образом, поэтическая эмоция выражается не только в эмоциональном содержании произведения, но и в его форме, структуре (коррелирует с композицией, лирическим сюжетом, жанром, образительно-выразительными средствами и т. д.), рассматривается нами еще и как активизатор определенных лирических ситуаций / лирических событий, регулятор эмоциональных изменений в «событиях души», как эмоциональный маркер определенных настроений, состояний, переживаний и других эмоциональных явлений, отраженных в произведении, и т. д.

Эмотивный анализ не является альтернативным традиционному литературоведческому анализу, он выступает частью комплексного подхода к интерпретации смыслов поэтического текста как на уровне их идейно-содержательного выявления,

так и на уровне структурной организации текста. Роль эмотивного анализа – акцентировать внимание на эмотивных компонентах как структуры произведения, так и авторского замысла, стратегий и механизмов его реализации. Наиболее информативен эмотивный анализ в характеристике лирической поэзии, в изучении поэтических произведений, имеющих отношение к сентиментализму, романтизму как литературным течениям и, например, импрессионизму как стилевому явлению и др. Однако не следует недооценивать роль поэтической эмоции в литературе реализма, постмодернизма и других литературных направлений и течений, т. к. её действие распространяется на раскрытие образной системы, эмотемы, лирического сюжета, жанровых разновидностей, поэтического синтаксиса и других структурных компонентов произведения, всегда остающихся в своих основных функциях по-за модой и существенными трансформациями. Эмотивный анализ должен стать частью литературного анализа поэтических произведений в высших и средних учебных заведениях, он позволит преподавателю или учителю вернуть первые позиции Человеку, обратить внимание учеников на богатство внутреннего мира лирического героя, его чувства и переживания, которые часто в угоду современным «антиантропологическим» и «антиаксиологическим» концепциям становятся незначимыми, невыясненными. Человек с комплексом мотиваций, устремлений, желаний, мечтаний и т. д. должен оставаться важным в изучении современным литературоведением, т. к. любая научная модель интерпретации литературы не может быть легитимной без ориентации на человека.

Библиографический список

1. Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва : Гнозис, 2008. 416 с.
3. Armstrong P. B. How Literature Plays with the Brain: The Neuroscience of Reading and Art. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 2013. 221 p.
4. Burke M. Cognitive Stylistics: History, Development and Current Applications // Journal of Foreign Languages. 2010. Vol. 33/1. P. 40–46.
5. Burke M. Literary Reading, Cognition and Emotion: An Exploration of the Oceanic Mind. New York ; London : Routledge, 2011. 284 p.
6. Cognitive Literary Science: Dialogues Between Literature and Cognition / ed.: M. Burke, E. T. Troscianko. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. 368 p.

7. Cognitive Poetics in practice / ed.: Gavins Joanna, Steen Gerard. London ; New York : Routledge, 2003. 188 p.
8. Damasio A. R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York : Avon Books, 1994. 312 p.
9. Emocje w kulturze / red.: Małgorzata Rajtar, Justyna Straczuk. Warszawa : Wyd-wo Uniw. Warszawskiego : Narodowe Centrum Kultury, 2012. 509 s.
10. Emotion in Language : Theory – Research – Application / ed. Ulrike M. Lütke. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2015. 458 p.
11. Feelings and Emotions : The Amsterdam Symposium / ed. A. S. R. Manstead, Nico Frijda, Agneta Fischer. New York : Cambridge Univ. Press, 2004. 504 p.
12. Handbook of the Sociology of Emotions / ed.: Jan E. Stets, Jonathan H. Turner. New York : Springer, 2006. 638 p.
13. Harris S. R. An Invitation to the Sociology of Emotions. London ; New York : Routledge, 2015. 148 p.
14. Histoire des Emotions : in 3 vol. set // Sous la direction de Alain Corbin, Jean-Jacques Courtine, Georges Vigarello. Paris : Seuil, 2016. Vol. 2 : Des Lumières à la fin du XIXe siècle. 470 s.
15. Hogan P. C. What Literature Teaches Us about Emotion (Studies in Emotion and Social Interaction). New York : Cambridge Univ. Press, 2011. 336 p.
16. Interpreting emotions in Russia and Eastern Europe / ed. M. D. Steinberg, V. Sobol. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2011. 303 p.
17. Kunz T. Kulturowa socjologia literatury, rozpoznania i propozycje // Kulturowa teoria literatury : Poetyki, problematyki, interpretacje / red.: T. Walas, R. Nycz. Kraków : TAIWPN UNIVERSITAS, 2012. S. 413–439.
18. Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. London ; New York : Routledge, 2002. 204 p.
19. Tělo smysly, emoce v jazyce / Tělo, smysly, emoce v literatuře / ed. I. Vaňková , J. Wiendl. Praha : Un-ta Karlova v Praze, 2012. 180 s.
20. The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / ed. L. Zunshine. New York : Oxford Univ. Press, 2015. 656 p.

Reference List

1. Plamper Ja. Istorija jemocij = History of emotions / per. s angl. K. Levinsona. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 568 s.
2. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotion. Moskva : Gnozis, 2008. 416 s.
3. Armstrong P. B. How Literature Plays with the Brain: The Neuroscience of Reading and Art. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 2013. 221 p.
4. Burke M. Cognitive Stylistics: History, Development and Current Applications // Journal of Foreign Languages. 2010. Vol. 33/1. P. 40–46.
5. Burke M. Literary Reading, Cognition and Emotion: An Exploration of the Oceanic Mind. New York ; London : Routledge, 2011. 284 p.
6. Cognitive Literary Science: Dialogues Between Literature and Cognition / ed.: M. Burke, E. T. Troscianko. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. 368 p.

7. Cognitive Poetics in practice / ed.: Gavins Joanna, Steen Gerard. London ; New York : Routledge, 2003. 188 p.
8. Damasio A. R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York : Avon Books, 1994. 312 p.
9. Emocje w kulturze / red.: Małgorzata Rajtar, Justyna Straczuk. Warszawa : Wyd-wo Uniw. Warszawskiego : Narodowe Centrum Kultury, 2012. 509 s.
10. Emotion in Language : Theory – Research – Application / ed. Ulrike M. Lüdtke. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2015. 458 p.
11. Feelings and Emotions : The Amsterdam Symposium / ed. A. S. R. Manstead, Nico Frijda, Agneta Fischer. New York : Cambridge Univ. Press, 2004. 504 r.
12. Handbook of the Sociology of Emotions / ed.: Jan E. Stets, Jonathan H. Turner. New York : Springer, 2006. 638 p.
13. Harris S. R. An Invitation to the Sociology of Emotions. London ; New York : Routledge, 2015. 148 p.
14. Histoire des Emotions : in 3 vol. set // Sous la direction de Alain Corbin, Jean-Jacques Courtine, Georges Vigarello. Paris : Seuil, 2016. Vol. 2 : Des Lumières à la fin du XIXe siècle. 470 s.
15. Hogan P. C. What Literature Teaches Us about Emotion (Studies in Emotion and Social Interaction). New York : Cambridge Univ. Press, 2011. 336 p.
16. Interpreting emotions in Russia and Eastern Europe / ed. M. D. Steinberg, V. Sobol. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2011. 303 p.
17. Kunz T. Kulturowa socjologia literatury, rozpoznania i propozycje // Kulturowa teoria literatury : Poetyki, problematyki, interpretacje / red.: T. Walas, R. Nycz. Kraków : TAIWPN UNIVERSITAS, 2012. S. 413–439.
18. Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. London ; New York : Routledge, 2002. 204 p.
19. Tělo smysly, emoce v jazyce / Tělo, smysly, emoce v literatuře / ed. I. Vaňková , J. Wiendl. Praha : Un-ta Karlova v Praze, 2012. 180 c.
20. The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / ed. L. Zunshine. New York : Oxford Univ. Press, 2015. 656 p.

УДК 821.161.1

А. С. Бокарев

<https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Ю. В. Ткачук

<https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

Интерсубъектность в цикле стихотворений Марии Степановой «Spolia»

Для цитирования: Бокарев А. С., Ткачук Ю. В. Интерсубъектность в цикле стихотворений Марии Степановой «Spolia» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 52–57. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-52-57

Статья обращена к рассмотрению цикла стихотворений М. Степановой «Spolia» (2015) в свете отношений автора и героя, чьи кругозоры на неклассическом этапе развития поэтики отчетливо сближаются. Исследуется художественная стратегия, при которой «я», будучи темой высказывания, уступает «другому» право голоса и/или оценки, «подключаясь» к нему ради собственного самовыражения. В основе «Spolia» – целый конгломерат сложно соотнесенных с авторским сознанием, направленных на него, но не автономных по отношению к субъекту: реплицированность (как правило, графически не отмеченная) и «чужая» интенция (понимаемая как обращенная на протагонистку ценностная экспрессия) – наиболее востребованные в цикле формы речеведения. Полномочия автора, таким образом, ограничиваются фиксацией адресованных героине суждений, критически осмысливающих тексты Степановой (произведения поэта должны прочитываться как металирика), а также организацией среды для диалога. На правах нераздельных, но и неслиянных с авторским «голосов» в субъектную сферу «Spolia» включаются создатели как классических, так и современных произведений искусства (от А. Грибоедова и П. Чайковского до Вен. Ерофеева и Г. Дашевского). Когда назначение интертекста сводится к расширению границ личности, понимаемой уже не как «центр», но как «радиус» художественного мира, закономерным становится пренебрежение индивидуальной биографией пишущего. «Паспортное» имя поэта, по мысли Степановой, является «синонимом» эпицентра боли: единение с миром покупается лишь ценой страдания, которое и открывает перед автором редкую в лирике возможность «без-себя-говоряния».

Ключевые слова: М. Степанова, «Spolia», субъектная структура, интерсубъектность, «я» и «другой», диалогические отношения в лирике, метапоэтика, интертекст.

A. S. Bokarev, Y. V. Tkachuk

Intersubjectivity in Maria Stepanova's poetic cycle «Spolia»

The article considers M. Stepanova's cycle of poems «Spolia» (2015) from the point of view of the relationship between the author and the hero, whose outlooks are clearly getting closer at the non-classical stage of poetics development. The authors analyse the artistic strategy where «I», being the subject of the utterance, delegates the right to speak and/or the right to make judgements to the «other», «connecting» to the «other» for the sake of self-expression. Spolia is based on the complex of meanings connected with the author's consciousness, directed towards the author, but not autonomous in relation to the subject: replication (usually not marked graphically) and «alien» intention (understood as value expression directed at the protagonist) are the most popular forms of speech production in the cycle. The author's powers are thus limited to recording judgements addressed to the heroine and critically interpreting Stepanova's texts (the poet's works must be read as meta-lyrics), and to organizing the space for dialogue. The «voices» of both classical and modern artists (from A. Griboyedov and P. Tchaikovsky to Ven. Yerofeyev and G. Dashevsky) are included in the subjective sphere of «Spolia» as inseparable but not merging with the author's voice. When the purpose of the intertext comes down to expanding the boundaries of the personality, which is no longer understood as a «center», but as a «radius» of the artistic world, it is natural to disregard the individual biography of the writer.

The poet's «passport» name, according to Stepanova, is a «synonym» for the epicenter of pain: unity with the world is only bought at the cost of suffering, which opens up to the author the possibility of «no-self-speaking», rare in poetry.

Keywords: M. Stepanova, «Spolia», subject structure, intersubjectivity, «I» and the «other», dialogical relations in poetry, meta-poetics, intertext.

Введение

Становление отношений автора и героя, при которых личность предстает не как «монологическая», а как «неопределенная» и «вероятностно-множественная», осознается исследователями в качестве одной из важнейших тенденций поэтики модальности (особенно неклассического ее этапа) [Бройтман, 2004, с. 253–254; Малкина, 2008, с. 126]. Уже в лирике реализма, обстоятельно проанализированной Б. О. Корманом [Корман, 2008], сближением разнящихся кругозоров порождается такая форма интерсубъектности, как «поэтическое многоголосье», соответствующее несобственно-прямой речи в эпике и являющееся результатом внедрения «текста, организованного преимущественно фразеологической точкой зрения, в текст, организованный преимущественно прямооценочной точкой зрения» [Корман, 2008, с. 447–448]. Внимательный к стилевой неоднородности произведения, ученый объективирует ее в голосах героев [Бройтман, 1997, с. 177], однако более специфичным для лирики способом взаимодействия сознаний следует считать интенцию – «ценностную экспрессию», направленную «не на объект, а на другого субъекта» [Бройтман, 1997, с. 27]. Последний при таком подходе не только «принят внутрь „я”», но и сохраняет в той или иной степени «свою ощутимую „другость”» [Бройтман, 1997, с. 178]. В лирике же конца XX – начала XXI вв. наибольший интерес представляют случаи, когда «я», оставаясь темой высказывания, уступает «другому» право голоса и / или оценки, «подключаясь» к нему «ради собственного самовыражения» [Majmieskułow, 1990, с. 111]. В результате возникает эффект, определенный М. М. Бахтиным как способность смотреть «на себя в зеркало... своими и чужими глазами одновременно» [Бахтин, 1979, с. 314], а на передний план выдвигаются типы речеведения, основанные на реплицированности и включенности в текст «чужих» интенций. К рассмотрению подобной «оптики» в творчестве Марии Степановой, понимаемой ею как едва ли не единственный доступный современному поэту способ самовыражения, мы и обратимся далее.

Авторское «я» как объект метапоэтической рефлексии

Замечено, что «поиск нового способа высказывания» – основная художественная задача М. Степановой [Плеханова, 2018, с. 236], а «нейтрализацией субъектности» определяется логика ее поэтических книг последнего времени

[Плеханова, 2018, с. 236; см. также: Ямпольский, 2014] (от «Киреевского» с его «хоровым» началом – до стихов, написанных «за Стиви Смит», где «свое» и «чужое» не разграничит и тщательный лингвопереводческий анализ). Согласно поэту, «я» на современном этапе является «не актером, но камерой»: «авторская воля» сводится «к работе команды, обеспечивающей прямой эфир для эксперимента», в результате чего текст мыслится как «пучок или веник расходящихся интонаций» [Степанова, 2017а, с. 431]. Поэтому в цикле «Spolia» из одноименной книги, о котором пойдет речь, героиня объективирована и увидена со стороны – принципом его структурирования является включение стихотворений, «задуманных как авторские манифесты», но воплощенные «от противного», то есть «переадресованные некоему хору оппонентов» [Ратке, 2017, с. 71]. Метапоэтическим мотивам как раз и отводится ключевая роль в самоидентификации субъекта, а «писательская обида» рассматривается автором «как частный случай стигматизированного бытия» [Житенев, 2017, с. 319].

Оба значения слова «spolia», вынесенного в заглавие, – «доспехи поверженного в бою вражеского полководца» [Словарь иностранных слов..., 1921, с. 531] и «элементы древнего декора, использованные в новых сооружениях» [Бевилакка, 2013, с. 145] – актуализированы контекстом и указывают на болезненный исторический (прежде всего военный) и персональный (связанный с писательской невостребованностью) опыт. Объединенные семей «чужое», они проецируются на субъектную структуру цикла, в основе которой – целый конгломерат сложно соотнесенных с авторским сознанием. Диффузия «я» и «другого», а нередко и приоритет последнего при оформлении лирической субъективности возможны благодаря самоотстранению в сочетании с репликами, встроенными как в личное, так и в безличное высказывания, «чужой» интенции и разнообразным формам синкретизма, при которых местоимения, называющие говорящего, отсылают к неопределенной инстанции и способны вместить любое содержание. Иногда носителем речи оказывается анонимный «голос», оценивающий творчество героини и получающий ее «отповедь» – но как бы ни разнилась субъектная организация стихотворений, неизменной остается их богатая (на грани центонности) интертекстуальная «аранжировка». Впрочем, многие из названных принципов Степановой не просто осознаны, но выступают в цикле главным предметом обсуждения.

Принципиально, что героиня предстает в «Spolia» именно в качестве поэта – частная биография уступает место подробностям читательской рецепции, обнаруживающей резкое неприятие публикой «авторской поступки» [Степанова, 2017а, с. 413]. Среди наиболее существенных и обидных сочинителю упреков называются неискренность, отношение к стихописанию как к проекту, отсутствие «неповторимой интонации» [Степанова, 2017б, с. 346–347] и неспособность высказаться от собственного имени [Степанова, 2017б, с. 341]. Воспринимаются подобные «рекламации» как слова одного или нескольких (будто перебивающих друг друга) персонажей, лишённые, однако, внешних признаков прямой речи (и нередко принимающие форму интенции); ответные же реплики героини графически выделены, но количественно явно им уступают. Когда текст начинается претензией («она не способна говорить за себя, / потому в ее стихах обязательны рифмы <...> где ее я, положите его на блюдо» [Степанова, 2017б, с. 341]), а завершается иронически окрашенной «антикритикой» («<...> у кого нет я, ничего присвоить не может, / у кого нет я, будет ходить побираться <...>») [Степанова, 2017б, с. 341–342]), родовые границы лирики проблематизируются, а образ героини становится предельно рельефным. Пренебрежение шаблонами чужой речи свидетельствует, что «другой» у Степановой не автономен по отношению к «я» и нуждается в нем для проявления собственной позиции. Полномочия протагонистки, таким образом, ограничиваются фиксацией адресованных ей мнений и оценок («если собрать в кучу, / было сказано вот что...») [Степанова, 2017б, с. 341] и организацией среды для диалога.

В поэзии первых десятилетий XX в. сходный способ говорения о себе характерен для Б. Пастернака и достаточно хорошо изучен его исследователями. С точки зрения Й. Ужаревича, автор совершает «коперниканский переворот» в художественном мышлении: в «Сестре моей – жизни» не «Я вращается вокруг вещей», как обычно бывает в лирике, а «вещи... вращаются вокруг Я» [Užarević, 1989, с. 24]. Таким образом, самоустранение протагониста, неоднократно отмечавшееся у Пастернака, оказывается сугубо внешним: пространство стихов «наполняется объектами, которые одновременно и вытесняют (замещают), и раскрывают (автобиографируют) субъект этого пространства» [Užarević, 1989, с. 24]. Развивая аналогию, можно предположить, что Степанова, подобно старшему поэту, делает

«я» «пустым местом», притягивающим к себе «центрифугально устроенный мир» [Užarević, 1989, с. 24], где функции «природных, атмосферных, архитектурных» и т. д. явлений, изъясняющихся о герое [Užarević, 1989, с. 27], берут на себя люди. Номинально отказываясь от самовыражения, протагонистка заставляет говорить о себе «других», чьи представления не противоречат, как может показаться, ее собственному видению, но расходятся с ним в оценочном знаке.

Внимательное чтение «Spolia» позволяет убедиться, что предметных возражений «критикам» реплики героини не содержат. Завершающая одно из стихотворений фраза – «– ладно, я пригов – / скажу, от вас упрыгав» [Степанова, 2017б, с. 347] – демонстрирует лишь иное относительно заявленного восприятие проблемы. То, что «другими» видится как недостаток, автором культивируется и составляет ядро его художественной программы. Если поэт позиционируется как «безсебя-говорящий», и такая форма речеведения ассоциируется с абсолютной свободой – в том числе и от языковой нормы («у кого нет я, / может позволить себе не-явку, / хочет отправиться на свободу») [Степанова, 2017б, с. 342; курсив автора. – А. Б., Ю. Т.], то произведение принимает вид полиэкрана, на который выводится множество сознаний, «отражающих» и собственное «я» пишущего. Отсюда – обилие текстов-деклараций, не только тематизирующих интересую субъектность, но и являющихся ее структурным выражением: «выйди от меня я человек грешный / говорит орлица встречному ветру // выйди от меня я человек нетвердый / говорит рукам красная глина // выйди от меня / я не человек вовсе / я простое записывающее устройство» [Степанова, 2017б, с. 355]. Принципом «киноглаза» [Вертов, 1966, с. 53] диктуется монтажное нанизывание разновременных и разномасштабных событий: трагический опыт истории («а какие были яблоки до первой мировой...») [Степанова, 2017б, с. 362] соседствует с деталями частной жизни («школьная форма, примерка, фартук крылат...») [Степанова, 2017б, с. 363]), а в поле зрения то и дело попадают родные или совсем не знакомые люди – как живые («дальнобойщик в своей кабине, теперь проверим, / действительно ли она высока, как терем» [Степанова, 2017б, с. 377]), так и мертвые («прадед григорий о двух руках, / правую позже отъест машина фабричная...») [Степанова, 2017б, с. 362]). Разворачивается визуальный ряд под отчетливый «аккомпанемент» «чужих» текстов, чьи создатели – на правах нераздельных, но и неслиянных с

авторским «голосом» – включаются в субъектную сферу цикла.

«Чужое» слово в субъектной структуре текста

Многие стихотворения “Spolia” строятся как коллаж, сводящий вместе самые разнообразные источники: «школьную» классику и поэзию «серебряного века», ранний постмодернизм и современную эссеистику, оперные хиты и репертуар советской эстрады. Цитаты из «общедоступного» литературного фонда контаминируются даже в характеристике героини: «ее материал / не хочет ей сопротивляться / дает поцелуй без любви, лежит без движенья // таких как она ставят на табуретку, / прочти нам про друг прелестный // из таких, как она, <...> делали переводчиков / умеренных аккуратных» и т. д. [Степанова, 2017б, с. 341]. Нетрудно заметить, что сочетание «умеренный аккуратный» отсылает к «Горю от ума» А. Грибоедова [Грибоедов, 1970, с. 82], а «друг прелестный» – к «Зимнему утру» А. Пушкина [Пушкин, 1985–1987, т. 1, с. 453]; что фраза «лежит без движенья» почти дословно повторяет финал чеховского «Вишневого сада» [Чехов, 1974–1988, т. 13, с. 254], а «поцелуй без любви» – название коктейля, упомянутого героем Вен. Ерофеева в «Москве – Петушках» [Ерофеев, 2005, с. 61]. Однако в получившемся контексте слова будто «забывают» о своих прежних смыслах, выступая лишь знаками «чужого», – не потому ли и о принципах цитации говорится с «оглядкой» на Г. Дашевского (ср.: «...она цитирует все одновременно / и не чтобы напомнить, а чтобы наполнить дыры // (что особенно жутко)» [Степанова, 2017б, с. 374] – «...никто не читал того же, что ты; а если и читал, то это вас не сближает. Время общего набора прочитанного кончилось, апеллировать к нему нельзя» [Дашевский, 2020, с. 153])?

Нередко заимствования оказываются полигенетическими, а произведение – одинаково далеким от всех текстов-источников, – как фраза «чайковской! я скрывать не стану» [Степанова, 2017б, с. 346], восходящая к известной опере, а через нее и к пушкинскому «Евгению Онегину», или «мандельштамовское» восьмистишие с «вмонтированными» в него стихами В. Ходасевича и названиями известных детских журналов («Густая советская роза / Муштрует упрямый дичок, / А он до последнего раза / Все глубже в кусты и молчок. / И тех-то без лепета мочишь, / И этих без опыта чтишь, / Но если взглядеться захочешь, / То близится еж, а не чиж»

[Степанова, 2017б, с. 359]). Когда рифменную пару составляют понятия, взятые из плохо «стыкующихся» художественных систем, – например, «просторы» из песни Д. Тухманова на стихи Р. Рождественского и «уицраора» из оккультно-мистического учения Д. Андреева («я люблю страна твои просторы / я люблю твои столы и горы / и неправдоподобного уицраора / и последнего царя» [Степанова, 2017б, с. 348]), назначение «чужого» слова сводится к расширению субъектных границ «я», понимаемого не как «центр», но как «радиус» художественного мира [Степанова, 2017б, с. 431].

Закономерно, что личные местоимения при таком подходе превращаются в грамматическую условность («пока мы спим, я думает о тебе» [Степанова, 2017б, с. 368]), а имя поэта – будь то «Анненский», «Блок» или «Волошин» – оказывается синонимом эпицентра боли. Обостренным переживанием не только своего, но и чужого (в пределе – всеобщего) неблагополучия как раз и объясняется открытость субъектных границ «я», понимаемая Степановой как родовое свойство лирики. Отсюда – пренебрежение индивидуальной биографией пишущего: в цитируемых стихах – «Шел трамвай десятый номер, / На площадке Пушкин помер, / умер, шмумер, свесил ножки, / Вышла горсточка морошки» [Степанова, 2017б, с. 343] – подробности последних дней жизни классика («морошка») обрастают деталями ухода поэта современного – Г. Сапгира (умершего в троллейбусе), а также поэта вымышленного – Ю. Живаго (скончавшегося по выходе из трамвая). Связь последнего с фигурой Христа, заданная пастернаковским романом, у Степановой не только востребована, но и поддержана нарочито «смазанной» отсылкой к мученической судьбе О. Мандельштама («И глядит несытой зверью / Весь заплаканный барак / На застрявший в подреберье / Красногубый габриак» [Степанова, 2017б, с. 343]). Если личность поэта уподоблена «бублику» [Степанова, 2017б, с. 342], пустота внутри может заполниться лишь страданием – только такой ценой покупается свобода от «я» и единение с миром.

Заключение

На основании изложенных наблюдений можно сделать вывод, что субъектную сферу цикла М. Степановой «Spolia» определяет приоритет «другого» (его позиции, слова или интенции) при конструировании лирического «я» в тексте. В произведениях поэта диалогически соотнесены

разные точки зрения на героиню: самооценка говорящего «корректируется» взглядом со стороны – и именно их взаимодействием обуславливается читательское видение авторской субъективности. При этом отношения сознаний, при всей их напряженности, художественно продуктивны: высказанная в адрес стихотворений критика ложится в основу творческих построений Степановой и образует фундамент ее метапоэтической программы. Множественность сложно соотнесенных точек зрения и плотная интертекстуальная «прошивка» цикла свидетельствуют о расширении и проницаемости субъектных границ «я»: «одержимость» «другим» и способность к «вживанию» в «чужое» слово – неотъемлемые качества героини, однако «выход из себя» [Степанова, 2017б, с. 375] чреват болью, а преодоление одиночества не гарантировано.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Издательство «Искусство», 1979. С. 308–327.
2. Бевилакка Л. Представление прошлого в Византии. Споллии с фигуративными изображениями на городских воротах Никеи (XIII век) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2013. С. 145–150.
3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. Москва : Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.
4. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. 307 с.
5. Вертов Д. Киноки. Переворот // Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. Москва : Искусство, 1966. С. 50–58.
6. Грибоедов А. С. Горе от ума. Москва : Издательство «Советская Россия», 1970. 130 с.
7. Дашевский Г. М. Как читать современную поэзию // Дашевский Г. М. Стихотворения и переводы. 2-е изд. Москва : Новое издательство, 2020. С. 143–156.
8. Ерофеев В. Москва – Петушки. Москва : Захаров, 2005. 144 с.
9. Житенев А. Земляная цезура (Рец. на кн.: Степанова М. Spolia. М., 2015) // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (143). С. 319–322.
10. Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова // Корман Б. О. Избранные труды. История русской литературы. Ижевск : б / и, 2008. С. 253–601.
11. Малкина В. Я. Модальности поэтика // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. Москва : Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 126–127.
12. Плеханова И. И. Гражданская поэзия Марии Степановой: между неопределенностью «я» и небес-

спорностью смысла // Литературная классика XX века: актуальные подходы: монография: посвящается 100-летию со дня рождения А. М. Абрамова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. С. 236–244.

13. Пушкин А. С. Сочинения. В 3 т. Москва : Худож. лит., 1985–1987. Т. 1. 735 с.
14. Ратке И. Возможность поэзии и ничего личного // Prosödia. 2017. № 7. С. 69–73.
15. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. New-York : Издание книжного магазина М. Мейзеля, 1921. 360 с.
16. Степанова М. Перемещенное лицо // Степанова М. Против лирики. Москва : Издательство АСТ, 2017а. С. 412–433.
17. Степанова М. Spolia // Степанова М. Против лирики. Москва : Издательство АСТ, 2017б. С. 340–377.
18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти тт. Москва : Наука, 1974–1988. Т. 13. 527 с.
19. Ямпольский М. Б. Подземный патефон: об одном мотиве в поэзии Марии Степановой // Новое литературное обозрение. 2014. № 6 (130). С. 231–268.
20. Majmieskułow A. Стихотворение Пастернака «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...» // Poetika Pasternaka. Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne; Filologia Rosyjska 1989 z. 31/12. Bydgoszcz, 1990. С. 91–119.
21. Užarević J. К проблеме лирического субъекта в лирике Бориса Пастернака // Poetika Pasternaka. Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne; Filologia Rosyjska 1989 z. 31/12. Bydgoszcz, 1990. С. 23–35.

Reference List

1. Bahtin M. M. K pererabotke knigi o Dostoevskom = On revising the book about Dostoevsky // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. Moskva : Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1979. S. 308–327.
2. Bevilakva L. Predstavlenie proshlogo v Vizantii. Spolii s figurativnymi izobrazhenijami na gorodskih vorotah Nikei (XIII vek) = Representation of the past in Byzantium. Spolia with figurative images on the city gates of Nicaea (13th century) // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statej. Vyp. 3. Sankt-Peterburg : NP-Print, 2013. S. 145–150.
3. Brojtmann S. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics // Teorija literatury: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 t. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. T. 2. 368 s.
4. Brojtmann S. N. Russkaja lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskaj pojetiki. (Sub#ektno-obraznaja struktura) = Russian poetry of the 19th – early 20th centuries in the light of historical poetics. (The subject-imagery structure). Moskva : Rossijsk. gos. гуманит. un-t, 1997. 307 s.

5. Vertov D. Kinoki. Perevorot = Kinoki. Revolution // Vertov D. Stat'i. Dnevnik. Zamysly. Moskva : Iskustvo, 1966. S. 50–58.
6. Griboedov A. S. Gore ot uma = Woes of Wit. Moskva : Izdatel'stvo «Sovetskaja Rossija», 1970. 130 s.
7. Dashevskij G. M. Kak chitat' sovremennuju poeziju = How to read contemporary poetry // Dashevskij G. M. Stihotvorenija i perevody. 2-e izd. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2020. S. 143–156.
8. Erofeev V. Moskva – Petushki = Moscow – Petushki. Moskva : Zaharov, 2005. 144 s.
9. Zhitenev A. Zemljanaja cezura (Rec. na kn.: Stepanova M. Spolia. M., 2015) = Earth caesura (Review of the book: Stepanova M. Spolia. M., 2015) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 1 (143). S. 319–322.
10. Korman B. O. Lirika N. A. Nekrasova = N. A. Nekrasov's poetry // Korman B. O. Izbrannye trudy. Istorija russkoj literatury. Izhevsk : b / i, 2008. S. 253–601.
11. Malkina V. Ja. Modal'nosti pojetika = Modalities of poetics // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj, Intrada, 2008. S. 126–127.
12. Plehanova I. I. Grazhdanskaja poezija Marii Stepanovoj: mezhdu neopredelennost'ju «ja» i nebesspornost'ju smysla = Maria Stepanova's civic poetry: between the indefinite « I » and the ambiguity of meaning // Literaturnaja klassika HH veka: aktual'nye podhody: monografija: posvjashhaetsja 100-letiju so dnja rozhdenija A. M. Abramova. Voronezh : Izdatel'skij dom VGU, 2018. S. 236–244.
13. Pushkin A. S. Sochinenija. V 3 t. = The Works. In 3 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1985–1987. T. 1. 735 s.
14. Ratke I. Vozmozhnost' poezii i nichego lichnogo = The possibility of poetry and nothing personal // Prosodia. 2017. № 7. S. 69–73.
15. Slovar' inostrannyh# slov#, voshedshih# v sostav# russkago jazyka = Dictionary of Foreign Words in the Russian Language. New-York : Izdanie knizhnago magazina M. Meizelja, 1921. 360 s.
16. Stepanova M. Peremeshhennoe lico = Displaced person // Stepanova M. Protiv liriki. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2017a. S. 412–433.
17. Stepanova M. Spolia // Stepanova M. Protiv liriki. = Against lyrics. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2017b. S. 340–377.
18. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30-ti tt. = The Complete Works and Letters: In 30 vols. Moskva : Nauka, 1974–1988. T. 13. 527 s.
19. Jampol'skij M. B. Podzemnyj patefon: ob odnom motive v poezii Marii Stepanovoj = The underground gramophone: on a motif in Maria Stepanova's poetry // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 6 (130). S. 231–268.
20. Majmieskułow A. Stihotvorenje Pasternaka «Sestra moja – zhizn' i segodnja v razlive...» // Poetika Pasternaka. Zeszyty Naukowe Wyzszej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne; Filologia Rosyjska 1989 z. 31/12. Bydgoszcz, 1990. S. 91–119.
21. Užarevič J. K probleme liricheskogo sub#ekta v lirike Borisa Pasternaka // Poetika Pasternaka. Zeszyty Naukowe Wyzszej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne; Filologia Rosyjska 1989 z. 31/12. Bydgoszcz, 1990. S. 23–35.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

УДК 8.81.42 (8. 81.38)

Е. И. Беглова

<https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Своеобразие использования лексических средств в произведении В. В. Розанова «Опавшие листья»

Для цитирования: Беглова Е. И. Своеобразие использования лексических средств в произведении В. В. Розанова «Опавшие листья» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 58–66. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-58-66

Предметом исследования явились лексические средства в произведении В. Розанова «Опавшие листья» (1913, 1915), публициста, писателя XIX – первой трети XX в., которое представляет новый авторский жанр – лист. Особое внимание уделено выявлению приёмов использования лексики в данном произведении с точки зрения выражения авторской мысли в афористической форме, когда слово играет определяющую роль не только в порождении индивидуально-авторского смысла, но и в выражении эмоций, оценок.

Выявлены и продемонстрированы основные приёмы употребления лексических средств: субъективное эмоциональное и рациональное определение понятий; толкование значения слова через контекстуальное «приращение», создающее авторское умозаключение; наполнение слова контекстуальным значением с помощью ассоциативных образов; использование разных лексических средств, а также тропов, стилистических фигур для создания коннотативного смысла и экспрессии текста; приём создания семантической оппозиции на основе антитезы; использование метафор, антитезы, градации как текстообразующих факторов. Подтверждено и продемонстрировано, что текстообразующую роль выполняют специальные средства создания образности: метафора (развёрнутая метафора), олицетворение, антитеза, каламбур. Повтор и сравнение актуальны в жанре «листа» как средства, создающие коннотативные смыслы и усиливающие экспрессию. Выявлены особые авторские приёмы, к которым относятся семантическая оппозиция и умозаключения, образованные как дедуктивным, так и индуктивным способами; они часто служат основными факторами текстообразования. Данные особенности, отражающие свойства лексики, являются одновременно как приёмами порождения смысла, экспрессии, оценки, так и признаками жанра «листа».

Сделан вывод о том, что выявленные приёмы использования разных лексических средств являются одной из главных черт идиостиля писателя.

Ключевые слова: лексические средства, текст, жанр листа, приёмы использования лексики, определение понятий, умозаключение, контекстуальный смысл, коннотация, неологизм, идиостиль.

LINGUISTICS

Russian language

Е. И. Beglova

Peculiarities of using lexical means in the work of V. V. Rozanov's «The Fallen Leaves»

The subject of the study is the lexical means used in the «Fallen Leaves» (1913, 1915) – the work by V. Rozanov, a publicist and a writer of the XIX – first third of the XX centuries – which represents a new author's genre – a leaf. Particular attention is paid to identifying the methods of using the vocabulary in this work in terms of expressing the author's thought in an aphoristic form, when the word plays a crucial role not only in generating the author's individual meaning, but also in expressing emotions and opinions.

The author of the article identifies and demonstrates the most significant methods of using lexical means: subjective emotional and rational definition of concepts; interpretation of the meaning of words through contextual «increment» that creates the author's inferences; filling a word with contextual meaning by using associative images; the use of various lexical means, as well as tropes, stylistic figures to create connotative meaning and expression of the text; the method of creating a semantic opposition based on the antithesis; the use of metaphors, antitheses, gradations as text-forming factors.

The most significant methods of using lexical means are identified and demonstrated: subjective emotional and rational definition of concepts; interpretation of the meaning of words through contextual «increment» that creates the author's inferences; filling a word with contextual meaning using associative images; the use of various lexical means, as well as tropes, stylistic devices to create connotative meaning and expression of the text; the method of creating a semantic opposition based on the antithesis; the use of metaphors, antitheses, gradations as text-forming factors. It is stated and confirmed that the text-forming role is played by special means of creating imagery: metaphor (expanded metaphor), personification, antithesis and pun. Repetition and comparison are relevant in the «leaf» genre as the means of creating connotative meanings and enhancing expression. The author of the article considers special writer's techniques which include semantic opposition and inferences formed both deductively and inductively and often serve as the main factors of text formation. These features, reflecting the characteristics of vocabulary, are both the methods of generating meaning, expression, evaluation and the signs of the «leaf» genre.

The author concludes that the technique of using different lexical means is one of the main features of the writer's idiosyncrasy.

Keywords: lexical means, text, the leaf genre, techniques of using vocabulary, definition of concepts, inference, contextual meaning, connotation, neologism, idiosyncrasy.

В. В. Розанов и его произведение «Опавшие листья»

В. В. Розанов (1856–1919 гг.) – русский философ, публицист, писатель, о котором написаны научно-исследовательские работы, посвященные его философскому мировоззрению, писательскому мастерству [Бессонова, 2015, с. 561–564; Фатеев, 2015; Егоров, 2016; Миллионщикова, 2019; Емельянов, 2019], вопросам литературы [Фомин, 2007; Голубкова, 2013; Шульц, 2019, с. 44–53]. Произведение «Опавшие листья» изучалось с разных точек зрения: философской, литературоведческой, культурной и др. [Фомин, 2010; Федякин, 2014, с. 656–659]. Многие авторы, изучающие творчество В. В. Розанова в XX и XXI вв., справедливо говорят об уникальности стиля «Опавших листьев», о чем свидетельствует, например, работа Г. П. Федотова, который назвал это произведение «осенней жатвой его жизни», «плачем о России» [Федотов, 1988]. С. А. Шульц показал роль жанра «фрагмента» с его диалогичностью, открытостью в литературном творчестве В. В. Розанова [Шульц, 2019, с. 44–53], Е. М. Криволапова изучила особенности жанра названного произведения, обратив внимание на «дневниковый» характер текстов, [Криволапова, 2012, с. 22–29] и др. Е. П. Карташова исследовала особенности стиля В. В. Розанова, связанные с жанровыми и языковыми признаками авторского текста [Карташова, 2014, с. 2036–2040].

В данной статье мы рассмотрим особенности употребления лексических средств и приемы порождения контекстуального смысла особого жан-

ра, созданного В. В. Розановым, – листа, представленного в его произведении «Опавшие листья» (1913, 1915), которые, по нашему мнению, представляют одну из главных черт идиостиля В. В. Розанова.

Произведение «Опавшие листья», по словам самого автора, включает афоризмы «полумыслей и подувздохов» на самые разные темы: литературы, судьбы, российской жизни, церкви, бытовых явлений. Оно состоит из двух «коробов». Первый короб составлен из разных мыслей без соблюдения хронологии, он отражает мысли о смерти, размышления о собственной судьбе, любви, детях, людях и их поведении. Во втором коробе, как пишет В. В. Розанов, листья располагаются в строгой хронологической последовательности. В нем находятся мысли о браке, литературе, ученых, исторических лицах, писателях [Розанов, 2001, с. 239].

Исследователи произведений В. В. Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья» отмечали, что жанр листа строится на принципе «случайных записей», набросков мыслей «для себя» [Бессонова, 2015, с. 561], они стоятся по принципу дневниковых записей [Криволапова, 2012, с. 22–29]. С этим нельзя не согласиться, поскольку, по нашему мнению, уже само название «Опавшие листья» проецирует адресата на что-то необычное: малое, единичное во множестве, что разлетается, как листья/листья. М. А. Грушицкая видит в этом названии импрессионистскую метафору, которая отличается от обычной метафоры особой живописностью. Она отмечает в данной импрессионистской

метафоре скоротечность жизни, «авторские восклицания» [Грушицкая, 2019, с. 400]. По ее мнению, жанр листа отражает философию мгновений и впечатления от этих мимолетных наблюдений [Грушицкая, 2019, с. 395]. К аналогичному выводу пришли и мы в процессе изучения лексических особенностей текстов В. В. Розанова.

Семантика слов «лист», «листья/листы»

По нашему мнению, изучение лексических особенностей произведения В. В. Розанова «Опавшие листья», написанного в жанре листа, следует начать с самого названия, так как особого внимания заслуживает семантика слова *лист* / *листья* / *листы*. Слово *лист* в современном русском языке многозначное. В словарях фиксируются следующие значения и соответственно формы множественного числа: *листья* и *листья* – 1) орган воздушного питания и газообмена у растений [Кузнецов, 2004, с. 320]; 2) *листы* – тонкие широкие куски, пласты какого-либо материала (*листы бумаги, железа*); 3) *полиграфическое*: единица объема печатного листа в издательском деле (*печатный лист*); 4) *лист* / *листы* – документ, удостоверяющий что-либо, или содержащий какое-либо предписание (*исполнительный лист, похвальный лист*); бланк для занесения каких-либо сведений (*обходной лист, опросный лист*) [Кузнецов, 2004, с. 320].

В названии изучаемого нами художественного произведения формы множественного числа *листы* и *листья* чаще ассоциируются с языковыми и бытовыми пресуппозициями: слово *листы* сочетается со словами *бумага, железо*, содержащие сему «материал»: *листы бумаги, листы железа* и др. Слово *листья* вызывает бытовую ассоциацию, прежде всего, с деревом; оно имеет значение «часть растения: дерева, травы и пр.». По нашему мнению, наложение этих двух ассоциативных значений, обусловленных общими фоновыми знаниями автора и адресата, создаёт двусмысленность, на которой строится произведение «Опавшие листья», содержащее две композиционные части, называемые автором *коробами*: *короб первый, короб второй*. При этом слово *короб* также вызывает ассоциацию – языковую: это коробка, корзина как вместилище для листьев в процессе их сбора или коробка для хранения каких-либо листов (*бумажных, железных, кровельных* и пр.). Значение слова *листья* конкретизируется эпитетом (определением) *опавшие*, вызывающем ассоциации, с одной стороны, с осенью, когда падают листья с деревьев, с другой – с самими листьями,

их нежизнеспособностью, отмиранием, «смертью». Но *листья* – это и листы бумаги, на которые автор записывает свои сокровенные мысли, возникающие по любому поводу в процессе его перемещения, наблюдений за кем-либо или чем-либо. Это записи «для себя», которые фиксируют просветление ума, мимолетность мысли, придавая текстам афористичность. Таким образом, название является метафорой, которая создаётся многозначностью слов *листья* и *листы*, а также языковыми, бытовыми пресуппозициями, то есть общими фоновыми знаниями автора и адресата.

Авторские приемы употребления слов в произведении «Опавшие листья»

Следует заметить то, что частично лексические особенности «Опавших листьев» были исследованы в статье Е. П. Карташовой, которая описала прием остранения и каламбуры, построенные на переосмыслении значений многозначного слова, а также на использовании синонимов, антонимов в пределах небольшого контекста в прозаических произведениях В. В. Розанова «Опавшие листья», «Уединённое», «Последние листья» [Карташова, 2016, с. 85–88].

Как показывают наши наблюдения за текстами «Опавших листьев», содержание листа как авторского жанра порождается прежде всего особенностью употребления слов, а также особыми приёмами использования слова, что мы продемонстрируем далее лексическим анализом нескольких текстов. Мы выявили следующие основные приёмы употребления слова, которые способствуют созданию особого смысла текста, передающего авторские смыслы и эмоции и которые определяют одну из главных языковых черт идиостиля В. В. Розанова.

1. Субъективное эмоциональное и рациональное определение понятий.

Иногда в пределах одного текста – листа – даётся два и более определений, которые включают эмоциональное или интимное авторское восприятие явления, предмета и пр.; при этом нередко предмет или явление олицетворяются. Например: *Грусть – моя вечная гостья. И как я люблю эту гостью.*

Она в платье не богатом и не бедном. Худенькая. Я думаю, она похожа на мою мамашу. У неё нет речей или мало. Только вид. Он не огорчённый и не раздражённый. Но что я описываю: разве есть слова? Она бесконечна.

Грусть – это бесконечность! [Розанов, 2001, с. 80].

*

Она приходит вечером, в сумерки, неслышно, незаметно. Она уже «тут», когда думаешь, что нет её. Теперь она, не возражая, не оспаривая, примешивает ко всему, что вы думаете, свой налёт: и этот «налёт» – бесконечен.

Грусть – это упрёк, жалоба и недостаточность. Я думаю, она к человеку подошла в тот вечерний час, когда Адам «вкусил» и был изгнан из рая. С этого времени она всегда недалеко от него. Всегда «где-то тут»: но показывается в вечерние часы (Окружной суд, дожидаясь секретаря) [Розанов, 2001, с. 80]. В общелитературном употреблении *грусть* – чувство или состояние печали, лёгкого уныния [Кузнецов, 2004, с. 144]; [СО, 1983, с. 132]. В контексте мыслей В. В. Розанова слово наполняется смысловыми оттенками и отрицательными эмоциями: *грусть*: 1) **это бесконечность** как авторское восклицание; 2) **это упрёк, жалоба и недостаточность**. *Грусть* олицетворяется, получая контекстуальные смыслы, то есть является в тексте семантическим неологизмом.

Несколько раз в «Опавших листьях» автор обращается к понятию «**любовь**». В узуальном употреблении слово *любовь* многозначное. В современном толковом словаре русского языка отмечается три значения: *любовь* – 1) чувство глубокой привязанности к кому-либо или чему-либо (*материнская любовь, любовь к другу*); 2) чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола (*любовь к женщине*); 3) внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо (*любовь к театру*) [Кузнецов, 2004, с. 328]. В толковом словаре XX века фиксируется два значения: *любовь* – 1) чувство сердечной самоотверженной привязанности (*любовь к родине, горячая любовь, взаимная любовь*); 2) склонность, пристрастие к чему-либо (*любовь к музыке*) [СО, 1983, с. 294]. В «листьях» автор определяет *любовь* по-иному, субъективно, на основе собственных ощущений и наблюдений, интимно, переводя высокую субстанцию в вещь, приземляя её:

Любовь подобна жажде. Она есть жажда-ние души тела (т. е. души, коей проявлением служит тело). *Любовь всегда – к тому, чего «особенно недостаёт мне», жаждущему* [Розанов, 2001, с. 98].

*

Любовь есть томление; она томит; и убивает, когда не удовлетворена [Розанов, 2001, с. 98]. *Поэтому-то любовь, насыщаясь, всегда*

возрождает. Любовь есть возрождение [Розанов, 2001, с. 99].

*

Любовь есть всегда взаимное пожирание, поглощение. Любовь – это всегда обмен – души-тела. Поэтому, когда нечему обмениваться, *любовь погасает. И она всегда погасает по одной причине: исчерпанности материала для обмена, остановке обмена, сытости взаимной, сходств-тождества когда-то любивших и разных* [Розанов, 2001, с. 99].

Далее в тексте *любовь* как высокое чувство приземляется, превращаясь в «машину», дробясь на части – «валы с зубцами»: **Зубцы (разница) перетираются, сглаживаются, не зацепляют друг друга. И «вал» останавливается, «работа» остановилась: потому что исчезла машина, как стройность и гармония «противоположностей».** *Это любовь естественно умершая, никогда не возродится...*

*Отсюда, раньше ее (полного) окончания, вспыхивают измены, как последняя надежда любви: ничто не отдаляет (творит разницу) любящих, как измена которого-нибудь. Последний еще не стёршийся зубец нарастает, и с ним зацепливается противоположащий зубчик. Движение опять возможно, есть, – сколько-нибудь. **Измена есть, таким образом, самоисцеление любви, «починка» любви, «заплата» на изношенное и ветхое.** Очень нередко «надтреснутая» любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем и образует сносное счастье до конца жизни. (Тогда как без «измены» любовники или семья равнодушно бы отпали, отвалились, развалились; **умерли окончательно*** [Розанов, 2001, с. 99–100]. Определение любви как чувства в продолжении текста-листа перерастает в развёрнутую метафору: *любовь – это машина, имеющая вал с зубцами, которая работает до тех пор, пока зубцы не перестают цепляться друг за друга, а чтобы они не расцепились совсем, нужна измена, временное предательство как разрыв в отношениях между мужчиной и женщиной. Поэтому в тексте-листе даются определения любви и измены как единства противоположностей, без которых отношения в семье между мужчиной и женщиной и просто между мужчиной и женщиной заканчиваются. В тексте с помощью ряда глаголов-синонимов создаётся смысловая и эмоциональная (с чувством тревоги) градация: *отпадают, отваливаются, разваливаются, «умирают».* Итак, в текстах-листах, располагающихся друг за другом в первом*

коробе, дано четыре субъективных авторских определения любви: *любовь* – 1) *жаждание души тела*, 2) *томление*, 3) *возрождение*, 4) *всегда взаимное пожирание, поглощение*, 5) *всегда обмен – души-тела*.

Наблюдаем два контекстуальных определения измены: 1) как *последняя надежда любви*, 2) *самоисцеление любви*, «починка» любви, «заплата» на *изношенное и ветхое*.

Обнаруживаем определения любви и состояния любви, выражаемого глаголом *любить*, и в коробе втором, например, в следующем листе: *Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты». Это внешнее описание, но самое точное*.

Любовь – вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без нее – нет дыхания, а при ней «дышится легко». Вот и все [Розанов, 2001, с. 251].

В данном тексте смысл любви передается через психологическое состояние и через чувства, которые испытывает любящий человек: *«не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты»*. *Любовь* – это воздух, который продлевает жизнь, а не огонь, который жжет и испепеляет.

Иногда определение понятия дается с помощью значений многозначного слова, которые реализуются в пределах небольшого контекста, составляя определение, например: *Люди, которые никуда не торопятся, – это и есть Божьи люди. Люди, которые не задаются никакою целью, – тоже Божьи люди* [Розанов, 2001, с. 376–377]. Слово *божьи* в словосочетании *божьи люди* имеет два значения: 1) посланные богом, юродивые; 2) люди ленивые, ведущие себя как юродивые, которым Бог дал светлый разум, но они по природе своей не хотят ничего делать, просто существуют по инерции. Последнее значение слово приобретает в контексте (индивидуально-авторское), семантически накладываясь на первое значение.

2. Толкование значения слова через контекстуальное «приращение», создающее умозаключения.

а) от общего к частному (дедуктивным способом):

Рождаемость не есть ли выговариваемость себя миру... [Розанов, 2001, с. 127]. Авторская мысль выражается как сомнение-восклицание, которое в контексте имеет утвердительную окраску. В листах, данных ниже, мысль развивается и доводится до умозаключения: *Молчаливые люди и нелитературные народы и не имеют других слов*

к миру как через детей.

*

Подняв новорождённого на руки, молодая мать может сказать: «Вот мой пророческий глагол!»

Дети – глагол, слова миру [Розанов, 2001, с. 127].

Последняя фраза является умозаключением, образующим целостный смысл из смыслов нескольких текстов-листов.

б) определение понятий от частного к общему (индуктивным способом):

Талант у писателя невольно съедает жизнь его.

Съедает счастье, съедает всё.

Талант – рок. Какой-то опьяняющий рок [Розанов, 2001, с. 155].

Талант писателя определяется не просто как *рок* (с отрицательной оценкой), но как творческий *рок (опьяняющий)*, заполняющий личность писателя. Эпитет *опьяняющий* в контексте меняет отрицательную оценку на положительную, так как для писателя творчество является главной частью жизни.

Иногда текст представляет собой умозаключение, созданное на основе наблюдений автора за чем-либо или кем-либо, например: *Грубы люди, ужасающе грубы, – и даже по этому одному или главным образом по этому – и боль в жизни, столько боли...* [Розанов, 2001, с. 209]. *Слабохарактерность – главнейший источник неправды. Первая (неодолимая) неправда – из боязни обидеть другого. И вот почему Бог не церемонится с человеком. Мы все церемонимся друг с другом, и все лжём* [Розанов, 2001, с. 258]. Умозаключение «Мы церемонимся друг с другом, говоря неправду, поэтому часто лжём», то есть одной из причин лжи является церемонность, излишняя деликатность.

3. Наполнение слова контекстуальным значением в процессе авторского размышления, когда значение слова создаётся или изменяется на основе ассоциативных образов, общих фоновых знаний автора и адресата.

Например: *В мышлении моём всегда был какой-то столбняк* [Розанов, 2001, с. 142]. В общелитературном употреблении слово *столбняк* имеет несколько значений, то есть оно полисемантическое: 1) острое инфекционное заболевание человека и животных, вызываемое бациллой, находящейся в почве, попадающей в организм через рану, и характеризующееся резкими судорожны-

ми сокращениями всех мышц; 2) *разговорное*: состояние неподвижности, оцепенения от сильного душевного потрясения [Кузнецов, 2004, с. 798 ; СО, 1983, с. 684]. В тексте листа слово *столбняк* наполняется индивидуально-авторским значением – «отсутствие любопытства к чему-либо чужому, не своему»: *Я никогда не догадывался, не искал, не подглядывал, не соображал. Это обыкновеннейшие способности совершенно исключены из моего существа* [Розанов, 2001, с. 142].

Наблюдаются семантические неологизмы, которые в тексте сами по себе являются определениями понятия, например: «*Заштампованный человек*», который судится и не по материалу, и не по употреблению, а – по «штампу». И кладутся на него «штампы» – один к другому, все глубже. Уже вся грудь в орденах. И множество таких и составляют «заштампованное отечество». Которое не хватает силы любить. И стали класть «штамп» на любовь <...> [Розанов, 2001, с. 393]. *Заштампованный человек* – это такой, который отмечен наградой не только по заслугам, но чаще и потому, что так положено – «по штампу», при этом формируется новое значение слова *заштампованный*, то есть отмеченный несколько раз наградами потому, что так полагается на службе.

4. Использование разных лексических средств, а также тропов, стилистических фигур в рамках одного текста для создания коннотативного (индивидуального) смысла и экспрессии.

Как показывают наши наблюдения за текстами произведения «Опавшие листья», содержание жанра листа порождается разными лексическими средствами, связанными с изменением значений литературных слов, обыгрыванием значений многозначных слов (о чем уже говорилось выше), а также с использованием традиционных выразительно-изобразительных средств речи: тропов и стилистических фигур. Продемонстрируем последнее лексическим анализом нескольких текстов-листов. Например, встречаются тексты, построенные на словах, проецирующих адресата на бытовые и языковые пресуппозиции, отражающие народный жизненный опыт: *Нельзя помещать коня в коровник, корову в стойло, собаку в птичник, курицу в собачью конуру. И только* [Розанов, 2001, с. 391]. Соотношение слов связано с их узуальной семантикой и лексической сочетаемостью: конь – стойло; корова – коровник; собака – собачья конура, курица – птичник.

Часто текст-лист строится с использованием

метафоры или развёрнутой метафоры. Например: *У, как я хочу вечно. «Раб времени», тысяча летия или минуты – все равно. У, как я не хочу этого «раба времени»* [Розанов, 2001, с. 151].

Сравнения помогают доходчиво передать адресату авторский индивидуальный смысл, например: *Как веешний цвет проходит жизнь. Как ужасно это «проходит». Ужасна именно категория времени; ужасна эта связь с временем. Человек – временен. Кто может перенести эту мысль... [Розанов, 2001, с. 151]; *Есть люди, которые, как мостик, существуют только для того, чтобы по нему перебежали другие. И бегут, бегут: никто не оглянется, не взглянет под ноги. А мостик служит и этому, и другому, и третьему поколению* [Розанов, 2001, с. 151]. В этом тексте через сравнение даётся определение типа человека, человек – мостик, который связывает поколения. *Человек живёт как сор и умрёт как сор* [Розанов, 2001, с. 178].*

Часто используется стилистическая фигура каламбур, построенная на созвучии слов: *Мы не по думанью любим, а по любви думаем. Даже и в мысли – сердце первое* [Розанов, 2001, с. 151]. При этом автор использует словообразовательный неологизм *по думанью*. *Успех в доброте и доброта в успехе... [Розанов, 2001, с. 378]. Кто не любит человека в радости его – не любит и ни в чём. * <...> Кто не любит радости человека – не любит и самого человека* [Розанов, 2001, с. 288].

Повтор слов или словосочетаний также используется как приём порождения коннотативных смыслов, которые при повторе усиливают их, создавая каламбур: *... не верьте, девушки, навеваниям вокруг вас, говорам, жестам, маскам, шумам, мифам... Верьте что что есть – то есть, что будет – будет, что было – было. Верьте истории.*

Верьте, что историю нельзя закрыть двумя ладонями, сложить ли их в «гробик», «в крестик» или «в умоление». Будьте неумолимы [Розанов, 2001, с. 290].

Тексты-листы могут включать одновременно несколько лексических средств, тропов, стилистических фигур, приобретая при этом динамичность и диалогичность. Например, даётся определение понятия, а при этом используются метафора и антитеза: *Жизнь требует верного глаза и твёрдой руки. Жизнь – не слёзы, не вздохи, а борьба. Слёзы – «дома», «внутри». Снаружи – железо. И только тот дом крепок, который окружён железом* [Розанов, 2001, с. 152]. Определение жизни как понятия: *жизнь – это борьба*; развёрнутая метафора порождает текст: *жизнь – человек,*

жизнь – это дом человека, который он строит сам, делая его крепким, недоступным для «плохого». Стилистическая фигура антитеза *внутри – снаружи* и семантическая оппозиция *жизнь – не слёзы, не вздохи, а борьба* придают тексту диалогический характер: автор убеждает не только самого себя, но и адресата.

5. Приём семантической оппозиции, равный антитезе, порождает текст, например: *Иногда и «на законном основании» – а трясутся ноги; а другой раз «против всех законов» – а в душе поют птички* [Розанов, 2001, с. 155].

В «Опавших листьях» частотны афористичные тексты, построенные на антитезе: *Грубость и насилие приносят 2 % успеха, а ласковость и услуга* [Розанов, 2001, с. 184]; *Не рассчитывайте в человеке на большое. Рассчитывайте в нём на самое маленькое. – Система с расчётом «на маленькое» и есть чиновничество* [Розанов, 2001, с. 184–185]; *То, что «есть», мне кажется невероятным, а чего «нет», кажется действительным* [Розанов, 2001, с. 186]. В данном тексте используется стилистическая фигура антитеза, которая является текстообразующим фактором в целом: *грубость, насилие – ласковость и услуга; «есть» (существует) – невероятное; «нет» – действительное.*

Выводы

Таким образом, индивидуально-авторское восприятие предметов, явлений, событий и др. окружающего мира проявляется не только в новом жанре листа в произведении В. В. Розанова «Опавшие листья», название которого уже метафорически отражает специфику жанра текста, но и в употреблении слова, которое именно в тексте листа реализует свой семантический, эмоциональный и экспрессивный потенциал.

Следует отметить то, что коннотативный смысл листа часто порождается следующими лексическими особенностями: употреблением антонимов, создающих антитезу; синонимов, создающих градацию; повтором слов, усиливающим экспрессию и эмоциональность текста. Также в произведении частотен троп метафора, а некоторые тексты представляют собой развёрнутые метафоры, (*измена – «починка», заплатка любви; любовь – это машина; вечное – раб времени* и др.).

Мы выделили как особые приемы авторского текстообразования в «Опавших листьях»: семантическую оппозицию, развёрнутую метафору, а также умозаключения, созданные индуктивным и дедуктивным способами.

Как показал лексический анализ текстов «Опавших листьев», в них активно применяется речевая фигура каламбур, которая обуславливает неологизацию значений слов, то есть в тексте слова становятся авторскими семантическими неологизмами (например, слова и словосочетания: *столбняк, штамп, «заштампованный человек», «заштампованное отечество», божьи люди; грусть – это упрек и жалоба; бесконечность*) или словообразовательными неологизмами (*по думанью*). Редко встречаются тексты, построенные на бытовых и языковых пресуппозициях, отражающих народный жизненный опыт, то есть основанные на общих фоновых знаниях автора и адресата (*конь – стойло, корова – коровник, собака – конура, курица – птичник*). Текстам произведения «Опавшие листья» свойственна афористичность [Цитаты из книги «Опавшие листья»].

Итак, нами выявлены следующие индивидуально-авторские приёмы употребления лексических средств в листах, которые придают каждому листу афористический характер:

- 1) субъективное эмоциональное и рациональное определение понятий;
- 2) толкование значения слов с помощью контекстуального «приращения», создающего авторские умозаключения;
- 3) наполнение слова контекстуальным значением, когда значение слова создается или изменяется с помощью ассоциативных образов;
- 4) использование в пределах одного текста лексических средств, а также тропов, стилистических фигур для создания контекстуального смысла и экспрессии текста;
- 5) приём создания семантической оппозиции на основе антитезы;
- 6) использование авторских метафор, развёрнутых метафор, порождающих афористичный текст-лист;
- 7) использование метафор, антитезы, градации как текстообразующих факторов.
- 8) толкование смысла слов и словосочетаний индуктивным и дедуктивным способами, приводящее к авторским умозаключениям.

Как показало наше исследование особенностей употребления лексики и выразительно-образительных средств, созданных на основе лексических признаков, ориентированное на лексический анализ, а также выявленные нами приёмы авторского использования лексических средств в «Опавших листьях», специфика организации в тексте разных лексических средств является одной из главных черт идиостиля В. В. Ро-

занова.

Библиографический список

1. Бессонова Е. В. Василий Розанов как писатель серебряного века // Молодой ученый. 2015. № 14 (94). С. 561–564. URL: <https://moluch.ru/archive/94/21068/> (дата обращения: 10.11.2020).

2. Голубкова А. А. Литературная критика В. В. Розанова. Опыт системного анализа / науч. ред. И. А. Едошина. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 432 с. URL: <https://www.academia.edu/15143782> (дата обращения : 15.11.2020)

3. Грушицкая М. А. Импрессионизм в философской прозе В. В. Розанова (на примере «Уединенного» и «Опавших листьев») // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1. Ч. 2. С. 395–405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/impressionizm-v-filosofskoj-proze-v-v-rozanova-na-primere-uedinennogo-i-opavshih-listiev/viewer> (дата обращения: 11. 11. 2020).

4. Егоров П. А. Особенности литературной критики В. В. Розанова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2016. № 2. С. 24–29. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28983429> (дата обращения: 19.11.2020).

5. Емельянов Б. В. В. В. Розанов: философ или мыслитель? // Известия Уральского федерального университета. Сер. «Общественные науки». 2019. № 4 (194). С. 207–211. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/article/view/4664> (дата обращения: 27.11.2020)

6. Карташова Е. П. Традиции русского славянофильства как источник литературно-книжного стиля философско-публицистических сочинений В. В. Розанова // Фундаментальные науки. 2014. № 12 (часть 9). С. 2036–2040.

7. Карташова Е. П. Афористика новаторской прозы В. В. Розанова // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 85–88. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1233> (дата обращения: 19.11.2020).

8. Криволапова Е. М. Признаки «дневниковости» в произведениях В. Розанова «Опавшие листья» и «Уединенное» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. Выпуск 4. С. 22–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-dnevnikovosti-v-proizvedeniyah-v-rozanova-opavshie-listya-i-uedinennoe/viewer> (дата обращения: 11.11.2020).

9. Миллионщикова Т. М. Мироззрение и творчество Розанова в славистических исследованиях США. Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 91–115. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=7096997> (дата обращения 10.10.2020).

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. А. Шведовой. 4-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1983. 816 с.

11. Розанов В. Опавшие листья (Афоризмы. Максимумы. Мысли). Москва : АСТ, 2001. 591 с.

12. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Москва : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

13. Фатеев В. А. Борьба Розанова за репутацию и наследие «литературных изгнанников» // Христианское чтение. 2015. № 3 (62). Рубрика «История русской философии». С. 163–182. URL: <https://readera.org/borba-vv-rozanova-za-reputacii-i-nasledie-literaturnyh-izgnannikov-140190096> (дата обращения: 17.10.2020).

14. Федотов Г. П. Изучение России // Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд. Paris: YMCA-Press, 1988.

15. Федякин С. Р. Русская философия. Энциклопедия. 2-е изд., доп. / под общ. ред. М. А. Маслина / сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. Москва : Книжный клуб Книговек, 2014. С. 656–659.

16. Фомин А. И. Национальные смыслы в авторском тексте (на материале прозы В. В. Розанова) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 9. Выпуск 4. Ч. 1. (дата обращения: 26.11.2020). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-smysly-v-avtorskom-tekste-na-materiale-prozy-v-v-rozanova-1/viewer> (дата обращения: 26.11.2020).

17. Фомин А. И. Символика прозы Василия Розанова, Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 144 с. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/54030555/> (дата обращения: 27.11.2020).

18. Фомин А. И. К образу автора розановских «листьев» // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 63. С. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-obrazu-avtora-rozanovskih-listiev/viewer> (дата обращения: 08.11.2020).

19. Цитаты из книги «Опавшие листья». URL: <https://mybook.ru/author/vasilij-vasilevich-rozanov/opavshie-listya-1/citations/> (дата обращения: 27.11.2020) и др.

20. Шульц С. А. К специфике жанра фрагмента у Розанова Литературоведческий журнал // 2019. № 45. С. 44–53.

Reference list

1. Bessonova E. V. Vasilij Rozanov kak pisatel' serebrjanogo veka = Vasily Rozanov as a writer of the Silver Age // Molodoj uchenyj. 2015. № 14 (94). S. 561–564. URL: <https://moluch.ru/archive/94/21068/> (data obrashhenija: 10.11.2020).

2. Golubkova A. A. Literaturnaja kritika V. V. Rozanova. Opyt sistemnogo analiza = V. V. Rozanov's literary criticism. Experience of a systematic analysis / nauch. red. I. A. Edoshina. Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2013. 432 s. URL: <https://www.academia.edu/15143782> (data obrashhenija : 15.11.2020)

3. Grushickaja M. A. Impressionizm v filosofskoj proze V. V. Rozanova (na primere «Uedinjonnogo» i

«Opavshih list'ev») = Impressionism in V. V. Rozanov's philosophical prose (based on The Solitude and The Fallen Leaves) // *Idei i idealy*. 2019. T. 11. № 1. Ch. 2. S. 395–405. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/impressionizm-v-filosofskoy-proze-v-v-rozanova-na-primere-uedinenno-gi-opavshih-listiev/viewer> (data obrashhenija: 11. 11. 2020).

4. Egorov P. A. Osobennosti literaturnoj kritiki V. V. Rozanova = Peculiarities of V. Rozanov's literary criticism // *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva*. 2016. № 2. S. 24–29. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28983429> (data obrashhenija: 19.11.2020).

5. Emel'janov B. V. V. Rozanov: filosof ili myslitel'? = V. V. Rozanov: philosopher or thinker? // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. «Obshhestvennye nauki». 2019. № 4 (194). S. 207–211. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/article/view/4664> (data obrashhenija: 27.11.2020)

6. Kartashova E. P. Tradicii russkogo slavjanofil'stva kak istochnik literaturno-knizhnogo stilja filosofsko-publicisticheskikh sochinenij V. V. Rozanova = Traditions of Russian Slavophilism as a source of literary style of V. V. Rozanov's philosophical and journalistic works // *Fundamental'nye nauki*. 2014. № 12 (chast' 9). S. 2036–2040.

7. Kartashova E. P. Aforistika novatorskoj prozy V. V. Rozanova = Aphoristics of V. Rozanov's innovative prose. // *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. № 3 (23). S. 85–88. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1233> (data obrashhenija: 19.11.2020).

8. Krivolapova E. M. Priznaki «dnevnikovosti» v proizvedenijah V. Rozanova «Opavshie list'ja» i «Uedinennoe» = Signs of a «diary» in Rozanov's works «Fallen Leaves» and «The Solitary» // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2012. T. 1. Vypusk 4. S. 22–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-dnevnikovosti-v-proizvedenijah-v-rozanova-opavshie-listya-i-uedinennoe/viewer> (data obrashhenija: 11.11.2020).

9. Millionshnikova T. M. Mirovozzrenie i tvorcestvo Rozanova v slavisticheskikh issledovanijah SShA = Rozanov's work and worldview in Slavic studies in the United States // *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2019. № 45. S. 91–115. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=7096997> (data obrashhenija 10.10.2020).

10. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of The Russian Language / pod. red. N. A. Shvedovoj. 4-e izd., ster. Moskva : Russkij jazyk, 1983. 816 s.

11. Rozanov V. Opavshie list'ja (Aforizmy. Maksimy. Mysli) = Fallen leaves (Aphorisms. Maxims. Thoughts). Moskva : AST, 2001. 591 s.

12. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian Language/ gl. red. S. A. Kuznecov. Moskva : Riderz Dajdzhest, 2004. 960 s.

13. Fateev V. A. Bor'ba Rozanova za reputaciju i nasledie «literaturnyh izgnannikov» = Rozanov's struggle for the reputation and legacy of «literary outcasts» // *Hristianskoe chtenie*. 2015. № 3 (62). Rubrika «Istorija russkoj filosofii». S. 163–182. URL: <https://readera.org/borba-vv-rozanova-za-reputacii-i-nasledie-literaturnyh-izgnannikov-140190096> (data obrashhenija: 17.10.2020).

14. Fedotov G. P. Izuchenie Rossii = Studying Russia // *Lico Rossii*. Stat'i 1918–1930. 2-e izd. Parig: YMCA-Press, 1988.

15. Fedjakin S. R. Russkaja filosofija. Jenciklopedija. 2-e izd., dop. = Russian philosophy. Encyclopedia. 2nd edition, rev. / pod obshh. red. M. A. Maslina / sost. P. P. Apyrshko, A. P. Poljakov. Moskva : Knizhnyj klub Knigovek, 2014. S. 656–659.

16. Fomin A. I. Nacional'nye smysly v avtorskom tekste (na materiale prozy V. V. Rozanova) = National meanings in the author's text (on the material of V. V. Rozanov's prose) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2007. Serija 9. Vypusk 4. Ch. 1. (data obrashhenija: 26.11.2020). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-smysly-v-avtorskom-tekste-na-materiale-prozy-v-v-rozanova-1/viewer> (data obrashhenija: 26.11.2020).

17. Fomin A. I. Simvolika prozy Vasilija Rozanova = The symbolism of Vasily Rozanov's prose. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2010. 144 s. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/54030555/> (data obrashhenija: 27.11.2020).

18. Fomin A. I. K obrazu avtora rozanovskikh «list'ev» = To the image of the author of Rozanov's Leaves // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 63. S. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-obrazu-avtora-rozanovskikh-listiev/viewer> (data obrashhenija: 08.11.2020).

19. Citaty iz knigi «Opavshie list'ja» = Quotes from the book *Fallen Leaves*. URL: <https://mybook.ru/author/vasilij-vasilevich-rozanov/opavshie-listya-1/citations/> (data obrashhenija: 27.11.2020) i dr.

20. Shul'c S. A. K specifikke zhanra fragmenta u Rozanova = On the specificity of the fragment genre in Rozanov // *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2019. № 45. S. 44–53.

УДК 81'367

А. В. Канафьева

[https:// orcid.org/0000-002-1367-9783](https://orcid.org/0000-002-1367-9783)

Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке

Для цитирования: Канафьева А. В. Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 67–73. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-67-73

Целью статьи является определение и характеристика парадигмы вопросительных модификаций односоставных и двусоставных предложений, имеющих функцию экспрессивного сообщения, не предполагающих вербально выраженного ответа. Обосновывается целесообразность их определения как риторических высказываний. Члены каждой парадигмы анализируются с точки зрения их структуры, особенностей семантики, с учётом не только типовых значений отрицания, утверждения и субъективного размышления, но и модальных и эмоционально-оценочных оттенков. В статье отмечаются особенности их интонации, отличной от интонации вопросительного предложения; специфика структуры (наличие переосмысленных вопросительно-местоименных слов (прономинальных компонентов) и вопросительных частиц, представляющих собой риторические форманты; комплекс субъективно-модальных значений. Перечисленные свойства создают экспрессивность анализируемых моделей. Обращается внимание на их фразеологизированный характер, однако степень их непроницаемости не является столь высокой, как у собственно фразеологических единиц.

С учётом перечисленных аспектов анализируется парадигма вопросительных модификаций некоторых односоставных и двусоставных предложений с опорным компонентом *что*, в том числе входящим в аналитические предикативные сочетания *что толку*, *что пользы*, *что нужды* и др. Отмечается специфика модально-временных значений вопросительных модификаций по сравнению с типовыми структурными образцами односоставных и двусоставных предложений; тенденция к обобщённости этих значений. Типовые предикатно-модальные значения нецелесообразности, неважности обогащаются разнообразными эмоциональными оттенками субъективной модальности. Среди анализируемых моделей выделяются оценочные с предикатом *что (что такое)* в двусоставных моделях и с аналитическими предикатными формами: *что хорошего (плохого, удивительного, странного* и др.).

Ключевые слова: вопросительная модификация, риторическое высказывание, предикат, аналитическая структура предиката, прономинальный компонент, интонация, фразеологизация.

A. V. Kanafieva

Interrogative modifications of mononuclear and two-member sentences in modern Russian

The purpose of the article is to define and characterize the paradigm of interrogative modifications of mononuclear and two-member sentences that have the function of an expressive message, which do not imply a verbally expressed answer. The article substantiates the convenience of their definition as rhetorical statements. Members of each paradigm are analyzed from the point of view of their structure and semantic features, considering not only the standard meanings of denial, affirmation and subjective reflection, but also modal and emotional-evaluative shades. The article points out the peculiarities of their intonation which is different from the intonation of an interrogative sentence; the specifics of the structure (the presence of reinterpreted interrogative-pronominal words (pronominal components) and interrogative particles, that represent rhetorical formants); a complex of subjective-modal meanings. These properties create the expressiveness of the analyzed models. We also draw attention to their phraseological character, though the degree of their impenetrability is not as high as that of the actual phraseological units.

Taking into consideration the above aspects, we analyze the paradigm of interrogative modifications of some mononuclear and two-member sentences with a supporting component *что*, also included in the analytical predicative combinations *что толку*, *что пользы*, *что нужды*, etc. We note the specifics of modal-temporal meanings of interrogative modifications in comparison with typical structural models of mononuclear and two-member sentences, as well as a tendency towards generalization of these meanings. Standard predicate-modal meanings of inexpediency and unimportance are enriched with various emotional shades of subjective modality. Among the analyzed models, the

article highlights evaluative ones with a predicate *что* (*что такое*) in two-member models and with analytical predicate forms: *что хорошего* (*плохого, удивительного, странного, etc.*).

Keywords: interrogative modification, rhetorical statement, predicate, analytic structure of the predicate, pronominal component, intonation, phraseologization.

Вопросительные модификации некоторых типов предложения в синтаксической системе русского языка

В языке и в речи функционирует множество конструкций, которые занимают промежуточное положение между повествовательными и вопросительными предложениями. С повествовательными их сближает коммуникативная функция выражения сообщения; с вопросительными – интонация; наличие опорно-строевых компонентов местоимённого происхождения и вопросительных частиц. Однако все эти синтаксические средства имеют специфические отличия по сравнению с вопросительными предложениями. *Что мог я ему ответить? Разве я не предупреждал об опасности?* В первом предложении в вопросительной форме содержится сообщение об отрицании действия; во втором – утверждение действия.

Данные синтаксические конструкции являются «модально-экспрессивными вариантами» [Поспелов, 2010, с. 121] той или иной структурной схемы двусоставного или односоставного предложения. Они предмет многочисленных лингвистических исследований. Это обусловлено активностью их употребления в различных стилях, разнообразием их форм, тенденцией к фразеологизации, способностью выражать комплекс модальных и эмоционально-оценочных значений. За основу описания принимаются разные аспекты: особенности структурной организации; специфика значений; функциональный потенциал.

Они выполняют иные функции, определяемые исследователями как вторичные, выражая не вопрос, а сообщение, побуждение, эмоции, оценки, свойственные другим функциональным типам предложений, – повествовательным и побудительным.

Вопросительность формы при отсутствии вопросительного содержания является риторическим приёмом, позволяющим рассматривать подобные конструкции как единицы экспрессивного синтаксиса, прагматический потенциал которых – выражение «эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего», «логическое усиление образительности, выразительности, оценочности» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, с. 477].

Экспрессивный характер имеет их интонационная оформленность: особая мелодика, динамика, эмоционально насыщенные тона. Интонационные формы таких предложений имеют «переходный» характер от вопроса к сообщению. А. М. Пешковский называл предложения с такой интонацией «вопросительно-повествовательными» [Пешковский, 2001, с. 394]. В. В. Виноградов определял подобную интонацию как модальную: «в некоторых аффективных типах высказываний – при грамматической и лексико-семантической нерасчленённости сообщения или выражения – модальная интонация играет основную роль, определяющую их смысл» [Виноградов, 1975, с. 59]. Е. М. Галкина-Федорук характеризовала эту интонацию как «волевою», обладающую такими качествами, как большая длительность, «контрастность по высоте тона», динамичность [Галкина-Федорук, 1958, с. 110]. «Мелодическая окраска риторического высказывания определяется речевой ситуацией, причинами, вызвавшими ту или иную речевую реакцию, степенью эмоционально-психического накала, возбуждённости говорящего, индивидуальных особенностей осмысления и произнесения фразы» [Канафьева, 2016, с. 36]. Её декодирование базируется на общей «грамматической памяти» участников общения.

Другими важными средствами выражения вопросительности являются отошедшие от своего исходного смысла вопросительные местоимения: *что, кто, зачем, какой, каков, где, почему, который, чей, как, куда, сколько, откуда, когда, отчего и др.* и вопросительные частицы: *ли (иль), и, что, что ли, что за..., не... ли, , что же, что если, а коли..., а ежели..., что ли как, а, да, так ведь, правда, так, разве, неужели, верно, не правда ли, не так ли* и др. Из-за вопросительной формы сообщение или побуждение приобретает эмоционально-экспрессивный характер: позволяет говорящему выразить утверждение, отрицание, позитивные (радость, восхищение, одобрение, умиление, гордость) или негативные (опасение, возмущение, негодование, сожаление, неодобрение, упрёк) эмоции и чувства, связанные с предметом речи, высказывания.

Функциями риторических высказываний являются и коммуникативная (в них содержится сообщение), и суггестивная (они являются сред-

ством воздействия), и контактоустанавливающая (вопросительность формы стимулирует ответную реакцию), и эмоционально-экспрессивная (наряду с ядерными значениями отрицания или утверждения в них выражаются размышления, эмоции, оценки).

Эти синтаксические единицы по-разному называются исследователями: и *риторический вопрос*, и *мнимовопрос*, и *фиктивный вопрос*, и *псевдовопрос*, и *лжевопрос*, и *рефлексивный вопрос*, и *спекулятивный вопрос*. В этих определениях за основу принимается вопросительность формы при отсутствии вопросительного значения.

Риторическое высказывание как экспрессивная реализация структурных схем предложения

Нам представляется адекватным форме и содержанию рассматриваемых несобственно вопросительных конструкций терминологическое обозначение их как *риторических высказываний*: «В условной вопросительной форме закодировано насыщенное разнообразными оттенками содержание, в котором соединены объективные и субъективные, рациональные и эмоционально-оценочные компоненты» [Канафьева, 2011, с. 6]. В «Словаре лингвистических терминов» даются следующие определения понятиям «риторический» и «высказывание». «Риторический – приподнятый, изобилующий словами и выражениями, рассчитанными на привлечение внимания, усиливающими впечатление от высказываемого» [Ахманова, 1966, с. 378]. «Высказывание – (акт коммуникации) единица сообщения, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушающим в данных условиях языкового общения» [Ахманова, 1966, с. 90].

В синтаксическом поле предложения риторические высказывания квалифицируются как экспрессивно-коммуникативные модификации того или иного типа [Золотова, 1982, с. 182], представляют «национальную специфику синтаксической системы» [Норман, 2018, с. 137]

Прономинальный компонент как одна из базово-строевых единиц риторического высказывания

Риторические высказывания представлены в языке разнообразными моделями, базовыми компонентами которых являются переосмысленные местоименные слова (прономинальные компоненты) и частицы. Наличие этих базово-строевых компонентов, во-первых, создаёт грамматическую

форму НВП, во-вторых, предопределяет в определённой степени их семантику; в-третьих, обуславливает синтаксические связи компонентов; в-четвёртых, приводит к фразеологической связанности.

Прономинальные компоненты в структуре риторических высказываний отдалены от соответствующих классов собственно местоимений, от парадигмы, присущей тому или иному местоименному разряду. Они образуют стабильный, не пополняющийся другими единицами, замкнутый круг слов, имеющих закреплённую языком функцию выражения не только отрицания или утверждения, а разнообразных модальных, эмоциональных, оценочных значений, присущих риторическим высказываниям. Многие из них связаны с классом местоимений только своим прошлым – происхождением. Они используются в несвойственном им значении, т. е. не требуют насыщения информацией ответной репликой, в чём проявляется их «прагматическая неадекватность» [Баранов, Кобозева, 1983, с. 264]. Это уже не местоимения, но ещё и не частицы. Полагаем, что термин – **прономинальный компонент** является адекватным и местоименному происхождению, и определённой десемантизации в отношении к исходному местоименному смыслу. Риторические высказывания с прономинальным компонентом являются прономинальными.

Прономинальным компонентом как базово-строевым организуется парадигма риторических высказываний, в каждом из которых выражаются те или иные оттенки значений. В то же время единицы этой парадигмы являются вопросительными модификациями определённых структурно-семантических типов русского предложения.

Парадигма вопросительных модификаций с компонентом *что*

Местоимённое «прошлое» *что* обеспечивает вопросительный характер интонации моделей, что, в свою очередь способствует акцентированию их значения: *На что?* (цель) *За что?* (причина) *О чём?* (объектное значение) *К чему?* *Для чего?* *Чего ради?* (цель) *Чем не?* (утверждаемый признак) и др. Эти модели образуют парадигму модификаций а) отрицательно-безличного; б) безлично-инфинитивного; в) двусоставного предложений. При их внешне вопросительном характере «со стороны адресата речи не предполагается никакой иной реакции, кроме «принятия к сведению» сообщаемой информации, высказывание принадлежит к классу сообщений» [Булыгина,

Шмелёв, 1997, с. 256].

Отрицательно-безличное односоставное предложение представляют: а) прономинальная модель; б) прономинально-субстантивная модель; в) прономинально-адъективная модель.

Прономинальная модель: *Что кому-то (мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им) до кого-то (чего-то)?*

Так! Что вам до меня? Что вам беда моя? (Ф. Тютчев); *Кто хочет миру чуждым быть, Тот скоро будет чужд, – Ах, людям есть кого любить, Что им до наших нужд!* (Ф. Тютчев); *Бич лихой Взвился. «Пошёл!»... Колёсы застучали... И вмиг... Но что нам до чуждой печали?* (М. Лермонтов); *Что мне до женщины в лиловом?* (Б. Ахмадулина); *Что до страшной, как ночь, расплаты?* (М. Кузмин).

Эта модель рассматривается среди безличных предложений как безличная фразеосхема, «способная создавать предикат безличного предложения» [Петров, 2007, с. 180]. В предикат входит связка в безличной нулевой форме, крайне редко употребляющаяся связки в формах будущего или прошедшего времени. Субъект состояния имеет косвенное выражение формой дательного падежа местоимения или существительного: *мне, тебе, ему, нам, вам, им*. Степень распространённости модели является незначительной: согласованное или несогласованное определение при субъекте или объекте в родительном падеже с предлогом *до*. Вместо родительного падежа с предлогом *до* в модели может быть предложный падеж с предлогом *в* (во): *Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара* (М. Лермонтов); *А мне, Онегин, пышность эта, Постылой жизни мишура, Мои успехи в вихре света, Мой модный дом и вечера, Что в них?* (А. Пушкин).

Семантика модели – экспрессивная констатация несущественности, неважности кого-либо (чего-либо) для воспринимающего субъекта. Именно это значение присуще данной модели, значение же отрицания как бы «растворяется» в нём.

Прономинально-субстантивная модель: *Что толку, пользы, нужды, выгоды, радости... кому-то в чём-то?*

Друзья мои, что толку в этом? (А. Пушкин); *Бесследно всё – и так легко не быть! При мне иль без меня – что нужды в том?* (Ф. Тютчев); – *Ах, няня, няня! Что нужды мне в твоём уме?* (А. Пушкин).

Что является компонентом аналитических сочетаний с отвлечёнными именами существитель-

ными в структуре предиката: *что толку, что пользы, что нужды, что выгоды, что радости*. Фразеологическая связанность модели обусловлена именно этими аналитическими сочетаниями, во-первых, образующими предикат, во-вторых, являющимися знаками воспроизводимого модального значения неважности, несущественности. Аналитические формы предиката «способны передавать различные модальные и эмоционально-экспрессивные оттенки высказывания» [Родионова, 2018, с. 205]. Безличная форма и модально-временная парадигма этой модели создаётся благодаря связке *быть*, имеющей в том числе и нулевую форму. Форма безличности проявляется нечётко. Эта модель характеризуется временной обобщённостью. Временная парадигма по отношению к ним является несущественной, неактуальной, несмотря на то, что может быть представлена формами: *Что толку в этом? Что было толку в этом? Что будет толку в этом?* Объективная модальность имеет реальное *Что толку в этой встрече?* и ирреальное *Что толку было бы в этой встрече?* значения. Обязательным распространителем является объектная словоформа в предложном падеже.

Модель имеет фразеологизированный характер с закреплённой структурой и воспроизводимым смыслом.

Прономинально-адъективная модель: *Что хорошего, плохого, удивительного, странного, подозрительного, привлекательного, необычного... в ком-то (в чём-то)?*

Нынче поутру зашёл ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец (М. Лермонтов); – *Как хороша была Елецкая! – И, мой милый! Что в ней хорошего?* (А. Пушкин).

Общеотрицательное значение модели совмещается с оценочным: значение отрицания имеет формальное выражение прономинальным компонентом *что*, отрицаемый признак – адъективом. Аналитическое сочетание этих компонентов формирует отрицательно-оценочную семантику модели. Эти риторические высказывания имеют вневременное значение: содержащаяся в них оценка имеет характер приговора, заключения, основанного на неприятии приписываемого другим субъектом «сущностного признака» [Шведова, 2005, с. 489] предмета, явления. Объект оценки выражен предложным падежом существительного или местоимения с предлогом *в*.

Безлично-инфинитивное предложение реализуется прономинально-инфинитивной односо-

ставной моделью: **Что толку, пользы, нужды, выгоды, радости... кому-то в каком-то действии?**

Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?.. (М. Лермонтов); *Да и притом, что пользы верить Тому, чего уж больше нет?..* (М. Лермонтов); **Что пользы знать тебе, как выбрался?** (Н. Гоголь).

В аналитическом предикате выражается модальное значение ненужности, нецелесообразности действия. Категории предикативности имеют обобщённый характер. Субъект состояния может быть косвенно представлен дательным падежом местоимения или имени существительного. Характеризуя подобные конструкции, П. А. Лекант замечает: «Важно иметь в виду, что в конкретном высказывании грамматическое ядро **безлично-инфинитивного предложения** – инфинитив, связка, негатив, датив – может быть окружено семантически и стилистически различными компонентами. Это окружение создаёт субъективную и эмоциональную окраску высказывания, фрагмента текста – от иронии, насмешки до горького отчаяния» [Лекант, 2017, с. 22].

Вопросительными модификациями двусоставного предложения являются прономинально-субстантивная и прономинально-номинативная модели.

Прономинально-субстантивная двусоставная модель: Что есть что-то? Что есть кто-то?

Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан? (М. Лермонтов); *Что красоты, почти всегда лукавой, Мне долгий взор? Обманчив он! знаком с его отравой Я с давних пор* (Е. Баратынский); *О, как отвратительна действительность! Что она против мечты?* (Н. Гоголь); **Что опыт? Вздор! Нет опыта любви** (Б. Ахмадулина).

Прономинальный компонент *что* имеет функцию негативно-оценочного предиката, лексически не конкретизированного. Обычно такая оценка – результат логических операций сопоставления, противопоставления одних ценностей другим на основе личного или общечеловеческого жизненного опыта. Она охватывает зону духовных, морально-этических категорий. Эта модель вписывается в круг «оценочно-предикатных типов высказываний как оценочных штампов» [Маркелова, Петрушина, 2019, с. 149]. Интонационно выделенный прономинальный компонент *что* несёт рематическую нагрузку отрицательной оценки, констатацию и квалификацию которой часто содержит следующее высказывание (высказывания).

Ср.: Слава мира – **дым и прах**; Жизни сон глухой – **отрава** – вслед иной отраве; Опыт – **вздор**. В том случае, когда следующее высказывание не квалифицирует предикативный признак, значение негативной оценки неизменно присутствует: его репрезентирует прономинальный компонент *что*. В структуре риторического высказывания могут содержаться словоформы, обуславливающие, мотивирующие эту оценку: **Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан?** (М. Лермонтов); *Соня молчала, он стоял подле неё и ждал ответа. – Что же я без бога-то была? – быстро, энергически прошептала она, мельком вскинув на него вдруг засверкавшими глазами, и крепко стиснула рукой его руку* (Ф. Достоевский).

Прономинально-номинативная двусоставная модель Что такое кто-то (что-то)?

Вернусь туда, где и стою: Он осторожен и боится взгляду. Что ты такое? – Сдержанный ответ не всякий может видеть и не сразу (Б. Ахмадулина); **Что такое эта мириады раз воспетая людьми любовь? Может быть, дело-то и не в самой любви?** (И. Бунин).

Риторическое высказывание является экспрессивным размышлением о сущностных, ценностных свойствах лица или испытываемого чувства, состояния, отношения. Предикативный признак не раскрыт; *что такое* – это актуальный, волнующий каждого вопрос о сущности: «оценка субъекта опирается на ценностные ориентиры общества» [Лагузова, 2019, 366]. Модель является фразеологизированной. Предикативные характеристики модели: ирреальная объективная модальность; первое, второе или третье синтаксическое лицо. Синтаксическую форму времени можно считать потенциальной, т. к. преобладает употребление риторических высказываний данной модели в значении настоящего времени с нулевой формой связки *быть*. Это темпоральное значение можно квалифицировать как настоящее постоянное. Модель может иметь распространители разных семантических групп: дополнения, определения, реже – обстоятельства.

Таким образом, парадигма вопросительных модификаций типовых образцов односоставного и двусоставного предложений представлена в языке разнообразными моделями, имеющими в качестве базово-строєвых прономинальные компоненты в свободном или в связанном виде. Благодаря этим компонентам, представляющим собой риторические форманты, в рассмотренных моделях создаётся, сохраняется и воспроизводится их эмоционально-афористический смысл, что позволяет го-

ворить об их фразеологизированном характере. Однако эта фразеологизация не может считаться полной, потому что «в отличие от фразеологизмов, лексемы не утрачивают и не изменяют номинативного значения; добавочный смысл принадлежит аналитической форме» [Лекант, 2015, с. 31]. Другими же, свободно избираемыми, лексическими единицами формируется денотативное пространство риторического высказывания.

Краткие выводы

В условиях речевой деятельности на базе существующих структурных схем предложения сложилась целая система высказываний, имеющих условную вопросительную форму, определённое постоянство лексического состава с базовыми компонентами местоимённого происхождения и частицами, подчинённая функциям экспрессивного выражения сообщения. Эта система, внешне характеризующаяся условной вопросительной формой, не является рудиментом вопросительного предложения, а представляет особый фрагмент лексико-грамматического строя современного русского языка. Высказывания приобретают известную автономность структуры в виде трансформированных структурных образцов, которые имеют воспроизводимость. Для риторических высказываний характерна стабильность формы, наличие воспроизводимых компонентов, определяющих типовую семантику: утверждение, отрицание, рассуждение-размышление.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Советская энциклопедия, 1966. 606 с.
2. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 3. С. 263–275.
3. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Москва ; Ленинград, 1947. 783 с.
5. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. Москва, 1975. С. 53–87.
6. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. Москва : Изд-во Московского университета, 1958. 332 с.
7. Золотова Г. А. О субъекте предложения в современном русском языке. / Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва : Наука, 1982. С. 133–155.

8. Канафьева А. В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. Монография. Москва : МГОУ, 2011. 200 с.

9. Канафьева А. В. О некоторых особенностях интонации риторического высказывания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2016. № 5. С. 35–41.

10. Канафьева А. В. Отрицание: варианты форм и вариации смысла // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 19–25.

11. Лагузова Е. Н. Экспрессивные возможности описательных глагольно-именных оборотов в современном русском языке // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 4. С. 362–368.

12. Лекант П. А. Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 18–23.

13. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке : монография. Москва : МГОУ, 2015. 86 с.

14. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка : монография. Москва : Институт современного искусства, 2019. 232 с.

15. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию. Изд-е 3. Москва : ЛЕНАНД, 2018. 232 с.

16. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: Учебное пособие. Изд. 8-е. Москва : Едиториал УРСС, 2001. 432 с.

17. Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка : монография. Архангельск : Поморский университет, 2007. 295 с.

18. Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 184 с.

19. Родионова И. Г. Аналитические образования в грамматическом строе современного русского языка : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. 224 с.

20. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Москва : Флинта, 2003. 696 с.

21. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 640 с.

Reference List

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 606 s.
2. Baranov A. N., Kobozeva I. M. Semantika obshhikh voprosov v russkom jazyke (kategorija ustanovki) = Semantics of general questions in Russian (the category of setting) // Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. 1983. T. 42. № 3. S. 263–275.
3. Bulygina T. V., Shmeljov A. D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russoj grammatiki) = Linguistic conceptualisation of the world in Russian gram-

mar. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. 576 s.

4. Vinogradov V. V. Russkij jazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language. (The grammatical doctrine of the word). Moskva ; Leningrad, 1947. 783 s.

5. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke = On the category of modality and modal words in the Russian language / Izbrannye trudy. Issledovanija po russkoj grammatike. Moskva, 1975. S. 53–87.

6. Galkina-Fedoruk E. M. Bezlichnye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke = Impersonal sentences in contemporary Russian. Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1958. 332 s.

7. Zolotova G. A. O sub#ekte predlozhenija v sovremennom russkom jazyke = On the subject of the sentence in contemporary Russian / Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. Moskva : Nauka, 1982. S. 133–155.

8. Kanaf'eva A. V. Ritoricheskoe vyskazyvanie: formy, semantika, funkcii = Rhetorical utterance: forms, semantics, functions : monografija. Moskva : MGOU, 2011. 200 s.

9. Kanaf'eva A. V. O nekotoryh osobennostjakh intonacii ritoricheskogo vyskazyvanija = On some features of rhetorical intonation // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija «Russkaja filologija». 2016. № 5. S. 35–41.

10. Kanaf'eva A. V. Otricanie: varianty form i variacii smysla = Denial: variants of forms and variations of meaning // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2018. № 2. S. 19–25.

11. Laguzova E. N. Jekspressivnye vozmozhnosti opisatel'nyh glagol'no-imennyh oborotov v sovremennom russkom jazyke = Expressive possibilities of descriptive verb-noun phrases in contemporary Russian // Social'nye i gumanitarnye znanija. 2019. T. 5. № 4. S. 362–368.

12. Lekant P. A. Bezlichno-infinitivnye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke Impersonal-infinitive sentences in contemporary Russian // Vestnik Mos-

kovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2017. № 4. S. 18–23.

13. Lekant P. A. Analiticheskie formy i analiticheskie konstrukcii v sovremennom russkom jazyke = Analytical forms and analytical constructions in contemporary Russian : monografija. Moskva : MGOU, 2015. 86 s.

14. Markelova T. V., Petrushina M. V. Ocenochnye vyskazyvanija v kommunikativnom prostranstve russkogo jazyka = Evaluation statements in communicative space of the Russian language : monografija. Moskva : Institut sovremennogo iskusstva, 2019. 232 s.

15. Norman B. Ju. Grammatika govornjashhego: Ot zamysla k vyskazyvaniju. Izd-e 3 = Speaker's Grammar: from intent to utterance. Edition 3. Moskva : LENAND, 2018. 232 s.

16. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osvshhenii = Russian syntax in scientific context : uchebnoe posobie. Izd. 8-e. Moskva : Editorial URSS, 2001. 432 s.

17. Petrov A. V. Bezlichnost' kak semantiko-grammaticheskaja kategorija russkogo jazyka = Impersonality as a semantic and grammatical category of the Russian language : monografija. Arhangel'sk : Pomorskij universitet, 2007. 295 s.

18. Pospelov N. S. Mysli o russkoj grammatike. Izbrannye trudy = Thoughts on Russian Grammar. Selected works. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. 184 s.

19. Rodionova I. G. Analiticheskie obrazovanija v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo jazyka = Analytical formations in the grammatical structure of the modern Russian language : monografija. Penza : Izd-vo PGU, 2018. 224 s.

20. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language / pod red. M. N. Kozhinoj. Moskva : Flinta, 2003. 696 s.

21. Shvedova N. Ju. Russkij jazyk: Izbrannye raboty = The Russian Language: Selected Works. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 640 s.

УДК 11.161.1'42

Ю. А. Кузнецова

<http://orcid.org/0000-0001-8851-242X>

Н. А. Калмазова

<http://orcid.org/0000-0002-5406-0581>

Репрезентация понятия *вор* в современных средствах массовой информации

Для цитирования: Кузнецова Ю. А., Калмазова Н. А. Репрезентация понятия *вор* в современных средствах массовой информации // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 74–80. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-74-80

Основная цель исследования заключалась в изучении особенностей представления концепта *вор* в языке российских средств массовой информации. Данный концепт важен как для общенациональной, так и для научной правовой концептосферы. Обращение именно к публицистическим текстам связано с тем, что в них находят быстрое отражение основные характеристики современного состояния массового сознания и проявляются его ключевые стереотипы. Анализ осуществлялся в соответствии с основной задачей исследования: выделить ключевые признаки концепта, репрезентируемых в средствах массовой информации. В ходе исследования для сбора и анализа эмпирических данных, использовались материалы газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Семантический анализ контекстов, в которых использовалось ключевое слово концепта, позволил выявить такие базовые характеристики концепта, которые являются преобладающими для массового национального сознания. Сделан вывод о том, что героизация и романтизация вора, имеющая глубокие фольклорные и литературные корни, продолжает сохраняться как одна из преобладающих характеристик изучаемого концепта и в современном общественном сознании. Данный образ вора во многом формируется современной массовой кинокультурой, литературой и музыкой, находящей освещение в средствах массовой информации. Образ «вора в законе», часто упоминаемый в анализируемом материале, также отчасти способствует усилению романтических признаков данного концепта, так как он подразумевает следование неким альтернативным принципам морали и чести. В то же время, проведенное исследование показало, что данный концепт получает неоднозначную оценку в российском обществе, так как во многих исследуемых контекстах четко выражается идея преступности этого явления.

Ключевые слова: концепт, средства массовой информации, газетный контекст, когнитивная лингвистика, массовое сознание, стереотип.

Y. A. Kuznetsova, N. A. Kalmazova

Representation of the concept '*thief*' in the modern mass media

The main purpose of the article was to study the representation of the concept 'thief' in the language of Russian mass media. This concept is important for both national and scientific legal concept spheres. The appeal to journalistic texts is due to the fact that they quickly reflect the main characteristics of the current state of mass consciousness and manifest its key stereotypes. The analysis was carried out in accordance with the main task of the study: to identify the key features of the concept represented in the media. In the course of the study, information from the newspaper subcorpus of the National corpus of the Russian language was used in order to collect and analyze empirical data. Semantic analysis of the contexts containing the key word of the concept revealed basic characteristics of the concept prevailing in the mass national consciousness. The authors conclude that the romantic and heroic image of the thief, which has deep folklore and literary roots, continues to exist as one of the prevalent characteristics of this concept in modern public consciousness. This image of the thief is largely formed by modern mass cinema, literature and music which are discussed in the media. The image of the so called «thief in law», often mentioned in the analyzed material, also partly contributes to the strengthening of the romantic features of this concept, since it implies following some alternative principles of morality and honor. At the same time, the research has shown that this concept receives an ambiguous evaluation in the Russian society, since the idea of criminality of this phenomenon is clearly expressed in many of the contexts under study.

Keywords: concept, mass media, newspaper context, cognitive linguistics, mass consciousness, stereotype.

Введение

Концепты представляют собой сложные многокомпонентные ментальные образования, с помощью которых картина мира отражается в сознании человека. В них находят отражение все наши знания о мире, а также наши переживания, ассоциации и оценки. Концепты создают в сознании народа его концептосферу. По мнению академика Д. С. Лихачева, который первым стал использовать этот термин, чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [Лихачев, 1993, с. 5].

Современная когнитивная лингвистика изучает отражение мыслительных категорий в языке с помощью знаков, образующих семантическое пространство языка. Языковая картина мира является более ограниченной по сравнению с когнитивной концептуальной картиной мира, так как не все содержание концептосферы имеет языковое выражение. В языке названо только то, что имеет коммуникативную значимость для народа [Попова, Стернин, 2002, с. 38]. Соответственно, картина мира, представленная в разных языках, будет различаться по своему содержанию. Кроме того, как указывает В. А. Маслова, в структуре концепта можно выделить понятийную основу, а также социо-психо-культурную (интерпретационную) часть, включающую ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [Маслова, 2005, с. 36].

Методы исследования

Невозможно дать исчерпывающее описание того или иного концепта. Существует множество приемов и методик изучения концептов, которые позволяют выявить лишь часть выраженной в языке информации о концепте. Изучению ключевых для конкретной культуры концептов посвящены работы многих современных исследователей [Степанов, 2001; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012; Lakoff, 2019; Langacker, 2019; Talmy, 2018]. Юридические концепты анализируются в работах С. П. Хижняка [Хижняк, 2019], Э. В. Семеновой [Семенова, 2019], Н. Л. Варшамовой, К. В. Данилова, Е. В. Яшиной [Варшамова, Данилов, Яшина, 2019], Н. А. Калмазовой, В. Ф. Борисовой, Ю. А. Кузнецовой [Калмазова, Борисова, Кузнецова, 2020; Kalmazova, 2019].

В данном исследовании выявление основных значимых признаков концепта *вор* и происходило в результате изучения примеров употребления ключевых слов концепта в текстах газетной пуб-

лицистики при помощи газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка [Национальный корпус ..., 2020]. Корпус национального языка представляет собой информационно-поисковую систему, основанную на собрании текстов национального языка в электронной форме. Текстовые данные корпуса облегчают работу по поиску примеров употребления того или иного слова в текстах разного жанра и позволяют проводить глубокие исследования по изучению семантических характеристик слова. Корпусная лингвистика – это направление, которое активно развивается в современном языкознании [Корпусы и корпусная ..., 2020; Baker, Egbert, 2019; Corpora and the Changing ..., 2020; Corpus Approaches ..., 2020; Learner Corpora ..., 2019; McEnergy, Brezina, Gablasova, Banerjee, 2019]. Результаты данных исследований могут помочь лучше понять многие психо-лингвистические процессы, а также разработать наиболее оптимальные методики преподавания языков [Игнаткина, 2018; Ignatkina, 2018; Marsh, Rajaram, 2019; Pérez-Paredes, Díez-Bedmar, 2019; Storm, 2019; Tono, 2018].

Для исследования признаков концепта нами было изучено 100 последних по времени примеров использования ключевого слова концепта в газетном подкорпусе русского языка.

Обращение именно к публицистическим текстам связано с тем, что в них находят отражение особенности современного состояния общественного массового сознания. Конечно, картина мира, представленная в средствах массовой информации, является еще более упрощенной версией языковой картины мира в целом, поскольку в ней дана лишь та часть языковой картины мира, которая отражает ключевые стереотипы современного массового сознания. В СМИ освещаются наиболее значимые актуальные для общества проблемы и вопросы. Поэтому, можно сказать, что общественное мнение и массовое сознание во многом влияет на способы представления действительности в прессе. Но и само общественное мнение во многом формируется под воздействием СМИ. В результате взаимодействия с психосоциальной средой СМИ активно влияют на принятие или отрицание социумом ценностей культуры, участвуют в их формировании (часто бесконтрольно), оказываются существенным фактором формирования общественной картины мира [Конюхова, 2005, с. 71].

Результаты и дискуссия

Яркой чертой многих газетных контекстов, в

которых упоминается слово *вор*, становится так называемая «воровская романтика». С романтизацией вора мы часто встречаемся в киноиндустрии и литературе, о чем упоминают журналисты в своих статьях.

В исследуемом материале встречается 13 примеров из 100, в которых слово *вор* используется в контексте, связанном с культурой. Среди них находим упоминание трех фильмов, в которых одним из героев которых является вор. В 2013 году состоялась премьера многосерийного телефильма режиссеров Вадима Перельмана и Тимура Вайнштейна «Пепел» с Владимиром Машковым и Евгением Мироновым в главных ролях. Средства массовой информации, конечно, не могли оставить незамеченным это событие из мира киноиндустрии. Поэтому данный фильм упоминается в исследуемом материале 5 раз. Отмечается, что «Пепел» – это история про то, как два человека (капитан Советской армии и вор-медвежатник) волей случая меняются не только документами, но и судьбами». Вор в фильме наделен многими романтическими чертами: «он артистичен, ловок, может вскрыть сейф за то время, пока выкуривает сигарету (горстка пепла на месте преступления – его фирменный знак), и пользуется безусловным авторитетом в своей воровской корпорации», а впоследствии «вор оказывается одаренным военным стратегом и отличным командиром».

Название фильма Павла Чухрая «Вор» с Владимиром Машковым в главной роли, 4 раза упоминается в изучаемых газетных контекстах. Снятый в 1997, но с тех пор много раз демонстрировавшийся по телевидению, этот фильм достаточно хорошо известен широкой публике. При упоминании данного фильма в сознании интересующегося современным российским кино читателя возникает сложный противоречивый образ вора, созданного режиссером и актером. В нем много отталкивающего, но в то же время, он умеет стать обаятельным, вызвать у людей доверие и уважение, которых он не заслуживает. Обаятельный мужественный красавец-офицер оказывается человеком, не знающим любви и сострадания, который, не задумываясь, ломает судьбы доверившихся ему людей.

Другим предстает перед нами вор в детской комедии «Полный вперед!». В 2013 году Алла Сурикова заканчивала съемки этого фильма и он активно анонсировался в средствах массовой информации. Один из героев этого фильма – вордомушник. Он – забавный и трогательный, попа-

дающий в смешные нелепые ситуации.

Три литературных произведения упомянуты в изучаемых русскоязычных газетных контекстах, и они также дополняют образ вора новыми красками. Один из героев газетной статьи упоминает, что учил с сыном стихотворение Сергея Есенина «Все живое особой метой ...», и цитирует следующие его строки «Если не был бы я поэтом, / То, наверно, был мошенник и вор». Есенинский лирический герой, который мог стать вором, изображен как отважный и гордый забияка и сорванец, никогда ни на что не жалующийся, стойко переносящий как физическую, так и душевную боль, которой так много в его жизни.

В двух других литературных произведениях упоминание вора – это поэтическая метафора, которая ярко представляет особенность труда писателя. Вадим Левенталь и Юрий Буйда сравнивают писателя с человеком, который постоянно в своих работах «крадет» что-то у реальной жизни: «Оно, конечно, писатель – вор, весь мир вокруг себя обворовывает, всё тащит себе в текст, но ведь и степень писательского мастерства как раз определяется мерой изящества, с которым он это делает» (Вадим Левенталь); «Когда я открыл ей, что хочу стать писателем, она сказала: – Это ремесло вора, шпиона и убийцы. Писатель подглядывает, подслушивает, крадет чужие черты и слова, а потом переносит все это на бумагу, останавливает мгновения, как говорил Гете, то есть убивает живое ради прекрасного...» (Юрий Буйда). Таким образом, российские писатели добавляют героического и романтического ореола образу вора.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что такая характеристика концепта *вор* как «романтизация и героизация» является важной и актуальной в наши дни для российского сознания. Она имеет глубокие культурные (религиозные, фольклорные, литературные) исторические корни. Однако их изучение не входило в задачи нашего исследования.

С «воровской романтикой» изначально был связан термин «вор в законе», который упоминается в большом количестве исследуемых газетных контекстов (в 35 из 100) на русском языке. Этот термин появился в 30-е годы двадцатого века, он является специфичным для СССР и современных стран постсоветского пространства, и не имеет аналогов в мировой криминальной практике. «Ворами в законе» называют наиболее авторитетную и влиятельную «верхушку» преступного мира, соблюдающую жесткий кодекс криминальных

традиций. Некоторые «воры в законе» контролируют экономическую преступность и оказывают влияние на многие процессы, происходящие в стране. Вероятно, именно этот факт обуславливает повышенный интерес прессы к этой теме.

Во многих подобных газетных статьях описывается внутренняя жизнь уголовного воровского мира, которая чаще всего приоткрывается для стороннего наблюдателя в те моменты, когда между уголовными авторитетами происходит передел сфер влияния, приводящий к их убийствам. Такие убийства, совершенные на глазах у многих людей, становятся объектом активного обсуждения в прессе. Так, например, рассказывается, что «в Абхазии расстрелян на выходе из ресторана «вор в законе» Астик Сухумский, считавшийся врагом «Деда Хасана», «в Турции застрелен азербайджанский вор в законе Ровшан Джаниев (Ровшан Ленкоранский), которого называли одним из самых вероятных заказчиков убийства патриарха криминального мира постсоветского пространства Аслана Усоаяна (Деда Хасана)».

Вместо убитых криминальных авторитетов выбираются новые преступные руководители. Выборы преемника связаны с определенными ритуалами, которые также описываются в газетах. Их выбирают на преступных сходках: «Наиболее вероятным кандидатом в патриархи российского криминального мира стал вор в законе Шахро-молодой, отбывающий наказание в испанской тюрьме. Приближенные убитого в Москве патриарха криминального мира России Аслана Усоаяна (Дед Хасан) выбрали его преемника». Далее происходит особый обряд коронации, упоминания о котором также встречаются в прессе: «В ходе того нападения был ранен, но выжил малолетний сын Квежо – Гурам, который сейчас также проходит по сводкам как «вор в законе»: «короновали» его в начале нулевых, когда ему исполнилось 16 лет». Новому «вору в законе» необходима рекомендация уже действующих членов этого мира. Например, в одной из газет можно прочитать, что «его рекомендовал на воровской сходке некто пите-рбургский «вор в законе» по кличке Берла – авторитет «старой школы».

Известно, что «воры в законе» живут по своим правилам, называемым «воровскими понятиями». Одно из таких правил описывается в следующей газетной статье: «Вор в законе не имеет права отпираться по воровским понятиям. Он должен гордо сказать: «Я – вор». Так они и отвечали, а затем их вели в тюрьму на десять лет».

Некоторые «воры в законе» являются также

преуспевающими бизнесменами. Так, в газетах можно прочитать о том, что «задержанный вор в законе открыл в Москве и Красноярске несколько успешных коммерческих предприятий», «по оперативным данным, вор в законе вместе с партнером открыл в Москве и Красноярске архитектурное бюро и сеть точек по продаже бутербродов», «сейчас вор в законе официально является совладельцем только одной компании».

Однако чаще встречаются упоминания о таких преступных действиях «воров в законе», как бан-дитизм, разбой, торговля наркотиками: «по версии следствия, вор в законе мог быть причастен к пяти заказным убийствам, совершенным в середине 1990-х годов», «по данным ГУ МВД России по ЮФО «вор в законе» часто разбойничал со своей бандой на просторах Кубани и соседней Ростовской области», «оперативники задержали за наркотики вора в законе, который считался противником убитого криминального генерала Аслана Усоаяна».

В газетах находят отражение разнообразные «воровские специализации», основанные на различиях в объектах краж и специфике способа совершения кражи. Чаще всех (36 раз) упоминается вор-мошенник, присваивающий себе чужое имущество, прикрываясь вполне законной деятельностью, а также вор-коррупционер, вор-чиновник, вор-предприниматель: «Вор, махинатор, младомахинатор, девелопер – в обывательском сознании все они единым миром мазаны; и обывательское сознание в данном случае не обманывает».

Во многих данных газетных контекстах воровская тематика оказывается связанной с политической и экономической сторонами жизни российского общества, о чем упоминается в 22 анализируемых примерах из 100.

Политики, в российском общественном сознании, часто пользуются властью для незаконного личного обогащения, что находит отражение в прессе и кино и вызывает недовольство среди самих политиков и чиновников: «Включишь телевизор или возьмешь газету – муниципальный служащий там вор, коррупционер, худший человек в мире, – пожаловалась глава Прокопьевского муниципального района Кемеровской области Галина Шабалина».

Похожее отношение в российском обществе и ко многим предпринимателям: «В нынешней интеллектуальной среде ты можешь 30 раз быть либералом, 40 раз патриотом, но обязан говорить, что наш предприниматель – вор (хотя бы

что только наши)). Нередко газеты пишут о слиянии власти, крупных предпринимателей и преступности: «С точки зрения этики и криминала они друг от друга ничем не отличаются, только один в открытую говорит, что вор в законе, а второй – что начальник департамента, министр или глава финансово-промышленной группы».

Другие «воровские специализации» в русскоязычных контекстах называются намного реже. Так, семь раз описываются действия квартирных воров, например: «Вор взломал дверь квартиры 51-летнего бизнесмена Сергея Федорова в 11-ом доме по Леонтьевскому переулку». Два раза речь идет о воре, совершающем ограбление банков: «Напомним, в ночь на 1 июня вор в маске открыл своими ключами дверь отделения Сбербанка на улице Миклухо-Маклая, отключил сигнализацию, и забрал из сейфа 31 миллион и 538 тысяч рублей». По одному разу упоминаются вор-карманник, вор-мародер, магазинный вор, а также вор, скачивающий бесплатно нелицензионный компьютерный контент и похищающий чужую интеллектуальную собственность.

Таким образом, образ «вора в законе» в газетных статьях, с одной стороны, подвергается героизации и романтизации, а, с другой стороны, вор представлен в реалистичном свете как опасный член криминального мира, с которым ведут борьбу сотрудники правоохранительных органов.

Заключение

Итак, в содержании национального концепта находят отражение история народа, его культура, религия, условия жизни и многие особенности его бытия. Концепт познаваем во многом благодаря его частичной репрезентации в национальном языке. Различные стороны концепта проявляются в языковых текстах разного жанра. В средствах массовой информации представлена только наиболее актуальная для текущего времени часть концептуального содержания, его поверхностный уровень, доступный для восприятия широкой аудитории, легко находящий отклик в сознании массового читателя, не склонного обычно при чтении газет к рефлексии и глубоким размышлениям. Данное исследование показало, что концепт «вор» получает неоднозначную оценку в современных СМИ. С одной стороны, яркое проявление находит признак «романтизация и героизация вора» (выражающийся в том, что в кино, литературе и музыке вор часто предстает обаятельным, артистичным ловким и изобретательным, жизнь которого полна захватывающих приключений).

Кроме того, присутствует такое понятие как «вор в законе», связанное во многом с романтизацией жизни воровских авторитетов. С другой стороны, вор предстает как опасный член криминального мира, наносящий урон как имуществу конкретных людей, так и экономике страны в целом, поэтому с ними ведут борьбу сотрудники правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Варшамова Н. Л., Данилов К. В. и др. Англо-американские правовые концепты crime и punishment в лингвокультурном освещении. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2019. 124 с.
2. Зализняк А. А., Левонтина И. Б. и др. Константы и переменные русской языковой картины мира. Москва: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
3. Игнаткина А. Л. Комплексный подход к обучению юридической терминологии: опыт внедрения в курс юридического английского языка // Язык. Право. Общество: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2018. С. 450–455.
4. Калмазова Н. А., Борисова В. Ф. и др. Англоязычные термины терминополья «юридическая профессия»: мотивация выбора перевода // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 3. С. 84–97.
5. Конохова Т. В. Влияние СМИ на массовое сознание в информационном обществе // Фундаментальные исследования. 2005. № 3. С. 71–72.
6. Корпусы и корпусная лингвистика. Основные понятия. URL: <https://www.myfilology.ru/177/korpusy-i-korpusnaya-lingvistika-osnovnye-ponyatiya/> (дата обращения: 23.01.2020)
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук. Сер. Литературы и языка. 1993. № 1. С. 3–9.
8. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.01.2020).
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2002. 192 с.
11. Семенова Э. В. Межкультурная коммуникация: национально-культурная специфика английской юридической терминологии // Язык науки и профессиональная коммуникация: сборник научных статей. Саратов: Издательство ИП Коваль Юлия Владимировна, 2019. С. 22–30.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. Москва: Академический проект, 2001. 990 с.
13. Хижняк С. П. Юридическая терминология русского и английского языков в аспекте сопоставительного анализа // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития: сборник статей. Ереван: Изд-

во Ереванского государственного университета, 2019. С. 373–378.

14. Baker P., Egbert J. Triangulating corpus linguistics with other linguistic research methods. New York: Routledge, 2019. 300 p.

15. Corpora and the Changing Society : Studies in the evolution of English / P. Rautioaho, A. Nurmi, J. Klemola. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2020. 305 p.

16. Corpus Approaches to Social Media / S. Rüdiger, D. Dayter. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2020. 208 p.

17. Ignatkina A. L. Frame modeling method in teaching and learning legal terminology // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2018. Vol. 53 (66). P. 81-104.

18. Kalmazova N. A Teaching Legal English to EAP and ESP learners // Материалы юбилейной XXV научно-практической конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка. Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», 2019. С. 100-107.

19. Lakoff G. Ten Lectures on Cognitive Linguistics : ebook. Leiden : Brill, 2019. 285 p.

20. Langacker R. W. Levels of Reality // Language. 2019. URL: [https://file:///C:/Users/Дом/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/Levels_of_Reality%20\(1\).pdf](https://file:///C:/Users/Дом/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/Levels_of_Reality%20(1).pdf) (дата обращения: 03.04. 2020).

21. Learner Corpora and Language Teaching / S. Götz, J. Mukherjee. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2019. 267 p.

22. Marsh E. J., Rajaram S. The digital expansion of the mind: implications of internet usage for memory and cognition // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2019. Vol. 8(1). P. 1-14.

23. McEnery T., Brezina V., Gablasova D., Banerjee J. Corpus Linguistics, Learner Corpora, and SLA: Employing Technology to Analyze Language Use // Annual Review of Applied Linguistics. 2019. Vol. 39. P. 74–92.

24. Pérez-Paredes P., Díez-Bedmar B. Researching learner language through POS Keyword and syntactic complexity analyses // Learner Corpora and Language Teaching : Studies in Corpus Linguistics. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 2019. P. 101–127.

25. Storm B. C. Thoughts on the Digital Expansion of the Mind and the Effects of Using the Internet on Memory and Cognition // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2019. Vol. 8 (1). P. 29-32.

26. Talmy L. The Targeting System of Language. Cambridge : MIT Press, 2018. 672 p.

27. Tono Y. Corpus approaches to L2 learner profiling research. // Reconceptualizing English language teaching and learning in the 21st century : A special monograph in memory of Professor Kai-Chong Cheung. Taipei : Crane Publishing Co., Ltd, 2018. P. 392–409.

Reference List

1. Varshamova N. L., Danilov K. V. i dr. Anglo-amerikanskije pravovye koncepty crime i punishment v lingvokul'turnom osveshhenii = Anglo-American legal concepts of crime and punishment in a linguistic and cultural perspective. Saratov : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Amirit», 2019. 124 s.

2. Zaliznjak A. A., Levontina I. B. i dr. Konstanty i peremennye russkoj jazykovoju kartiny mira = Constants and variables of the Russian linguistic world picture. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. 696 s.

3. Ignatkina A. L. Kompleksnyj podhod k obucheniju juridicheskoj terminologii: opyt vnedrenija v kurs juridicheskogo anglijskogo jazyka = A comprehensive approach to teaching legal terminology: experiences in legal English courses // Jazyk. Pravo. Obshhestvo : sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza : Izd-vo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. S. 450–455.

4. Kalmazova N. A., Borisova V. F. i dr. Anglojazychnye terminy terminopolja «juridicheskaja professija»: motivacija vybora perevoda = English-language terms in the field «legal profession»: motivation for translation choices // Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2020. T. 19. № 3. S. 84–97.

5. Konjuhova T. V. Vlijanie SMI na massovoe soznanie v informacionnom obshhestve = The influence of the media on mass consciousness in the information society // Fundamental'nye issledovanija. 2005. № 3. S. 71–72.

6. Korpusy i korpusnaja lingvistika. Osnovnye ponjatija = Corpora and corpus linguistics. Basic concepts. URL: <https://www.myfilology.ru/177/korpusy-i-korpusnaja-lingvistika-osnovnye-ponyatiya/> (data obrashhenija: 23.01. 2020)

7. Lihachev D. S. Konceptosfera russkogo jazyka = The conceptual sphere of the Russian language // Izvestija Akademii nauk. Ser. Literatury i jazyka. 1993. № 1. С. 3–9.

8. Maslova V. A. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics : uchebnoe posobie. Minsk : TetraSistems, 2005. 256 s.

9. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = The National Corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (data obrashhenija: 05.01.2020).

10. Popova Z. D., Sternin I. A. Oчерki po kognitivnoj lingvistike = Essays on cognitive linguistics. Voronezh : Istoki, 2002. 192 s.

11. Semenova Je. V. Mezhkul'turnaja kommunikacija: nacional'no-kul'turnaja specifika anglijskoj juridicheskoj terminologii = Intercultural communication: national and cultural specificity of English legal terminology // Jazyk nauki i professional'naja kommunikacija : sbornik nauchnyh statej. Saratov : Izdatel'stvo IP Koval' Julija Vladimirovna, 2019. S. 22–30.

12. Stepanov Ju. S. Konstanty : Slovar' russkoj kul'tury : Opyt issledovanija = Constants : Dictionary of Russian culture : Research experience. Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. 990 s.

13. Hizhnjak S. P. Juridicheskaja terminologija russkogo i anglijskogo jazykov v aspekte sopostavitel'nogo analiza = Russian and English legal terminology in the aspect of comparative analysis // *Rusistika v XXI veke: tendencii i napravlenija razvitija* : sbornik statej. Erevan : Izd-vo Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. S. 373–378.
14. Baker P., Egbert J. *Triangulating corpus linguistics with other linguistic research methods*. New York : Routledge, 2019. 300 p.
15. *Corpora and the Changing Society : Studies in the evolution of English* / P. Rautioaho, A. Nurmi, J. Klemola. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2020. 305 p.
16. *Corpus Approaches to Social Media* / S. Rüdiger, D. Dayter. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2020. 208 p.
17. Ignatkina A. L. Frame modeling method in teaching and learning legal terminology // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2018. Vol. 53 (66). P. 81–104.
18. Kalmazova N. A Teaching Legal English to EAP and ESP learners // *Materialy jubilejnoj XXV nauchno-praktičeskoj konferencii Nacional'noj asociacii prepodavatelej anglijskogo jazyka*. Sankt-Peterburg: Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija «Nacional'nyj issledovatel'skij universitet ITMO», 2019. S. 100–107.
19. Lakoff G. *Ten Lectures on Cognitive Linguistics* : ebook. Leiden : Brill, 2019. 285 p.
20. Langacker R. W. *Levels of Reality* // *Language*. 2019. URL: [https://file:///C:/Users/Dom/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/Levels_of_Reality%20\(1\).pdf](https://file:///C:/Users/Dom/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/Levels_of_Reality%20(1).pdf) (data obrashhenija: 03.04. 2020).
21. *Learner Corpora and Language Teaching* / S. Götz, J. Mukherjee. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2019. 267 p.
22. Marsh E. J., Rajaram S. The digital expansion of the mind: implications of internet usage for memory and cognition // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2019. Vol. 8(1). P. 1-14.
23. McEnery T., Brezina V., Gablasova D., Banerjee J. *Corpus Linguistics, Learner Corpora, and SLA: Employing Technology to Analyze Language Use* // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2019. Vol. 39. P. 74–92.
24. Pérez-Paredes P., Díez-Bedmar B. Researching learner language through POS Keyword and syntactic complexity analyses // *Learner Corpora and Language Teaching : Studies in Corpus Linguistics*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 2019. P. 101–127.
25. Storm B. C. Thoughts on the Digital Expansion of the Mind and the Effects of Using the Internet on Memory and Cognition // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2019. Vol. 8 (1). P. 29-32.
26. Talmy L. *The Targeting System of Language*. Cambridge : MIT Press, 2018. 672 p.
27. Tono Y. *Corpus approaches to L2 learner profiling research*. // *Reconceptualizing English language teaching and learning in the 21st century : A special monograph in memory of Professor Kai-Chong Cheung*. Taipei : Crane Publishing Co., Ltd, 2018. P. 392–409.

УДК 811.161.1

С. М. Колесникова

<http://orcid.org/0000-0002-8640-0974>

Е. А. Бурская

<http://orcid.org/0000-0001-5167-365X>

Влияние аффиксов на фоносемантическую градуальную картину производного слова в поэтических текстах В. Маяковского

Для цитирования: Колесникова С. М., Бурская Е. А. Влияние аффиксов на фоносемантическую градуальную картину производного слова в поэтических текстах В. Маяковского // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 81–86. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-81-86

В поэтическом тексте для решения художественных задач и создания образов важное место занимают производные слова. Словообразовательный способ представляет собой набор аффиксов, связанных парадигматическими отношениями и различающихся по продуктивности, дистрибуции и добавочным значениям. Тексты В. В. Маяковского отличаются продуктивным употреблением новообразований, что создает их специфичность и уникальность, способствует реализации определенных качественно-характеризующих смыслов. Производные слова и словообразовательные средства становятся средствами актуализации разных градуальных смыслов: данные образования характеризуются выражением градуальной семантики производного слова (увеличение/усиление, высшую/ крайнюю степень проявления признака, процесса, явления), содержащейся в градосеме (сему *меры* и *степени*) исследуемых языковых единиц. Аффиксальные новообразования реализуют и конкретизируют качественные признаки выражаемых значений. Происходит передача *субъективного* восприятия говорящим явлений действительности.

На материале поэтических текстов В. Маяковского в настоящей статье рассмотрены аффиксальные образования имен существительных и прилагательных в аспекте влияния аффиксов на содержательность звучания. Основной исследовательский акцент делается на слова, позволившие повествователю решить художественно-эстетические задачи и ставшие основным средством создания образа. Особая выразительность и экспрессивность данных образований объясняются контрастом между стилистикой и особой градуальной семантикой префиксов. Объективная фоносемантическая картина рассматриваемых слов/сопоставляемых пар слов отражает разные отношения между звучанием и значением – от полного соответствия до противоречия между ними. Противоречия между звучанием и значением в аффиксальных образованиях, как правило, способствуют контекстуально-ироничному употреблению производных лексем. Данные образования выполняют разные семантические и контекстные функции.

Ключевые слова: поэтический текст, аффиксальные образования, градуальная семантика, фоносемантика, соответствие/несоответствие звучания и значения, признаковая оценочная шкала.

S. M. Kolesnikova, E. A. Burskaya

The influence of affixes on the phonosemantic gradable picture of derivative words in V. Mayakovsky's poetic texts

In a poetic text, derivative words play an important role in solving artistic problems and creating images. The word-formation method is a set of affixes linked by paradigmatic relations that differ in productivity, distribution and additional meanings. V. Mayakovsky's texts are characterised by the productive use of neologisms, which creates their specificity and uniqueness and contributes to the realisation of certain qualitative and characterising meanings. Derivatives and word-formation devices become the means of actualising different gradable meanings: these formations are characterised by the expression of the gradable semantics of derivatives (increase/intensification, higher/extreme degree of manifestation of a feature, process, phenomenon), contained in the gradoseme (the seme of measure and degree) of the language units under study. Affixal neologisms implement and specify quality attributes of the meanings expressed. The speaker's subjective perception of the real world is conveyed.

Mayakovsky's poetic texts give the material to examine the affixal formation of nouns and adjectives in terms of its influence on the richness of speech. The research focuses on the words that allow the narrator to solve artistic and aesthetic problems and to become the basic means of creating the image. The particular expressiveness of these formations is explained by the contrast between the style and the special semantics of gradual prefixes. The objective

phonosemantic picture of the words/word pairs in question reflects different relationships between sound and meaning, ranging from complete conformity to contradiction between them. The contradictions between sound and meaning in affixal structures usually lead to ironic use of derived lexemes in context. These structures perform different semantic and contextual functions.

Keywords: poetic text, affixal formations, gradable semantics, phonosemantics, matching/mismatching of sound and meaning, attribute rating scale.

Постановка проблемы

Любой текст создается говорящим (мастером слова, повествователем), который, в соответствии с коммуникативной целевой установкой, отбирает и организует языковые средства с учетом их значения и воздействующего эффекта, поэтому в тексте всегда выражается *отношение* говорящего к высказанной мысли, действительности, то есть передаются *субъективные* элементы градуальной оценки явления, факту или *чужую*, соответствующую (или не соответствующую) его градуальной оценке, ср.: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова ... обростает новыми... смыслами (... вырастает до степени типического обобщения)» [Виноградов, 1959, с. 230]. Любая информация об *отношении* говорящего к предмету, признаку или действию важна для реализации коммуникативной функции слова как языковой единицы. В данном случае проявляется связь языковой личности с выбором языковых средств, позволяющим решить *свои* коммуникативные задачи и достичь коммуникативную цель [Караулов, 1987]. Создается «образ автора», самая высокая поэтическая категория [Новиков, 1988, с. 13]; на основе универсальности знаков образуются символы [ср., Лосев, 1982; Левицкий, 2009]; актуализируются вопросы звуковой содержательности [Журавлев, 1981; Казарин, 2000; Павловская, 2004; Бурская, 2016].

Поэтический текст отличается большим разнообразием окказиональных образований и употреблением производных слов, дающих возможность мастеру решить не только художественно-эстетическую задачу, но и создать конкретный образ [Колесникова, 2016], а также определяет «пространство антонимичного слова, которое создает лексику противоположностей» [Диброва, Донченко, 2000, с. 5] в поэтическом тексте. Ярким примером уникальности, специфичности текста и реализации определенных качественно-характеризующих смыслов являются произведения В. Маяковского [Баймуратова, 2010]. Для этого повествователь использует все имеющиеся в языке возможности, в частности, в области словообразования.

Словообразовательный способ представляет собой набор аффиксов, связанных парадигматическими отношениями и различающихся по продуктивности, дистрибуции и добавочным значениям, производное слово рассматривается «в синтагматическом (составляющие производного слова) и парадигматическом (сопоставление с одноструктурными словами) отношениях» [Современный..., 2008, с. 201]. **Аффиксация** – один из самых продуктивных способов выражения градуальной семантики языковых единиц [Колесникова, 2016]: **суффиксальный** способ выражения градуального значения характерен для всех основных частей речи; **префиксальный** характеризуется тем, что производное слово принадлежит к той же части речи, что и производящее, но значение его приобретает иной гранд-оттенок (образуется значение меры, степени). В 24 процентах исследованных антонимичных пар фоносемантика не поддерживает значение, а вступает в противоречие с ним [Бурская, 2016a]. Данный факт констатировался, но подробно не рассматривался [ср., Нироп, 1916; Воронин, 1990].

Обращает на себя внимание тот факт, что до настоящего времени исследований фоносемантики аффиксов не проводилось, что дает нам основания считать поставленный вопрос весьма актуальным, так как считалось, что префиксальную (морфологическую) антонимию нет смысла рассматривать с точки зрения фоносемантики, поскольку аффиксация активно не влияет на содержательность звучания. Однако в настоящей статье нами предпринята попытка опровергнуть данную точку зрения и рассмотреть аффиксальные образования имен существительных и прилагательных с градуальной семантикой в аспекте влияния аффиксов на соответствие/несоответствие звучания значению.

Исследование аффиксальных образований имен существительных и прилагательных в аспекте звуковой содержательности

Градуальная семантика имен существительных выражается образованиями с суффиксами *-ишк-*, *-енк-*, *-ик-*, *-иц-*. Ср., увеличительное – *-иц-*: *Что ж, / с мостицас этого / глядим с презрением вниз мы?* (В. Маяковский).

Качественные имена прилагательные в рус-

ском языке располагают формальными средствами выражения разных степеней наличия признака и субъективного отношения говорящего к данным признакам [Колесникова, 2016]. Суффиксы субъективной оценки в именах прилагательных передают значение различной степени величины признака (соответствующее норме, небольшую степень признака (малую) и высокую, предельную степень). Ср., неполноту, недостаток качества выражает суффикс *-оват(-ат)-* (= *чуть-чуть*; *слезка*): «Как в обыденной речи, так и в народной поэзии и в литературных произведениях слышится часто в уменьшительных суффиксах нечто, соответствующее суффиксам – *оватый-*, *-атый*, т. е. присутствие качества в некоторой степени. Но над этим значением ложится отношение говорящего – то симпатии, то антипатии, в зависимости от содержания самого слова (Ср.: *пошленький*, *подленький* и *глупенький*, *слабенький*) [Мендельштам, 1903]. Производные имена прилагательные с суффиксом *-оват-* занимают особое место среди имен прилагательных, обозначающих степень признака, так как они являются единственным средством объективного обозначения слабой степени, неполноты признака (в противоположность разнообразным и многочисленным префиксальным и суффиксальным типам, совмещающим объективное обозначение степени качества с его субъективной оценкой) [Земская, 1964]. Например: *Конечно*, / *под клуб не пойдет* - / *темноват*, - / *об этом не думали* / *классики* (В. Маяковский).

Высокая степень признака передается суффиксами *-ат-*, *-ав-*, например: выражение значения наличия признака в значительной степени (*бородавчатый*, *прыщавый*) и неполной мере (*кисловатый*, *глуховатый*).

Образования с суффиксами *-еньк-*, *-оньк-* несут в себе значение смягчения или уменьшения качества. Подобные производные имена прилагательные принимают вид уменьшительных для смягчения, приветствия или согласования с именем существительным уменьшительным [Греч, 1834]. Ср.: *голубое платье* – *голубенькое платьице*; *веселый день* – *веселенький денек*.

Экспрессивность, передаваемая подобными формами, очень разнообразна, противоречива и выражает следующие градуальные смыслы: 1) меньшую, смягченную степень качества в субъективном освещении: *легкий* – *легонький*; 2) усиление качества. См.: *Идите, голоденькие, / потненькие, / покорненькие, / закисшие в блохастом грязненькие!* (В. Маяковский).

Образования с суффиксом *-уц(ий)*, *-юц(ий)* выражают усиительно-увеличительное значение [Павский, 1850] и образуются от более широкого

круга качественных имен прилагательных, в том числе и от обозначающих признаки [Виноградов, 1972]. См.: *Большущееимя взяли / АХРР, / а чушут / ответственным / пятки* (В. Маяковский). Для образования имен прилагательных со значением крайней, предельной степени проявления признака, равной значениям “в высшей степени”, “очень”, “чрезвычайно”, используется заимствованная приставка *архи-* (из греч.). Данная приставка присоединяется к качественным и относительным именам прилагательным в том случае, если они «приобретают» оттенок **качественности**: *архиевропейский*.

Ср., градуальную семантику слова и его градуальную шкалу оценок соответствия/несоответствия звучания и значения: *Мы / глядим, / уныло ахая, / как растет / от ихней братии / архи-разиерархия / в издевательстве / над демократией* (В. Маяковский) // градуационный ряд *иерархия* – *разиерархия* – *архи-разиерархия*: по шкалам «величественный – низменный» (на наш взгляд, данный признак оценочной шкалы [Osgood, Suci, 1967; Журавлев, 1974] является более близким для решения поставленной задачи) перечисленные оценки признаков находятся в значимой зоне градуальной шкалы, но с тенденцией к противоречию между звучанием и значением, ср.: *иерархия* – 3,94; *разиерархия* – 3,63 – префикс *раз-* усиливает признак и семантически, и фоносемантически в сторону соответствия между звучанием и значением; *архи-разиерархия* – 3,94 – префикс *архи-* «возвращает» фоносемантические качественно-признаковые показатели в сторону соответствия между звучанием и значением (относительно исходного слова – *иерархия*).

Образования с префиксом *сверх-* передают градуированное в результате квантификации значение меры, степени [Колесникова, 2016]. Имена прилагательные с данной приставкой относятся прежде всего к деловой и терминологической речи: *сверхнизкие* (температуры), *сверхвысокое* (напряжение) и др. Подобные образования имен прилагательных и существительных очень продуктивны и весьма употребительны как в современной разговорной, так и в публицистической речи [ср., Стернин, 1985]. Для сравнения приведем примеры из художественно-поэтического текста: *Я хочу, / чтоб сверхставками спеца / получало / любовищу сердца; // Начертили схему: / кружки и линии, / которые красные, которые синие. / Расширив штат сверхштатной сотней, / работали в праздник и в день субботный* (В. Маяковский). Ср., пары *ставка* – *сверхставка* и *штатный* – *сверхштатный* по шкалам «боль-

шой – маленький»: ставка – 2,88; *сверхставка* – 3,0 – тенденция (так как оценки по данной шкале оказываются в **нейтральной** зоне) к **противоречию между звучанием и значением**; *штатный* – 2,88; *сверхштатный* – 2,99 – тенденция к **противоречию между звучанием и значением**; по шкалам «активный – пассивный»: ставка – 2,79; *сверхставка* – 3,02 – наблюдается **противоречие между звучанием и значением**; Но: *штатный* – 3,33; *сверхштатный* – 3,18 – префикс дает **усиление** признака; наблюдается тенденция к **соответствию между звучанием и значением**.

Объективная фоносемантическая картина рассматриваемых слов/сопоставляемых пар слов отражает разные характеристики отношений между показателями признаков шкал внутри того или иного слова/ сопоставляемых пар слов [Бурская, 2016б; Колесникова, 1999]. Приставочные имена прилагательные на *раз-*, *пре-* и т. п. обозначают предельное усиление меры качества. Приставка *раз-* выражает значение высшей, предельной степени проявления признака: *Много / было / каждый год / разударнейших компаний* (В. Маяковский).

Иногда в слове соединяются два, три и более признака превосходной степени, чтоб превосходное сделать превосходнейшим: выражение 1 признака – *пресветлый, предобрый, развеселый*; выражение 2 признаков – *всемиловейший, всепокорнейший*; выражение 3 признаков – *всепресветлейший*. См., фоносемантику градационного ряда *светлый – светлейший – пресветлый*: признаки «светлый – темный» в полном объеме отражают и содержательный (логико-понятийный), и коннотативный аспекты, поскольку являются основными для рассматриваемых лексем – *светлый* – 2, 87, *всепресветлейший* – 2,81 – данное новообразование характеризуется усилением всех **качественных** признаков на градуальной шкале; выражена **тенденция к соответствию звучания и значения**; *светлейший* – 2, 72 – суффикс превосходной степени подчеркивает характеристику признака и семантически, и фоносемантически («самый»); выражена **тенденция к соответствию звучания и значения**; *пресветлый* – 3, 22 – префикс *пре-* (= «очень») заметно изменяет фоносемантические данные в сторону **противоречия/несоответствия между звучанием и значением**.

Ср., образования с *раз-* в художественно-поэтическом тексте В. Маяковского: *Возьми / раз-большущий / дом в Нью-Йорке, / взгляни / насквозь / на зданье на то; // Какой ты ни есть / капитан-раскапитан, / а мы тебе тоже / не фунт с осьмушкой* (В. Маяковский). Сравнивая

показатели фоносемантического анализа, установим, как влияют префиксы и постфиксы на изменение содержательности звучания, и выявим фоносемантическую градуальную шкалу: **большой** (исходная лексема) – *разбольшой* – *пребольшой* (1); *большой* – *большущий* – *разбольшущий* (2). См.: основной признак логико-понятийного аспекта определяется шкалой «большой – маленький». Все оценки на данной шкале для производных лексемы *большой* оказываются в **нейтральной** зоне (от 2,5 до 3,5), но даже в нейтральной зоне выявляются определенные закономерности несоответствия. Ср., градуальную шкалу, демонстрирующую ярко выраженное **системное влияние аффиксов на фоносемантическую картину слова** (psi-technology/net/servisfonosemantika/php), даже в случаях **противоречия**:

1. *большой* – 2,54 2. *большой* – 2,54
разбольшой – 2,6 *большущий* – 2,96
пребольшой – 3,06; *разбольшущий* – 2,98;
большой _____ 2,5 _____ **3,0** _____ 3,5 _____ *маленький*
нейтральная зона (2,5–3,5)

Для лексем *капитан* – *раскапитан* по признаку «женственный – мужественный» получаем следующие данные: *капитан* – 2,95, *раскапитан* – 3,42 (в данной паре *раскапитан* «больше мужественный» по отношению к *капитан*) – наблюдается **тенденция к поддержке звучанием значения**. Аналогично по признаку «храбрый – трусливый»: *капитан* – 3,34, *раскапитан* – 2,74 (в данной паре *раскапитан* «более храбрый» по отношению к *капитан*) – наблюдается **тенденция к поддержке звучанием значения**. По признаку «величественный – низменный»: *капитан* – 3,3, *раскапитан* – 2,78 (в данной паре *раскапитан* «более величественный» по отношению к *капитан*) и т. д. – по всем признакам наблюдается **тенденция к поддержке звучанием значения**. Картина «поддержки» является наиболее типичной для фоносемантики.

В связи с тем, что языковая фоносемантическая картина все же отличается и «несоответствием» (приблизительно 1/4 часть антонимичных пар) между звучанием и значением, основной исследовательский акцент делается на качественные слова, подвергающиеся изменениям и изменениям. Значения превосходной степени передаются образованиями с приставкой *пре-*: *Появились / молодые / превоспитанные люди – / Мопров / знаки золотые / им / увенчивают груди* (В. Маяковский).

См., фоносемантические градуальные шкалы для пары *воспитанный* – *превоспитанный* – по признакам «хороший – плохой»: *воспитанный* – 2,87, *превоспитанный* – 2, 96 – наблюдается не-

значительная тенденция к противоречию между звучанием и значением, ослабление поддержки звучанием значения; по признакам «красивый – отталкивающий»: *воспитанный* – 2,99, *превоспитанный* – 3,12 – наблюдается незначительная тенденция к противоречию между звучанием и значением, ослабление поддержки звучанием значения; по признакам «величественный – низменный»: *воспитанный* – 2,94, *превоспитанный* – 3,19 – наблюдается незначительная тенденция к противоречию между звучанием и значением, ослабление поддержки звучанием значения; по признакам «добрый – злой»: *воспитанный* – 2,71, *превоспитанный* – 2,87 и т. д. – префикс *пре-* устанавливает незначительную тенденцию к противоречию между звучанием и значением, ослаблению поддержки звучанием значения по всем признакам.

По аналогии сопоставим градуационный ряд форм степеней сравнения от имени прилагательного *добрый* – *добрейший* – *предобрый* – *предобрейший* по шкале «добрый – злой», являющейся основной для описания данного слова: *добрый* (исходная точка) – 3,11 – нейтральная зона, но с тенденцией к противоречию между звучанием и значением, так как находится на «злой» стороне фоносемантической градуальной шкалы; *добрейший* – 3,16 – незначительно усиливается признак в сторону несоответствия между звучанием и значением; *предобрый* – 3,18 – префикс *пре-* еще больше усиливает признак в сторону несоответствия между звучанием и значением; *предобрейший* – 3,21 – префикс и суффикс воздействуют на усиление признака, но в зоне противоречий.

Итог исследования

Таким образом, для решения художественно-эстетических задач и создания образа в поэтическом тексте, в частности в художественном пространстве В. Маяковского, широко используются префиксальные и суффиксальные типы имен существительных и прилагательных со значением меры и степени проявления предмета, признака, качества. При этом обнаруживается ряд последовательных закономерностей: особая выразительность и экспрессивность данных образований объясняется контрастом между стилистикой и особой градуальной семантикой префиксов; результаты фоносемантического анализа дают нам основания предположить, что при контекстуально-ироничном употреблении производных аффиксальных образований выявляются противоречия/соответствия между звучанием и значением (чаще – противоречия); слова приобретают ироничный характер и передают отрицательную

оценку высокой степени признака. Данные образования выполняют разные семантические и контекстные функции.

Библиографический список

1. Баймуратова А. С. Особенности функционирования абстрактных существительных на -ОСТЬ в поэзии Маяковского // Структура и семантика языковых единиц: сб. научн. трудов / под ред. О. В. Фокиной. Москва : Ярославль : Ремдер, 2010. С. 37.
2. Бурская Е. А. Фоносемантическая оппозиция и градуальная шкала измерений // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. научн. тр. Москва : ИИУ МГОУ, 2016а. С. 112.
3. Бурская Е. А. Фоносемантические оппозиции в творчестве поэтов Серебряного века (на материале поэтических текстов Игоря Северянина) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016б. № 4. С. 18–26.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. Москва : Гослитиздат, 1959. С. 230.
5. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. Москва : Высшая школа, 1972. С. 198.
6. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения) : учебное пособие. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. 199 с.
7. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. Санкт-Петербург : в типографии Н. Греча, 1834. С. 78, 85.
8. Диброва Е. И., Донченко Н. Ю. Поэтические структуры антонимии. Москва : С. Принт, 2000. С. 5.
9. Журавлёв А. П. Фонетическое значение. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. 234 с.
10. Журавлев А. П. Звук и смысл. Москва : Просвещение, 1981. 160 с.
11. Земская Е. А. История прилагательных, обозначающих степень признака в русском литературном языке нового времени // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. Москва : Наука, 1964. С. 344.
12. Казарин Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. 171 с.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. Москва : Наука, 1987. 263 с.
14. Колесникова С. М. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка. Москва : Флинта, 2016. 231 с.
15. Колесникова С. М. Средства выражения степени величины признака: синонимы и антонимы // Русский язык в школе, 1999. № 1. С. 78–82.
16. Левицкий В. В. Звуковой символизм. Мифы и реальность. Черновцы : Изд-во Черновицкого национального ун-та, 2009. 264 с.
17. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. Москва : Изд-во МГУ, 1982. 479 с.
18. Мендельштам И. Об уменьшительных суффиксах в русском языке // ж-л Мин-ва нар. Просвещения, 1903. № 8. С. 323.
19. Нируп К. Звук и его значение // Сборники по

теории поэтического языка. Вып. 1. Петроград : 1916. С. 61–71.

20. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. Москва : Русский язык, 1988. С. 13.

21. Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2004. 292 с.

22. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка Прот. Г. Павского // рассуждения 2. Об именах прилагательных, числительных и местоимениях. Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1850. Р. 2. р. 11. С. 121.

23. Современный русский язык: учебник [С. М. Колесникова и др.] / под ред. С. М. Колесниковой. Москва : Высшая школа, 2008. С. 201.

24. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 172 с.

25. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1967. 346 p. URL: psit-technology.net/servisfonosemantika/php (дата обращения: 30.09.2020).

Reference List

1. Bajmuratova A. S. Osobennosti funkcionirovanija abstraktnyh sushhestvitel'nyh na -OST" v poezii Majakovskogo = Peculiarities of abstract nouns on OST in Mayakovsky's poetry // Struktura i semantika jazykovykh edinic: sb.nauchn. trudov / pod red. O. V. Fokinoj. Moskva : Jaroslavl' : Remder, 2010. S. 37.

2. Burskaja E. A. Fonosemanticheskaja oppozicija i gradual'naja shkala izmerenij = Phonosemantic opposition and graded scale of measurement // Racional'noe i jemocional'noe v russkom jazyke: sb. nauchn. tr. Moskva : IJU MGOU, 2016a. S. 112.

3. Burskaja E. A. Fonosemanticheskie oppozicii v tvorchestve poetov Serebrjanogo veka (na materiale poeticheskikh tekstov Igorja Severjanina) = Phonosemantic oppositions in the works of Silver Age poets (based on poetic texts by Igor Severyanin) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2016b. № 4. S. 18–26.

4. Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj literatury = On the language of fiction. Moskva : Goslitizdat, 1959. S. 230.

5. Vinogradov V. V. Russkij jazyk: grammaticheskoe uchenie o slove = The Russian language: grammatical doctrine of the word. Moskva : Vysshaja shkola, 1972. S. 198.

6. Voronin S. V. Fonosemanticheskie idei v zarubezhnom jazykoznanii (Oчерки i izvlechenija) = Phonosemantic ideas in foreign linguistics (Essays and extracts) : uchebnoe posobie. Leningrad : Izd-vo LGU, 1990. 199 s.

7. Grech N. I. Prakticheskaja russkaja grammatika = Practical Russian grammar. Sankt-Peterburg : v tipografii N. Grecha, 1834. S. 78, 85.

8. Dibrova E. I., Donchenko N. Ju. Pojeticheskie struktury antonimii = Poetic structures of antonymy. Moskva : S. Print, 2000. S. 5.

9. Zhuravljov A. P. Foneticheskoe znachenie = Phonetic meaning. Leningrad : Izd-vo Leningrad. un-ta, 1974. 234 s.

10. Zhuravlev A. P. Zvuk i smysl = Sound and meaning. Moskva : Prosveshhenie, 1981. 160 s.

11. Zemskaia E. A. Istorija prilagatel'nyh, oboznachajushih stepen' priznaka v russkom literaturnom jazyke novogo vremeni = History of adjectives denoting degrees of attribute in the new Russian literary language // Obrazovanie novoj stilistiki russkogo jazyka v pushkinskuju jepohu. Moskva : Nauka, 1964. S. 344.

12. Kazarin Ju. V. Problemy fonosemantiki poeticheskogo teksta = Problems of the phonosemantics in poetic text : uchebnoe posobie. Ekaterinburg : Izd-vo UrGU, 2000. 171 s.

13. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and the linguistic personality / otv. red. D. N. Shmelev. Moskva : Nauka, 1987. 263 s.

14. Kolesnikova S. M. Gradual'nost': svjazi i otnoshenija v sisteme russkogo jazyka = Gradability: links and relations in the Russian language system. Moskva : Flinta, 2016. 231s.

15. Kolesnikova S. M. Sredstva vyrazhenija stepeni velichiny priznaka: sinonimy i antonimy = Means of expressing the degree of a feature value: synonyms and antonyms // Russkij jazyk v shkole, 1999. № 1. S. 78–82.

16. Levickij V. V. Zvukovoj simbolizm. Mify i real'nost' = Sound symbolism. Myths and reality. Chernovcy : Izd-vo Chernovickogo nacional'nogo un-ta, 2009. 264 s.

17. Losev A. F. Znak. Simvol. Mif. Trudy po jazykoznaniju = Sign. Symbol. Myth. Works on Linguistics. Moskva : Izd-vo MGU, 1982. 479 s.

18. Mendel'shtam I. Ob umen'shitel'nykh suffiksah v russkom jazyke = On diminutive suffixes in the Russian language // zh-l Min-va nar. Prosveshhenija, 1903. № 8. S. 323.

19. Nirop K. Zvuk i ego znachenie = Sound and its meaning // Sborniki po teorii poeticheskogo jazyka. Vyp. 1. Petrograd : 1916. S. 61–71.

20. Novikov L. A. Hudozhestvennyj tekst i ego analiz = Literary text and its analysis. Moskva : Russkij jazyk, 1988. S. 13.

21. Pavlovskaja I. Ju. Fonosemanticheskij analiz rechi = Phonosemantic analysis of speech. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPb. un-ta, 2004. 292 s.

22. Pavskij G. P. Filologicheskie nabljudenija nad sostavom russkogo jazyka Prot. G. Pavskogo = Philological observations on the composition of the Russian language by Prot. G. Pavsky // rassuzhdenija 2. Ob imenah prilagatel'nyh, chislitel'nyh i mestoimenijah. Sankt-Peterburg : tip. Akad. nauk, 1850. R. 2. r. 11. S. 121.

23. Sovremennij russkij jazyk = The modern Russian language : uchebnik / pod red. S. M. Kolesnikovoj. Moskva : Vysshaja shkola, 2008. S. 201.

24. Sternin I. A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi = The lexical meaning of the word in speech. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 172 s.

25. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1967. 346 p. URL: psit-technology.net/servisfonosemantika/php (data obrashhenija: 30.09.2020).

УДК 81

М. Н. Кулаковский

<https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 87–94. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-87-94

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций в лирике и прозе А. Белого. Характеризуются основные аспекты анализа вставных конструкций в современном языкознании (описание функциональных особенностей вставных конструкций, их связь с основным содержанием высказывания, рассмотрение вставок как текстообразующего средства, временная и пространственная организация текста, актуализация авторской иронии, средство передачи оценочной информации, организация сравнения, метатекстовый комментарий, информативная актуализация, средство создания диалогичности художественного текста, особенности употребления в конкретных жанрах). В работе определяются наиболее характерные функции вставок в текстах данного автора, связь вставных конструкций с различными текстовыми уровнями, их роль в общей структуре художественного текста. Подробно описаны как наиболее типичные, так и уникальные функции вставок в лирике и прозе А. Белого. Определены основные функциональные особенности вставных конструкций в плане формирования пространственно-временной организации произведения и взаимодействия различных информативных и субъектно-речевых планов текста. Выделены основные аспекты языковой игры в рамках вставных конструкций, а также средства взаимодействия вставок с основным контекстом, представленные в лирике и прозе А. Белого. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее характерными функциями вставок в лирике и прозе А. Белого являются детализация портрета персонажа, переключение пространственных и временных регистров, организация сравнения, уточнение, передача эмоционально-оценочной информации.

Ключевые слова: вставные конструкции, художественный текст, индивидуально-авторский стиль, экспрессивный синтаксис, функциональные типы вставных конструкций, пространственно-временной план, сравнение, эмоционально-оценочная информация, метафорический образ, взаимодействие речевых планов.

M. N. Kulakovsky

Parentheses in A. Belyi's poetry and prose

The article examines peculiarities of the use of parentheses in A. Belyi's lyrics and prose. The author describes the main aspects of analysing parentheses in modern linguistics: description of their functional features, their link with the main body of the statement, parentheses as text forming means, time and space organization of the text, realization of the author's irony, means of conveying evaluative information, ways of comparing, metatextual comment, informative actualization, means of creating a dialogue in a fiction text, usage parentheses in particular genres. This study identifies the most characteristic functions of parentheses in A. Belyi's texts, the connection of parentheses with different textual levels and their role in the overall structure of the literary text. Both the most typical and unique functions of parentheses in A. Belyi's works are described in detail. The main functional features of parentheses are defined in terms of space and time organization of the text and the interaction of various informative and subjective speech plans of the text. The article outlines the main aspects of language game within the framework of parentheses, as well as the means of interaction between the parentheses and the main context, presented in the poetry and prose of A. Belyi. The analysis suggests that the most typical functions of the parentheses in A. Belyi's works are detailed portrayal of the character, switching space and time registers, making comparisons, clarification, and conveying emotional and evaluative information.

Keywords: parentheses, literary text, individual author's style, expressive syntax, functional types of parentheses, space-time plan, comparison, emotional evaluation, metaphorical image, interaction of speech plans.

Введение

Материалом нашего исследования послужило творчество Андрея Белого, которое, как отмечает

Н. Г. Шарапенкова, «во многом определило развитие русской и европейской литературы XX века в их обращенности к глобальным антропологическим проблемам и в области принципиального

обновления повествовательных форм» [Шарапенкова, 2020, с. 30]. Именно в этот период русская литература «реализовала невиданный до того времени эстетический эксперимент, затронувший всю структуру художественного текста, вплоть до его звуковой, интонационной, цветовой и визуальной организации» [Шарапенкова, 2020, с. 25].

Основные аспекты анализа вставных конструкций

Яркой особенностью стилевой манеры А. Белого является активное использование им вставных конструкций. Следует отметить, что вставки в последнее время становятся объектом пристального изучения многих исследователей.

Отмечается, что паратеза – «сложное и многогранное явление, которое рассматривается как с позиций языка, так и с точки зрения речевой деятельности (устной и письменной). В первом случае паратеза относится к синтаксическим средствам языка, а во втором – композиционно-стилистическим» [Арзямова, 2020, с. 183].

При этом рассматриваются различные текстообразующие функции вставок. Так, Е. В. Булатая отмечает, что «актуализация иронии посредством вставных конструкций в произведениях Н. В. Гоголя осуществляется на основании возникающего противоречия между смысловой составляющей вставной конструкции и контекстом, который она поясняет или дополняет. При этом вставные конструкции как экспликации иронии служат реализации определенной прагматической установки автора» [Булатая, 2020, с. 31].

Анализируя сказки Ф. Н. Свиньина, А. М. Дундукова приходит к выводу, что «обилие вставных и ремарочных конструкций – следствие влияния книжной традиции на устное народное творчество» [Дундукова, 2018, с. 605–606].

Рассматриваются вставки и как средство «аранжировки» текстового пространства. В частности, И. В. Столярова подчеркивает, что вставка «нарушает линейность изложения и является синтаксическим способом обнаружения многомерности художественного текста. Анализ ВК выходит на уровень авторской стратегии, где проявляется доминирование плана персонажа, часто заглушающего голос автора» [Столярова, 2018, с. 329].

С понятием художественного пространства неразрывно связано и понятие художественного времени. Как отмечает О. В. Янковская, «вставки являются важным текстовым элементом, связывающим различные временные и пространственные характеристики предметов, опосредованно

соотносят события с разными объектами, реализуя пространственно-временную перспективу высказываний, определяют роль субъекта в повествовании» [Янковская, 2009, с. 69].

Таким образом, вставные конструкции позволяют актуализировать определенную текстовую информацию. «Паратеза как процесс – это один из способов актуализации содержания высказывания, прием экспрессивного синтаксиса, характерный для прозы «актуализирующего» типа, «работающий» наряду с парцелляцией и сегментацией» [Князева, 2020, с. 48].

Важную роль играют вставки и при передаче оценочной информации. «Лингвокультурологический потенциал парентетических конструкций заключается в высокой степени выражения модальности данными синтаксическими единицами, что обеспечивает не только предикативность, но и эмоционально-экспрессивную оценку текста автором. При этом данные синтаксические конструкции позволяют оформить не только само изложение текста, но и его авторскую интерпретацию» [Антонова, 2014, с. 15].

«Стоит также отметить способность парентетических конструкций реализовывать диалогичность письменного текста, что также можно отнести к текстообразующим свойствам синтаксических единиц» [Антонова, 2012, с. 31].

Активно употребляются вставные конструкции и в современной прозе (подробнее об этом см.: [Кулаковский, 2013]). Это определяется тем, что «в современном художественном дискурсе, особенно в монологической речи, всё чаще наблюдается так называемый «интеллектуализированный» характер сложного или намеренно усложненного синтаксиса» [Арзямова, 2015, с. 157].

Объектом исследования становится проза Д. Рубиной [Клепикова, 2017], Д. Быкова [Туранова, 2017] и других современных авторов.

Так, анализируя метатекстовую структуру романа В. Е. Максимова «Кочевание до смерти», Л. С. Старикова выделяет следующие функции вставных текстов. «Во-первых, актуализация интертекстуального диалога, как в случае с эпиграфом (смысломоделлирующий элемент); во-вторых, документально-историческая функция подлинности исторического факта (воздействие на читателя); в-третьих, комментарий ко всему тексту, способ завершения романа (структурное построение)» [Старикова, 2018, с. 56].

Сопоставление функций вставных конструкций у разных авторов позволяет выявить основные особенности индивидуально-авторского сти-

ля. Например, анализ прозы В. В. Набокова показывает, что наиболее характерными функциями вставок, представленных в текстах данного автора, являются: «1) сообщение дополнительной информации, необходимой для адекватного восприятия мысли, передаваемой основным высказыванием; 2) комментирование сообщаемого в основном высказывании; 3) уточнение, разъяснение информации, переданной основным высказыванием в целом или его фрагментом; 4) представление содержания основного высказывания в более лаконичной или, наоборот, более развернутой форме; 5) усиление впечатления от высказывания; 6) оценка сообщаемого в основном высказывании» [Сафонова, 2017, с. 95].

Таким образом, описание функционального потенциала представляется одним из важнейших аспектов изучения вставных конструкций (подробнее об этом см.: [Кулаковский, 2014]).

Вставные конструкции в творчестве Андрея Белого

Следует отметить, что вставные конструкции обычно играют важную роль в структуре прозаических текстов. Для лирики же в целом вставочность менее характерна, поскольку она нарушает ритмико-интонационную целостность поэтического текста. Однако именно поэтому экспрессивность вставок в поэзии проявляется более отчетливо. Цель нашего исследования – проследить, какие функциональные особенности употребления вставных конструкций последовательно проявляются в лирике и прозе А. Белого.

Анализируемые вставные конструкции мы рассматриваем с точки зрения конструктивного синтаксиса и понимаем под ними определенную часть текста, заключенную в скобки и используемую для передачи «дополнительных сведений, не являющихся необходимыми для понимания информации, изложенной в основном предложении, для передачи мыслей, возникающих у пишущего по ассоциации» [Акимова, 1990, с. 59].

Значимой особенностью прозы А. Белого является передача с помощью вставки портретной характеристики персонажа: ... *Нервно дрожала губа (губы были брусничного цвета)* ... (Московский чудак) [Белый, 1989].

При этом характерным является выделение такой портретной детали, как лоб персонажа: ... *Растет этот лобик (шарок этот лобик)* ... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Вставка может передавать определенную деталь портретной характеристики и через сопо-

ставление с другими персонажами: ... *Подпирая свой нос и свои два очка к подбородку Быкаенки (он его выше), на цыпочки встает ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В некоторых случаях, когда точная деталь уже указана в основном контексте, вставная конструкция может содержать исключительную характеристику, которая актуализирует определенную, значимую в структуре текста информацию: ... *Его [папина] голова <...> доверчиво нам удивлялась совсем голубыми глазами (не карими)*... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В лирике, как и в прозе, также характерным является использование вставок, детализирующих портрет персонажа: «...*Мы – умерли, / Мы – / Поверья: / Нас кроют столетий рвы.*» / *Пошел... / (Закачались / Перья / Вкруг его стальной головы.)* (Перед старой картиной) [Белый, 1990б].

При этом подобная информация, представленная во вставке, часто связана с описанием определенной детали одежды, скрывающей голову персонажа: *Идет (приподнял ворот) / К дежурству – изнемочь. / Вдали уездный город / Кидает светом в ночь.* (Телеграфист) [Белый, 1990б]. *Кто там, всклокоченный шинелью, / Скрыв озабоченный свой взор, / Прошел пророческой метелью / (Седую головой – в бобер)*... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Актуализация определенной детали может взаимодействовать с общим метафорическим контекстом, с одной стороны – конкретизируя зрительный образ, а с другой – распространяя метафору и на другие детали: *Мои мистические дали / Смычком взрывались заливным, / Смычком плаксивым и родным – / Смычком профессора Гржимали: / Он под Васильем Ильичом / (Расставив ноги калачом), – / Который, – / – чаля из эонов / На шар земной – объятый тьмой, / Рукою твердой на тромбонах / Плывет назад – в Москву, домой...* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Аналогичное явление наблюдаем и в прозе, когда вставная конструкция содержит оценочную метафорическую характеристику: *Глаза (пьявки!) – впились...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Подобная образная деталь может быть представлена и в рамках общей характеристики персонажа: ... *Странно было бы полагать, чтобы столь дородная купчиха (да еще в придачу лепеха, и не просто лепеха, а лепеха с земляничкой на губе) предавалась любострастным утехам ...* (Серебряный голубь) [Белый, 1990а].

Для прозы (в отличие от поэзии) более харак-

терна обратная трансформация, когда механизм создания метафорического образа, представленного в рамках основного контекста, мотивируется во вставке: *Не дразните: стрельнет он иглой (шаровая поверхность его головы походила на шарик от лейденской банки); и гвозди летали...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Подобная мотивированность может строиться на основе сравнения: ... *Стал слезать с меня мрак (как со змееныша кожа змееныша) ...* (Котик Летаев) [Белый, 1990а].

В некоторых случаях расширенное сравнение является ключом к пониманию образной информации основного предложения, мотивирующей основой метафоры («закапываются фигуры» – «закапывается словами» в следующем примере): *И потому-то: когда закатается папа словами (такрой деревянных фигур закатается в шахматном ящике), – память моя убегает...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Кроме того, для прозаического текста более характерно и соединение в рамках вставки различных характеристик персонажа: *Старый профессор (болтун, либерал, австрофил) ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Менее последовательно используются вставки, указывающие на физическое или психическое состояние персонажа. При этом они обычно мотивируют определенные действия героя: *На умирающей заре / Упала (тяжело ей и дурно) / В сырой росе, как серебре, / Над беломраморной урной.* (Судьба) [Белый, 1990б].

Зрительная или тактильная деталь, представленная во вставке, также может быть связана с передачей внутреннего состояния: *Прикоснулася ручка (была холодна, как ледок)* (Московский чудак) [Белый, 1989].

Сон персонажа или лирического героя тоже может быть объектом детализации во вставной конструкции, которая не только конкретизирует создаваемый образ, но и переводит его в метафорический план восприятия: *Я засыпал... (Стремительные мысли / Какими-то спиралью неслись; / Приоткрывалась в сознающем смысле / Сознанию неявленная высь)...* (Дух) [Белый, 1990б].

Вставная конструкция может отсылать читателя к определенной ситуации, связанной с описываемым персонажем. При этом наблюдается переключение временного плана, которое может сопровождаться эмоциональным авторским комментарием или оценкой: *О. М., жена его, – мой друг, / Художница – / – (в глухую осень / Я с*

ней... Позвольте – да: лет восемь / По вечерам делил досуг)... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Оценка, характеризующая определенное действие, может быть усилена с помощью актуализации его результативности: *Сердит, убит и возмущен / Тем, что природа не воскресла, / Что сеют те же господа / Атомистические бредни, / Что декаденты – да, да, да! – / Свершают черные обеды / (Они пустое решето: / Козлят не с Музой – с сатириессой, / И увенчают их за то / Патриотическая пресса)...* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Для прозы переключение временного плана является достаточно характерным явлением. В некоторых случаях, конкретизируя ситуацию или определенного персонажа, повествователь намеренно не называет их, заставляя читателя самостоятельно вспомнить предтекст: – *Между тем: до... до... до... до «того» (того самого)...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Последовательно представлено и переключение с помощью вставок временных регистров с плана настоящего повествования в основном предложении на план реального или моделируемого будущего во вставке: *И вот – бирюза от кольца отлетела (кольцо будет отдано в чинку к Распопову, мастеру дел золотых, – на Арбат)* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а]. *Так кричать не умеет младенец (так кричать будет после он)* (Котик Летаев) [Белый, 1990а].

Указание на следствие также может служить формальным показателем временной модификации. При этом в основном предложении обычно представлено определенное событие в жизни персонажа (или повествователя), а вставка актуализирует привычку (или чувство), оставшуюся от данного события: ... *И освящает обряд водопития бегами мудрого слова (так: у меня уважение к воде) ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Подобное указание на следствие может проявляться и как мотивировка определенной детали, представленной в основном контексте. В этом случае в основном предложении обычно подчеркивается деталь, связанная с изменением во внешности или одежде персонажа, а вставная конструкция мотивирует ее, актуализируя следствие действия, с которым связано это внешнее изменение: *Папочка, громко отшаркав, сажает меня на колени; он – в форменном фраке (сорвется на лекцию) ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В лирическом тексте создаваемые образы времени могут приобретать самостоятельную худо-

жественную ценность: *Невзрачно / Сложимся под пологом окна, / Над Майей месячной, над брошеною брызною, – / Всего на миг один – / (А ночь длинна – / Длинна!) – / Всего на миг один: / Сияющею жизнью* (Бессонница) [Белый, 1990б].

Кроме того, временное перемещение может быть подчеркнуто метафорическим: *Ты мне давно, давно знаком – / (Знаком, быть может, до рожденья) – / Янтарно-розовым лицом, / Власы колеблющим перстом...* (Вячеславу Иванову) [Белый, 1990б].

В других случаях может одновременно наблюдаться и изменение плана восприятия: *И – длиннополым сюртуком / (Добычей, вероятно, молли) – / Знаком до ужаса, до боли!* (Вячеславу Иванову) [Белый, 1990б].

Временная организация текста тесно связана с организацией пространственной. В частности, повествование в предложении со вставкой может быть связано с одним или разными пространственными планами. Вставные конструкции регулярно используются для переключения пространственных планов или укрупнения одного из них.

Характерным для вставных конструкций является укрупнение пространственного плана. В этом случае можно говорить о формальном приближении к рассматриваемому объекту с целью обратить внимание на его детали: *Мамочка свои руки разведет (с полотенцем – одна и с флаконом – другая); и – кланяется головою в колени...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Вставные конструкции в тексте художественного произведения могут выступать и в качестве конкретизаторов, характеризующих степень заполненности пространства. При этом одновременно наблюдается изменение направленности восприятия, укрупнение зрительного плана и переход в «воображаемое пространство»: *Закусается после надолго квартира (и здесь муравейчик, и там муравейчик)...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Достаточно типичным для лирического текста является присутствие во вставных конструкциях эмоционально-оценочной информации. Чаще всего вставки передают авторские восклицания по поводу информации, представленной в основном контексте: *Душа, Ты – свет. / Другие – (нет и нет!) – / В стихиях лет: / Поминовенья света... / Другие – нет... Потерянный поэт, / Найди Ее, потерянную где-то* (Ты – тень теней) [Белый, 1990б].

При этом характерным способом усиления эмоциональности является повтор лексемы во

вставке: *Так это ты (ужель, ужель!), / Моя серебряная дева / (Меня лизнувшая метель / В волнах воздушного напева)...* (Я это знал) [Белый, 1990б].

В качестве характеризующего элемента может употребляться и традиционная фразеологическая конструкция: *Не терпится кокетке / (Семь бед – один ответ). / Пришпилила к жилетке / Ему ромашкин цвет* (Поповна) [Белый, 1990б].

Эмоциональная информация, представленная во вставке, может характеризоваться синкретичностью, соединяя в себе оценку автора и персонажа: *Детишки бьются в школе / Без книжек (где их взять!): / С семьей прожить легко ли / Рублей на двадцать пять...* (Телеграфист) [Белый, 1990б].

В прозе информация эмоционально-экспрессивного характера представлена во вставках также достаточно последовательно. Наиболее распространенной здесь является собственно оценочная информация: *Но тетя долдонит с достоинством (гордая девушка!)* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

При этом повествователь в рамках оценки может сопрягать разные элементы прямой речи, осуществляя тем самым взаимодействие субъектно-речевых планов: *Всего более это «свое» («вот такое вот», жуткое) – в папочке ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Характерной функцией вставных конструкций является организация сравнения: *Угрюмая, она / Сошла в угрюмой ноци: / Она, беспомощно / Склоняясь на миштый пень, – / Внемя волненью волн / (Как роицут, взроицут роици), – / В приливе тьмы молчит: / Следит, как меркнет день* (Прости) [Белый, 1990б].

При этом в лирическом тексте большую значимость приобретает созвучие сопоставляемых лексем: *И ночь встает: тенит, / И тенью лижет ближе, / Потоком (током лет) / Замое свет... Прости! / Замое током лет / В пути тебя... Прости же – / Прости!* (Прости) [Белый, 1990б].

В качестве актуализирующего средства могут использоваться синтаксический параллелизм и анафора: *И Благородное собрание, – / Как мир – родной (как мир весной), / Как старой драмы замيرانье...* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Интересно отметить, что в лирике А. Белого встречаются вставные конструкции, включающие несколько сравнений и выстраивающие их в цепочку развернутых метафорических образов: *Вы, сестры – / (Ты, Любовь – как роза, / Ты, Вера, –*

трепетный восторг, / Надежда – лепетные слезы, / София – горный Сведенборг!)... (Первое свидание) [Белый, 1990б]. Традиционно вставки организуют переход от информативного плана восприятия к метафорическому. В прозе такие переходы представлены достаточно последовательно: *Переполен зверями рот папы (и я – озвещулся)* ... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В других случаях вставка может детализировать метафорический образ, представленный в основном контексте: *Вот носороги идут коридором (буфет задубасил стопами: подпрыгнули бюстики); то из дверей – голованится папа* ... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В лирическом тексте гораздо чаще может наблюдаться взаимодействие различных метафорических планов, представленных в основной части высказывания и во вставке: *Так это ты (ужель, ужель!), / Моя серебряная дева / (Меня лизнувшая метель / В волнах воздушного напева)*... (Я это знал) [Белый, 1990б].

Типичной для вставок является уточняющая функция. Уточнение в рамках вставных конструкций может быть организовано как перечисление составных компонентов определенного понятия. Появление подобного уточнения во вставке обычно мотивируется обобщающим характером, абстрактностью или неопределенностью значения одного из понятий основного контекста: *... В книгу стремясь, забегают знакомые наши – все, все (Берендеевы, Береневы, Бурневы, Бернилины, Бернички, Берновы, Берши, Берсеевы – многие сотни их!)*... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Характерная для прозы функция уточнения в лирическом тексте представлена менее последовательно: *Что над Россией – тайный враг / (Чума, монголы, эфиопы), / Что земли портящий овраг / Грызет юго-восток Европы*... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

При этом уточнение в лирике часто носит метафорический характер: *Душа. Метет душа, – / Взметаёт душный полог, / Воздушный (полог дней / Над тайной тайн дневных)*... (Прости) [Белый, 1990б].

Вставная конструкция может выполнять и функцию замещения незначимого в рамках текста зрительного образа: *Да, – и опора в детской вере, / И Провидения рука – / На этой вычищенной двери / Литая, медная доска: / Михал Сергеевич Соловьев / (С таких-то до таких часов)* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

В некоторых случаях автор может обратить внимание на речевое оформление высказывания:

Трех лет, ну право же-с, ей-богу-с, – / Трех лет (скажу без лишних слов), / Трех лет ему открылся Логос, / Шести – Григорий Богослов... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Следует отметить, что в лирическом тексте автор большее внимание уделяет фонетической организации вставки. В частности, значительно чаще используется повтор внутри вставной конструкции: *Не упадет на ваши бельма / (Где жизни нет – где жизни нет!) – / Не упадет огонь Сент-Эльма / И не обдаст Дамасский свет* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Кроме того, может быть использован и сквозной повтор: *Плыву туда – за дымку дней, – зову, / За дымкой дней, – нет, не Тебя: бывшее, – / Которое я рву / (в который раз), / Которое, – в который / Раз восходит*... (Ты – тень теней) [Белый, 1990б].

Подобное тесное взаимодействие вставной конструкции с основным контекстом последовательно наблюдается и в прозе А. Белого (например, взаимодействие омонимов или многозначных слов): *... И явственно слышится звук белендрасов, строчимых на швейной машинке (строчится экспромт: маскарадный костюм)* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что использование вставных конструкций является важной особенностью индивидуально-авторского стиля А. Белого. Наиболее характерными функциями вставок в лирике и прозе А. Белого являются детализация портрета персонажа, переключение пространственных и временных регистров, организация сравнения, уточнение, передача эмоционально-оценочной информации.

Библиографический список

1. Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва : Высшая школа, 1990. 166 с.
2. Антонова В. В. О лингвокультурологическом потенциале синтаксических конструкций русского языка (на примере парентезы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 4. С. 12–16.
3. Антонова В. В. О текстообразующем потенциале парентезы в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 30–34.
4. Арязмова О. В. Динамические тенденции в синтаксисе русской художественной прозы начала XXI века // Известия Воронежского государственного пе-

дагогического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (267). С. 156–159.

5. Арзамова О. В. Функционально-смысловая роль парантезы в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (288). С. 183–186.

6. Белый А. Котик Летаев // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990а. С. 307–460.

7. Белый А. Крещеный китаец // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990а. С. 461–604.

8. Белый А. Московский чудац // Москва. Москва : Советская Россия, 1989. С. 17–192.

9. Белый А. Серебряный голубь // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990а. С. 31–306.

10. Белый А. Сочинения. В 2-х т. Москва : Художественная литература, 1990б.

11. Булатая Е. В. Вставные конструкции как маркер актуализации иронии в произведениях Н. В. Гоголя: прагматический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С. 25–32.

12. Дундукова А. М. Вставные и ремарочные конструкции в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньина» // Притяжение Севера: язык, литература, социум. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. С. 602–607.

13. Клепикова В. И. Вставные конструкции в произведениях Д. Рубиной: специфика функционирования // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 14. С. 84–91.

14. Князева Н. В., Королькова Е. Е. Парантеза как способ актуализации информации в художественном тексте // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61–8. С. 44–48.

15. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте: традиции и новые тенденции функционирования // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Том I (Гуманитарные науки). С. 138–142.

16. Кулаковский М. Н. Функции вставных конструкций в художественном тексте // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Том I (Гуманитарные науки). С. 88–92.

17. Сафонова С. С., Чупрякова О. А. Функционально-семантический статус парантез в художественном дискурсе В. В. Набокова // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 91–96.

18. Старикова Л. С. Метатекстовая структура и способы ее выражения в романе В. Е. Максимова «Кочевание до смерти» (1994) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 53–58.

19. Столярова И. В. Вставные конструкции как средство аранжировки текстового пространства в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» // Печать и слово Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 324–329.

20. Туранова А. Ю. Вставные конструкции в биографической прозе Д. Быкова (на материале биографии В. Маяковского) // Philology. 2017. № 1. С. 72–74.

21. Шарапенкова Н. Г. «Орнамент оттенков»: о символике цвета в романе Андрея Белого «Москва» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 25–33.

22. Янковская О. В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа (на материале рассказов Т. Толстой) // Вестник БДУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 68–71.

Reference List

1. Akimova G. N. Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka = Novelties in the syntax of the modern Russian language. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 166 s.

2. Antonova V. V. O lingvokul'turologicheskom potencie sintaksicheskikh konstrukcij russkogo jazyka (na primere parentezy) = On the linguo-cultural potential of Russian syntactic constructions (on the example of parenthesis) // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2014. № 4. S. 12–16.

3. Antonova V. V. O tekstoobrazujushhem potencie parentezy v sovremennom russkom jazyke = On the text-forming potential of parenthesis in contemporary Russian // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2012. № 2. S. 30–34.

4. Arzjamova O. V. Dinamicheskie tendencii v sintaksise russkoj hudozhestvennoj prozy nachala XXI veka = Dynamic trends in the syntax of Russian fiction in the early 21st century // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. № 2 (267). S. 156–159.

5. Arzjamova O. V. Funkcional'no-smyslovaja rol' parantezy v romane G. Sh. Jahinoj «Deti moi» = The functional and semantic role of paranthesis in G. Sh. Yakhina's novel My Children // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 3 (288). S. 183–186.

6. Belyj A. Kotik Letaev = Kotik Letaev // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990a. S. 307–460.

7. Belyj A. Kreshhenyj kitaec = The baptised Chinese // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990a. S. 461–604.

8. Belyj A. Moskovskij chudak = A Moscow eccentric // Moskva. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1989. S. 17–192.

9. Belyj A. Serebrjanyj golub' = The silver pigeon // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990a. S. 31–306.

10. Belyj A. Sochinenija. V 2-h t. = Works. In 2 vols. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990b.

11. Bulataja E. V. Vstavnye konstrukcii kak marker aktualizacii ironii v proizvedenijah N. V. Gogolja: pragmaticheskij aspekt Parenthesis as a marker of irony in Gogol's works: a pragmatic aspect // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija. 2020. № 1. S. 25–32.

12. Dundukova A. M. Vstavnye i remarochnye konstrukcii v «Izbrannyh skazkah F. N. Svin'ina» = Parenthetical and remark structures in F. N. Svinin's Selected Tales // Pritjazhenie Severa: jazyk, literatura, socium. Petrozavodsk : Izdatel'stvo PetrGU, 2018. S. 602–607.
13. Klepikova V. I. Vstavnye konstrukcii v proizvedenijah D. Rubinoj: specifika funkcionirovanija = Parenthetical constructions in D. Rubina's works: specifics of functioning // Aktual'nye problemy filologii. 2017. № 14. S. 84–91.
14. Knjazeva N. V., Korol'kova E. E. Paranteza kak sposob aktualizacii informacii v hudozhestvennom tekste = Paranthesis as a way of actualising information in literary text // Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2020. № 61–8. S. 44–48.
15. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii v sovremenom hudozhestvennom tekste: tradicii i novye tendencii funkcionirovanija = Parenthetical constructions in contemporary fiction: traditions and new tendencies of functioning // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2013. № 2. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 138–142.
16. Kulakovskij M. N. Funkcii vstavnyh konstrukcij v hudozhestvennom tekste = Functions of parenthetical constructions in literary text // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2014. № 1. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 88–92.
17. Safonova S. S., Chuprjakova O. A. Funkcional'no-semantičeskij status parantez v hudozhestvennom diskurse V. V. Nabokova = The functional and semantic status of parentheses in V. Nabokov's literary discourse. // Filologija i kul'tura. 2017. № 1 (47). S. 91–96.
18. Starikova L. S. Metatekstovaja struktura i sposoby ee vyrazhenija v romane V. E. Maksimova «Kočevanie do smerti» (1994) = Meta-textual structure and the ways of its expression in V. E. Maximov's novel «Nomad to the end» (1994) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 435. S. 53–58.
19. Stoljarova I. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo aranzhirovki tekstovogo prostranstva v romane A. Sal'nikova «Petrovy v grippe i vokrug nego» = Parenthetical constructions as a means of arranging textual space in A. Salnikov's novel The Petrovs in and Around the Flu // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyšlennyh tehnologij i dizajna, 2018. S. 324–329.
20. Turanova A. Ju. Vstavnye konstrukcii v biograficheskoj proze D. Bykova (na materiale biografii V. Majakovskogo) = Parenthetical constructions in D. Bykov's biographical prose (based on Mayakovsky's biography) // Philology. 2017. № 1. S. 72–74.
21. Sharapenkova N. G. «Ornament ottenkov»: o simbolike cveta v romane Andreja Belogo «Moskva» = «Ornament of shades»: on the symbolism of colour in Andrei Bely's novel «Moscow» // Učenyje zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 42. № 3. S. 25–33.
22. Jankovskaja O. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo realizacii kategorii hronotopa (na materiale rasskazov T. Tolstoj) = Parenthetical constructions as a means of chronotope category realisation (based on T. Tolstaya's short stories) // Vesnik BDU. Ser. 4. 2009. № 3. S. 68–71.

УДК 811.161.1'373.21

Е. М. Мельникова

<https://orcid.org/0000-0002-9795-0971>

Ярославский микротопоним ЗАВОЛГА: грамматический статус, семантика

Для цитирования: Мельникова Е. М. Ярославский микротопоним ЗАВОЛГА: грамматический статус, семантика // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 95–103. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-95-103

Статья посвящена анализу семантических и грамматических особенностей ярославского микротопонима *Заволга*. Отмечается, что сфера современной неофициальной микротопонимии (урбанонимии) неоднородна по своему стилистическому статусу: речевая коммуникация горожан включает как экспрессивные разговорные и просторечные наименования из городских жаргонов, так и нейтральные по своей эмоционально-экспрессивной окраске микротопонимы. Урбаноним *Заволга* относится к последней группе: появление этого слова на вывесках маршрутных такси г. Ярославля, а также в местной прессе свидетельствует о его широком распространении в городском узусе и выходе за пределы устного просторечия. Вытесняя словосочетание *Заволжский район* и однословное наименование *Заволжье*, урбаноним *Заволга* в речи горожан активно приобретает полную парадигму склонения в единственном числе, свободно распространяется согласуемыми именами прилагательными, а также сочетается с пространственными предлогами. В статье рассмотрены как нормативные предложные сочетания, так и ненормативные образования. Показано, что форма предложного падежа *в Заволге* употребляется крайне редко и её место начинает занимать адвербиализованная форма *Заволгой*; вместо формы **в Заволгу* употребляется форма *Заволгу*. Автор предполагает, что неразличение данных форм с нормативными *за Волгой* и *за Волгу* выявляет неактуальность различения их семантики: те и другие написания обозначают одно и то же – район города, а не реку, *за которой* что-либо происходит. В работе также отмечается, что подобная вариативность в орфографическом оформлении городской топонимической лексики не является уникальной особенностью речевой практики ярославцев: сосуществование слившихся с предлогами пространственных наименований и предложно-падежных сочетаний встречается в топонимике разных регионов России, и сближение с нарицательными существительными типа *за граница* и наречными сочетаниями *за границей*, *за границу* подчёркивает переходный статус таких единиц.

Ключевые слова: топонимика, язык города, неофициальная микротопонимия, урбанонимы, предложно-падежные сочетания, региональная языковая норма.

Е. М. Melnikova

Yaroslavl microtoponym ZAVOLGA: grammatical status, semantics

The article analyses semantic and grammatical features of the Yaroslavl microtoponym *Zavolga*. It is noted that the sphere of modern unofficial microtoponymy (urbanonymy) is heterogeneous in its stylistic status: speech communication of city dwellers includes both expressive colloquial and vernacular names from urban jargons and emotionally coloured neutral micro-toponyms. The urban name *Zavolga* belongs to the latter group: the appearance of this word on Yaroslavl's minibus taxi signs as well as in the local press, indicates that it is widespread in the city's usage and has gone beyond the limits of verbal vernacular. Replacing the word combination *Zavolzhsy district* and the single-word name *Zavolzhye*, the urbanonym *Zavolga* is actively acquiring the full declension paradigm in the singular, is used with adjectives and combines with prepositions of space. The article considers both normative prepositional phrases and non-normative constructions. It is shown that the prepositional case form «*v Zavalge*» is used very rarely and its place is taken by the adverbialized form «*Zavolgoi*»; the form «*Zavolgu*» is used instead of the form **v Zavalgu*. The author suggests that not distinguishing these forms from the normative *Za Volgoi* and *Za Volgu* reveals the irrelevance of distinguishing their semantics: both spellings denote the same thing – the city district, not the river beyond which something takes place. The study also points out that such variability in the spelling of urban toponyms is not unique to the speech of Yaroslavl residents: the coexistence of spatial names merged with prepositions and prepositional case combinations is found in the toponymy of different Russian regions, and the convergence with nominal nouns like *zagranitsa* and adverbial phrases *za granitsej*, *za granitsu*, underlines the transitional status of such units.

Keywords: toponymy, urban language, unofficial micro-toponymy, urbanonyms, prepositional case structures, regional linguistic norm.

Введение

Региональная топонимия как «сочетание функционирующих на отдельной территории географических названий, обозначающих различными языковыми средствами неоднородные топографические объекты» [Фролов, 1982, с. 30] – активно развивающаяся область топонимической системы современного языка. Урбанонимы в её составе – «названия улиц и других мелких объектов внутри населённых пунктов» [Суперанская, 1973, с. 187] – неоднородны по своей включенности в систему литературного языка. Среди них традиционно выделяют группу официальных наименований, нормативно закреплённых в системе языка, и неофициальные топонимы. Именно неофициальная микротопонимия, являясь актуальным предметом изучения в ономастике ([Воробьева, 2018; Ганжина, 2016; Голикова, 2014; Клименко, Попова, 2013; Малицкий, 2019; Разумов, 2006; Разумов, 2011; Рут, 2012; Цветкова, 2012; Шарипова, 2012; Шишкина, 2010]), позволяет «обнаружить оригинальность мышления, особое мировидение жителей конкретного населённого пункта и региона в целом» [Попов, 2019, с. 100], формирует «картину городского пространства» [Клименко, Промах, 2018, с. 204], создаёт «не только ‘образ’ современного города», но и рисует «‘портрет’ человека, оперирующего данными онимами» [Клименко, Рут, 2018, с. 220].

«При продуцировании неофициальных названий городских реалий реализуется право языковой личности на оптимальную речевую коммуникацию», – отмечают Е. Н. Клименко и М. Э. Рут, называя среди причин появления подобных номинаций стремление «сделать более комфортным для воспроизведения слишком длинное и неудобно произносимое официальное наименование городской реалии», необходимость «различать объекты, сходные по своей деятельности и созвучные по названиям», а также выражение «отношения языкового коллектива города к именуемым объектам» с помощью экспрессивных приёмов [Клименко, Рут, 2018, с. 211–212].

Способы образования неофициальных урбанонимов разнообразны. Многие из них сосредоточены в сфере компрессивного словообразования: экономия речевых средств выражения свойственна в целом современной разговорной речи. Среди таких способов называют усечение, универбацию,

аббревиацию, эллипсис одного из компонентов официального наименования [Николина, 2008]. Эффект языковой игры, выявляющей экспрессивно-оценочную функцию городских топонимов, создаётся за счёт семантической деривации, использования уже существующих топонимов для именования реалий своего города, каламбура на основе фонетических сближений, контаминации ([Ахметова, 2009; Николина, 2008; Дозорова, 2017; Зуева, 2014; Васильева, 2011]).

Перечисленные способы деривации урбанонимов, относящиеся в основном к безаффиксному словообразованию, представлены часто в сфере экспрессивной номинации. Как правило, такие микротопонимы функционируют в городских жаргонах, имеют разговорную или просторечную окраску. Однако неофициальные урбанонимы в городской речи могут быть нейтральными по своей эмоционально-экспрессивной окраске. Как отмечает Е. В. Какорина, «важно различать узусальные, нейтральные для разговорной речи <...> урбанонимы, образованные по продуктивным разговорным моделям, например, *Ярославка* (Ярославское шоссе), – и жаргонные номинации, такие как *Ярик*, *Щелчок* и подобные, маркирующие речь в социально-стилистическом аспекте» [Какорина, 2012, с. 13]. Обратим также внимание на описание одной из групп ойконимов в словаре неофициальных названий населённых пунктов М. В. Ахметовой: «Употребление большинства неофициальных ойконимов ограничено регионально и распространено среди жителей именуемых населённых пунктов, а также соседних населённых пунктов или регионов в целом. Среди них можно выделить пласт фактически нормативных на региональном уровне ойконимов. Они в нейтральном контексте появляются в местных и региональных СМИ <...> и в речи официальных лиц» [Ахметова, 2015, с. 12]. Микротопоним *Заволга*, о котором пойдёт речь далее, относится, на наш взгляд, именно к такой группе наименований: появление этого слова на вывесках маршрутных такси г. Ярославля, а также в местной прессе свидетельствует о его широком распространении в городском узусе и выходе за пределы устного просторечия. Целью данной работы является рассмотрение семантики и грамматического статуса данного урбанонима в речевой коммуникации ярославцев.

Семантика и грамматика микропонима *Заволга*

Нужно отметить, что микропоним *Заволга* не является уникальным наименованием, характерным только для г. Ярославля. В городах, расположенных на берегах реки Волги, этот неофициальный урбаноним тоже представлен в разговорной речи. Словом *Заволга* называют место на противоположном (по отношению к центру города) берегу реки жители г. Рыбинска, Костромы, Самары, Твери, Ульяновска, других волжских городов. Например, для самарцев *Заволга*, или *ЗаВолга* (встречается и такое графическое оформление топонима), – правый берег, место активного отдыха на природе, так как «*Заволгой* расположены заповедные леса, озера и протоки, песчаные пляжи, пещеры в горах и просто обилие свежего воздуха» (https://zen.yandex.ru/media/id/5ced1e6230aad400b03b4041/zabroshennaia-zavolga-5d091365cc1b3900af94b788?utm_source=serp).

Заволга для жителей г. Ярославля – неофициальное название одного из микрорайонов, расположенных на левом берегу реки Волги. Его официальное наименование – *Заволжский район*. Наряду с ним функционирует в литературной речи и микропоним *Заволжье*: *Заволжье* сегодня – это перспективный, развивающийся, самый экологически чистый и зеленый район города, хорошая площадка для инвесторов (официальный портал города Ярославля: <https://city-yaroslavl.ru/city/districts/zavolzhskiy-rayon/>).

Однословное наименование *Заволжье* в современной речи горожан вытесняется словом *Заволга*. Ещё более компактное, без суффикса *-j-*, данное образование утрачивает традиционное корневое чередование *г//ж*, в чём можно увидеть отражение роста агглютинативных черт в современных деривационных процессах – ср. замечания о «затухании чередования на стыке морфем» в [Валгина, 2003, с. 133–134].

Можно предположить двойную мотивацию производного *Заволга*: с одной стороны, его появление объясняется свёртыванием словосочетания *Заволжский район*, отражающим действие закона экономии речевых средств; с другой стороны, в качестве производящего может выступать слово *Волга*. Последний – аффиксальный – способ образования «ориентированного топонима», возникающего на базе сочетания существительного с предлогом (*за Волгой*), продуктивен в выражении пространственных значений и ставит микропоним *Заволга* в ряд с такими топонимами, как

Зарека, Подгора, Заборье, Подболотье [Машенко, 1979], *Заречье, Заозерица, Заболотьяна, Заозерск, Подозерье* [Гулько, 2015] и многими другими. Словообразовательная конфиксальная модель *за...ье (Заволжье)* в случае с *Заволгой* представлена префиксально-суффиксальным образованием с нулевым суффиксом. Данный способ словообразования может квалифицироваться как «префиксально-бессуффиксальный» (см. описание топонимов типа *Заостров, Подхолм* и подобных в [Машенко, 1979]) или как префиксальный: «Особый интерес для исследования представляют сленговые префиксальные существительные с приставками *за-, под-, при-*: *Зауниверсам, Заволга, Заканавка, Привокзал, Подмосква* и под., представляющие собой неформальные молодёжные обозначения различных районов городского пространства» [Андреев, 2017, с. 150].

Слово *Заволга* оформляется в устной речи и текстах региональной прессы как существительное 2 склонения с флексией *-а* [РГ, т. 1, с. 483] и реализует в своём употреблении всю падежную парадигму в форме единственного числа:

– именительный падеж

(1) *Но как только прошли первые отключения, многие вообще перестали умыться водой из-под крана, потому что вместо прозрачной жидкости потекла ржавая. Причем не только в каком-то одном районе – пострадали центр, Брагино, пятерка и даже Заволга* (Е. Зайцева. Из-за дырявых труб из крана течет ржавая вода // Комсомольская правда, 2010.05.25);

(2) *Заволга стоит в пробке на восемь баллов из-за аварии на Октябрьском мосту* (Сетевое издание «МК в Ярославле»: <https://yar.mk.ru/articles/2018/03/08/>);

– родительный падеж

(3) *Из администрации президента ответили общественнице, борющейся с многоэтажной застройкой Заволги* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/69033739/>)

– дательный падеж

(4) *Алексей: «Давайте покажем Путину наши дороги!! И супер-ямочный ремонт. По Перекопу или Заволге прокатим с ветерком»* <...>» (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/61714911/>)

– винительный падеж

(5) *Судя по бровке, Заволгу ночью никто не чистил, в частности проспект Машиностроителей* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/53402391/>)

– творительный падеж

(6) <...> клубы черного дыма поднялись и **над Заволгой** (Первый ярославский телеканал: <https://1yar.tv/article/posle-shkoly-deti-huliganyat-v-regione-uchastilis-pojaru/>)

– предложный падеж

(7) куда **сходить в Заволге** (портал «HipDir – заведения и услуги Ярославля»: <https://yaroslavl.hipdir.com/razvlecheniya-zavolga/>)

Нам встретился пример окказионального употребления микропонима *Заволга* в форме множественного числа: (8) <...> *В Костроме Заволга – район, тоже находящийся за Волгой относительно исторического центра, только берега у Заволг в Ярославле и Костроме разные* (Ярпортал: <https://yarportal.ru/topic13525s210.html>). Ср. также мордовскую поговорку «*ходить по заволгам*» – «работать по найму в разных местах» [Мокиенко, Никитина, 2007. с. 238] – здесь имя собственное употребляется как нарицательное во множественном числе для обозначения некоего обобщённого места: «Низовая Волга (чаще левобережная) всегда считалась местом отхожего промысла, куда обедневшие «кабальные» крестьяне отправлялись подзаработать» [Кривошапова, 2018, с. 1193].

Как имя существительное слово *Заволга* способно сочетаться с согласуемыми формами: *родная и милая сердцу Заволга, ямочная Заволга, утренняя Заволга* (примеры взяты из текстов Информационного новостного портала 76.ru – Ярославль).

В качестве управляемого слова *Заволга* отражает не только беспредложное, но и широкое предложное управление, сочетаясь с предлогами, выражающими пространственные отношения:

(9) *Моему ребенку 2 года было, когда мы ехали в час пик, и я с ребенком на руках так и стояла от Заволги до Брагино* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/transport/66486931/>);

(10) *от Торгового переулка до Заволги я добирался 2 часа 15 минут* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/61773811/>).

Приведённые примеры демонстрируют случаи предложного управления с родительным падежом и кажутся вполне нормальными и не противоречащими системе склонения в языке. Трудности словоупотребления и понимания возникают тогда, когда с микропонимом используются предлоги *за* или *из-за*, повторяющие приставку *за-* в нём. И тексты отражают полную путаницу в написа-

нии подобных сочетаний. С одной стороны, мы встречаем множество примеров с формой *Заволгой*, указывающей на место:

(11) *Асфальт у нас Заволгой растаял вместе со снегом* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/61707921/>);

(12) *Заволгой найдена учебная граната* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/61669001/>);

(13) *1 марта Заволгой, на проспекте Авиаторов, подросток напал на 33-летнюю женщину* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/61588351/>);

(14) *Коттеджи. Дачи. Бани. Выставочная площадка Заволгой* (текст телерекламы).

Можно сказать, что данная ненормативная, но распространённая в письменной речи форма адвербиализуется и замещает форму предложного падежа: приведённый выше пример употребления слова *Заволга* с предлогом *в* (*в Заволге*) встречается гораздо реже.

То же наблюдается и при ненормативном употреблении в слитном написании формы *Заволгу* (вероятно, вместо формы винительного падежа *в Заволгу*):

(15) *У Маяка тоже все в плитке. <...> Улица Дачная, на въезде Заволгу, грубо говоря, ворота района <...> Всё в асфальте!* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/66421084/>);

(16) *Алексей Малютин родился в Ярославле 17 октября 1973 года. Поначалу семья Малютиных жила в Дзержинском районе, но вскоре переехала Заволгу* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/61668101/>).

С другой стороны, в текстах того же информационного источника встречаются и формы *за Волгой*, *за Волгу*:

(17) *За Волгой валит чёрный дым: что горит* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/54392061/>);

(18) *Ветхого жилья за Волгой мало, ведь жилищное строительство начало активно развиваться лишь с 1967 года, когда был построен автомобильный мост через Волгу* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/realty/61587371/>);

(19) *К двухгодичному ремонту Тутаевского шоссе в Брагино неудобств добавят работы на Ленинградском проспекте <...>, а за Волгой на два года планируют перекрыть участок про-*

спекта *Машиностроителей* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/transport/66492304/>);

(20) *В социальных сетях люди пишут свои версии того, что произошло ДТП с 38-й маршруткой на Октябрьском мосту, которая ехала из Брагино за Волгу* (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/transport/2019/01/25/65880131/>).

Формы *Заволгой / Заволгу и за Волгой / за Волгу* должны иметь разную семантику: если в первом случае мы говорим о районе города (примеры 11–16), то во втором – о реке Волге и о происходящем за этой рекой, но свидетельствуют ли примеры 17–20 о существовании такого чёткого разграничения в сознании говорящего (пишущего)? Наверное, нет.

Употребление предлога *из-за* в контексте со словом *Заволга* демонстрирует ту же ситуацию неразличения объекта-района и объекта-реки:

(21) – *ДПС оформляют уже, пробка большая из Заволги*, – пишет Ирина Чистякова (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/transport/67209118/>);

(22) – *Я выехала из-за Волги в два часа. И вот только теперь смогла проехать мост*, – говорит водитель Анна (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/transport/65880131/>).

Ср. также комментарий к одному из заголовков статьи:

(23) «*Из-за Волги повалил чёрный дым: что загорелось*».

Из-за Волги? Это река так что-то залила или сама задымилась? Проверьте смысл заголовков <...> (Информационный новостной портал 76.ru – Ярославль: <https://76.ru/text/gorod/2018/09/07/65363101/comments/>).

Комментатор указывает на одно из значений предлога *из-за*, которое он увидел в заголовке, – значение причины. Однако у данного предлога есть и пространственная семантика: «1. Обозначает направление, движение откуда-н., из места, закрытого чем-н., с противоположной стороны чего-н.» [ТСРЯ, с. 291].

Приведённые фрагменты отражают устную речь городского жителя, и понять, что именно имеет в виду говорящий, невозможно, как невозможно, на наш взгляд, определить, учитывают ли сами коммуниканты различия в употреблении (склонении, графическом оформлении на письме) и семантике формы *Заволга*. Подобная речевая ситуация характерна для русских говоров. Так,

И. В. Машенко в ходе исследования материалов Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета отмечает: «Ориентированные топонимы возникают на базе сочетаний существительных с предлогами, т. е. название объекта существует первоначально в форме предложной конструкции (*За Бором*, луг), а затем переходит в префиксальное или префиксально-суффиксальное образование. Вместе с тем процесс этот не имеет обязательного характера: названия в форме предложных конструкций с пространственным значением продолжают функционировать и выступают в одном ряду с топонимами рассматриваемого типа как равноправные номинативные единицы» [Машенко, 1979, с. 88]. В качестве примеров приводятся топонимы *Заборье* и *За Бором*, *Загуменье* и *За Гумнами* и под. Процесс перехода предложно-падежной конструкции в «субстантивную» описан А. В. Никитиным на материале псковских и новгородских говоров следующим образом: «Названия – предложные конструкции *Под дубок*, *Под запольек*, *Под сосны* приближаются к полной субстантивации. Они ещё употребляются как обстоятельственные формы при ответах на вопрос *где?* (*Пахал Под дубком*, *Под соснами*, *Под запольком*), но выступают уже как слова существительные при ответах на вопрос *куда?* (*Пойду к Поддубку*, *на Подзапольек*, *к Подсоснам*)» (цит. по: [Андреев, 2017, с. 153]). «Процессу такой трансформации, по отношению к топонимам с приставками *за-* и *под-* (типа *Заручей*, *Подхолм*), могли способствовать конструкции с предлогами *из-за* и *из-под*, в которых сочетания *из-за ручья*, *из-под холма* могли восприниматься и как *из заручья*, *из подхолма*» [Андреев, 2017, с. 153–154].

Стоит отметить, что описанные процессы касаются не только топонимов. В 1978 году в журнале «Русская речь» была опубликована статья, посвящённая особенностям образования и семантики слова *заграница*. Её автор А. С. Дымский предположил следующий путь образования данного существительного: «Новое существительное может быть образовано присоединением предлога-приставки не к именительному падежу существительного (как в словах *пригород*, *подполковник*), а к косвенному; затем у вновь образованного слова появляются другие падежные формы. Возможен ли именительный падеж у слов *загора* – *загора*, *зареку* – *зарека*, *Заволгу* – *Заволга*, а у *заграницу*, *заграницей* – *заграница*? И если возможен, то каково значение этих новых слов? <...> на *Зареку*, на *Зареке* (заречная часть), то есть *тер-*

ритория, находящаяся за рекой, а заграница, таким образом, территория, находящаяся за границей, то есть за пределами данной страны» [Дымский, 1978, с. 77]. Вероятно, нарицательные и собственные имена существительные типа *заграница*, *зарубеж*, *Заволга* имеют в современном языке статус переходных образований – орфографический облик слова *заграница* отличается от написания ставших уже наречными, однако пишущимися до сих пор раздельно, сочетаниями единиц *за границей*, *за границу*, *из-за границы* (см. замечание авторов «Объяснительного русского орфографического словаря-справочника»: «Слово *заграница* ограниченно сочетается с обстоятельными предложениями, ср.: *вернулся из заграницы – *уехал в заграницу* [Бешенкова, Иванова, Чельцова, 2015, с. 124]). Подобное грамматическое поведение свойственно и микротопониму *Заволга* – и мы встречаем в текстах варианты орфографического оформления предложных сочетаний: *вернулся из Заволги / из-за Волги – *уехал в Заволгу – уехал за Волгу / Заволгу*.

Выводы

Таким образом, употребление микротопонима *Заволга* выходит за рамки устной речи и начинает функционировать в текстах региональной прессы, отражая визуальную норму. Как отмечает М. В. Ахметова, «несовпадение локальной (региональной) языковой нормы с общей – распространённое явление в сфере топонимической лексики» [Ахметова, 2011, с. 157]. Вытесняя – по закону экономии речевых усилий – словосочетание *Заволжский район* и даже однословное наименование *Заволжье*, урбаноним *Заволга* в речи горожан активно приобретает полную парадигму склонения в единственном числе, свободно распространяется согласуемыми именами прилагательными, а также сочетается с пространственными предложениями.

Среди предложных сочетаний в современной письменной речи встречаются как нормативные, так и ненормативные образования. Форма предложного падежа *в Заволге* употребляется крайне редко, и её место начинает занимать адвербиализованная форма *Заволгой*; вместо формы **в Заволгу* употребляется форма *Заволгу*. Неразличение данных форм с нормативными *за Волгой* и *за Волгу* выявляет неактуальность различения их семантики: вероятно, и те и другие написания обозначают одно и то же – район города, а не реку, за которой что-либо происходит. Подобная вариативность в орфографическом оформлении

городской топонимической лексики не является уникальной особенностью речевой практики ярославцев: сосуществование слившихся с предлогами пространственных наименований и предложно-падежных сочетаний встречается в топонимике разных регионов России, и сближение с нарицательными существительными типа *заграница* и наречными сочетаниями *за границей*, *за границу* подчёркивает переходный статус таких единиц.

Библиографический список

1. Андреев В. К. Топонимы типа Подъяблонька (спустя 38 лет) // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). В 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков : ООО «Логос», 2017. С. 149–156.
2. Ахметова М. В. Заметки о неофициальной русской урбанонимии // Вопросы ономастики. 2009. № 2 (9). С. 53–68.
3. Ахметова М. В. От А-Ата до Ярса: словарь неофициальных названий населенных пунктов / отв. ред. В. И. Беликов. Москва : ФОРУМ, 2015. 496 с.
4. Ахметова М. В. «Своя» и «чужая» грамматика: случай города Бологое // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 157–170.
5. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 592 с.
6. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Москва : Логос, 2003. 304 с.
7. Васильева Т. А. Способы образования неофициальных урбанонимов: метафорические и метонимические наименования // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 2 (4). С. 266–269.
8. Воробьева Т. С. Неофициальные урбанонимы г. Могилёва: структурные и грамматические особенности // Итоги научных исследований учёных МГУ имени А. А. Кулешова. Сборник научных статей / под ред. Е. К. Сычовой. Могилёв : Издательство Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова, 2018. С. 14–15.
9. Ганжина И. М. Неофициальные урбанонимы г. Твери как культурно-языковой феномен: перспективы изучения // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Витебск : Издательство Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, 2016. С. 300–303.
10. Голикова Т. А. Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансонимизации // Научный диалог. 2014. № 9 (33) : Филология. Педагогика. С. 24–36.
11. Гунько О. В. Конфиксальные способы выражения топонимических значений // Казанская наука. 2015. № 10. С. 175–177.
12. Дозорова Д. В. Языковая игра в городском ономастическом пространстве // Ономастика Повол-

жья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. В 2 т. Т. 1. Ульяновск : ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. С. 443–448.

13. Дымский А. С. Заграница // Русская речь. 1978. № 4. С. 76–79.

14. Зуева Т. А. Лингвокреативный потенциал неофициальных урбанонимов Екатеринбурга: от *БУШа* до *Черепухи* // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 151–155.

15. Какорина Е. В. Проблемы изучения неофициальных городских номинаций и их словарного представления // Русский язык и проблемы современного образования. Архангельск : Издательство Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 13–24.

16. Клименко Е. Н. Попова Т. В. Неофициальная ономастика Екатеринбурга и причины её появления в речи горожан // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 58–63.

17. Клименко Е. Н. Промах Л. В. Неофициальные названия городских реалий Екатеринбурга и их лексикографирование // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 1. С. 200–205.

18. Клименко Е. Н. Рут М. Э. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 210–222.

19. Кривошапова Ю. А. Образ Волги в русской языковой традиции // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. С. 1188–1201.

20. Малицкий Ю. Неофициальные урбанонимы в речи жителей города Минска: формально-мотивационный аспект // Слова ў кантэксте часу : Матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А.І. Наркевіча. Рэдкалегія: В. М. Самусевіч. Мінск : Издательство БГУ, 2019. С. 69–72.

21. Машенко И. В. Из наблюдений над словообразовательной структурой ориентированных топонимов в русском языке // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск : Издательство УрГУ, 1979. С. 87–93.

22. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2007. 784 с.

23. Николина Н. А. Неофициальные урбанонимы в современной русской речи // Язык современного города : тезисы докладов международной конференции «Восьмые Шмелёвские чтения». Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008. С. 125–128.

24. Попов Р. В. Микротопонимы в словаре городской лексики // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 100–103.

25. Разумов Р. В. Неофициальная номинация городских объектов в системе урбанонимов Рыбинска в 1970–200-е годы // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). Москва : Издательство ЭЛПИС, 2006. С. 646–648.

26. Разумов Р. В. Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. 1. С. 169–172.

27. Русская грамматика: научные труды. В 2-х т. Т. 1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва, 2005. 784 с.

28. Рут М. Э. Официальное и неофициальное в городском ономастическом пространстве // Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 199–206.

29. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Издательство «Наука», 1973. 367 с.

30. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

31. Фролов Н. К. Статус микротопонимии в системе топонимии // Вопросы ономастики. Вып. 15: Межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 22–31.

32. Цветкова Е. В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Т. 18. № 4. 2012. С. 106–109.

33. Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 203–206.

34. Шишкина Т. А. Вариативность неофициальной топонимии г. Новосибирска // Язык города : материалы международной научно-практической конференции (15–16 октября 2009 г.). Бийск : ГОУВПО «АГАО», 2010. С. 143–150.

Reference List

1. Andreev V. K. Toponymy tipa Pod#jablon'ka (spustja 38 let) = Toponyms like Podjablonka (after 38 years) // Pskovskie govory i ih issledovateli (k 100-letiju so dnja rozhdenija S. M. Gluskinoj i 50-letiju vyhoda 1 vypuska «Pskovskogo oblastnogo slovarja s istoricheskimi dannymi»). V 2 ch. Ch. 2 / pod red. N. V. Bol'shakovoj, L. Ja. Kostjuchuk. Pskov : ООО «Logos», 2017. S. 149–156.

2. Ahmetova M. V. Zametki o neoficial'noj russkoj urbanonii = Notes on unofficial Russian urbanonymy // Voprosy onomastiki. 2009. № 2 (9). S. 53–68.

3. Ahmetova M. V. Ot A-Ata do Jarska: slovar' neoficial'nyh nazvanij naselennyh punktov = From A-Ata to

Yarsk: Dictionary of Informal Settlement Names / otv. red. V. I. Belikov. Moskva : FORUM, 2015. 496 s.

4. Ahmetova M. V. «Svoja» i «chuzhaja» grammatika: sluchaj goroda Bologoe = «Own» and «alien» grammar: the case of Bologoye // Antropologicheskij forum. 2011. № 15. S. 157–170.

5. Beshenkova E. V., Ivanova O. E., Chel'cova L. K. Ob#jasnitel'nyj russkij orfograficheskij slovar'-spravochnik. = Explanatory Russian Spelling Dictionary. Moskva : AST-PRESS KNIGA, 2015. 592 s.

6. Valgina N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke = Active processes in contemporary Russian. Moskva : Logos, 2003. 304 s.

7. Vasil'eva T. A. Sposoby obrazovaniya neoficial'nyh urbanonimov: metaforicheskie i metonimicheskie naimenovaniya = Ways of forming informal urban names: metaphorical and metonymic names // Izvestija vuzov. Serija «Gumanitarnye nauki». 2011. № 2 (4). S. 266–269.

8. Vorob'eva T. S. Neoficial'nye urbanonimy g. Mogiljova: strukturnye i grammaticheskie osobennosti = Unofficial urbanonyms of Mogilev: structural and grammatical features // Itogi nauchnyh issledovanij uchjonyh MGU imeni A. A. Kulshova. Sbornik nauchnyh statej / pod red. E. K. Sychovoj. Mogiljov : Izdatel'stvo Mogiljovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kulshova, 2018. S. 14–15.

9. Ganzhina I. M. Neoficial'nye urbanonimy g. Tveri kak kul'turno-jazykovej fenomen: perspektivy izucheniya = Unofficial urbanonyms of Tver as a cultural and linguistic phenomenon: study perspectives // Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya. Vitebsk : Izdatel'stvo Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. M. Masherova, 2016. S. 300–303.

10. Golikova T. A. Oficial'nye vs. neoficial'nye godonimy Moskvy: modeli transonimizacii = Official vs. unofficial Moscow hodonyms: transonymisation patterns // Nauchnyj dialog. 2014. № 9 (33) : Filologija. Pedagogika. S. 24–36.

11. Gun'ko O. V. Konfiksial'nye sposoby vyrazheniya toponimicheskikh znachenij = Confix ways of expressing toponymic meanings // Kazanskaja nauka. 2015. № 10. S. 175–177.

12. Dozorova D. V. Jazykovaja igra v gorodskom onomasticheskom prostranstve = Language game in urban onomastic space // Onomastika Povolzh'ja: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 50-letnemu jubileju pervoj Povolzhskoj onomasticheskoj konferencii i pamjati ee organizatora V. A. Nikonova (Ul'janovsk, 20–23 sentjabrja 2017 g.) / pod red. S. V. Rjabushkinov, V. I. Suprun, E. V. Zaharovoj, E. F. Galushko. V 2 t. T. 1. Ul'janovsk : FGBOU VO «UIGPU im. I. N. Ul'janova», 2017. S. 443–448.

13. Dym'skij A. S. Zagrancia = Abroad // Russkaja rech'. 1978. № 4. S. 76–79.

14. Zueva T. A. Lingvokreativnyj potencial neoficial'nyh urbanonimov Ekaterinburga: ot BUSHa do Cherepahi = The linguistic and creative potential of Yekaterinburg's unofficial urbanonyms: from BUSH to

Turtle // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Psiholingvistika v obrazovanii. 2014. № 2. S. 151–155.

15. Kakorina E. V. Problemy izucheniya neoficial'nyh gorodskih nominacij i ih slovarnogo predstavlenija = Problems of studying informal urban nominations and their vocabulary // Russkij jazyk i problemy sovremenno go obrazovaniya. Arhangel'sk : Izdatel'stvo Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta imeni M. V. Lomonosova, 2012. S. 13–24.

16. Klimenko E. N. Popova T. V. Neoficial'naja onomastika Ekaterinburga i prichiny ejo pojavlenija v rechi gorozhan = Yekaterinburg's unofficial onomastics and the reasons for its appearance in the citizens' speech // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (292). Filologija. Iskustvovedenie. Vyp. 73. S. 58–63.

17. Klimenko E. N. Promah L. V. Neoficial'nye nazvaniya gorodskih realij Ekaterinburga i ih leksikografirovanie = Informal names of urban realities in Yekaterinburg and their lexicography // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2018. T. 23. № 1. S. 200–205.

18. Klimenko E. N. Rut M. Je. Neoficial'nye urbanonimy Ekaterinburga v sociolingvisticheskom aspekte = Yekaterinburg's informal urbanonyms from a sociolinguistic perspective // Voprosy onomastiki. 2018. T. 15. № 2. S. 210–222.

19. Krivoshhapova Ju. A. Obraz Volgi v russkoj jazykovej tradicii = The image of the Volga in the Russian linguistic tradition // Quaestio Rossica. 2018. T. 6. № 4. S. 1188–1201.

20. Malickij Ju. Neoficial'nye urbanonimy v rechi zhitelej goroda Minska: formal'no-motivacionnyj aspekt = Informal urbanonyms in the speech of Minsk city residents: the formal-motivational aspect // Slova ŷ kantjeksce chasu : Matjeryjaly IV Mizhnarodnaj navukovapraktychnaj kanferjencyi, prysvechanaj 90-goddzju z dnja naradzjhennja doktara filalagichnyh navuk profesara A.I. Narkevicha. Rjedkalegija: V. M. Samusevich. Minsk : Izdatel'stvo BGU, 2019. S. 69–72.

21. Mashhenko I. V. Iz nabljudenij nad slovoobrazovatel'noj strukturoj orientirovannyh toponimov v russkom jazyke = Observations on the word formation structure of oriented toponyms in the Russian language // Voprosy onomastiki. Vyp. 13. Sverdlovsk : Izdatel'stvo URGU, 1979. S. 87–93.

22. Mокienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok = The Great Dictionary of Russian Proverbs. : ZAO «OLMA Media grupp», 2007. 784 s.

23. Nikolina N. A. Neoficial'nye urbanonimy v sovremennoj russkoj rechi = Informal urbanonyms in contemporary Russian speech // Jazyk sovremenno go goroda : tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii «Vos'mye Shmel'jovskie chtenija». Moskva : Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2008. S. 125–128.

24. Popov R. V. Mikrotoponimy v slovare gorodskoj leksiki = Microtoponyms in urban vocabulary // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 1 (52). S. 100–103.

25. Razumov R. V. Neoficial'naja nominacija gorodskih ob#ektov v sisteme urbanonimov Rybinska v 1970-200-e gody = Informal nomination of urban objects in Rybinsk urban-name system in the 1970s – 2000s // Problemy semantiki jazykovykh edinic v kontekste kul'tury (lingvisticheskij i lingvometodicheskij aspekty). Moskva : Izdatel'stvo JeLPIS, 2006. S. 646–648.

26. Razumov R. V. Precedentnye onimy v neoficial'nom gorodskom onomastikone = Precedent onyms in the informal urban onomasticon // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2011. № 4. T. 1. S. 169–172.

27. Russkaja grammatika: nauchnye trudy. V 2-h t. T. 1 = Russian grammar: scientific works. In 2 vols. Vol. 1 / Rossijskaja akademija nauk. Institut ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Moskva, 2005. 784 s.

28. Rut M. Je. Oficial'noe i neoficial'noe v gorodskom onomasticheskom prostranstve = The formal and the informal in urban onomastic space // Jazyk i proshloe naroda: sb. nauch. st. pamjati prof. A. K. Matveeva / otv. red. M. Je. Rut. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2012. S. 199 – 206.

29. Superanskaja A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = General theory of the proper noun. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1973. 367 s.

30. Tolkovyj slovar' ruskogo jazyka s vključeniem svedenij o proishozhdenii slov = Explanatory Dictionary of the Russian Language, including information on the origin of words / otv. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2011. 1175 s.

31. Frolov N. K. Statut mikrotoponimii v sisteme toponimii = The status of microtoponymy in the toponymic system // Voprosy onomastiki. Vyp. 15: Mezhvuzovskij sb. nauch. tr. / otv. red. A. K. Matveev. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1982. S. 22 – 31.

32. Cvetkova E. V. K voprosu o strukturno-slovoobrazovatel'noj harakteristike toponimov = On structural and word-formation characteristics of toponyms // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. T. 18. № 4. 2012. S. 106–109.

33. Sharipova O. A. Neoficial'nye toponimy kak podsistema jazyka goroda = Informal toponyms as a subsystem of urban language // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2012. № 4. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 203–206.

34. Shishkina T. A. Variativnost' neoficial'noj toponimii g. Novosibirsk = Variation in the informal toponymy of Novosibirsk // Jazyk goroda : materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (15–16 oktjabrja 2009 g.). Bijsk : GOUVPO «AGAO», 2010. S. 143–150.

УДК 811.161.1'367.623

А. А. Козловская

<https://orcid.org/0000-0001-6199-6890>

Личные формы предикатива с семантикой позитивной экспрессии в лирике А. Ахматовой

Для цитирования: Козловская А. А. Личные формы предикатива с семантикой позитивной экспрессии в лирике А. Ахматовой // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 104–111. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-104-111

Целью статьи является характеристика функциональных особенностей личных предикативных конструкций с семантикой положительного душевного состояния в поэзии А. Ахматовой

Процедура и методы исследования. Автором проанализирована поэзия А. Ахматовой (Сборники «Вечер», «Чётки», «Белая стая», «Подорожник», «Anno Domini»). Основное содержание исследования составляет рассмотрение личных конструкций с предикативом, для выявления которых был использован метод сплошной выборки, а также структурно-семантическое описание языкового материала с использованием функционального подхода.

Результаты. Проведённый анализ показал, что основной процент художественных текстов А. Ахматовой составляют синтаксические конструкции с личным предикативом, выражающим душевное состояние. Искусное использование конструкций с личным предикативом позволило А. Ахматовой выразить чувства и эмоции в сжатой и экспрессивной форме. Материалы статьи позволяют раскрыть особенности творческого метода А. Ахматовой.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработанная теоретическая методика анализа конструкций с предикативом может быть использована при работе с языком текстов других авторов начала XX века, поскольку предикатив является универсальным средством создания художественного образа в поэзии и прозе Серебряного века.

Ключевые слова: акмеизм, предикатив, душевное состояние, эмоции, интенсив, интенсификаторы, дистрибуция, синтаксические партнёры.

А. А. Kozlovskaya

Personal predicatives with the semantics of positive expression in A. Akhmatova's poetry

The aim of the article is to characterise the specific functions of personal predicative constructions with the semantics of a positive state of mind in Akhmatova's poetry. The author analyses the collections Evening, The Rosary, The White Pack, Plantain, Anno Domini. The study considers personal predicative constructions, using the continuous sampling method to identify them, as well as the structural-semantic description of the linguistic material using the functional approach. The analysis has shown that the main body of Akhmatova's literary texts are syntactic constructions with a personal predicate expressing state of mind. Akhmatova's skillful use of personal predicative constructions enabled her to express her feelings and emotions in a concise and expressive form. The material of this article reveals the peculiarities of Akhmatova's creative method. The theoretical methodology for analysing constructions with predicate can be used when working with the language of the texts written by other authors of the early 20th century, because the predicate is a universal means of creating an artistic image in the poetry and prose of the Silver Age.

Keywords: acmeism, predicative, state of mind, emotion, intensity, intensifiers, distribution, syntactic partners.

Введение

Поэзия, как известно, одна из форм выражения сложного мира чувств и эмоций человека в художественном поэтическом оформлении [Козловская, 2014].

Начало XX века – это расцвет искусства и литературы, русский ренессанс, создавший разнообразие стилей и литературных направлений. Одним

из первых возник символизм, кризис которого в 1910 году стал предпосылкой к зарождению акмеизма. Поэтическому языку нужны были новые формы выражения чувств и эмоций: «Надо было вернуться к искусству – вырваться из этой высокой, но безвоздушной «башни» символизма. Надо было изменить отношение к поэтическому языку, который превратился в мертвый диалект, лишен-

ный живого развития, живой игры» [Эйхенбаум, 1923, с. 7].

Ключевые идеи акмеистов были изложены в 10–20-е годы XX века в составленных ими манифестах: «Наследие символизма» Н. С. Гумилёва, «Некоторые течения в современной русской поэзии» С. М. Городецкого и «Утро акмеизма» О. Э. Мандельштама [Твердохлеб, 2017б].

Акмеисты отказались от использования в художественном языке витиеватых метафор, загадочных символов, туманных образов, присущих символизму, и вернули поэзии ясность и конкретность: «вещный, предметный мир как основная установка акмеизма потребовала замены «поэзии намеков и настроений» «искусством точно вымеренных и взвешенных слов» [Твердохлеб, 2017б, с. 162].

Самым ярким поэтом-акмеистом стала А. Ахматова – «русская поэтесса Серебряного века, переводчик, литературовед», произведения которой составляют «поистине культурное наследие, имеющее значимость для всей мировой литературы» [Хадзиева, Нальгиева, 2018, с. 35–36].

Велика заслуга А. Ахматовой в том, что она выступила как новатор в области поэтического языка. Б. М. Эйхенбаум, анализируя творческий метод А. Ахматовой, выделил такие основные особенности ее поэзии, как «уверенность», «законченность», «скудость слов» [Эйхенбаум, 1923, с. 10]. Сжатость и лаконичность стиля А. Ахматовой исследователь связывал с «ослаблением глагола», использованием поэтессой «иных форм сказуемости», одной из которых стал предикатив: «логическая ясность, в которой заключена неожиданная новизна видения мира, пронизанная удивлением перед реальностью, потребовала вовлечения в художественное пространство стихотворений определенных грамматических построений...» [Эйхенбаум, 1923, с. 10–11].

О частеречном статусе предикатива

Предикатив – «гибридная» часть речи, совмещающая в себе признаки глагола и имени прилагательного, представленная в двух формах: личной и безличной. Вопрос о частеречном статусе предикатива уже на протяжении многих лет вызывает много споров среди исследователей. Безличную форму предикатива часто называют категорией состояния, а личную – кратким прилагательным. Впервые категорию состояния в отдельный лексико-грамматический класс выделил Л. В. Щерба в статье о «Частях речи в русском языке» (1928). У безлично-предикативных слов типа *холодно, весело, пора, жаль* Л. В. Щерба отметил

такие особенности, как употребление со связкой в функции предиката в предложении и семантику состояния [Щерба, URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba1.htm>], но он «не настаивал на статусе части речи и допускал, что частью речи категория состояния признана не будет» [Лекант, 2015б, с. 10].

В отдельную часть речи категорию состояния выделил именно В. В. Виноградов. В отличие от Л. В. Щербы, построившего исследование «новой» части речи в основном на семантике состояния, В. В. Виноградов доказывал частеречный статус категории состояния, опираясь на грамматические особенности данной части речи, связанные с неизменяемостью слов категории состояния и характером аналитизма (формы наклонения и времени выражались при помощи связки *быть*). Заслуга ученого и в том, что он одним из первых отмечает «сближение кратких прилагательных с категорией состояния» [Лекант, 2015б, с. 11], а также постепенном отрыве краткой формы прилагательного от полной: «...В краткой форме имени прилагательного значение качества переходит в значение *качественного состояния* (курсив автора статьи А. К.)» [Виноградов, 1947, с. 265].

Гипотеза В. В. Виноградова получила развитие в исследованиях грамматистов XX (Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Поспелов, А. Б. Шапиро, В. Н. Мигирин) и XXI веков (П. А. Лекант, М. В. Дегтярева, Д. А. Савостина другие).

Термин «предикатив» для обозначения статуса новой части речи, представленной в двух формах – личной (краткое прилагательное) и безличной (слова категории состояния), был предложен и обоснован П. А. Лекантом: «В современном русском языке сложилась особая «гибридная» часть речи с собственным категориальным значением и с собственным вопросом – *каков?*») [Лекант, 2007, с. 49].

Предикатив называют «гибридной» частью речи из-за его особой грамматической природы: он совмещает одновременно грамматические признаки имени прилагательного (род, число) и глагола (наклонение, время, лицо и число, которые выражаются аналитически при помощи связки *быть*).

Частеречный статус предикатива всесторонне охарактеризован в исследовании М. В. Дегтяревой:

«*Предикативом* мы называем особую гибридную часть речи, которая сложилась в русском языке в недрах краткой формы имени прилагательного.<...> Совмещение в современном русском языке в краткой форме новых **формы** и

функции позволяют говорить о формировании не просто особого гибридного грамматического ряда (В. В. Виноградов), а особой части речи, генетически связанной с категорией имени прилагательного, но развивающей в современном русском языке формы и функции (а также значения), каких нет у имени прилагательного» [Дегтярёва, 2007, с. 70–71].

По словам П. А. Леканта, «новизна проблемы предикатива заключается в комплексном описании формы, семантики и функций этой части речи – *единственной аналитической* части речи в современном русском языке» [Лекант, 215б, с. 8].

Образный потенциал предикатива позволил А. Ахматовой экспрессивно и ёмко выразить состояние души в определенный момент времени:

«Предикатив дает возможность художнику слова запечатлеть состояние героя в некий конкретный момент времени, передать перемены в настроении и восприятии действительности» [Савостина, 2010, с. 30].

Особенности употребления личных конструкций предикатива с семантикой душевного состояния

Для лирики А. Ахматовой характерно использование как личных, так и безличных форм предикатива, но основной процент проанализированного нами языкового материала (около 70 процентов) составляют именно личные конструкции.

Тенденция к употреблению в художественной речи личных предикативных конструкций напрямую связана с особенностями лирики поэтессы.

Каждое стихотворение А. Ахматовой – это небольшая история из жизни, напоминающая отрывок из личного дневника. Многие литературоведы, современники А. Ахматовой, критиковали поэтессу за исповедальный характер лирики, но именно эта черта является особой приметой творческого метода мастера слова: «...перед нами – конкретные человеческие чувства, конкретная жизнь души, которая томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит и т. д. <...> Стихи эти связываются в нашем воображении воедино, порождают образ живого человека, который каждый свое новое чувство, каждое новое событие своей жизни отмечает записью» [Эйхенбаум, 1925, с. 10–11]. В. В. Виноградов отмечал, «что большинство стихотворений А. Ахматовой – выдержки из монологов, в которых развивается драма ее героини» [Виноградов, 1925, с. 111].

Вот почему лирическая героиня А. Ахматовой часто отождествляется с ней самой: «я – героиня»

и «я – поэтесса» практически неразделимы в художественном контексте и связаны с «акмеистическим принятием мира «во всей совокупности красот и безобразий», «здесь», в русской современности» [Твердохлеб, 2017а, с. 78].

В лирике А. Ахматовой отмечается многообразие личных предикативных конструкций с семантикой душевного состояния.

В данной статье анализируются личные формы предикатива с семантикой положительного состояния.

Для анализа языкового материала мы обратились к русскому семантическому словарю под редакцией Н. Ю. Шведовой, а именно к разделу, содержащему «описание множеств и подмножеств, характеризующих многообразные душевные состояния и свойства личности, а также их проявления в поступках, поведении, в целенаправленных действиях» [РСС, 2003, с. 245].

Важно отметить, что в художественных текстах А. Ахматовой эмотивные предикативы обычно употребляются с разными *дистрибутивными* словами, усиливающими то или иное эмоционально-психическое состояние (*дистрибутивный* от *дистрибуция* (распределение) <...> «Совокупность («класс») всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, <...> т. е. место, порядок, сочетаемость и т. п. свойства ее употребления в плане расположения отдельных частей высказывания относительно друг друга») [Ахманова, 1966, с. 32].

К ним можно отнести *интенсификаторы* – частицы *так* и *как*, которые иногда могут употребляться с междометиями (*о, ах*), частицы *все-таки, же* и другие и *градуаторы* (наречия меры и степени *очень, весьма, слишком* и другие).

Самыми типичными усилителями семантики предикатива выступают интенсификаторы – частицы *так* и *как*: «Сочетание частиц *какой, как, такой, так* с «полными» словами представляют семантико-синтаксическое единство – не форму этих слов (ср. *как вскочит, как крикнет* и др.), а особую синтаксическую форму – **интенсива**, которая определяет субъективную окраску высказывания» [Лекант, 2015а, 33].

Частотой употребления в лирике А. Ахматовой отличаются конструкции с личными предикативами *рад* и *радостен*.

Радость. «<...> Веселое, счастливое чувство, ощущение полного удовлетворения». Чувство радости может быть представлено в художественных текстах двумя личными предикативами: *рад* и *радостен*» [РСС, 2003, с. 245].

Предикатив *рад* обычно употребляется в двух значениях: «...1. О чувстве удовольствия, удовлетворения, радости, испытываемом кем-либо. 2. *перен.* О готовности сделать что-либо» [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Для лирики А. Ахматовой характерно использование *рад* только в первом значении.

Примечательно и то, что на семантику предикатива могут оказывать влияние не только дистрибутивные слова, но и синтаксические партнёры, находящиеся в непосредственном окружении синтаксической конструкции с эмотивным предикативом. В лирике А. Ахматовой ими могут быть «предложения-символы», в том числе с метафорическим значением, параллельные конструкции с другими предикативами, чаще всего «восприятия» или оценки, дательный субъекта *мне*, являющийся **адресатом** состояния.

Предикатив с положительным значением может одновременно иметь оттенки и отрицательной коннотации. Такое интересное явление наблюдается в случае смены эмоциональной окраски фраз, создающей острую «двойственность восприятия», когда «слово светится сразу двумя переливчатыми лучами» [Виноградов, 1925, с. 81], что типично именно для акмеистической лирики А. Ахматовой. *Сколько просьб у любимой всегда! / У разлюбленной просьб не бывает. / Как я рада, что нынче вода / Под бесцветным ледком замирает. / И я стану – Христос помоги! – / На покров этот, светлый и ломкий, / А ты письма мои береги. / Чтобы нас рассудили потомки...* [Ахматова, 2002] – определенный тональный строй и фразовый «параллелизм» (В. Виноградов) способствуют возникновению негативной коннотации: в простом «как я рада» завуалирована душевная боль лирической героини. В целом высказывание выстраивается на каком-то эмоциональном изломе, контрасте, но при этом его нельзя назвать крайне аффективным, поскольку нет резких скачков и перепадов тона. Как подчеркивает В. Виноградов: «Ахматова сплетает эмоциональную речь в причудливой гирлянде с эпическим, печально-сдержанным сказом – как бы в хронологическом отдалении от темы» [Виноградов, 1925, с. 89], словно перед нами отрывок из романа.

Рассмотрим еще один пример употребления личного предикатива *рад*: *Морозное солнце. С парадом / Идут и идут войска. / Я полдню январскому рада. / И тревога моя легка.* [Ахматова, 2002] – в данном тексте личный эмотивный предикатив *рада*, в отличие от предыдущего примера, выражает состояние с положительной коннотацией. Но се-

мантика предикатива вновь конкретизирована и дополнена – это не только состояние удовольствия или радости, но одновременно умиротворенности и душевного спокойствия. Подобный эффект достигается благодаря особому сочетанию лексемы *тревога* с личным предикативом *легка*, образующими оксюморон. Отрицательное значение лексемы *тревога* – «состояние взволнованности, неуверенности и страха за какого-то-н.» [РСС, 2003, с. 245] – сглажено личным предикативом *легка*, т. е. эмоция радости развеяла гнетущее тревожное состояние души героини, все дурные предчувствия сменяются легким волнением грядущих перемен.

Сочетание лексем *морозное солнце* и *январский полдень* представлены в тексте как «вещные символы» (В. Виноградов), несущие определенную эмоционально-смысловую нагрузку, вызывающие у читателя на подсознательном уровне приятные ассоциации с чем-то светлым, ярким, свежим. Они служат своеобразным эмоциональным фоном для фиксации перемен в настроении лирической героини – от тревоги к спокойствию и умиротворению.

Значение тихой радости передает предикатив *рада* в следующем примере: *Широк и жёлт вечерний свет, / Нежна апрельская прохлада. / Ты опоздал на много лет, / Но все-таки тебе я рад.* [Ахматова, 2002].

Личная конструкция предикатива *рада* с субъектом *я* употребляется вместе с частицей *все-таки*, акцентирующей внимание читателя на душевном состоянии лирической героини. Обратившись к словарю служебных слов русского языка под редакцией Е. А. Стародумовой, можно найти три значения частицы *все-таки*. В приведённом контексте *все-таки* «относится к предикату», сочетается с союзом *НО*, является «безударной, акцентирующей» и выражает следующее значение: «ситуация, вводимая «все-таки», всегда существует на фоне другой ситуации, не соответствующей, препятствующей» [Словарь служебных слов ... , 2001, с. 91–92]. В данном случае препятствующей ситуацией является высказывание *Ты опоздал на много лет*. Акцентуации этого значения способствует и союз *НО*. Синтаксические партнёры – двусоставные предложения с оценочными предикативами восприятия – *широк и жёлт* и *нежна* – занимающие препозицию по отношению к ключевой личной конструкции с предикативом состояния *рада*, создают особый эмоциональный фон.

Наряду с использованием предикатива *рад* в

единичных случаях поэтесса обращается к варианту – *радостен*. Несмотря на схожесть, в семантике лексем *рад* и *радостен* есть отличия, а именно: «<...> испытывающий радость» или «доставляющий радость, вызывающий радость» [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Употребление предикатива *радостен* в условиях поэтического текста имеет ряд особенностей. Если предикатив *рад* всегда отождествляется с субъектом состояния (к примеру, *я рад чему – (кому-) либо или сердце радо*), то состояние радости, выражаемое предикативом *радостен*, словно приписывается субъекту извне, кроме того, наличие отвлеченного суффикса *-ость* придает личной конструкции дополнительный оттенок торжественности, возвышенности: *Мне больше ног моих не надо, / Пусть превратятся в рыбий хвост! / Плыву, и радостна прохлада, / Белеет тускло дальний мост. / Не надо мне души покорной... <...> А ты, мой дальний, неужели / Стал бледен и печально-нем?... [Ахматова, 2002]*. Эмотивный предикатив снова в окружении предложений – «символов», что делает эмоциональное состояние лирической героини более интенсивным. Удовольствие и радость от своеобразной игры в русалку напоминает больше состояние аффекта: героиня не хочет быть покорной, и «вещный» символ – тусклое пятно дальнего моста – словно намекает читателю о предстоящей неизбежной трагедии. Примечательно, как поэтесса противопоставляет с помощью контраста эмоционально-психическое состояние героини и лирического героя, о котором упоминается в последней строфе-развязке. Сравним предикативы: *радостна* и *бледен, печально-нем*, а игру слов – *дальний мост* и *мой дальний*. Таким образом, посредством личных предикативов и синтаксических партнеров, выполняющих функцию «вещных» символов, создается полная картина душевного состояния лирической героини: оно лишь на первый взгляд радостное, за внешней радостью скрываются душевная боль и тоска. В том и заключается своеобразное очарование стиля Ахматовой, на что указывал и В. Виноградов: «...Часть вещных символов в поэзии Ахматовой глубоко индивидуальна. <...> Их функция – подчеркивать неповторимость разорванных миггов, из которых каждый запечатлен в отдельном художественном произведении» [Виноградов, 1925, с. 43].

Из таких «разорванных» миггов состоит стихотворение «Дверь полуоткрыта, веют липы сладко...», обратимся к его второй части с личными предикативами: *Радостно и ясно / Завтра будет*

утро. / Это жизнь прекрасна, / Сердце, будь же мудро. // Ты совсем устало, / Бьешься тише, глуше. / Знаешь, я читала, что бессмертны души [Ахматова, 2002]. Состояние лирической героини выражается при помощи нескольких параллельных конструкций с разными личными предикативами. Если в других, проанализированных нами текстах личные конструкции с предикативом *рад/радостен* выражают душевное состояние героини напрямую, то в данном случае, опосредованно, через оценку. Личные предикативы восприятия *радостно* и *ясно* в сочетании со связкой *быть* в будущем времени относятся к объекту *утро*, они выражают надежду лирической героини на лучшее, что усиливается жизнеутверждающим «предложением-символом» с личным оценочным предикативом *прекрасна*. Далее следует параллельная конструкция с обращением и оценочным предикативом *мудро* со связкой *быть*, выражающей повелительное наклонение: *Сердце, будь же мудро*. Лирическая героиня обращается к себе через объект *сердце* – «вещный символ», требуя от себя здоровой оценки происходящего. Мудрость – это не состояние души, но часть самосознания человека: «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» [РСС, 2003, с. 215]. Частица *же*, выступающая синонимом частицы *все-таки*, делает данную конструкцию менее категоричной; если *все-таки* – «...знак раздумий говорящего», то *же*, «по сравнению с ней частица сниженная и в большей мере показывающая обращенность высказывания к адресату, желание получить от него ответ» [Словарь служебных слов ... , 2001, с. 95]. Кроме частицы *же* излишнюю строгость и требовательность разбавляет чувство жалости, выраженное при помощи синтаксических партнеров с метафорическим значением: *Ты совсем устало, / Бьешься тише, глуше...* И полным контрастом по отношению к первому звучит «предложение-символ» с личной предикативной конструкцией *бессмертны*: *Знаешь, я читала, что бессмертны души*. Душевный надрыв, внутренний разлад в лирике А. Ахматовой часто завуалированы за внешней картиной радости и безмятежности.

Синонимичной конструкцией к личному предикативу *рад (радостен)* является эмотивный предикатив *весел*, он менее употребителен в сравнении с безличной конструкцией «*Мне с тобою пьяным весело...*» [Ахматова, 2002]. Используется для выражения состояния жизнерадостности, веселья, производное от *веселый* в первом значении.

Веселый, <...> «Полный веселья, жизнера-

достный. || Выражающий веселье, исполненный веселья». **Весёлость** – «...жизнерадостность, готовность веселиться, смеяться» [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Целый год ты со мной неразлучен./ А как прежде и весел и юн!/ Неужели же ты не измучен/ Смутной песней затравленных струн... [Ахматова, 2002]. Предикатив *весел* с контекстуальным синонимом *юн* включены в предложение-символ, которое акцентируется союзом *А*, поскольку эмоциональное состояние, в котором пребывает лирический герой в настоящий момент времени, дано в ретроспективе: это часть приятных воспоминаний лирической героини, показанных сквозь призму ее личной драмы, как «мимолетные метафоры прошлого, призрачные всплески воспоминаний о восприятиях мгновенных» [Виноградов, 1925, с. 80]. Кроме того, личные конструкции *весел* и *юн* находятся в окружении еще двух предикативов *неразлучен* и причастного *не измучен*, но выражающих состояние лирического героя в настоящем длительном. В. В. Виноградов подобные явления в композиции стихотворений А. Ахматовой называл столкновением двух планов «психологического времени» [Виноградов, 1925, с. 80], которое может привести к «киному типу соотношения времен», правда, здесь соотносятся не прошедшее с будущим, а прошедшее с настоящим, но подобный стилистический прием позволяет поэтессе добавить интенсивности выражению не только состояния лирического героя, но и усилить душевную боль лирической героини.

Интересным синонимичным вариантом предикатива *рад* (*радостен*) в художественных текстах выступают также личные конструкции с личным предикативом *счастлив* (тот, кто испытывает счастье), поскольку счастье относится к категории «длительных» состояний.

Счастье – «<...> чувство восторженной радости, полного удовлетворения» [РСС, 2003, с. 245].

Счастлив – производное от лексемы *счастли-вый* (пребывать в состоянии счастья). <...> «Состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости. <...> II предик. 1. О состоянии, когда очень хорошо». [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Обычно предикатив *счастлив* выражает состояние, «когда очень хорошо», лирический герой испытывает чувство радости, удовлетворенности жизнью, которое могут подчеркивать в том числе интенсификаторы: *Муза! Ты видишь, как счастлив все/ – Девушки, женщины, вдовы.../ Лучшие*

погибну на колесе,/ Только не эти око-вы... [Ахматова, 2002].

А вот текст, где героиня обращается с пожеланием счастья к лирическому герою, но с нотками горечи и разочарованности: *Процдай, процдай, будь счастлив, друг прекрасный,/ Верну тебе твой сладостный обет,/ Но берегись твоей подруге страстной/ Поведать мой неповторимый бред* [Ахматова, 2002] – в данном случае несколько меняется качество семантики предикатива, он содержит уже оценку (*будь счастлив = пусть тебе будет хорошо или живет хорошо, спокойно*).

Интересна семантика предикатива *счастлив* в необычном стихотворении «Бессмертник сух и розов. Облака...»: *Бессмертник сух и розов. Облака/ На свежем небе вылеплены грубо./ Единственного в этом парке дуба/ Листва еще бесцветна и тонка./ Лучи зари до полночи горят,/ Как хорошо в моем затворе тесном!/ <...> Я счастлива. Но мне всего милей/ Лесная и пологая дорога./ Убогий мост, скривившийся немного,/ И то, что ждать осталось мало дней* [Ахматова, 2002] – здесь акцентируется внимание читателя на экзистенциальном предложении: *Я счастлива*, где анимистический предикатив *счастлив* выражает «абсолютное» состояние счастья, в котором пребывает лирическая героиня, причем это семантика «мозаичного» типа, то есть вмещает в себя массу разных оттенков чувств и эмоций: восторг, радость, удовольствие, любовь, приятное ожидание скорой встречи. Подобный эффект создается автором при помощи искусного сочетания эпитетов, в роли которых выступают зрительно-цветовые предикативы «восприятия», характеризующие состояние окружающей природы: *сух* и *розов*, *бесцветна* и *тонка*. Если бы поэтесса заменила предикативы на полные прилагательные, полностью изменился бы эмоциональный строй стихотворения, а семантика центрального предикатива *счастлива* потеряла бы свою интенсивность и многоплановость: «<...> в поэзии Ахматовой совершенно исключительную роль играют определения слухового, зрительного и эмоционального типа» [Виноградов, 1925, с. 31]. Кроме того, дополнительно семантику счастливого состояния героини усиливает оценочный безличный предикатив *как хорошо* в сочетании с интенсификатором *как*. Обращает на себя внимание и конструкция с суперлативом *всего милей* в сочетании с союзом *НО*, открывающая целый ряд субъективных ассоциаций героини. Союз позволяет сопоставить чувства и ощущения лирической героини: то, что чувствует и видит сейчас, и то, что было, но близ-

ко ее сердцу, а союз *И* в сочетании с указательным местоимением *то* резко и эмоционально присоединяют заключительное предложение-развязку, оставляя некую недосказанность. Такие стилистические приемы, по словам В. В. Виноградова, обусловлены «замкнутой формой интимного рассказа» [Виноградов, 1925, с. 32].

Среди личных конструкций с предикативом с положительной семантикой можно выделить интересные примеры употребления оценочных «предикативов восприятия» *сладок/сладостен* в переносном значении. Данные предикативы – это производные от полных прилагательных *сладкий* и *сладостный*, являющиеся синонимами со значением «...перен. Приятный, доставляющий удовольствие» [Толковый словарь Ожегова, 2006, с. 727].

Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный, / И крики журавлей, и чёрные поля... / О, как была с тобой мне сладостна земля! [Ахматова, 2002].

В данном тексте личный предикатив *сладостна* употребляется с субъектом в дательном падеже *мне* и интенсификатором *как* в сочетании с междометием *О*. В препозиции в качестве синтаксического партнера предикативной конструкции используется сложное предложение с элементом многосоюзия, обособленными определениями, представляющее сумбурную цепочку воспоминаний-ассоциаций лирической героини и выполняющее в данном контексте роль интенсификатора. Важно отметить, что использование дательного субъекта в личных конструкциях характерно именно для оценочных предикативов (дательный субъект обычно используется в безличных конструкциях: ср. *Мне приятно* и *Мне приятны*), к примеру: *Приду туда, и отлетит томленьё. / Мне ранние приятны холода* [Ахматова, 2002] или «мне» в сочетании с градуатором *вечно...Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил* [Ахматова, 2002].

А в тексте *Слишком сладко земное питьё, / Слишком плотны любовные сети. / Пусть когда-нибудь имя моё / Прочитают в учебнике дети...* [Ахматова, 2002] мы видим использование градуатора *слишком*, лексический повтор которого вдвойне усиливает семантику предикативов *сладко* и *плотны*, употребленных в переносном значении в параллельной синтаксической конструкции.

Заключение

Каждое стихотворение поэтессы словно фрагмент одного большого романа, в центре которого переживания лирической героини. Раскрытие это-

го сложного и противоречивого внутреннего мира во многом осуществляется благодаря лаконичным и экспрессивным формам личных предикативных конструкций. «Ахматова <...>открыла новые способы лирического воплощения внутренней (эмоциональной) структуры сознания, которое может быть явлено не иначе как в процессе восприятия предметов, объектов и внешних событий» [Меркель, Кихней, 2017, с. 19].

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Советская энциклопедия, 1966. 598 с.
2. Ахматова А. А. Избранное. Смоленск : Русич, 2002. 640 с.
3. Виноградов В. В. О поэзии А. Ахматовой (стилистические наброски). Ленинград : Изд-во Фонет. ин-та языков, 1925.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва – Ленинград : Уч-педгиз, 1947. 784 с.
5. Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива : монография. Москва : МГОУ, 2007. 162 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. URL : <http://efremova-online.ru> (дата обращения 25.06.2020).
7. Козловская А. А. Выражение душевного состояния безличной формой предикатива в лирике поэтов Серебряного века (А. Ахматовой, С. Есенина, В. Маяковского) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 68–74.
8. Лекант П. А. Часть речи предикатив // Грамматические категории слова и предложения. Москва : МГОУ, 2007. 215 с.
9. Лекант П. А. Формы интенсификации в поэтическом языке А. С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015а. № 6. С. 32–36.
10. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. Монография. Москва : ИИУ МГОУ, 2015б. 86 с.
11. Меркель Е. В., Кихней Л. Г. Ранняя лирика Анны Ахматовой как квазироманная структура (размышления по поводу одной эйхенбаумовской рецензии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2017. № 5. Ч. 1. С. 18–21.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов в 6 т. / РАН. Ин-т рус. яз; под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3. Москва : Азбуковник, 2007. 922 с.
13. Савостина Д. А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива : монография. Москва : МГОУ, 2010. 153 с.
14. Словарь служебных слов русского языка. А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева [и др]. Владивосток : ГУП Примполиграфкомбинат, 2001. 365 с.

15. Твердохлеб О. Г. Предикативное употребление компаратива в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017а. Т. 9. Вып. 1. С. 78–84.

16. Твердохлеб О. Г. «Вещность» объектов сравнения, выраженных родительным падежом имени при компаративах в поэтическом языке акмеистов: С. М. Городецкий // Экология языка и коммуникативная практика. 2017б. № 1. С. 161–169.

17. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт рус. яз. имени В. В. Виноградова. 4-е изд. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 940 с.

18. Хадзиева А. А., Нальгиева А. А. Особенности творчества Анны Ахматовой // Проблемы современной науки и образования. Иваново: Олимп, 2018. № 2. С. 35–37.

19. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba1.htm> (дата обращения: 12.06.2020).

20. Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа. Петербург: Научная библиотека, 1923.

Reference List

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 598 s.

2. Ahmatova A. A. Izbrannoe = Selected works. Smolensk: Rusich, 2002. 640 s.

3. Vinogradov. V. V. O poezii A. Ahmatovoj (stilisticheskie nabroski). = On Akhmatova's poetry (stylistic sketches). Leningrad: Izd-vo Fonet. in-ta jazykov, 1925.

4. Vinogradov V. V. Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove = Russian language. The grammatical theory of the word. Moskva – Leningrad: Uch-pedgiz, 1947. 784 s.

5. Degtjareva M. V. Chasterechnyj status predikativa = Status of the predicate as a part of speech: monografija. Moskva: MGOU, 2007. 162 s.

6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka = New Dictionary of the Russian Language. URL: <http://efremova-online.ru> (data obrashhenija 25.06.2020).

7. Kozlovskaja A. A. Vyrazhenie dushevnoho sostojanija bezlichnoj formoj predikativa v lirike pojetov Serebrjanogo veka (A. Ahmatovoj, S. Esenina, V. Majakovskogo) = Expressing the state of mind through impersonal predicate in the lyrics of the Silver Age poets (A. Akhmatova, S. Esenin, V. Mayakovsky) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2014. № 4. S. 68–74.

8. Lekant P. A. Chast' rechi predikativ = Predicate as part of speech // Grammaticheskie kategorii slova i predlozhenija. Moskva: MGOU, 2007. 215 s.

9. Lekant P. A. Formy intensiva v pojeticheskom jazyke A. S. Pushkina = Forms of intensification in Pushkin's poetic language // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2015a. № 6. S. 32–36.

10. Lekant P. A. Analiticheskie formy i analiticheskie konstrukcii v sovremennom russkom jazyke = Analytical forms and analytical constructions in contemporary Russian: Monografija. Moskva: IU MGOU, 2015b. 86 s.

11. Merkel' E. V., Kihnej L. G. Rannaja lirika Anny Ahmatovoj kak kvaziromannaja struktura (razmyshlenija po povodu odnoj jejhenbaumovskoj recenzii) = Anna Akhmatova's early poetry as a quasi-romantic structure (reflections on an Eichenbaum's review) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2017. № 5. Ch. 1. S. 18–21.

12. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovij slovar', sistematizirovannij po klassam slov v 6 t. = Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, organized according to word classes in 6 vols. / RAN. In-t rus. jaz; pod red. N. Ju. Shvedovoj. T. 3. Moskva: Azbukovnik, 2007. 922 s.

13. Savostina D. A. Kategorizacija sub#ektivnosti i jemocional'nosti v russkoj literature pervoj treti HH veka: formy predikativa = Categorising subjectivity and emotionality in Russian literature of the first third of the 20th century: forms of the predicate: monografija. Moskva: MGOU, 2010. 153 s.

14. Slovar' sluzhebnyh slov russkogo jazyka = Dictionary of the Russian Language functional words / A. F. Prijatkina, E. A. Starodumova, G. N. Sergeeva [i dr]. Vladivostok: GUP Primpoligrafkombinat, 2001. 365 s.

15. Tverdohleb O. G. Predikativnoe upotreblenie komparativa v poezii A. Ahmatovoj = Predicative use of the comparative in Akhmatova's poetry // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija. 2017a. T. 9. Vyp. 1. S. 78–84.

16. Tverdohleb O. G. «Veshnost'» ob#ektov sravnenija, vyrazhennyh roditel'nym padezhom imeni pri komparativah v pojeticheskom jazyke akmeistov: S. M. Gorodeckij = «Materiality» of objects to compare, expressed by the genitive case of the noun in Acmeist poetic language comparatives: S. M. Gorodetsky // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2017b. № 1. S. 161–169.

17. Tolkovij slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological units / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova // Rossijskaja akademija nauk. Institut rus. jaz. imeni V. V. Vinogradova. 4-e izd. Moskva: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 940 s.

18. Hadzieva A. A., Nalgieva A. A. Osobennosti tvorcestva Anny Ahmatovoj = Characteristics of Anna Akhmatova's work // Problemy sovremennoj nauki i obrazovanija. Ivanovo: Olimp, 2018. № 2. S. 35–37

19. Shherba L. V. O chastjah rechi v russkom jazyke = On parts of speech in the Russian language. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba1.htm> (data obrashhenija: 12.06.2020).

20. Jejhenbaum B. M. Anna Ahmatova. Opyt analiza = Anna Akhmatova. Experience of analysis. Peterburg: Nauchnaja biblioteka, 1923.

Теория языка

УДК 81-11

О. В. Лукин

<https://orcid.org/0000-0001-9101-9134>

«Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба: немецкая философская грамматика на российской почве

Для цитирования: Лукин О. В. «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба: немецкая философская грамматика на российской почве // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 112–120. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-112-120

Статья посвящена одной из известнейших философских грамматик, написанной в России немецким философом, экономистом и юристом профессором Л. Г. Якобом. В ней с позиций нарративной лингвисторигграфии анализируются обстоятельства жизни ученого на фоне истории Германии и России начала XIX века, особенности его научной карьеры и история появления, использования и уничтожения его главного и единственного лингвофилософского произведения «Начертаний всеобщей грамматики». Выходец из крестьянской семьи, он стал ректором университета в г. Галле. Однако наполеоновская оккупация заставила его покинуть родной город и начать педагогическую и научную деятельность в Харьковском университете. Спустя два года он переезжает в Санкт-Петербург и работает там в министерстве финансов. По прошествии неполных десяти лет в России он возвращается в родной университет. В нашей статье приводятся сведения о меняющейся политической и педагогической парадигме российского общества во времена правления Александра I, об их влиянии как на жизнь Л. Г. Якоба, так и на судьбу его философской грамматики. Автор статьи приводит многочисленные цитаты как из биографических изданий XIX и XX столетий, так и из известных трудов по истории языкознания, а также работ по отдельным отраслям лингвистики, которые подтверждают непреходящее значение вклада ученого в науку о языке, в том числе, российскую. Причины как появления, так и разгрома грамматики Л. Г. Якоба отражали меняющуюся конъюнктуру во внутренней политике и народном образовании Российской империи. Однако никакие обстоятельства ни в коей мере не умаляют значимости этой работы среди философских грамматик.

Ключевые слова: нарративная лингвисторигграфия, школьная грамматика, философская грамматика, Л. Г. Якоб (26.02.1759 – 22.07.1827), Россия, Германия, XIX век.

O. V. Lukin

«The Outline of Universal Grammar» by L. H. Jakob: German philosophical grammar in Russia

The article looks at one of the most famous philosophical grammars written in Russia by Professor L. H. Jakob, a German philosopher, economist and lawyer. The author of the article gives a detailed analysis of the scientist's life against the background of historical events in Germany and Russia at the beginning of the XIX century. The author also highlights the details of his scientific career, the history of creation, use and disappearance of his main and only linguistic philosophical work «The Outline of Universal Grammar», all the facts being studied from the perspective of narrative linguistic historiography. Born into a family of farmers, he becomes rector of the University in Halle. However, the Napoleon invasion of the country forces him to flee to Kharkov and start teaching and research activities at the University there. Two years later he moves to St-Petersburg and works in the Ministry of Finance. After less than ten years in Russia, he returns to his alma mater. This article refers to the facts of instability in political and educational life of Russian society during the reign of Alexander I, and highlights their negative impact on both L. H. Jakob's personal life and his philosophical grammar. The author of the article quotes extensively both from 19th- and 20th-century biographical publications and from well-known works on the history of linguistics. The author also refers to works from certain branches of linguistics, which acknowledge the scientist's contribution to linguistics in general and Russian linguistics in particular. The reasons for both the publication and the defeat of L. H. Jakob's grammar reflected the changing national political environment and the unstable situation in public education in the Russian Empire. Nevertheless, whatever the circumstances, they in no way diminish the significance of this work among other philosophical grammars.

Keywords: narrative linguistic historiography, school grammar, philosophical grammar, L. H. Jakob (26.02.1759 – 22.07.1827), Russia, Germany, XIX century.

Введение

История языкознания немыслима без детального жизнеописания людей, создававших свои труды и формулировавших в них идеи, ставшие нашим общим достоянием. Истории жизни ученых, зачастую почти неизвестных широкому кругу специалистов, их происхождение и круг общения, образование и научная специализация, место языкознания в их жизни, научной и педагогической деятельности, могут открыть новые перспективы для оценки их лингвистического творчества и их места в парадигме науки о языке своего времени, объяснить те особенности их научного творчества, которые порой не могут объяснить сами их работы и даже нередко лингвоисториографическая литература.

Как принято считать, историография лингвистики как научная дисциплина достигла своего расцвета в конце XX века и приобретает особую актуальность в начале века XXI-го (ср. [Маторина, 2018, с. 206–207]). Основным из положений нарративной лингвоисториографии, отличающих ее от традиционной истории лингвистики, мы считаем именно «... детальное исследование каждого факта жизни ученого, который связывается с определенными работами и с изменениями в его научных позициях, с определенными новациями и методологией его трудов» [Костева, 2018, с. 143–144].

Современная нарративная лингвоисториография ставит перед исследователями кардинально новые задачи: «... создания непредвзятой, универсальной истории лингвистики с включением множества аспектов и дискурсов, с привлечением частных методик нарративного описания (воссоздания личностного портрета ученого, его аналитического аппарата, его научной библиотеки, хронологического анализа полного корпуса его трудов, привлечения узкого и широкого научного контекста, интервьюирования и анкетирования, если они возможны, работы с архивными документами и пр.)» [Радченко, 2018, с. 38].

Наша статья посвящена немецкому ученому весьма широкой специализации, известному, прежде всего, как экономист, философ и правовед. Его судьба представляет собой интереснейший и парадоксальнейший пример того, как меняются своими местами везение и невезение, как человек может оказаться в водовороте самых разнообразных событий, повлиявших на его

научное, в том числе, и лингвистическое творчество. Но именно наука осталась тем стержнем, который определял всю его жизнь. Его единственное сравнительно небольшое произведение по всеобщей грамматике, обстоятельства появления, «продвижения» и уничтожения которого посвящена эта наша статья, обессмертило его имя в отечественной науке о языке.

Родившийся в небогатой крестьянской семье в Пруссии, он получил дворянство и приставку «фон» к своей фамилии в Российской империи. Достигнув к сорока с небольшим годам вершин академической карьеры и став ректором одного из известнейших и старейших немецких университетов, он был вынужден покинуть свою *alma mater*, закрытую оккупационными Наполеоновскими войсками и уехать преподавать в недавно открытый Харьковский университет. Проведя там около двух лет и достигнув преподавательского, научного и административного признания, ученый не нашел возможным жить и работать там и уехал в столицу Российской империи. Спустя несколько лет работы на высоких должностях в министерстве финансов под руководством самого графа М. М. Сперанского (1(12).01.1772 – 11(23).02.1839) наш герой вынужден был вновь оставить службу в нашей стране и возвратиться в родной университет. Его учебник всеобщей грамматики, получивший в России сначала самую благосклонную критику, спустя девять лет был объявлен бесплодным и праздномысленным сочинением. Его имя обессмертил, пусть и не без некоторой иронии, великий немецкий поэт Ф. Шиллер (нем. Johann Christoph Friedrich von Schiller, 10.11.1759 – 9.05.1805).

Методы исследования

При работе над статьей нами был использован метод нарративной лингвоисториографии, включающий в себя:

1. изучение и анализ биографической литературы;
2. изучение и анализ лингвоисториографической литературы;
3. концептуальный анализ различных точек зрения на «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба.

Результаты исследования

1. Страницы биографии Л. Г. Якоба

Ректор университета города Галле, профессор

философии Харьковского университета, член-корреспондент Императорской Академии наук, статский советник в министерстве финансов и кавалер двух орденов Российской империи Людвиг Кондратьевич Якоб (он же Людвиг Генрих фон Якоб, нем. Ludwig Heinrich von Jakob, 26.02.1759 – 22.07.1827), получивший дворянство Российской империи в 1816 году, родился в семье крестьянина И. К. Якоби (нем. Johannes Konrad Jacobi (1733–1800)) в деревне Веттин близ Мерзебурга (биографические данные мы приводим по: [Багaley, 1893-1898; Багaley, 1904; Багaley, 1906; Кульман, 1917; Половцов, 1913; Посохов, 2014; Якоб, 2016; Jakob, 2011; Prantl, 1881; Vopelius, 1974]).

Начальное образование будущий профессор получил в соборной школе в Мерзебурге, с 1773 года обучался в гимназии г. Галле, а в 1777 году стал студентом местного университета и изучал философию, филологию, теологию, историю, математику и педагогику. После пожара, от которого пострадало крестьянское хозяйство его родителей, студент вынужден был зарабатывать себе на жизнь частными уроками. Однако Л. Г. Якоб успешно завершил свое образование и в 1781 году получил место учителя гимназии в Галле. В 1785 году молодой учитель защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философии «*De allegoria Homerica*» и начал чтение лекций по философии и филологии в университете. Успехи в преподавательской и научной деятельности привели молодого ученого к должности экстраординарного (8.03.1787 г.), а впоследствии – ординарного профессора филологии (1791 г.) Галльского университета.

Л. Г. Якоб, известный как поклонник философии И. Канта, преподавал логику, метафизику, естественное право, историю философии, писал учебники, переводил и комментировал работы на английском и французском языках. Среди авторов, с которыми он знакомил ученый мир Германии – философ, экономист, историк и публицист, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения Д. Юм (англ. David Hume, 26.04.(7.05.)1711 – 25.08.1776), французский экономист, представитель классической школы политэкономии Ж.-Батист Сэй (фр. Jean-Baptiste Say, 5.01. 1767 – 15.11.1832), британский философ, социолог, экономист и политический деятель Дж. Милль (англ. John Stuart Mill, 20.05.1806 – 8.05.1873).

В области политической экономии Л. Г. Якоб стал первым проводником идей основоположни-

ка экономической теории А. Смита (англ. Adam Smith, род. незадолго до 5.(16.)06.1723 – 17.07.1790) на немецкой земле. В 1805 году он опубликовал работу «Принципы национальной экономики или теория национального богатства» (нем. «*Grundsätze der National-Oekonomie oder Theorie des National-Reichthums*»), выдержавшую три издания.

Успешным был ученый и на административном поприще: с 1801 по 1804 гг. он занимал должность ректора университета. Эта его деятельность в немалой степени способствовала увеличению финансовых поступлений в университет со стороны короля Пруссии Фридриха Вильгельма III (нем. Friedrich Wilhelm III., 3.08.1770 – 7.06.1840).

После того как в 1806 году университет Галле был закрыт Наполеоном, 1 марта 1807 года Л. Г. Якоб поступил на службу Российской империи в качестве профессора политической экономии и дипломатии основанного в январе 1805 года Харьковского университета. На этом поприще он зарекомендовал себя и как авторитетный ученый и преподаватель (в том числе, в 1809–1810 гг. и немецкой словесности), и как не менее талантливый организатор университетской жизни. Он был членом училищного комитета, инспектором казеннокоштных студентов, предложил допускать на медицинский факультет университета детей лиц податного сословия. Не случайно Л. Г. Якоба впоследствии избрали почетным членом Харьковского университета, ср.: «Из 29 профессоров-иностранцев немцев было 18. Наиболее выдающимися деятелями среди них бесспорно были Шад, Якоб, Роммель, Гут и Пильгер. Все они с честью занимали уже профессорские кафедры в германских университетах, а Якоб был даже ректором Гальского университета. Все они заявили себя целым рядом ученых трудов. Якоб издал в течение 20 лет 35 сочинений и особенно прославился своими учебниками, которые были приняты не только во всех немецких университетах, а и за границей Германии» [Багaley, 1893–1898, с. 538]. Его торжественная речь «О влиянии университетов на культуру и благосостояние народа» (нем. «*Ueber den Einfluss der Universitäten auf die Cultur und den Wohlstand eines Volkes*») содержала много мыслей, перекликавшихся с идеями немецких неогуманистов: «С большой долей вероятности эту речь можно отнести к первым проявлениям неогуманизма на российской почве» [Посохов, 2014, с. 219].

Именно в Харьковский период профессор

Л. Г. Якоб по поручению Главного правления училищ подготовил учебник философии для гимназий Российской империи, состоящий из восьми частей. Этот труд был переведен на русский язык и получил широкое распространение в России, за что его автору был пожалован орден Святого Владимира. Попечитель университета граф С. О. Потоцкий (1762 – 1829) оставил такие строки об этом труде Л. Г. Якоба: «... две рукописи, сочиненные профессором Якобом, из коих одна содержит в себе всеобщую грамматику для учащихся, а другая примечания для учителей, по его (математика академика Н. И. Фусса (30.01.1755 – 4.(16.)01.1826) – О. Л.) мнению, заслуживают быть от правления приняты столь же благосклонно, как и начала логики того же сочинителя. Он находит всеобщую грамматику основательною и порядочно расположенною, ясною и соответствующею нуждам на них гимназий и плану учения, начертанному для сих заведений» [Багaley, 1893–1898, с. 665]. Весьма небезынтересна, впрочем, вся история появления, «продвижения» и уничтожения «Курса философии для гимназий Российской империи», детально описанная Н. К. Кульманом (см. [Кульман, 1917, с. 95–105]).

Однако условия жизни и работы в Харькове не понравились ученому по многим причинам. Виной тому не были не только интриги и раздоры в академическом сообществе университета, нездоровый харьковский климат и антисанитарное состояние самого города. Как пишет историк Харьковского университета Д. И. Багaley (26.10.(7.11.)1857 – 9.02.1932), иностранные профессора стали покидать университет вследствие растущего недовольства населения перед лицом Наполеоновского нашествия, с другой стороны, они почувствовали «... опасность в лице Магницких, Руничей и других гонителей европейской науки ... к этому времени оставили уже университет все более выдающиеся иностранные профессора: Гут, Гизе, Швейкарт, Дегуров, Шад, Стойкович, Роммель, Якоб, Белен де Баллю, и это, конечно, отразилось крайне неблагоприятно на университете...» [Багaley, 1904, с. 52]. (Впрочем, до событий, связанных с «деятельностью» М. Л. Магницкого (23.04.(4.05.)1778 – 21.10.(2,11.)1844) и Д. П. Рунича (19.(30.)12.1778 – 1.(13.)06.1860) оставалось не меньше десяти лет, когда наш герой уже возвратился на родину.)

Работа Л. Г. Якоба 1809 года «О российских бумажных деньгах и средствах сохранить их

стоимость неизменной» (нем. «*Ueber Rußlands Papiergeld und die Mittel dasselbe bey einem unveränderlichen Werthe zu erhalten*») привлекла внимание императора Александра I (12.(23.)12.1777 – 19.11.(1.12.)1825). В январе 1810 г. Л. Г. Якоб за нее был награжден орденом Святой Анны II степени и стал работать под началом государственного секретаря графа М. М. Сперанского в министерстве финансов в статусе коллежского советника (1811 г.), а с 1816 года – статского советника.

Однако отставка впавшего в немилость М. М. Сперанского завершила чиновничью карьеру Л. Г. Якоба в Санкт-Петербурге, и он в 1816 году вернулся в Галле и продолжал вплоть до своей смерти деятельность в качестве профессора кафедры государственных наук.

Ученый необычайно широких интересов, крупный специалист в области философии, экономики и юриспруденции опубликовал за свою жизнь множество книг по этим дисциплинам. Труды на русском языке выходили, разумеется, в период его пребывания в России с 1807 по 1816 годы. Однако именно эти труды сделали его известным в нашей стране до такой степени, что его даже называют русским ученым (ср., например, [Нехаева, 2014, с. 14]).

2. «Начертания всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба: история, критика, контекст

Самой известной его работой на русском языке стал, разумеется, «Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Гейнрихом Якобом, Коллежским Советником и Кавалером» – сборник, состоящий из восьми сравнительно небольших по объему самостоятельных учебников: 1. всеобщая логика, 2. начертание всеобщей грамматики, 3. психология, 4. начертание нравственной философии, 5. начертание эстетики, 6. риторика, 7. естественное народное право и 8. политическая экономия.

Вторая часть этого сборника «Начертание всеобщей грамматики» вошла в историю отечественного языкознания как одна из наиболее значимых философских грамматик XIX столетия. Не случайно С. В. Смирнов (1929 – 3.09.2002) называет Л. Г. Якоба среди таких составителей русских философских грамматик как Н. И. Язвизкий (9.05.1782 – ?), И. Орнатовский (1783 или 1784 – ?), И. Ф. Тимковский (15(26).07.1773 – 15(27).02.1853), Н. И. Греч (3(14).08.1787 – 12(24).01.1867), И. И. Давыдов (15(26).06.1794 – 15(27).11.1863), целью которых

было «... выяснение принципов построения языка на основе универсальных логических категорий» [Смирнов, 1971, с. 9].

Следует, впрочем, заметить, что исследователи связывают широчайшее распространение философских грамматик в России в начале XIX века с реформами в народном образовании, проводимыми императором Александром I, в связи с чем с 1804 года философская грамматика стала обязательным предметом для изучения в гимназиях наряду с такими предметами как логика, психология и нравоведение. Этой реформе и обязаны своим появлением такие работы как «Всеобщая философическая грамматика» Н. И. Язвицкого (1810), «Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных» И. Орнатовского (1810), «Опытный способ к философическому познанию русского языка» И. Ф. Тимковского (1811) и «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба (1812) (ср. [Брандер, 2000, с. 149]).

Парадоксальным для современного читателя может показаться самый факт того, что ученый, не занимавшийся прежде лингвистической проблематикой, стал известнейшим автором авторитетной философской грамматики. Этот парадокс можно объяснить, пожалуй, тем обстоятельством, что в самом начале XIX столетия лингвистика как науки еще не существовало, а философское обоснование всеобщей грамматики вполне соответствовало специализации ее автора. Нельзя также сбрасывать со счетов и широчайшую научную специализацию и эрудированность ученых того времени, немислимую сейчас.

Работа Л. Г. Якоба получила весьма высокую, хотя и не всегда однозначную оценку как современников, так и исследователей XX и XXI веков. Один из самых замечательных лингвистикографов России С. К. Булич (27.08.(8.09.)1859 – 15.04.1921) отмечал, что она «... несомненно превосходит все современные ей аналогичные руководства, изданные в России, богатством и серьезностью содержания, проникнутого настоящим философским духом, изложенного ясно и систематично, и в то же время без лишнего многословия и надоедливости педантизма» [Булич, 1904, с. 564–565].

Академик В. В. Виноградов (31.12.1894(12.01.1895) – 4.10.1969) считал ее «... одним из самых замечательных трудов того времени, связанных с идеей всеобщей грамматики» [Виноградов, 1958, с. 129]. К достоинствам учебника грамматики Л. Г. Якоба, несомненно,

относится и то, что она «... представляет собой одно из наиболее кратких и систематичных изложений основ универсальной философской грамматики, традиции которой восходит к грамматике Пор-Рояля» [Гринев-Гриневиц, 2012, с. 70].

Кроме того, исследователи обращают внимание на «... близость формулировок Якоба некоторым положениям лингвистики XX в. – и достаточно последовательное разграничение языка и речи, и определение языка как системы знаков», замечая, впрочем, что «эти формулировки, однако, не являются открытиями Якоба. В них отражается взгляд на язык, характерный для всей традиции философской грамматики» [Гринев-Гриневиц, 2012, с. 70–71].

Ф. М. Березин (10.05.1930 – 2.05.2003) называет эту книгу «... одним из самых замечательных трудов по языкознанию, вышедших в России в начале XIX в.», особо отмечая, что «... впервые в русском языкознании Якоб пытается объяснить понятие языка через понятие знака вообще и определить его роль в умственной жизни человека. Он называет языком „каждую систему таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей“. Это определение языка удивительно похоже на определение, данное почти столетие спустя Ф. де Соссюром» [Березин, 1984, с. 33].

Вполне закономерно грамматику Л. Г. Якоба как работу, где находит свое отражение теория знака, не случайно ставят в один ряд с работами и великих немецких философов И. Канта (нем. Immanuel Kant, 22.04.1724 – 12.02.1804) и Г. В. Ф. Гегеля (нем. Georg Wilhelm Friedrich Hegel, 27.08.1770 – 14.11.1831), и таких знаменитых лингвофилософов как В. фон Гумбольдт (нем. Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt, 22.06.1767 – 8.04.1835) и А. А. Потебня (10.(22.)09.1835 – 29.11.(11.12.)1891), ср.: «В конце XVIII – начале XIX в. проблема знаков находит отражение в работах немецких философов, в первую очередь Канта и Гегеля, а также языковедов Якоба, Гумбольдта и Потебни» [Гринев-Гриневиц, 2012, с. 61].

Современный польский исследователь М. Душкин уделяет в своей особое внимание книге вопросам теории частей речи у Л. Г. Якоба. При этом он подчеркивает, что в этом смысле «... различия между „национальной“ и „универсальной“ школами XVIII–XIX вв. оказываются не настолько велики, как можно было бы предполагать с учетом различий в принятых методо-

логических установках и целях. Следует обратить внимание на то, что, по большому счету, в работах того времени чисто лингвистические критерии при разделении лексики на части речи используются довольно редко, по крайней мере в случае знаменательных частей речи. Обычно критерии – смысловые, а вернее – в той или иной мере „философские”. В этом отношении „универсалистская” и национальная „ломаносовская” концепции демонстрируют большое сходство» [Душкин, 2018, с. 192].

Ряд исследователей отмечают и отдельные недостатки этого учебника. Так, С. В. Смирнов указывает, например, на «... непоследовательность и запутанность терминологии, сложность и иногда даже непонятность изложения, полное отсутствие фактического материала» [Смирнов, 1971, с. 45], полностью повторяя аналогичное мнение Н. К. Кульмана, ср.: «Легко представить себе, с каким трудом усваивали ученики этот отвлеченный материал. Можно даже сомневаться, усваивали ли: слишком далеки от живого языка были построения философской грамматики, слишком сухо было изложение. Если прибавить к этому, что в учебнике Якоба не было решительно никаких примеров, то станет ясным, почему новый учебный предмет вызвал скоро нападки и потерпел крушение. Этому способствовали, как увидим ниже, и некоторые политические обстоятельства» [Кульман, 1917, с. 83].

Другое замечание С. В. Смирнова, будто «... грамматика Якоба действительно носила всеобщий характер, отражала такие черты грамматического строя, которые характерны по крайней мере для многих языков» [Смирнов, 1971, с. 45–46], может быть, на наш взгляд, объяснено именно отсутствием противопоставления философской универсальной грамматики как грамматики всех языков и грамматики русского языка как грамматики одного из них.

Нельзя не отметить, какую злую шутку сыграла с Л. Г. Якобом сама политическая и педагогическая конъюнктура в Российской империи. Если в 1809 году Главное управление училищ нашло в рукописи массу достоинств, таких как основательность, порядок, ясность, краткость и сообразность с планом учения и со временем, определенным для этого предмета в гимназиях, то спустя всего девять лет эту грамматику называли «... не иным чем, как обезображенным умозрением давно известных грамматик и вообще сочинением праздноумственным и бесплод-

ным...» (цит. по [Кульман, 1917, с. 90]). Сам Н. К. Кульман (18.11.(1.12.)1871 – 17.10.1940) объясняет уничтожение всеобщей грамматики «... не только педагогическими соображениями, но и теми реакционными течениями, которые в это время заметно стали обнаруживаться в различных областях русской жизни» [Кульман, 1917, с. 91].

Весьма симптоматично, что свою роковую роль в «критике» грамматики Л. Г. Якоба сыграл А. С. Стурдза (18.11.1791 – 13.(25.)06.1854), двадцатилетний камер-юнкер, которого в начале 1818 года министр народного просвещения Российской империи князь А. Н. Голицын (8.(19.)12.1773 – 22.11.(4.12.)1844) назначил на должность члена ученого комитета, в обязанности которого входила цензура учебных изданий. Этот юный цензор писал: «Сие беспристрастное суждение побуждает нас ознаменовать сию 2-ую часть курса философии г. Якоба как книгу не токмо бесполезную, но даже вредную, потому что она ввергает ум в хаос и что употребление оной служило бы законным поводом к похищению златаго времени у юношества, которое может с успехом посвятить оное другим наукам» (цит. по [Кульман, 1917, с. 103]).

Это высказывание молодого чиновника, как ни парадоксально, нисколько не умаляет достоинств грамматики Л. Г. Якоба, а, напротив, свидетельствует лишь о том, насколько неоправданным было ее использование в качестве школьного учебника и насколько неадекватными были некоторые деятели министерства народного просвещения, ср.: «Разумеется, в качестве гимназического учебника, вдобавок в руках тогдашнего плохого и невежественного учителя, книжка Якоба была совсем не на своем месте, не могла принести и, конечно, не принесла никаких благих результатов, будучи слишком серьезной и глубокомысленной для еще не окрепшего детского ума» [Булич, 1904, с. 565]. И в этом смысле нельзя не вспомнить о том, как несколько десятилетий позже немецкие педагоги не рекомендовали «Немецкую грамматику» Я. Гримма для использования в школах (ср. [Лукин, 2018, с. 53; Лукин, 2020, с. 124–125]).

Заключение

Пожалуй, излишне говорить о том, что сам Л. Г. Якоб, сделавшим ставку своим учебником на политическую и педагогическую конъюнктуру раннего правления Александра I, сам впоследствии пал ее жертвой. Не злой волей учено-

го, недостатками его образования или методологическими огрехами объясняется факт крушения философской грамматики в гимназиях Российской империи после 1818 года, а именно поспешностью и необдуманностью введения ее по воле императора именно как учебного предмета в гимназиях. Книга, написанная как школьный учебник, несомненно, переросла этот жанр и осталась в истории отечественного языкознания как выдающийся лингвофилософский труд, поставивший и предвосхитивший многие вопросы, над которыми будут работать языковеды последующих десятилетий.

Ну а в 1814 году в Германии была издана расширенная немецкоязычная версия этого произведения (см. [Jakob, 1814]), судьба которой не была столь трагична...

Библиографический список

1. Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 2-й (1802–1815 г.). Издание иллюстрировано портретами выдающихся деятелей. Харьков: Паровая типография и литография Зильберберг, 1893–1898. IV, 1204 с.
2. Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам XIX века) с приложением портретов и планов. Т. 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберберг и С-вья, 1904. IV, 1136 с.
3. Багалей Д. И. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Багалей Дмитрий Иванович, Сумцов Николай Федорович, Бузескул Владислав Петрович. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1906. XIV, 329 с.
4. Березин Ф. М. История лингвистических учений. Москва: Высшая школа, 1984. 319 с.
5. Брандер А. Всеобщие, философские грамматики в России // Sbornik praci filozofické fakulty brněnské univerzity. A 48, 2000. С. 148–154.
6. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России: Т. 1: (XIII в. – 1825 г.): с приложением, вместо вступления, «Введения в изучение языка» Б. Дельбрюка. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1904. [2], XI, [3], 1248 с.
7. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). Москва: Издательство Московского университета, 1958. 405 с.
8. Гринев-Гриневиц С. В. Основы семиотики: учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина. Москва: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
9. Душкин М. Лингвистическая идея числительного в русских грамматиках VIII–XIX веков. Prace Slawistyczne. Slavica [Monographs in Slavic Studies. Slavica]. 143. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk 2018. 296 с.
10. Костева В. М. Нарративный метод в лингвосториографии и особенности его использования для исследования научного интрадискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Выпуск 14 (809). 2018. С. 143–151.
11. Кульман Н. К. Из истории русской грамматики. Петроград: Сенатская типография, 1917. [2], 105 с.
12. Лукин О. В. «Немецкая грамматика» Якоба Гримма и школьные грамматики немецкого языка в Германии XIX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 121–127.
13. Лукин О. В. Немецкие грамматисты в парадигме лингвофилософии и лингводидактики Германии XIX столетия // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 49–56.
14. Маторина Н. Вопросы историографии языкознания на занятиях лингвистического цикла в педагогическом вузе икова // Теоретичні й прикладні проблеми сучасної філології. 2018. Вип. 6. С. 205–218.
15. Нехаева О. Г. Языковые знаки «первичной» и «вторичной» иконичности в процессе их семантического развития. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. 235 с.
16. Половцов А. А. Якоб, Людвиг Кондратьевич // Половцов А. А. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 25: Яблоновский–Фомин. Санкт-Петербург: Императорское Русское историческое общество, 1913. С. 63–64.
17. Посохов С. И. Воспоминания о Харьковском университете профессора Людвиг Якоба // Харківський історіографічний збірник, 2014, вип. 13. С. 218–259.
18. Радченко О. А. Горизонты нарративной лингвосториографии в новом столетии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Выпуск 9 (801). 2018. С. 25–39.
19. Смирнов С. В. Ф. И. Буслаев и русское языкознание первой половины XIX века // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Выпуск 279. XX. Серия лингвистическая. Из истории языкознания. Тарту: Тартуский государственный университет, 1971. С. 4–202.
20. Якоб Л. Г. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Гейнрихом Якобом, коллежским советником и кавалером, изданный от Главного правления училищ. Ч. 2. Начертание всеобщей грамматики. Санкт-Петербург: печатано при Императорской Академии наук, 1812. VIII, 104 с.
21. Якоб Л. Г. Спогади про моє життя (упор., комент. С. О. Синюрка; пер. з нім. О. М. Белозорової). Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2016. 299 с.
22. Jakob L. H. von: Ausführliche Erklärung des Grundrisses der Allgemeinen Grammatik von Ludwig Heinrich Jakob, der Philosophie und beyder Rechte Doctor, russisch-kaiserlichem Collegienrathe, Ritter des St. Annenordens zweyter Classe, Chef der Criminalsection in der Gesetzcommission, Mitglied der Canzley des Fi-

nanzministeriums zu St. Petersburg, Correspondent der russisch-kaiserlichen Academie der Wissenschaften und Ehrenmitglied der Universität Charkow. Leipzig: in der Hartmann'schen Buchhandlung, 1814. 210 S.

23. Jakob, Ludwig Heinrich von: Denkwürdigkeiten aus meinem Leben / Hrsg. von Hans-Joachim Kertscher in Zsarb. mit Michael Mehlow. Halle an der Saale: Univ.-Verl. Halle-Wittenberg, 2011. 331 S. (Perspektiven der Aufklärung; Bd. 2).

24. Prantl C. von: Jakob, Ludwig Heinrich von // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB), hrsg. von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 17. Leipzig: Duncker & Humblot, 1881, S. 689–690.

25. Vopelius M.-E. Jakob, Ludwig Heinrich von // Neue Deutsche Biographie. Bd. 10. Berlin: Duncker & Humblot, 1974, S. 216–217.

Reference List

1. Bagalej D. I. Opyt istorii Har'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam). T. 2-j (1802–1815 g.). Izdanie illjustrirvano portretami vydajushhihsja dejatelej = Historical experience of Kharkov University (based on unpublished materials). Vol. 2 (1802-1815). Illustrated with portraits of prominent figures. Har'kov : Parovaja tipografija i litografija Zil'berberg, 1893–1898. IV, 1204 c.

2. Bagalej D. I. Opyt istorii Har'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam XIX veka) s prilozheniem portretov i planov. T. 2 (s 1815 po 1835 god) = Historical experience of Kharkov University (unpublished materials of the 19th century), with portraits and plans attached. Vol. 2 (from 1815 to 1835). Har'kov : Parovaja tipografija i litografija M. Zil'berberg i S-v'ja, 1904. IV, 1136 c.

3. Bagalej D. I. Kratkiy ocherk istorii Har'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushhestvovaniya (1805–1905) = A brief history of Kharkov University in its first hundred years of existence (1805-1905) / Bagalej Dmitrij Ivanovich, Sumcov Nikolaj Fedorovich, Buzeskul Vladislav Petrovich. Har'kov : Tipografija Adol'fa Darre, 1906. XIV, 329 s.

4. Berezin F. M. Istorija lingvisticheskikh uchenij = History of linguistic theories. Moskva : Vysshaja shkola, 1984. 319 c.

5. Brander A. Vseobshhie, filosofskie grammatiki v Rossii = General philosophical grammars in Russia // Sbornik praci filozofické fakulty brněnské univerzity. A 48, 2000. C. 148–154.

6. Bulich S. K. Ocherk istorii jazykoznanija v Rossii: T. 1: (XIII v. – 1825 g.): s prilozheniem, vmesto vstuplenija, «Vvedeniya v izuchenie jazyka» B. Del'brjuka = An Essay on the History of Linguistics in Russia: Vol. 1: (13th century – 1825): with an Appendix, instead of an introduction, B. Delbrück's Introduction to the Study of Language. Sankt-Peterburg: Tipografija M. Merkusheva, 1904. [2], XI, [3], 1248 s.

7. Vinogradov V. V. Iz istorii izuchenija russkogo sintaksisa (ot Lomonosova do Potebny i Fortunatova) = From the history of Russian syntax studies (from Lomonosov to

Potebny and Fortunatov). Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958. 405s.

8. Grinev-Grinevich C. B. Osnovy semiotiki = Basic semiotics : uchebnoe posobie / S. V. Grinev-Grinevich, Je. A. Sorokina. Moskva : Flinta : Nauka, 2012. 256 s.

9. Dushkin M. Lingvisticheskaja ideja chislitel'nogo v russkikh grammatikah VIII–XIX vekov = The linguistic idea of the numeral in Russian grammars of the VIII-XIX centuries. Prace Slawistyczne. Slavica [Monographs in Slavic Studies. Slavica]. 143. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk 2018. 296 s.

10. Kosteva V. M. Narrativnyj metod v lingvoistoriografii i osobennosti ego ispol'zovaniya dlja issledovaniya nauchnogo intradiskursa = Narrative method in linguistic historiography and the particularities of its use for studying scientific intradiscourse // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Vypusk 14 (809). 2018. S. 143–151.

11. Kul'man N. K. Iz istorii russkoj grammatiki = From the history of Russian grammar. Petrograd: Senatskaja tipografija, 1917. [2], 105 s.

12. Lukin O. V. «Nemeckaja grammatika» Jakoba Grimma i shkol'nye grammatiki nemeckogo jazyka v Germanii XIX veka = Jakob Grimm's German Grammar and school grammars in the 19th-century Germany // Verhnevolskiy filologicheskij vestnik. 2020. № 4 (23). S. 121–127.

13. Lukin O. V. Nemeckie grammatisty v paradigme lingvofilosofii i lingvodidaktiki Germanii XIX stoletija = German grammarians in the paradigm of XIX century German linguophilosophy and linguodidactics // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 5. S. 49–56.

14. Matorina N. Voprosy istoriografii jazykoznanija na zanjatijah lingvisticheskogo cikla v pedagogicheskom vuze ikova = Historiography of Linguistics in the Linguistic Cycle at the Teacher Training University // Teoretichnij prikladni problemi suchasnoj filologii. 2018. Vip. 6. S. 205–218.

15. Nehaeva O. G. Jazykovye znaki «pervichnoj» i «vtorichnoj» ikonichnosti v processe ih semanticheskogo razvitiya = Linguistic signs of «primary» and «secondary» iconicity in the process of their semantic development. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2014. 235 s.

16. Polovcov A. A. Jakob, Ljudvig Kondrat'evich = Jakob, Ludwig Kondratyevich // Polovcov A. A. Russkij biograficheskij slovar' / Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva A. A. Polovcova. T. 25: Jablonovskij–Fomin. Sankt-Peterburg: Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshhestvo, 1913. S. 63–64.

17. Posohov S. I. Vospominaniya o Har'kovskom universitete professora Ljudviga Jakoba = Memories of Kharkov University by Professor Ludwig Jakob // Harkivski istoriografichniy zbirnik, 2014, vip. 13. C. 218–259.

18. Radchenko O. A. Gorizonty narrativnoj lingvoistoriografii v novom stoletii = Horizons of narrative linguistic historiography in the new century // Vestnik

MGLU. Gumanitarnye nauki. Vypusk 9 (801). 2018. S. 25–39.

19. Smirnov S. V. F. I. Buslaev i russkoe jazykoznanie pervoj poloviny XIX veka = F. I. Buslaev and Russian linguistics in the first half of the 19th century // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Vypusk 279. HH. Serija lingvisticheskaia. Iz istorii jazykoznanija. Tartu: Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1971. S. 4–202.

20. Jakob L. G. Kurs filosofii dlja gimnazij Rossijskoj imperii, sochinennyj doktorom Ludvigom Gejnrihom Jakobom, kollezhskim sovetnikom i kavalerom, izdannij ot Glavnogo pravlenija uchilishh. Ch. 2. Nachertanie vseobshhej grammatiki = A Course of Philosophy for Gymnasiums of the Russian Empire, compiled by Dr. Ludwig Heinrich Jakob, Collegiate Councillor and Knight, published by the Main Board of Grammar Schools. Part 2: An Outline of General Grammar. Sankt-Peterburg: pechatano pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1812. VIII, 104 s.

21. Jakob L. G. Spogadi pro moe zhittja (upor., komment. S. O. Sinjurka; per. z nim. O. M. Beloz'orovoï). Harkiv : HNU im. V. N. Karazina, 2016. 299 s

22. Jakob L. H. von: Ausführliche Erklärung des Grundrisses der Allgemeinen Grammatik von Ludwig Heinrich Jakob, der Philosophie und beyder Rechte Doctor, russisch-kaiserlichem Collegienrathe, Ritter des St. Annenordens zweyter Classe, Chef der Criminalsection in der Gesetzcommission, Mitglied der Canzley des Finanzministeriums zu St. Petersburg, Correspondent der russisch-kaiserlichen Academie der Wissenschaften und Ehrenmitglied der Universität Charkow. Leipzig: in der Hartmann'schen Buchhandlung, 1814. 210 S.

23. Jakob, Ludwig Heinrich von: Denkwürdigkeiten aus meinem Leben / Hrsg. von Hans-Joachim Kertscher in Zsarb. mit Michael Mehlow. Halle an der Saale: Univ.-Verl. Halle-Wittenberg, 2011. 331 S. (Perspektiven der Aufklärung; Bd. 2).

24. Prantl C. von: Jakob, Ludwig Heinrich von // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB), hrsg. von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 17. Leipzig: Duncker & Humblot, 1881, S. 689–690.

25. Vopelius M.-E. Jakob, Ludwig Heinrich von // Neue Deutsche Biographie. Bd. 10. Berlin: Duncker & Humblot, 1974, S. 216–217.

УДК 81.119

Исаева М. Г.

<https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>

**Кодовые переключения на сицилийский диалект
в романе Дж. Куликкья «*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*»**

Для цитирования: Исаева М. Г. Кодовые переключения на сицилийский диалект в романе Дж. Куликкья «*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 121–127. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-121-127

Целью данной статьи является определение прагматических функций кодовых переключений на сицилийский диалект итальянского языка в автобиографическом произведении современного итальянского писателя Дж. Куликкья. Кодовые переключения, изучаемые контактной лингвистикой, – это единицы различных уровней гостевого языка в высказывании на матричном языке. Для анализа материала используется классификация прагматических функций, разработанная И. Ю. Мишинцевой и Г. Н. Чиршевой для исследования кодовых переключений в художественных произведениях. Иноязычные единицы в произведении Дж. Куликкья выполняют две группы функций: функции, характерные для художественного произведения (создание в художественном пространстве произведения эффекта коммуникации на гостевом языке) и для живой речи (предметно-тематическая, металингвистическая, цитатная и эмоциональная функции). Предметно-тематическая функция переключений служит для передачи реалий сицилийской культуры, а также прямой речи сицилийских родственников автора. Металингвистическая функция анализируемых кодовых переключений включает знакомство автором читателей с произносительными и лексическими особенностями сицилийского диалекта. Цитатная функция выражается в цитировании автором сицилийских пословиц и поговорок. Эмоциональная функция заключается в передаче эмоций и чувств автора по отношению к Сицилии и сицилийским родственникам. Таким образом, прагматические функции указывают на анализируемые кодовые переключения как источник субъективной и объективной информации в произведении. Кодовые переключения на сицилийский диалект обладают в романе графической особенностью: в оформлении всех иноязычных единиц используется курсив как графическое стилистическое средство (для логического обособления слов сицилийского диалекта от итальянской лексики, передачи эмоций, обособления авторской речи на итальянском от чужой на сицилийском).

Ключевые слова: кодовое переключение, гостевой язык, матричный язык, прагматическая функция, итальянский язык, сицилийский диалект.

M. G. Isaeva

Code switches to the sicilian dialect in G. Culicchia's novel «*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*»

The aim of this article is to identify the pragmatic functions of code-switching to the Sicilian dialect of the Italian language in the autobiography of the contemporary Italian writer G. Culicchia. Code switches studied by contact linguistics are the embedded language units of different levels in the matrix language utterance. The author uses I. Y. Mishintseva and G. N. Chirsheva's classification of pragmatic functions for studying code switches in literary works.

The foreign language units in G. Culicchia's work perform two groups of functions: functions characteristic of fiction (creating the effect of communication in the Embedded Language in the literary work) and those characteristic of spoken language (topic-related, metalinguistic, citing and emotional functions). The topic-related function of code-switches is used to convey Sicilian culture realities as well as the direct speech of the author's Sicilian relatives. The metalinguistic function of the code-switches under analysis involves introducing the reader to pronunciation and lexical features of the Sicilian dialect. The citing function means the author's citing of Sicilian proverbs and sayings. The emotional function consists in expressing the author's emotions and feelings towards Sicily and Sicilian relatives. Thus, the pragmatic functions show that the code-switches under analysis are the source of subjective and objective information in the novel. The Sicilian code-switches have a graphic feature in the novel: all of them are printed in italics. The italic type as a graphic stylistic device is used to logically separate Sicilian words from Italian lexis, to convey emotions, to separate the author's Italian speech from the other characters' Sicilian dialect.

Keywords: code-switch, the embedded language, the matrix language, pragmatic function, the Italian language, Sicilian dialect.

© Исаева М. Г., 2021

Введение

В современной лингвистике одной из сфер изучения кодовых переключений является художественное произведение. **Кодовые переключения** – это единицы различных уровней гостевого языка (морфема, слово, словосочетание, предложение, группа предложений) в высказывании на матричном языке. Кодовые переключения всегда выполняют в высказывании прагматические функции [Исаева, Моисеенко, 2018, с. 195]. Матричный язык – принимающий язык – источник морфосинтаксической структуры высказывания; гостевой язык – источник иноязычных единиц в тексте [Myers-Scotton, 2017, с. 340]. Кодовые переключения – один из основных предметов исследования контактной лингвистики, отдельной лингвистической дисциплины с 2002 года [Myers-Scotton, 2002]. В настоящее время контактная лингвистика анализирует многообразные аспекты кодового переключения, функционирующего в живой и письменной речи, а именно: структурный с применением компьютерных методов исследования [Bullock, Guzman, 2018], стилистический [Ibhawegbele, Edokpayi, 2012], функциональный (прагматический) [Auer, 2020], психолингвистический [Wei, 2020], социолингвистический [Muysken, 2019], креативный [Kharhourin, Wei, 2015] и эколингвистический [Исаева, Моисеенко, 2019]. Современные исследования кодовых переключений письменных источниках осуществляются на таком материале, как печатные СМИ (газеты и журналы) [Febiyaska, Ardi, 2019; Исаева, Моисеенко, 2018a], Интернет-продукты (блоги, сайты, тексты в социальных сетях и пр.) [Дарганивичене, Игнотайте, 2020; Ambalegin, Kamariah, 2019], рекламные тексты [Banatao, Malenab-Temporal, 2018; Liu, Gui, Zuo, Dai, 2019; Sajib, 2020], художественные произведения, классические и современные [Adi, 2018; Akhtar, Baig, Aslam, Khan, Tayaba, Iqbal, 2020; Yusuf, Fata, 2020]. В отечественном языкознании и литературоведении есть также работы, посвященные анализу функционирования сицилийского диалекта в итальянских литературных произведениях [Шапалова, 2019].

Методология исследования

В литературном произведении кодовые переключения могут выполнять две группы прагматических функций: 1. Функции, тесно связанные с художественными произведениями: функция создания эффекта коммуникации на гостевом языке (стилизация под речь на гостевом языке).

2. Функции, сходные с живой речью: эмоциональная, эмфатическая, металингвистическая функции, а также функции самоидентификации и воздействия (все они передают субъективную информацию и служат созданию речевого образа персонажа); предметно-тематическая, адресатная, фатическая и цитатная функции (все они передают объективную информацию). В первую группу прагматических функций также входит, согласно И. Ю. Мишинцевой, дополнительная функция повтора содержания высказывания на матричном и гостевом языках, которая, действуя в сочетании с функцией создания эффекта коммуникации на гостевом языке, дает нужный результат только вместе с ней [Мишинцева, 2017, с. 96].

Целью настоящего исследования является определение прагматических функций кодовых переключений на сицилийский диалект в произведении на итальянском языке «*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*» («Сицилия, моя дорогая. Сентиментальное путешествие») итальянского писателя Джузеппе Куликкья.

Джузеппе Куликкья – один из самых оригинальных авторов современной итальянской прозы. На его творчество оказали влияние произведения Э. Хемингуэя и Ч. Буковски. Дж. Куликкья – лауреат двух престижных литературных премий – Монблан и Гринцане Кавур. На русский язык переведен только роман «Все равно тебе водить» (*Tutti giù per terra*). Роман «Сицилия, моя дорогая. Сентиментальное путешествие» был опубликован в 2010 г. Данный роман автобиографический и описывает первое путешествие автора с семьей на родину его отца – в Сицилию, Марсалу. Автор романа владеет сицилийским диалектом итальянского языка.

Материал исследования представлен 65 кодовыми переключениями на сицилийский диалект. Матричный язык исследования – итальянский, гостевой – сицилийский диалект итальянского языка. Сицилийский диалект итальянского языка или сицилийский язык, в других источниках [Sicilian language. Infogalactic: the planetary knowledge core contributors, 2020; Il Siciliano: Dialetto o lingua? Lingua siciliana, 2020], относится к романской группе языков, но не является результатом эволюции народной латыни. Сицилийский диалект – это результат средневековой итальянской колонизации земель Южной Италии, принадлежащих ранее византийцам, арабам и испанцам. На данном диалекте говорят в настоящее время на острове Сицилия, в центральной и южной Калабрии, южной Апулии и Кампании [Десяткова, 2008,

с. 27].

Прагматические функции кодовых переключений в художественном произведении анализируются на основе классификации, разработанной И. Ю. Мишинцевой [Мишинцева, 2011] и Г. Н. Чиршевой [Чиршева, 2004].

Результаты исследования

Проведенный прагматический анализ кодовых переключений на сицилийский диалект позволяет сделать следующие выводы:

1. В материале исследования кодовые переключения на сицилийский диалект выполняют прагматические функции, характерные для живой общения, и функции, характерные только для литературного произведения. Рассмотрим первую группу функций. В романе кодовые переключения служат для передачи объективной и субъективной информации, т. е. выполняют предметно-тематическую, цитатную и металингвистическую функции. В рамках **предметно-тематической функции** кодовые переключения – реалии сицилийской культуры, т. е. безэквивалентная лексика, также иноязычные единицы используются для передачи прямой речи сицилийских родственников Джузеппе. Например, «Tra I profumi, il primo che mi viene in mente è quello del pane coperto di semi di sesamo, la *giuggiulena*, inconfondibile (Среди ароматов первый, которой мне приходит в голову, – уникальный аромат закрытого хлеба с семенами кунжута, *giuggiulena*)» (Р. 41). Кодовое переключение – название блюда сицилийской кухни, а именно рождественской сладости с медом, цукатами, миндалем и семенами кунжута. В следующем примере мы наблюдаем аналогичный случай: «In generale, il profumo della pasta fatta a mano dalle donne di famiglia, che oggi a Marsala si trova anche dal Tarantino in via dello Sbarco 6, tempio artigianale dei *busiati* e del cuscus... (В целом, аромат домашней пасты, приготовленной матронами, которую сегодня можно найти у Тарантино на улице делло Сбарко, 6, в ремесленном храме *busiati* и кускуса...)» (Р. 41). Кодовое переключение – название сицилийской пасты, которая подается с баклажанным соусом.

Кодовые переключения используются для передачи прямой речи, в данном случае сицилийский диалект не сопровождается переводом на итальянский. Например, «*Pigghiamu 'a lettera*,» propose Nuzzo a mio padre («Дай мне письмо», – предложил Нуццо моему отцу) (Р. 22). Нуццо – сицилиец, друг и кум отца Джузеппе. «E invece tra il clangore degli scambi e lo stridere dei freni il treno

entrò in una nuova galleria [...], e lungo tutta la carrozza si levò un grido: “ ‘*U ferribbotte!* ‘*U ferribbotte!* “ (Но посреди лязга переключаемых стрелок и визга тормозов поезд вошел в новый туннель [...], по всему вагону разнесся крик: «Паром! Паром!»)» (Р. 38). В данном примере кодовое переключение служит для передачи прямой речи сицилийцев, направляющихся на родину в поезде вместе с Джузеппе и его семьей.

«...Gasparino e Tina e Francesca e Antonella ripetevano di continuo a tutti, e specialmente a me, ‘Mangia, *sangu meu!* Mangia!’» (...Гаспарино и Тина, и Франческа, и Антонелла постоянно всем твердили, и особенно мне: «Ешь, моя кровиночка! Ешь!») (Р. 53). В данном примере кодовые переключения используются в речи сицилийских родственников главного героя романа. Вся информация, связанная с Сицилией и Марсало эмоционально окрашена: Дж. Куликкья с большой любовью и восхищением рассказывает о родине своего отца, сицилийской культуре, своих сицилийских родственниках, а значит и лексические единицы сицилийского диалекта также передают эмоции и чувства автора – нежность, любовь, ностальгию по тем временам, когда его отец и все сицилийские родственники были живы. Любовью и гостеприимством отвечают на чувства Джузеппе его сицилийские родственники. Кодовое переключение из приведенного выше примера – обращение к Джузеппе (*sangu meu* – «моя кровиночка») сицилийских родных и близких – наполнено любовью, соответственно, помимо предметно-тематической функции, данное кодовое переключение выполняет эмоциональную прагматическую функцию, т. е. в исследуемом материале мы можем наблюдать комбинацию предметно-тематической и эмоциональной функций.

Цитатная функция предполагает цитирование крылатых выражений и афоризмов, пословиц и поговорок. Например, «A Marsala abbiamo un proverbio: *si Maissàla avissi 'u poittu, Ciapani fussi moittu*. Vuol dire: se Marsala avesse il porto, Trapani sarebbe morta” (У нас в Марсале есть поговорка: *si Maissàla avissi 'u poittu, Ciapani fussi moittu*. Как говорится: если в Марсале был бы порт, Трапани был бы мертв») (Р. 48). В данном случае кодовое переключение – сицилийская поговорка. Автор дает перевод поговорки на итальянский литературный язык.

Металингвистическая функция реализуется в комментариях о языке коммуникации, о лингвистической компетенции участников процесса коммуникации [Чиршева, Коровушкин, Мушни-

кова, 2018, с. 197]. Дж. Куликья обращает внимание читателя на особенности произношения отдельных слов в сицилийском диалекте, знакомит его с лексическими особенностями диалекта. Например, «Non so bene perché, ma a Marsala i problemi non esistono: ci sono solo *'poblemi'*» (Я не знаю почему, но в Марсале проблем не существует: есть только «проблемы») (Р. 79). В данном случае автор немного иронизирует над мастным марсальским вариантом произношения слова «problema». «Ancora, parlando di *chistu* e di *chiddu*, veniva fuori che anche a Marsala si parlava di *'capelloni'*...» (Еще помимо *chistu* и *chiddu* за пределами Марсалы известно, что там также говорят *capelloni*...) (Р. 86). В данном примере автор при помощи кодовых переключений поясняет читателю особенности лексики сицилийцев: *chistu*=questo на литературном итальянском («этот»), *chiddu*=quello («тот»), *capelloni*=capelli («волосы»). В следующих двух примерах автор также знакомит нас со словами сицилийского диалекта, выделенными в тексте курсивом для привлечения внимания, для выделения наглядно иноязычных единиц: «...la sua presenza ingombrante aveva fatto *siddiare* certi mafiosi locali» (...его тяжеловесное присутствие раздражало некоторых местных мафиози) (Р. 64). *Siddiare* – сицилийский эквивалент глагола *annoiare* («раздражать»). «Una sera andammo a fare una passeggiata in campagna, nella campagna vera, in una delle contrade dove vivevano i *viddani*...» (Однажды вечером мы поехали на прогулку за город, в настоящую деревню, в один из районов, где живут крестьяне...) (Р. 83). *Viddani* – сицилийский эквивалент существительного *contadini* («крестьяне»). «Tra l'altro: *vigeva* allora la regola ferrea dell'*acchianata*, second cui i fidanzati ufficiali allora venivano presentati in casa ufficialmente (*acchianavano*, cioè *salivano*, in casa e conoscevano i genitori)...» (Среди всего прочего, соблюдалось железное правило «*acchianata*», согласно которому объявленные жених и невеста официально представлялись домашним (*acchianavano*, т. е. входили в дом и знакомились с родителями) (Р. 87). Существительное «*acchianata*» и глагол «*acchianare*» – сицилийский эквивалент итальянского выражения «*salire in casa e conoscere i genitori*», т. е. целой процедуры знакомства жениха и невесты с родителями друг друга, после чего они не могут больше находиться (встречаться) наедине, а только в присутствии хотя бы одного родственника.

В следующем примере автор описывает свое отношение к сицилийскому диалекту, его освое-

ние: «E io, che a poco a poco cominciavo a decifrare il siciliano, e che talvolta mi avventuravo timidamente a parlarlo (con frasi che in genere suscitavano l'ilarità dei presenti, a cominciare da: „*Sabbenerica*”), non mi stancavo mai di ascoltarle» (И я, кто понемногу начал расшифровывать сицилийский, и кто порой осмеливался застенчиво говорить на нем (начиная с фраз наподобие «*Sabbenerica*», которые, в целом, вызывали восторг присутствующих), я никогда не уставал слушать, как говорят на сицилийском) (Р. 90). Кодовое переключение «*Sabbenerica*» («Здравствуйте!» на сицилийском диалекте) – одно из тех слов сицилийского диалекта, которые автор выучил в первую очередь и осмелился произносить в разговоре с сицилийскими родственниками.

2. В материале исследования представлены кодовые переключения, выполняющие вторую группу прагматических функций, характерных только для литературных произведений, например, **функцию создания эффекта коммуникации на гостевом языке** (стилизация под речь на гостевом языке). Например, «...lui [padre] avrebbe imparato a ricreare cucinando gli stessi piatti di lei [nonna] così da tornare, almeno a tavola...all'epoca in cui sua madre era viva a preparava la pasta con la salsa e la melanzane fritte, la pasta *c'a sairsa e i milinciani fritti* (он научится воссоздавать (вкусы), готовя те же самые ее (бабушки Джузеппе) блюда, чтобы вернуться...в ту эпоху, когда его мама была жива и готовила пасту с соусом и жареными кабачками, пасту *c'a sairsa e i milinciani fritti*) (Р. 16). В данном случае кодовое переключение «*c'a sairsa e i milinciani fritti*» служит своеобразным сигналом о том, что отец Джузеппе переходит в разговоре со своими родными (женой, не сицилийкой, и детьми, рожденными и выросшими в Турине) на свой родной сицилийский язык. Отец переходит на сицилийский язык, предаваясь воспоминаниям. «I nostri ospiti ripetevano di continuo, e specialmente a me, „Mangia, *sangu meu!* Mangia!”, tra raffiche di *chistu* e di *chiddu*, mentre mio padre voleva sapere come stavano a che cosa facevano amici e parenti e semplici conoscenti (Наши хозяева постоянно повторяли, особенно обращаясь ко мне: „Ешь, родная кровиночка! Ешь!”, и сыпали *chistu* и *chiddu*, в то время как мой отец спрашивал, как у них дела и как поживают друзья, родные и просто знакомые)» (Р. 68). Кодовые переключения в виде отдельных коротких фраз и слов указывают на то, что родственники Джузеппе говорят за обеденным столом с его отцом на родном сицилийском диалекте, который

понятен последнему.

3. Функционирование кодовых переключений на сицилийский диалект в тексте произведения имеет графическую особенность: практически все переключения на сицилийский оформлены в тексте при помощи курсива, тем самым они зрительно выделены в тексте, привлекают внимание читателя. Курсив в оформлении кодовых переключений на сицилийский выполняет различные функции в произведении Дж. Куликкья: 1. Курсив выделяет логически слова сицилийского диалекта от итальянской лексики. 2. Курсив также служит для передачи эмоциональной окраски в тексте произведения. 3. Курсив автором используется для обособления своей речи на итальянском от чужой на сицилийском. Например, «Il mio preferito, che non mi andava di condividere con nessuno, era la pasta al ragù di triglia con *agghiu e muddica* (Моей любимой пастой, которую я не хотел делить ни с кем, была паста с рагу из кефали с чесноком и хлебным мякишем)» (Р. 18). Слова «*agghiu*» и «*muddica*» выделены курсивом, для того чтобы подчеркнуть, что это слова сицилийского диалекта. В следующем примере курсив с кодовыми переключениями служит для обособления речи сицилийских родственников от речи Джузеппе: «[...] Gasparino e Tina ...ripescando episodi risalenti a prima [...] del Fascismo, a prima che i Fenici sbarcassero a Mozia, salvo poi concludere che ‘*u figghiu* (perché tutti i *chistu* e i *chiddu* avevano almeno un *figghiu*) faceva immancabilmente l’avvocato...» (Гаспарино и Тина...припоминали эпизоды, предшествующие фашизму, высадке финикийцев в Моции, лишь для того, чтобы попытаться, что «сын» (потому что у всех этих *chistu* и *chiddu* был по крайней мере один «сын») неизбежно становился адвокатом) (Р. 53–54). В следующем примере, который уже цитировался выше, курсив служит для передачи положительных эмоций, а именно восторга, ликования тех, кто возвращался к себе на родину – в Сицилию: «E invece tra il clangore degli scambi e lo stridere dei freni il treno entrò in una nuova galleria [...], e lungo tutta la carrozza si levò un grido: „*U ferribbotte! ‘U ferribbotte!*” (Но посреди лязга переключаемых стрелок и визга тормозов поезд вошел в новый туннель [...], по всему вагону разнесся крик: „Паром! Паром!”)» (Р. 38).

Заключение

Функциональный анализ кодовых переключений на сицилийский диалект позволяет сделать вывод о том, что иноязычные единицы в автобио-

графическом произведении Дж. Куликкья о Сицилии выполняют две группы прагматических функций: функции, характерные для художественного произведения (стилизация под речь на гостевом языке) и для живой речи (предметно-тематическая, металингвистическая и цитатная функции). Кодовые переключения в анализируемом произведении служат для передачи объективной и субъективной информации, при этом зачастую два типа информации передаются при помощи одного кодового переключения. Дополнительной особенностью кодовых переключений на сицилийский диалект в произведении Дж. Куликкья является использование курсива как графического стилистического средства.

Библиографический список

1. Даргинавичене И., Игнотайте И. Переключение кодов в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 405–415.
2. Десятова М. Ю. Сицилийский диалект в современной лингвистической ситуации Италии // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2008. Вып. 2 (II). С. 127–133.
3. Исаева М. Г., Моисеенко А. В. Прагматические функции кодовых переключений в массмедийных текстах: эколлингвистический подход // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2. С. 150–155.
4. Исаева М. Г., Моисеенко, А. В. Взаимодействие языков в региональном глянцево-журнале: эколлингвистический аспект // Учитель. Ученик. Учебник: сборник научных трудов. 2018. С. 195–198.
5. Исаева М. Г., Моисеенко, А. В. Взаимодействие языков в глянцево-журналах г. Вологды и г. Череповца (эколлингвистический аспект) подход // Современный дискурс-анализ. 2018а. Т. 1 (3-20). С. 216–219.
6. Мишинцева И. Ю., Андрийчук А. Г., Лескова А. В. Прагматика переключений кодов в романах Генри Филдинга и Лоренса Стерна // Череповецкие научные чтения-2016. Материалы всероссийской научной конференции. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. С. 96–97.
7. Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 190 с.
8. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В., Мушников Н. С. Прагматика русско-английских переключений кодов в речи двух билингвальных детей // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 193–199.
9. Шаповалова Е. О. Специфика использования сицилийского диалекта в современной художественной литературе // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13 (1). С. 114–120.
10. Adi W. T. Code-switching in Critical Eleven Novel // Metathesis Journal of English Language Literature and Teaching. 2018. V. 2(1). P. 39–57.
11. Akhtar S., Baig F. Z., Aslam M. Z., Khan T., Tay-

- aba S., Iqbal Z. Code-Switching and Identity: A Sociolinguistic Study of Hanif's Novel *Our Lady of Alice Bhatti* // *International Journal of English Linguistics*. 2020. V. 10 (1). P. 364–371.
12. Ambalegin A., Kamariah K. An analysis of using code-switching in Instagram // *Jurnal Basis*. 2019. V. 6 (2). P. 259–266.
13. Auer P. The pragmatics of code-switching: a sequential approach / ed. Li Wei // *The Bilingualism Reader*. London: Routledge, 2020. P. 154–174.
14. Banatao A. M. B., Malenab-Temporal C. Code-switching in television advertisements // *TESOL international Journal*. 2018. V.13 (4). P. 121–137.
15. Bullock B., Guzman W., Serigos J., Sharath V., Toribio A. J. Predicting the presence of a Matrix language in code-switching // *Proceedings of the Third Workshop on Computational Approaches to Linguistic Code-Switching*. Melbourne: Association for Computational Linguistics, 2018. P. 68–75.
16. Febiyaska A. E., Ardi P. Indonesian-English Code-Switching in *Gogirl!* Magazine: Types and Features // *Journal of English teaching and Linguistics*. 2019. V.4 (3). P. 289–303.
17. Ibhawaegbele F. O., Edokpayi J. Code-switching and code-mixing as stylistic devices in Nigerian prose fiction: a study of three Nigerian novels // *Research on Humanities and Social Sciences*. 2012. V. 2 (6). P. 12–19.
18. Il Siciliano: Dialetto o lingua? *Lingua siciliana*: сайт. URL: <http://www.linguasiciliana.org/2008/02/il-siciliano-dialetto-o-lingua/> (дата обращения: 17.12.2020).
19. Kharhourin A. V., Wei Li. The role of code-switching in bilingual // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2015. № 18 (2). P. 153–169.
20. Liu Sh., Gui D.-Y., Zuo Y., Dai Y. Good Slang or Bad Slang? Embedding Internet Slang in Persuasive Advertising // *Frontiers in Psychology*. 2019. V.10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.01251/full> (дата обращения: 21.12.2020).
21. Muysken P. C. Language and Origin: The Perspective of Multilingualism: Current Perspectives and New Directions / eds. P. Patrick, M. Schmid, K. Zwaan // *Language Analysis for the Determination of Origin. Language Policy*. 2019. V. 16. P. 119–130.
22. Myers-Scotton C. *Contact linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 356 p.
23. Myers-Scotton C., Jake L. J. Revisiting the 4-M model: codeswitching and morpheme election at the abstract level // *International Journal of Bilingualism*. 2017. V.21 (3). P. 340–366.
24. Sajib M. N.F. Code-switching in advertisement posters: a sociolinguistic analysis // *BELTA Journal*. 2020. V. 4 (1). P. 44–57.
25. Sicilian language. Infogalactic: the planetary knowledge core contributors: сайт. URL: https://infogalactic.com/w/index.php?title=Sicilian_language&oldid=499289 (дата обращения: 17.12.2020).
26. Wei L. Codeswitching as Projection of Bilingual Lemmas in Contact // *Studies in Linguistics and Literature*. 2020. V. 4 (1). P. 40–67.
27. Yusuf Y. Q., Fata I. A. Kasetsart Journal of Social Sciences Types of Indonesian-English code-switching employed in a novel // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. 2020. V. 41. P. 208–213.

Reference List

1. Darginavichene I., Ignatjate I. Pereključenje kodov v komp'uterno-oposredovanoj komunikaciji = Code-sshitching in computer-mediated communication // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija*. 2020. T. 20. Vyp. 2. S. 405–415.
2. Desjatova M. Ju. Sicilijskij dialekt v sovremennoj lingvističeskoj situaciji Italii = The Sicilian dialect in the contemporary linguistic situation in Italy // *Vestnik PSTGU III: Filologija*. 2008. Vyp. 2 (II). C. 127–133.
3. Isaeva M. G., Moiseenko A. V. Pragmatičeskie funkcii kodovyh pereključenij v massmedijnyh tekstah: jekolingvističeskij podhod = Pragmatic functions of code-sshitching in mass media texts: an ecolinguistic approach // *Verhnevoločskij filologičeskij vestnik*. 2019. № 2. S. 150–155.
4. Isaeva M. G., Moiseenko, A. V. Vzaimodejstvie jazykov v regional'nom gljancevom zhurnale: jekolingvističeskij aspekt = Language interaction in regional glossy magazines: an ecolinguistic aspect // *Učitel'. Učebnik. Sbornik nauchnyh trudov*. 2018. S. 195–198.
5. Isaeva M. G., Moiseenko, A. V. Vzaimodejstvie jazykov v gljancevyh zhurnalah g. Vologdy i g. Cherepovca (jekolingvističeskij aspekt) podhod = Language interaction in glossy magazines of Vologda and Cherepovets (ecolinguistic aspect) approach // *Sovremennyj diskurs-analiz*. 2018a. T. 1 (3-20). S. 216–219.
6. Mishinceva I. Ju., Andrijučuk A. G., Leskova A. V. Pragmatika pereključenij kodov v romanah Genri Fildinga i Lorenza Sterna = The pragmatics of code-sshitching in the novels of Henry Fielding and Laurence Sterne // *Cherepoveckie nauchnye chtenija-2016. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii. Cherepovec: Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet*, 2017. S. 96–97.
7. Chirševa G. N. Dvujazyčnaja komunikacija = Bilingual communication. Cherepovec: ChGU, 2004. 190 s.
8. Chirševa G. N., Korovuškin P. V., Mušnikova N. S. Pragmatika rusko-anglijskih pereključenij kodov v reči dvuh bilingval'nyh detej = Pragmatics of Russian-English code-sshitching in the speech of tshho bilingual children // *Verhnevoločskij filologičeskij vestnik*. 2018. № 3. S. 193–199.
9. Šapovalova E. O. Specifika ispol'zovanija siciljskogo dialekta v sovremennoj hudožestvennoj literature = Specifics of the Sicilian dialect used in contemporary fiction // *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. T. 13 (1). S. 114–120.
10. Adi Shh.T. Code-sshitching in Critical Eleven Novel // *Metathesis Journal of English Language Literature and Teaching*. 2018. V. 2(1). P. 39–57.

11. Akhtar S., Baig F. Z., Aslam M. Z., Khan T., Tajaba S., Ijabal Z. Code-Sshhitching and Identity: A Sociolinguistic Study of Hanif's Novel *Our Lady of Alice Bhatti* // *International Journal of English Linguistics*. 2020. V. 10(1). P. 364–371.
12. Ambalegin A., Kamariah K. An analysis of using code-sshitching in Instagram // *Jurnal Basis*. 2019. V. 6 (2). P. 259–266.
13. Auer P. The pragmatics of code-sshitching: a se-jaential approach / ed. Li Shhei // *The Bilingualism Reader*. London: Routledge, 2020. P. 154–174.
14. Banatao A. M. B., Malenab-Temporal C. Code-sshitching in television advertisements // *TESOL international Journal*. 2018. V.13 (4). P. 121–137.
15. Bullock B., Guzman Shh., Serigos J., Sharath V., Toribio A. J. Predicting the presence of a Matrih language in code-sshitching // *Proceedings of the Third Shhorkshop on Computational Approaches to Linguistic Code-Sshitching*. Melbourne: Association for Computational Linguistics, 2018. P. 68–75.
16. Febijaska A. E., Ardi P. Indonesian-English Code-Sshitching in *Gogirl! Magazine*: Types and Features // *Journal of English teaching and Linguistics*. 2019. V.4 (3). P. 289–303.
17. Ibbashaegbele F. O., Edokpayi J. Code-sshitching and code-mihing as stylistic devices in Nigerian prose fiction: a study of three Nigerian novels // *Research on Humanities and Social Sciences*. 2012. V. 2 (6). P. 12–19.
18. Il Siciliano: Dialetto o lingua? *Lingua siciliana*: sajt. URL: <http://shhshhshh.linguasiciliana.org/2008/02/il-siciliano-dialetto-o-lingua/> (data obrashhenija: 17.12.2020).
19. Kharhourin A. V., Shhei Li. The role of code-sshitching in bilingual // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2015. № 18 (2). P. 153–169.
20. Liu Sh., Gui D.-Y., Zuo Y., Dai Y. Good Slang or Bad Slang? Embedding Internet Slang in Persuasive Advertising // *Frontiers in Psychology*. 2019. V. 10. URL: <https://shhshhshh.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.01251/full> (data obrashhenija: 21.12.2020).
21. Muysken P. C. Language and Origin: The Perspective of Multilingualism: Current Perspectives and Neshh Directions / eds. P. Patrick, M. Schmid, K. Zshhaan // *Language Analysis for the Determination of Origin*. Language Policy. 2019. V. 16. P. 119–130.
22. Myers-Scotton C. *Contact linguistics*. Ohford : Ohford University Press, 2002. 356 p.
23. Myers-Scotton C., Jake L. J. Revisiting the 4-M model: codesshitching and morpheme election at the abstract level // *International Journal of Bilingualism*. 2017. V. 21 (3). P. 340–366.
24. Sajib M. N.F. Code-sshitching in advertisement posters: a sociolinguistic analysis // *BELTA Journal*. 2020. V. 4 (1). P. 44–57.
25. Sicilian language. Infogalactic: the planetary knoshledge core contributors: sajt. URL: https://infogalactic.com/shh/indeh.php?title=Sicilian_language&oldid=499289 (data obrashhenija: 17.12.2020).
26. Shhei L. Codesshitching as Projection of Bilingual Lemmas in Contact // *Studies in Linguistics and Literature*. 2020. V. 4 (1). P. 40–67.
27. Jusuf Y. Ja., Fata I. A. Kasetsart Journal of Social Sciences Types of Indonesian-English code-sshitching employed in a novel // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. 2020. V. 41. P. 208–213.

УДК 81'373.45

Ли Сяотао

<https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>

С. А. Колода

<http://orcid.org/0000-0001-8482-1527>

Специфика использования иноязычных заимствований в рекламе на китайском и русском языках

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Ли Сяотао, Колода С. А. Специфика использования иноязычных заимствований в рекламе на китайском и русском языках // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 128–136. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-128-136

В статье представлены основные исследования по проблеме использования заимствований всемирно известных брендов в китайском и русском языках. Автор статьи проводит анализ особенностей проникновения и функционирования заимствований в структуре рекламного текста, поскольку именно реклама стала значительным явлением современной культуры, отражающим не только типичные визуальные образы и ментальные стереотипы, но и представляющим языковые привычки носителей разных языков. Именно с этих позиций реклама демонстрирует не только лингвистические, но также социокультурные и лингвокультурные процессы, происходящие в разных языках. В исследовании проводится сравнительный анализ заимствований, описываются их основные лингвистические особенности. Особое внимание уделяется рассмотрению путей проникновения заимствований в китайский язык, дается краткое описание лексической базы заимствований в китайском языке, а также диахронический анализ заимствований. В статье приводятся данные о динамике появления иноязычных слов в современном китайском языке. Проведенный синхронический анализ иноязычных лексических единиц в рекламе на китайском и русском языках позволил продемонстрировать как на частоту использования заимствований в разных языках влияют различные факторы: от языковых до социальных и культурных. На основании тематической классификации заимствований описаны различные способы проникновения иноязычной лексики в рекламу на китайском и русском языках. Базой для анализа послужили названия всемирно известных брендов. Приведена классификация основных видов заимствований иноязычной лексики в русской и китайской рекламе. В исследовании отмечено, что количество заимствований в рекламе на китайском языке не уступает их количеству на русском. Во многих случаях реклама брендов на китайском языке использует дублирование, т. е. способ в наибольшей степени сохраняющий в новом лексическом формате слова языка-реципиента. Авторы приходят к выводу, что специфика использования заимствований в указанных языках имеет как специфические внутриязыковые факторы, характерные для этих языков, так и внешние, экономические и социальные факторы.

Ключевые слова: язык рекламы, бренд, заимствования, англицизмы, лингвомедийные свойства рекламы, китайский язык, русский язык.

Li Xiaotao, S. A. Koloda

Specifics of using foreign language loanwords in chinese and russian advertising

The article presents the main research on the problem of using borrowings of world famous brands in chinese and russian. The author of the article analyzes the features of penetration and functioning of borrowings in the structure of advertising text, since it is advertising that has become a significant phenomenon of modern culture, reflecting not only typical visual images and mental stereotypes, but also representing the linguistic habits of different language speakers.

Advertising demonstrates not only linguistic, but also social, cultural and linguistic processes taking place in different languages. The study provides a comparative analysis of borrowings, describes their main linguistic features. Particular attention is paid to examining the ways of penetration of borrowings into the chinese language. Both a brief description of the lexical base of borrowings in the chinese language and a diachronic analysis of borrowings are given. The article provides certain data on the dynamics of the appearance of foreign words in the modern chinese language. The given synchronous analysis of foreign lexical units in chinese and russian advertising has made it possible to

demonstrate how various factors influence the frequency of the use of borrowings in different languages: from linguistic to social and cultural. The thematic classification of borrowings describes various methods of penetration of foreign vocabulary into chinese and russian advertising. The analysis is based on the names of world famous brands. The classification of the main types of borrowings in russian and chinese advertising is given. The study notes that the number of borrowings in chinese advertising is equal to their number in russian one. In many cases, brand advertising in chinese uses duplication, a method that best preserves the words of the recipient language in the new lexical format. The authors come to the conclusion that the specificity of using borrowings in these languages has both specific intralingual factors characteristic of these languages and external, economic and social factors.

Keywords: advertising language, brand, borrowings, anglicisms, lingual media properties of advertising, chinese, russian.

Введение. Языковые процессы, характерные для современного развития многих языков, в полной мере отражают динамику развития общественных отношений. Наиболее ярким отражением меняющихся социально-политических, общественных, экономических основ общества стал язык средств массовой информации (СМИ), одним из видов которых является реклама. Исследователи придают огромное значение роли рекламы в жизни современного общества. Она также стала значительным явлением культуры, отражая не только типичные визуальные образы и ментальные стереотипы, но и представляя языковые привычки носителей разных языков. «Реклама является одним из важнейших факторов массовой культуры, отражающих жизнь современного общества. Она вездесуща, даже если вы не читаете газет, не смотрите телевизор, реклама представляет перед вами обязательный элемент городской среды. Заполняя все средства массовой информации, реклама представляет собой прекрасно организованную автономную структуру, пользующуюся огромным влиянием» [Williamson, 1978, с. 57]. Реклама не только формирует потребительский спрос, заставляя людей покупать вещи, использовать их, а затем выбрасывать, она в значительной степени влияет на формирование нового образа жизни, иных привычек, новых стереотипов. Реклама продвигает ключевые идеи и ценности, изменяющие общество. Поскольку любой рекламный продукт представляет не только видеоряд или изображение, но и всегда сопровождается языковым стимулом, исследование лингвомедийных свойств рекламы является актуальной проблемой для современного языкознания.

Цель исследования состоит в изучении заимствований в китайских и русских текстах рекламы мировых брендов. Такая цель позволила сформулировать следующие задачи:

1) изучить пути проникновения иноязычных слов в китайский язык в диахроническом и синхроническом аспектах;

2) провести тематический анализ англоязыч-

ных заимствований в рекламных текстах на китайском и русском языках;

3) описать классификацию основных видов заимствований иноязычной лексики в русской и китайской рекламе;

4) определить факторы, влияющие на специфику использования заимствований в китайском и русском языках.

Материалом исследования стала иноязычная лексика в рекламных текстах всемирно известных брендов на китайском и русском языках.

Методы исследования. Исследование было основано на следующих методах: анализ, синтез, лингвистическое наблюдение, количественный анализ результатов исследования, описательный и контрастивный методы.

Результаты и дискуссия. Реклама городской среды, гляцевые журналы, другие печатные издания зачастую отдают предпочтение рекламе товаров, где значительное место отдается презентации всемирно известных брендов. В большинстве случаев в языковые стимулы такой рекламы содержат значительную долю заимствований. Однако, детальный анализ показывает, что специфика их использования не одинакова в разных языках.

Рассмотрим эти особенности на примере использования заимствований всемирно известных брендов в рекламе на китайском и русском языках, но прежде всего остановимся на специфике проникновения заимствований в китайский язык. Большинство современных заимствований пришли (и приходят) в китайский язык, прежде всего, из английского языка в его американском варианте. Эти слова разнообразны по своей семантике и относятся к политике, экономике, финансам, компьютерной технике, коммерческой и многим другим областям: 写字板 – WordPad (где 写字 – писать иероглифы, 板 – доска, плита), 因特yintewang – Интернет (фонозапись англ. Inter + сеть), 迪斯科disike – диско (от англ. disco), 奔腾benteng – Пентиум (от англ. Pentium), 酷ku –

крутой (от англ. cool), 比特bite – бит (от англ. bit), 快餐kuaisan – фаст-фуд (от англ. fast-food: быстрый + еда), 下载xiaozai – скачать с Интернета (от англ. download: 下 передаёт значение down – вниз, load и 载 совпадают в значении «грузить») и многие другие. Некоторые из них были заимствованы для наименования новых понятий, тогда как заимствование других слов говорит лишь о погоне за языковой модой. Среди современной китайской молодежи считается престижным украшать свою речь английскими словами. Так слово 拜拜baibai (от англ. bye – by, «до свидания») в молодежном сленге вытесняет исконное 再见zaijian. Сейчас оно стало повсеместно употребляемым в Китае не только в молодежной среде.

Современный русский язык также принимает значительное количество заимствований из английского языка. По данным Е. Ф. Володарской, в течение XX в. доля англицизмов в словарном составе русского языка возросла с 2,5 % в начале века до 25 % в конце [Володарская, 2002]. Это свидетельствует о том, что в языковой практике современного российского общества англоязычные заимствования становятся нормой устной и письменной коммуникации.

Необходимо отметить, что в китайской лингвистике нет единого определения понятия *заимствования*. Термин заимствованное слово переводится на китайский язык как 借词 [цзе цы] (借词 [цзе цы], 借 [цзе] – заимствовать или заимствованный; 词 [цы] – слово(а), перевод данного слова на английский – borrowing). Чжан Кэ отмечает, что данный термин употребляется в исследованиях многих китайских ученых (Ху Чжаоюнь, 2001; Гао Лицинь, 2005; Таохонмэнь, 2011; Ли Даньжуй, 2013; Шан Цзяньго, 2015). [Чжан Кэ, 2017, с. 762]. Однако в китайской лингвистике в подходах к определению *цзе цзи* и в описании заимствованной лексики нет терминологического единообразия. В 1902 г. в работе исследователя Чжан Тайянь

“如外来语，破纯粹之国语而驳之，亦非尽人理解，

有时势所逼迫，非他语可以侷代，则用之可也...”

《章太炎全集（三）》，第 227 页，1984 年上海人民出版社） был впервые использован термин 外来语 [вай лай юй] (外来语 [вай лай юй] – дословный перевод данного термина на

русский язык – языковые материалы, входящие в свой язык из других, обозначающие фонетические заимствованные слова японского происхождения, написанные китайскими иероглифами). В 1950 г. Ло Чанпэй впервые использует термин *цзе цзи* (досл. заимствованные иероглифы): т. е. иероглифы, содержащие иноязычные элементы [Ло Чанпэй, 2006]. В 1968 г. известный китайский лингвист Чжао Юаньжэнь предложил термин 借语 [цзе юй] (借语 [цзе юй] – дословный перевод данного термина на русский язык – заимствованные языковые материалы) [Чжао Юаньжэнь, 2002]. Цзе цзи и цзе юй в принципе могли рассматриваться как эквиваленты термина заимствованное слово, пока не появился термин цзе цзи [Чжан Кэ, 2017].

Мы будем опираться в нашем исследовании на определение и классификацию заимствованных слов, данную А. Л. Семенас, который понимает иностранные заимствования как полное или частичное использование единиц других языков. Согласно предложенной ученым классификации выделяют следующие способы заимствований: фонетический, семантико-фонетический, фонетические заимствования с родовым словом, семантический [Семенас, 2005]. Известный российский ученый Л. П. Крысин отмечает, что проникновение англицизмов в лексико-семантическую систему русского языка на современном этапе характеризуется особой масштабностью и интенсивностью, использование англоязычных элементов становится узуально закрепленной нормой а речи и письме [Крысин, 2002]. Англицизмы встречаются не только в узкоспециальных сферах, но и получили широкое распространение практически во всех областях жизни современного русского человека. Особую популярность англицизмы приобрели в рекламе.

Китайские лингвисты обратили внимание и на то, что многие англицизмы проникают в путунхуа не на прямую, а через лексику других китайских диалектов, в частности через гуандунский [Алемасов; Горелов, 1984]. Это явление представляет собой процесс вторичного заимствования внутри системы самого китайского языка. Разница между китайскими диалектами весьма велика. Их лексическая и фонетическая система в большей или меньшей степени отличается от путунхуа. Гуандунский диалект, распространенный в одноименной провинции и в Гонконге регулярно «транспортирует» в общенациональный вариант китайского языка «англицизмы», например, слова

巴士bashi – автобус (от «bus»), 的士dishì – такси (от taxi), 贴士tieshi – чаевые (от tips). Следует отметить, что в сравнении с лексической системой путунхуа, в лексике китайского языка в Гонконге и на Тайване гораздо больше иноязычных заимствований [Семенас, 1997, с. 56].

О. С. Борисова отмечает, что значительная часть заимствований проникает в китайский язык в результате контактов с другими странами и народами. На рубеже эпох Мин и Цин (сер. XVII в.) в бассейне реки Амур устанавливается господство маньчжуров и в лексику жителей завоеванных территорий, так или иначе, «проникают» лексические элементы языка завоевателей. Несмотря на попытки правящей династии Цин изолировать страну от влияния иностранцев, в Китай прибывают европейские миссионеры, путешественники и торговцы, начинается знакомство с западной культурой, что тоже способствует проникновению в язык иноязычных слов. Другая по времени волна иноязычного заимствования возникла, начиная с середины XIX века, в эпоху «опиумных» войн», когда Китай стал объектом колониального завоевания Англией и другими иностранными державами. Во время колониальной экспансии Китай начинает контактировать со многими странами мира. После «опиумных войн» в Китай хлынула с Запада масса общественно-политической, научно-технической и художественной литературы, вместе с которой в китайский язык стала проникать и иноязычная лексика [Борисова, 2008].

В первые десятилетия XX века, с распространением марксистской идеологии в словарном составе китайского языка появились такие общественно-политические термины как: 马克思主义makesizhuyi – марксизм (马克思makesi – Маркс + 主义, заимствованный суффикс «-изм», идея, доктрина), 马克思列宁主义makesilieningzhuyi – марксизм-ленинизм (马克思makesi – Маркс + 列宁liening – Ленин + суффикс «-изм», идея, доктрина), 社会主义shehuizhuyi (社会shehui – социум + суффикс «-изм», идея, доктрина), 资本主义zibenzhuyi (资本ziben – капитал + суффикс «-изм», идея, доктрина) и др.

Ученые отмечают, что в китайском языке, достаточное число слов представляют собой опосредованные или вторичные заимствования. Другими словами, такие иноязычные слова, которые проникли в китайский язык не прямым путем, а через лексику других языков. Большинство такого

рода заимствований проникли в китайский язык через английский. Например, при заимствовании слов 比萨biza «пицца» (ит. pizza) и 马得拉酒madelajiu «мадера» (фр. Madeira) итальянский и французский языки – это лишь языки-оригиналы, языком-источником этих слов для китайского языка является английский. Немалая часть вторично освоенных иноязычных слов представлена заимствованиями, пришедшими из японского языка, которые в лексической системе самого японского являются не исконной, а заимствованной лексикой [Горелов, 1984: 150]. Лексические элементы данной категории относятся преимущественно к терминологической лексике. Например: 预算yusuan – смета, 所得税suodeshui – подоходный налог, 保险baoxian – страхование, 伦理lunli – этика. В. И. Горелов обращает внимание на то, что это редкое и интересное явление стало возможным поскольку эти слова состоят из лексических элементов, в свое время взятых японцами из китайского языка, образованных по китайским словообразовательным моделям и фиксируемых на письме китайскими иероглифами. Лексические единицы этого рода ничем не отличаются от собственно китайских слов [Горелов, 1984].

Немалую группу в словарном фонде китайского языка составляют слова, пришедшие в него из русского и по вполне объяснимым причинам: Китай и Россия – ближайшие соседи, имеющие одну из самых протяженных в мире общих границ, при таком тесном «соседстве» языковые контакты между двумя странами неизбежны. Говоря о восприятии русских слов, необходимо учитывать ряд факторов, среди которых определяющим является политическое, экономическое и культурное взаимодействие между нашими странами. Большая часть из них имеет ограниченную сферу функционирования, употребляясь лишь в тех районах КНР, которые тесно сотрудничают с Россией в сферах туризма и торговли.

Несмотря на тот факт, что китайский язык каждый год пополняется новой заимствованной лексикой, согласно распространенному мнению среди китайских лингвистов, она составляет сравнительно небольшой процент. Китайский ученый Ши Ювэй приводит следующую статистику по числу иноязычных слов в китайском языке в XX веке: 1978 год – 1,3 %; 1987 – 0,6 %; 1989 – 1,11 %; 1994 – 0,85 % [Ши Ювэй].

Отметим, что современные условия развития общественной и политической жизни в Китае

определили значительные изменения в языковой ситуации, в том числе появление многочисленных заимствований из других языков – русского, японского, корейского. В современном китайском языке сохранились также архаичные слова, заимствованные из санскрита. Однако, в современный период больше всего заимствований происходит из английского языка.

Проведенный нами анализ тематической классификации англоязычных заимствований позволяет сказать, что они прочно вошли в жизненное пространство рекламного текста. Мы выделили 10 тематических групп наиболее частотных англицизмов в сфере рекламы. Четверть от всего состава англицизмов (25 %), употребленных в рекламе, составляют терминологические единицы экономики, политики, спорта, музыки, телевидения, компьютерной техники. Средней частотностью (10 % – 15 %) обладают англицизмы, обозначающие профессии и виды профессиональной деятельности, косметические продукты, косметологические и парикмахерские услуги, одежду, моду, продукты питания, напитки, автомобили и автомобильные аксессуары. Менее частотными (1 % – 5 %) оказались англицизмы, обозначающие бытовые приборы, товары и услуги, названия компаний, баров, клубов, магазинов, газет и журналов.

Наибольшее количество рекламного материала с англоязычными заимствованиями содержат глянецовые журналы. В настоящее время в России, вслед за Западом, в фокус общественного внимания попали вопросы здорового образа жизни, стало модным и престижным быть в хорошей физической форме, следовать тенденциям моды, уделять большое внимание внешности и стилю жизни. Самыми часто употребляемыми заимствованными лексическими единицами оказались такие слова, как *SPA, wellness, нейл-арт, боди-билдинг, имидж-мейкинг, гламур, фитнес, стайлинг, брашинг, лифтинг* и другие. В китайском языке они приобрели формы китайских слов, для рекламы брендов также используют эти англоязычные заимствования. При этом потребители рекламируемых товаров с легкостью понимают эти иноязычные слова вне зависимости от их уровня владения английским языком. Использование англоязычных заимствований, таких как *SPA, гламур, wellness*, каждое из которых несет в себе определенный информационный объем, позволяет автору рекламного текста избежать продолжительного описания характеристик объекта рекламы, отображая совокупность всех значений одним словом, отграничивая его от других подобных лексиче-

ских единиц.

Заимствованная лексика в рекламных текстах представлена различными способами: перевод на русский язык, внедрение в оригинальном виде в русскоязычную фразу, подача нового слова в английской фразе с последующим переводом и др. Англоязычные заимствования выступают в рекламе в качестве основных в русскоязычных СМИ, они выполняют информативную и текстообразующую функцию. Заимствований в китайской рекламе не на много меньше.

Приведем классификацию основных видов заимствований иноязычной лексики в русской и китайской рекламе:

1. Наименование торговых марок с сохранением иноязычного написания.

Например: **Samsung** (южнокорейская фирменная марка электроники), **SONY** (японская фирменная марка электроники), **Nikon** (японская марка электронных устройств), **Siemens** (германская марка электротехники), **Casio** (японская марка электронных устройств), **Nike** (американская марка спортивной одежды и обуви), **Puma** (немецкая марка спортивной одежды и обуви), **ROLEX** (швейцарская фирменная часовая марка), **H&M** (шведская марка одежды), **ZARA** (испанская фирменная марка одежды), **ARMANI** (итальянская фирменная марка одежды и различных аксессуаров), **GUCCI** (итальянская фирменная марка одежды и различных аксессуаров), **Dior** (французская марка одежды, парфюмерии и косметики), **Chanel** (французская марка одежды и предметов роскоши), **PANDORA** (фирменная ювелирная марка), **Swarovski** (австрийская фирменная марка украшений) и т. д.

Эти названия марок обнаруживаются как в русскоязычной рекламе, так и в рекламе на китайском языке.

2. Дублирование – двойное написание названий (в русской рекламе – на английском и русском языке, а в китайской рекламе – на английском и китайском языке).

Например: Imperial Tobacco (ООО «Империя Табакко Продажа и Маркетинг» 帝国烟草公司), ELCOMplus (ООО «Элком»), DISCOVERY (ООО «Дискавери»), IKEA (ООО «ИКЕА») (宜家), KFC (ООО «КФС») (肯德基), BurgerKing (ООО «Бургер Кинг») (汉堡王), Mcdonald's (ООО «Макдоналдс») (麦当劳), Subway (ООО

«Сабвэй») (赛百味), Coca-Cola (ООО «Кока-кола») (可口可乐), Mercedes-benz (ООО «Мерседес-бенц») (梅赛德斯奔驰), Honda (ООО «Хонда») (宏达), Sportmaster (ООО «Спортмастер») (运动先锋) и т. д.

3. Использование иноязычной аббревиатуры.

Например: **МКС** (межрегиональный кадровый центр), **DHL** (экспресс-доставка и логистика), **BeelineGSM** (глобальный стандарт цифровой мобильной сотовой связи), **4G** (четвёртое поколение мобильной связи с повышением требованиями), **SIM** (идентификационный модуль абонента в мобильной сети), **LCD** (плоский дисплей на основе жидких кристаллов, а также устройство на основе такого дисплея), **CPU** (главная часть аппаратного обеспечения компьютера или программируемого логического контроллера), **PC** (персональный компьютер), **EMS** (международный сервис экспресс-доставки почтовой корреспонденции, скорость доставки которой оплачивается самим клиентом), **IT** (информационные технологии), **GPS** (система глобального позиционирования), **LED** (светодиод-полупроводниковый прибор с электронно-дырочным переходом, создающий оптическое излучение при пропускании через него электрического тока в прямом направлении) и т. д.; **VCD** (VideoCompactDisc影音光盘), **DVD**

(DigitalVideoDisc数字视频光盘), **4G**(4G网络),

MTV(音乐电视网), **EMS**(邮政特快专递服务),

CPU (中央处理器), **LED**(发光二极管), **GPS** (全球定位系统), **IT** **LCD**(液晶显示屏),

SIM(用户身份识别卡) и т. д.

4. Использование двух слов разных языков, с явным пониманием английского слова.

Например: **Actual** мебель (современная мебель), **CD-плеер** (CD-player); **卡拉OK** (Karaoke伴奏系统), **T** (T-shirt) 恤衫 (短袖).

5. Использование иноязычного слова в русском и в китайском написании.

Например: **блейзер** (blazer), **ноутбук** (notebook), **клаксон** (klaxon), **Адидас** (Adidas), **мерседес** (Mercedes), **Вольво** (Volvo), **гамбургер** (burger), **сэндвич** (sandwich), **джинсы** (jeans), **свитер** (sweater), **хот-дог** (hotdog), **фитнес** (fitness),

шампунь (shampoo), **плеер** (player), **шорты** (shorts), **блуза** (Bluse), и т.д; **乐事** (Lays), **Волво** (Volvo),

Хаммер (Hummer), **Ландровер** (Landrover), **БМВ** (BMW), **Гугл** (Google), **Википедия** (Wikipedia), **Дисней** (Disney), **Сэфгард** (Safeguard), **Лис** (LUX), **Колгейт** (Colgate), **Мэйбеллин** (Maybelline) **Ван Клиф** (Versace), **Эстел Лэудер** (EsteeLauder), **Джонсон** (Johnson's), **Уникло** (Uniqlo), **Каррефор** (Carrefour), **Риббон** (Reebok), **Риджис** (Rejoice), **Дов** (Dove), **Ферреро** (FerreroRocher), **Спрайт** (Sprite) и т. д.

Использование заимствования в рекламе обусловлено, прежде всего, необходимостью реализации ее коммуникативной функции. Система рекламной коммуникации предполагает передачу информации в одном направлении, поэтому вслед за получением сообщения и его декодированием следует реакция аудитории – принятие или непринятие отдельными ее представителями того содержания, которое хотел передать рекламодатель. Эффект коммуникации напрямую зависит от реакции аудитории на конкретную рекламу. Именно поэтому задача коммуникатора не просто привлечь внимание аудитории, а сделать рекламу наиболее привлекательной для потребителя. В данном случае логотипы известных брендов отдают предпочтение сохранению слов/названий брендов в их исконном виде.

На современном этапе китайское общество выступает активным участником политических, экономических и культурных процессов. Необходимость говорить на иностранных языках, взаимодействовать с иностранными партнерами, принимать международные стандарты и терминологию в Китае порождены тесным взаимодействием с иностранными компаниями, международными организациями, научно-техническим и культурным обменом с зарубежными странами. Вследствие этого в китайском языке появилось большое количество иностранных заимствований, преимущественно из английского языка.

В отношении к заимствованным словам в русском языке нередко сталкиваются две крайности: с одной стороны, злоупотребление модными иностранными словами, с другой – их отрицание по той причине, что эти иностранные слова вредят чистоте языка. На наш взгляд значительное количество заимствований можно оправдать лишь в тех случаях, когда иноязычное слово нельзя пере-

вести на русский язык. Однако в рекламе всемирно известных брендов само иностранное слово уже является и фактором, мотивирующим потребителя к покупке, и фактором придания дополнительной информации конкретному предмету дополнительной информации с помощью языкового символа. Таким образом, сохранение заимствованной лексической единицы, чаще всего англоязычной, позволяет быстрее установить сигнификативное значение слова.

Внутриязыковые причины быстрого внедрения заимствований в разные языки связаны с активным участием во многих языковых процессах и массовым характером использования иноязычных заимствований, это прежде всего.

1) необходимость выражения новых значений, т. е. отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе принимающего языка;

2) потребность в обновлении лексической системы, обеспечение стилистического эффекта. Некоторые заимствования были использованы для наименования новых понятий, в тоже время другие слова были заимствованы в погоне за языковой модой. Современная китайская молодежь считает престижным использовать в своей речи английские слова.

Использование заимствований в рекламе объясняется многими факторами, к которым относятся:

1) появление новой терминологии (язык компьютера, экономика, финансы). В связи с быстрым развитием и распространением информационных технологий в бытовой жизни появилось много новых предметов. Например, сайт, компьютер, диск и т. д.;

2) отсутствие соответствующего наименования. У заимствования есть несколько преимуществ: легче произносятся, короче, прозрачнее по своей этимологии, конкретнее по семантике). Например, «имидж» вместо «образ»;

3) специфические внутриязыковые процессы, характерные для русского и китайского языков.

В нашем исследовании мы отметили, что количество заимствований в рекламе на китайском языке не уступает их количеству на русском. Однако, во многих случаях, реклама брендов на китайском языке использует дублирование, т. е. способ в наибольшей степени сохраняющий в новом лексическом формате слова языка-реципиента. В то время как русскоязычная реклама отдает предпочтение иностранным словам из языка-источника. Связанно это, на наш взгляд, со структурой и графическими особенностями китайского и русского языков.

Поскольку русский язык относится к синтетическим, в нем существует больше возможностей для создания новых слов и понятий. Морфемы русского языка и разнообразные способы словообразования позволяют не только заимствовать слова путем калькирования, но и создавать новые лексические единицы с сохранением корня иноязычного слова. Например, *блогжик* (от *blog*), *айтишник* (от ИТ), *гуглить* (от Google), *спамить* (от Spam). Алфавит русского языка также в определенной степени способствует более легкому проникновению англоязычных названий брендов в рекламу. Большое количество заимствований в русском языке обусловлено диахроническими процессами развития языка.

Иная ситуация характерна для китайского языка. Как известно, китайский язык относится к языкам изолирующего типа. Изолирующие языки (иначе аморфные, односложные, корневые) сохраняют слова неизменными во всех формах, новые понятия выражаются сочетанием уже имеющих корней. Слова в изолирующем языке будут состоять только из составных слов, но не сочетаний с суффиксами, префиксами и т. д. В этом отношении изолирующие языки противоположны синтетическим, в которых слова могут состоять из нескольких морфем. Внутренние социолингвистические процессы развития китайского языка (большое количество диалектов и языковых групп сино-тибетских языков, продолжительная по времени изолированность китайского общества от контактов с другими странами) также длительное время останавливали сам процесс заимствования. Особую роль в заимствовании англицизмов играют вторичные заимствования, а также заимствования из других китайских языков и диалектов.

Относительно низкий (по сравнению с русским языком) уровень проникновения заимствований в китайский язык, также как использование дублирования всемирно известных брендов на китайском языке, можно объяснить также значительной разницей в системе письменности английского и китайского языков. Иероглифическая письменность, не имеющая аналогов в латинице, становится определенным препятствием для быстрого усвоения и языковой адаптации названий англоязычных брендов. На широкое распространение дублирований на двух языках (китайском и английском) в рекламных брендах повлияли также вторичные самозаимствования из других китайских диалектов. При этом исследователи обращают внимание на то, что языковые эксперты в Китае придерживаются мнения, что активный

поток неассимилированной иноязычной лексики может оказать пагубное влияние на китайский язык. Такое проникновение может нарушить языковую гармонию китайского языка. Ведущие специалисты призывают направить языковую политику на борьбу с нестандартизованным использованием иноязычных слов [Сушкова, Сунь Найсуй, 2014, с. 192].

Выводы. Специфические особенности использования в китайской рекламе заимствований, связанные в иным, отличным от западных понятий переноса рекламных вставок и слоганов в текст рекламы или на логотипы продукции. Зачастую за основу слогана для рекламного текста берется специфическое понятие «красоты» и далеко не всегда то, что вы прочтете в китайской рекламе с использованием заимствований (не важно на каком языке – английском, русском, французском) будет соответствовать тому, что вы реально получите в этом продукте. Справедливости ради, необходимо отметить, что последнее утверждение все же не является характерным для рекламы всемирно известных брендов. В этой ситуации продавцы и рекламодатели в большей степени соблюдают авторские права.

Таким образом, иноязычные слова в рекламных текстах становятся не только показателем межязыковых процессов, характерных для нынешнего этапа развития всех мировых языков, но и отражают определенные культурные и социальные процессы становления новой лексической базы, которая, в свою очередь вносит определенные изменения в способы наименования предметов и явлений современной жизни. Процесс заимствования не ограничивается заполнением понятийных лакун в языке. Активное включение в повседневную языковую практику англицизмов свидетельствует об определенной ценности английского языка как для авторов текстов, так и для потребителей рекламы. Это в равной степени характерно как для российского, так и для китайского общества.

Библиографический список

1. Алемасов Д. Самозаимствования в китайском языке. URL: <http://www.daochinasite.com/study/zijieyu.shtml> (дата обращения: 6.09.2020)
2. Бойко С. А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэтнический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 32–43.
3. Борисова О. С. Пути и источники заимствования в китайском языке // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2008. № 8. Ч. 1. С. 21–25.

4. Володарская Е. Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 102–104.

5. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. Москва : Просвещение, 1984. 216 с.

6. Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения: 05.11.2020).

7. Ли Сяндун. К вопросу о различии лексического заимствования в русском и китайском языках // Русский язык за рубежом. 2002. № 1. С. 60–63.

8. Ло Чанпэй. Язык и культура. Пекин : Юйвэнь чубаньшэ, 2006. 220 с.

9. Перфильева Н. В., Ху Пэйпэй. Различные трактовки заимствования в работах китайских лингвистов // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 8. (916) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-traktovki-zaimstvovaniya-v-rabotah-kitayskih-lingvistov/viewer> (дата обращения: 10.09.2020)

10. Рыбалкина О. А. «Эффект бренда»: элемент матрицы потребительского спроса // Креативная экономика. 2010. № 7 (43). С. 89–93.

11. Семенас А. Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 48–57.

12. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. Москва : Восток-Запад, 2005. 310 с.

13. Сушкова И. М., Сунь Найсуй. Иноязычная лексика в современном китайском языке // Вестник науки Сибири. 2014. № 1 (11). С. 188–192.

14. Ученова В. В., Шомова С. А. Полифония текстов в культуре. Москва : Омега-Л, ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2003. 389 с.

15. Чжан Кэ. Понимание термина заимствованное слово в китайской и русской лингвистике // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 724–734.

16. Ши Ювэй. О связи современного китайского языка и иностранных заимствований. URL: <http://www.huayuqiao.cn/articles/shiyouwei/shiyw09.htm> (дата обращения: 10.09.2020)

17. Янь Вэньвэнь. Иностранные заимствования в китайском языке: существующая обстановка и тенденции развития. URL: <http://www.no60school.com/research/sharelw> (дата обращения: 10.09.2020)

18. Williamson J. Decoding advertisements. London, 1978. 185 p.

19. 赵元任. 汉语中的歧义现象. 赵元任语言学论文集. 北京, 2002. 820—835 页. (Чжао Юаньжэнь. Явление многозначности в китайском языке // Сборник статей по лингвистике. Пекин: Издательство Шану, 2002. С. 820–835).

Reference List

1. Alemasov D. Samozaimstvovaniya v kitajskom

- jazyke = Cross-borrowings in the Chinese language. URL: <http://www.daochinasite.com/study/zijieyu.shtml> (data obrashhenija: 6.09.2020)
2. Bojko S. A. Anglicizmy v sovremennom rusском jazyke: lingvojetnicheskij aspekt = Anglicisms in contemporary Russian: the linguo-ethnic aspect // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2014. № 2. S. 32–43.
3. Borisova O. S. Puti i istochniki zaimstvovaniya v kitajskom jazyke = Ways and sources of borrowing in the Chinese language // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. Tambov : Gramota, 2008. № 8. Ch. 1. S. 21–25.
4. Volodarskaja E. F. Zaimstvovaniya kak otrazhenie rusско-anglijskih kontaktov = Borrowings as a reflection of Russian-English contacts // Voprosy jazykoznanija. 2002. № 4. S. 102–104.
5. Gorelov V. I. Leksikologija kitajskogo jazyka = Lexicology of the Chinese language. Moskva : Prosveshhenie, 1984. 216 s.
6. Krysin L. P. O rusском jazyke nashih dnei = About the Russian language today // Izmenjajushhij jazykovo mir. Perm', 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (data obrashhenija: 05.11.2020).
7. Li Sjandun. K voprosu o razlichii leksicheskogo zaimstvovaniya v rusском i kitajskom jazykah = On the distinction of lexical borrowing in Russian and Chinese // Russkij jazyk za rubezhom. 2002. № 1. S. 60–63.
8. Lo Chanpjej. Jazyk i kul'tura = Language and culture. Pekin : Jujvjen' chuban'shje, 2006. 220 s.
9. Perfil'eva N. V., Hu Pjeppjej. Razlichnye traktovki zaimstvovaniya v rabotah kitajskih lingvistov = Different interpretations of borrowing in the works of Chinese linguists // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2012. № 8. (916) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-traktovki-zaimstvovaniya-v-rabotah-kitajskih-lingvistov/viewer> (data obrashhenija: 10.09.2020)
10. Rybalkina O. A. «Jeffekt brenda»: jelement matricy potrebitel'skogo sprosa = «Brand effect»: an element of the consumer demand matrix // Kreativnaja jekonomika. 2010. № 7 (43). S. 89–93.
11. Semenas A. L. Osobennosti leksicheskikh zaimstvovaniy v kitajskom jazyke = Features of lexical loanwords in the Chinese language // Voprosy jazykoznanija. 1997. № 1. S. 48–57.
12. Semenas A. L. Leksika kitajskogo jazyka = Vocabulary of the Chinese language. Moskva : Vostok-Zapad, 2005. 310 s.
13. Sushkova I. M., Sun' Najsjuj. Inojazychnaja leksika v sovremennom kitajskom jazyke = Foreign language vocabulary in modern Chinese // Vestnik nauki Sibiri. 2014. № 1 (11). S. 188–192.
14. Uchenova V. V., Shomova S. A. Polifonija tekstov v kul'ture = Text polyphony in culture. Moskva : Omega-L, IMPJe im. A. S. Griboedova, 2003. 389 s.
15. Chzhan Kje. Ponimanie termina zaimstvovannoe slovo v kitajskoj i rusской lingvistike = Understanding of the term loanword in Chinese and Russian linguistics // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. № 3. S. 724–734.
16. Shi Juvvej. O svjazi sovremennogo kitajskogo jazyka i inostrannyh zaimstvovaniy = On the relationship between modern Chinese and foreign borrowings. URL: <http://www.huayuqiao.cn/articles/shiyouwei/shiyw09.htm> (data obrashhenija: 10.09.2020)
17. Jan' Vjen'vjen'. Inostrannye zaimstvovaniya v kitajskom jazyke: sushhestvujushhaja obstanovka i tendencii razvitija = Foreign loanwords in the Chinese language: current situation and trends. URL: <http://www.no60school.com/research/sharelw> (data obrashhenija: 10.09.2020)
18. Williamson J. Decoding advertisements. London, 1978. 185 p.
19. 赵元任. 汉语中的歧义现象. 赵元任语言学论文集. 北京, 2002. 820—835 页. (Chzhaou Juan'zhjen'. Javlenie mnogoznachnosti v kitajskom jazyke // Sbornik statej po lingvistike. Pekin: Izdatel'stvo Shanu, 2002. S. 820–835).

УДК 81.38

Е. И. Бойчук

<http://orcid.org/0000-0001-6600-2971>

Автоматизированный анализ ритма рекламного текста

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-00243

Для цитирования: Бойчук Е. И. Автоматизированный анализ ритма рекламного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 137–144. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-137-144

Целью данного исследования является определение специфики ритма рекламных текстов на основе анализа ритмических средств с опорой на компьютерное приложение ProseRhythmDetector, позволяющее осуществлять поиск определенных ритмических средств в тексте любого характера на четырех языках (английском, французском, русском и испанском). Вопрос специфики рекламных текстов изучен довольно подробно, о чем свидетельствует большое количество научных работ в этой области, подробно изучены вопросы воздействия рекламы на реципиента. Однако спорным остается вопрос средств воздействия, относительно которого среди исследователей нет единого мнения, единой структуры лингвистических средств влияния на подсознание потребителя. Суггестивный аспект данной проблемы часто представлен через средства повтора, что является вполне логичным, поскольку именно повтор позволяет напомнить покупателю о продукте, навязать продукт, спровоцировать на покупку. Это средство многогранно, включает различные комбинации основного элемента и повторяющихся элементов в зависимости от позиции, сочетаемости, от количества повторов, от их характера и степени интенсивности проявления в тексте. В данном исследовании представлены различные типы повторов, некоторые из которых характеризуются как риторические фигуры (анафора, эпифора, симплока, диакота, эпанапелсис, эпизевксис, анадиплосис, полисиндетон, хиазм, апозиопеза), некоторые относятся к грамматическим средствам, такие как повтор предложений, одинаковых по цели высказывания. В качестве материала используются англоязычные рекламные тексты вербально-визуального коммуникативного типа (объемом более 50 000 п. знаков), полученные методом сплошной выборки с сайтов продающих компаний. Однако при анализе учитывается лишь вербальный компонент рекламного текста, сопровождающий визуальный образ продаваемого продукта. В результате выявлены наиболее частотные средства, характерные для рекламных текстов на английском языке, в частности наиболее активным является диакота, повтор после промежуточных слов. Менее активно проявили себя эпифора, анафора, анадиплосис и последовательность вопросительных предложений.

Ключевые слова: ритм, рекламный текст, ProseRhythmDetector, ритмические средства, повтор.

Е. I. Boichuk

Automated analysis of the rhythm of advertising text

The purpose of this study is to determine the specificity of the rhythm in advertising texts based on the analysis of rhythm figures using the ProseRhythmDetector computer application, which allows to search for certain rhythm figures in a text of any nature in four languages (English, French, Russian and Spanish). The issue of the specific nature of advertising texts has been studied in some detail, as is evident from a large number of scientific works in this area; the issues of the impact of advertising on the recipient have been studied in detail. However, the question of the means of influence remains controversial, regarding which there is no consensus among researchers and no single structure of linguistic means of influencing the consumer's subconscious. The suggestive aspect of this problem is often presented through the means of repetition, which is quite logical, since it is the repetition that allows us to remind the customer of the product, to impose the product, to provoke a purchase. This tool is multifaceted, it includes various combinations of the main element and repeating elements depending on the position, compatibility, the number of repetitions, their nature and the degree of intensity of manifestation in the text. This study presents various types of repetitions, some of which are characterized as rhetorical figures (anaphora, epiphora, symploce, diacope, epanalepsis, episeuxis, anadiplosis, polysyndeton, chiasmus, aposiopesis), some refer to grammatical means, such as repeating sentences of the same purpose of the statement. The materials for the research are English-language advertising texts of a verbal-visual communicative type (more than 50,000 characters), obtained from the websites of selling companies. However, the analysis takes into account only the verbal component of the advertising text that accompanies the visual image of the product being sold. As a result, the most frequent means typical for advertising texts in English have been identified, in particu-

lar, the most active is diacope, repetition after intermediate words. Epiphora, anaphora, anadiplosis and the sequence of interrogative sentences were less active.

Keywords: rhythm, advertising text, ProseRhythmDetector, rhythm figures, repetition.

Ритм рекламного текста: суггестия

Существует множество исследований в области психологии и психолингвистики, посвященных звуко-ритмическому воздействию текста на реципиента. Это работы Б. С. Алякринского, В. М. Бехтерева, С. В. Болтаевой, Ж. А. Дрогалиной, А. Е. Наговицына, В. В. Налимова, И. Ю. Черепановой и др. Глубокий интерес к данной проблеме обусловлен, прежде всего тем, что звуко-ритмическое воздействие, влияние на подсознание человека лежит в основе любого вида коммуникации, направленного на привлечение внимания (политика, религия, реклама и др.). Вопросы в этой области знания всегда будут привлекать лингвистов и психологов.

Актуальными являются исследования, направленные на изучение политического дискурса и особенностей его суггестивного воздействия на реципиентов, основанного в том числе на применении такого способа привлечения внимания, как повтор (С. Г. Кара-Мурза, 2002; Т. Ф. Юданова, 2003; А. П. Чудинов, 2006; М. Н. Грачев, 2016; В. Е. Чернявская, 2017; К. В. Никитина, 2006; Г. А. Копнина, 2008; О. Л. Михалева, 2009, М. В. Поварницына, 2016 и др.). На материале религиозных текстов как одной из форм общественного сознания проводили свои исследования Е. В. Бобырева, 2008; Е. В. Сергеева, 2012; В. А. Бурцев, 2012; Ю. В. Гаврилова, 2013; Т. Ф. Гришенкова, Е. В. Вариясова, 2019 и другие. Что касается рекламных текстов, то вопросы суггестии на их материале изучались Н. В. Чумичевой, 2009; О. А. Алимуратовым, 2010; Е. С. Мориловой, 2005; о языковой специфике рекламного текста в целом существует огромное количество работ, среди которых отметим исследования Е. С. Кара-Мурзы, 2003; А. М. Македонцевой, 2010; Л. В. Уховой, 2013; В. Н. Степанова, И. А. Чибисовой, 2013; И. В. Волобуева, 2013; Т. А. Костроминой, 2017; Л. Г. Антоновой, 2019.

Одним из вопросов, который встает перед исследователями в области изучения воздействия рекламного текста на потребителя, является само понятие рекламной суггестии. Согласно Н. В. Чумичевой данное понятие трактуется как определенная «метапрограмма, направленная на скрытую мотивацию покупки» [Чумичева, 2009].

Автор выделяет следующие факторы эффективной рекламной суггестии: манипуляционный (суггестия), экстралингвистический (фактор социальной потребности в информации) и лингвистический (фактор интерпретации информации) [Чумичева, 2009]. Все три фактора работают на одну цель: продать, внушить потребителю необходимость покупки товара или услуги. Однако для реализации данной цели используется очень широкий спектр средств, реализующихся на различных языковых уровнях.

В частности авторами предлагается рассмотрение фоносемантической специфики текста, ритмо-рифмованного и патопсихолингвистического внушения, чередования предложений и абзацев разного размера, использования лексико-стилистических средств, тропов, риторических фигур, наличия или отсутствия подзаголовков, использования различных по характеру предложений (по цели высказывания и грамматическому строению) и т. д. Однако во всем многообразии перечисленных средств главенствующую роль играет ритм как повтор основного элемента будь то звук, слог, слово, предложение или образ. Сочетание ритмических характеристик обеспечивает воздействие рекламных сообщений на реципиента, осуществляющееся благодаря связи с физиологическими колебательными и неколебательными процессами в организме человека [Морилова, 2005]. При этом отмечается, что эффект воздействия зависит от «филогенетических и онтогенетических факторов, от эмоционального состояния реципиента, от ситуативного, визуального и лингвистического макроконтраста» [Морилова, 2005].

Средства ритмизации рекламного текста

Ритм текста в целом способен проявляться на различных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, стилистическом, структурно-композиционном. Это в первую очередь касается художественных текстов, где важно сюжетное построение произведения и его взаимосвязь с языковыми проявлениями авторского стиля. Что касается рекламного текста, то с точки зрения Е. С. Мориловой его ритмичность в большей степени создается на

графическом, графико-фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [Морилова, 2005].

В синтезе рекламного текста и рекламного изображения ритм в большей степени касается самого текста. Со смысловой точки зрения эти компоненты неделимы, но с точки зрения ритма они могут дополнять друг друга или пояснять, что характеризует их взаимодействие внутри лингво-образительного комплекса. Различные ритмические средства, проявляясь в том или ином тексте в совокупности другими средствами или элементами воздействия, формируют определенную структуру отношений, позволяющих воспринимать информацию на новом уровне. Автор анализирует такие средства ритмического строения, как *аллитерация, ассонанс, морфологический повтор, лексический повтор, синтаксический параллелизм*.

С. В. Болтаева усматривает специфику ритмических проявлений в повторении лексико-семантических и фонетических единиц. В качестве формального признака ритма автор рассматривает повтор чувственно ощутимых элементов – в контексте исследования суггестивных текстов – это повтор прагматически сильных слов и звуков речи. По мнению С. В. Болтаевой, адресат испытывает двойное воздействие фонетического и лексического ритмов. На фонетическом уровне автор выделяет такие приемы разложения аллитераций, как *пролепс, силлепс, интеркаляцию и тоталитет* [Болтаева, 2003, с. 18].

Лексический ритм реализуется эксплицитно посредством употребления *анафоры, полного лексического повтора* и имплицитно через повторную репрезентацию уже названного понятия с помощью *синонимов* его первичной номинации, использования *словообразовательных дериватов*, лексики, семантически близкой данному понятию на уровне ассоциаций, а также *контактных и дистантных, простых и сложных, точных и неточных, обратных повторов*. Повторы объединяются в системы: последовательную, перекрестную или обхватную [Болтаева, 2003, с. 19].

Смена ритмических схем, перебивание ритма в отдельных фрагментах речи также представлена автором как средство воздействия на реципиента. Перебивание ритма «разрушает трансное состояние, созданное повторяющимися стимулами. Адресат впадает в замешательство и

содержание речи воспринимается наиболее полно» [Болтаева, 2003, с. 18].

Некоторые сайты, специализирующиеся на копирайтинге, предлагают свои способы создания ритмического текста. В частности таковыми являются *чередование предложений и абзацев различных по объему, использование тезисного изложения, списков и маркеров, подзаголовков, употребление эхо фразы в конце текста*. Все это позволяет легче воспринять и усвоить информацию, а также способствует проявлению визуального ритма. Так, например, копирайтерам рекомендуется следующая схема выстраивания предложений: два длинных (более 10 слов), одно среднее (5-10 слов), одно короткое (1-4 слова). Что касается абзацев, то они визуально создают похожую конструкцию – один большой, один средний, один короткий абзац. Все это способствует выстраиванию визуального ритма текста. При этом не следует переоценивать роль коротких предложений в рекламе: чем больше коротких фраз, тем медленнее темп чтения, поскольку точка воспринимается как препятствие.

Ритм способствует восприятию текста как энергичного или как монотонного, это зависит в том числе от выстраивания предложений и их характера: в энергичном тексте не рекомендуется употреблять предложения размером более 11 слов (в большей степени простых), в то время как монотонные могут иметь до 25 слов (часто сложноподчиненные). Целью копирайтера с этой точки зрения является грамотное выстраивание текста. Чередование разных по объему предложений, равно как и ритм текста, который с точки зрения копирайтеров в этом и заключается, – один из принципов «скользящей горки» Шугермана, методики написания рекламного текста.

По мнению Н. В. Чумичевой на языковом уровне формальным признаком ритмической суггестии выступает повтор прагматически сильных звуков, слов, синтагматических последовательностей. Также автор говорит о приемах, основанных на суггестивных элементах *просодики, звуко-символизма, рифмы, аудио-визуальной стилизации*, патопсихолингвистических техниках создания эмоциональной напряженности и подсознательной «подстройки» [Чумичева, 2009].

Звуковые и лексические повторы (*анафору, эпифору, рефрен*) выделяет в качестве ритмических А. Пуяткина [Пуяткина, 2013]. В качестве одних из множества риторических фигур

наряду с *метафорой, сравнением, гиперболой, синекдой, олицетворением, парцелляцией* и другими средствами Л. В. Уховой отмечаются *анафора и повтор* [Ухова, 2011]. В данном исследовании автором было выделено несколько типов взаимодействия риторических фигур на вербальном и визуальном уровнях. Так, анафора (8,2 %) характеризует в большей степени 2 тип взаимодействия, когда вербальный ряд «строится на использовании многозначных слов, употребленных в переносном смысле, а визуальный воспринимается однозначно» [Ухова, 2011, с. 100]. Повтор встречается чаще в 1 типе взаимодействия (11 %), при котором «вербальный ряд построен на актуализации прямого значения слов, а визуальный – на актуализации переносного значения» [Ухова, 2011, с. 100-102].

В исследовании В. Н. Степанова, Е. А. Чибисовой рассматривается взаимодействие ритма и синестезии для реализации механизмов суггестии. Авторы выделяют несколько уровней реализации ритма: звуковая сторона представлена ассонансом и аллитерацией; лексико-семантический аспект реализуется посредством употребления антонимичных пар, конверсивов и экзотических заимствований; грамматический уровень ритмизации представлен повторами слов в определенном залоге и наклонении (чаще повелительном); стилистический уровень реализуется через употребление тропов, фигур речи (омонимов, инверсии, анафоры, эпифоры, синтаксического параллелизма, умолчания). Особо авторы отмечают синестетический принцип восприятия информации в рекламном тексте: в работе представлена полная классификация типов синестезий с точки зрения различных параметров влияния на подсознание [Степанов, Чибисова, 2013].

Разграничение некоторых ритмических средств

Понятие повтора является одним из ключевых для анализа ритма рекламы. В связи с этим мы предлагаем помимо анафоры и эпифоры, осуществлять поиск таких лексико-стилистических и грамматических средств, как **диакопа, анадиплозис, эпаналепсис, симплока, эпизевксис, хиазм, полисиндетон, повтор предложений, одинаковых по цели высказывания**. Данные средства выбраны не случайно, их выбор обусловлен двумя факторами: во-первых, стремлением раскрыть понятие повтора, представить его через другие

стилистические средства, включающие в свою структуру повтор, во-вторых, стремлением автоматизировать данный процесс и представить приложение, позволяющее автоматизированным способом осуществлять поиск и количественный подсчет данных средств в тексте. Второй фактор связан с некоторыми техническими ограничениями, которые на данном этапе исследования позволяют представить именно такие средства ритмизации.

Следует пояснить некоторые средства, в частности диакопу, ее соотношение с анадиплозисом, эпаналепсисом и эпизевксисом.

Лингвисты, проводящие сопоставительные исследования данных средств на материале разных языков сталкиваются с проблемой наличия большого количества средств, имеющих разную номинацию при одних и тех же условиях употребления повторяющихся элементов. Например, кондупликация (*conduplicatio*) совпадает по значению с анадиплозисом (*anadiplosis*), антанаклаза совпадает со средством, именуемым *antistasis* и не имеющим русского эквивалента. Кроме того, довольно редким с точки зрения употребления в русской стилистике именно этого именованного, является диакопа (*diacope*), указывающая на повтор слова после промежуточных слов. Например, во французской стилистике данный термин не используется. Повтор такого типа именуется некоторыми отечественными лингвистами как эпаналепсис. Но во французской стилистике данная фигура смешивается с понятием редупликации (удвоения и повтора двух слов в соположении) и анадиплозиса и рассматривается как фигура речи, которая буквально повторяет сегмент фразы, группу слов или слово, употребленные в конце предложения и повторенные в начале следующего предложения [Pellegrin, 2014]. В русской стилистике относительно общепринятого смысла термина *эпаналепсис* существует другая номинация, а именно *кольцо (обрамление)* как повтор одного и того же слова в начале и в конце предложения [Томашевский, 1983]. Все это подтверждает отсутствие единой универсальной системы стилистических средств, что порождает проблему сравнительно-сопоставительных исследований.

Особую проблему представляют средства, для которых принципиальна позиция повторяющихся элементов, например, *разграничение редупликации, эпизевксиса и анадиплозиса*. В русской стилистике под редупликацией принято

понимать удвоение корня, основы или целого слова [Жеребило, 2010]. При этом следует четко разграничивать повтор слова через дефис (морфологический уровень) или через запятую (лексический уровень). Во втором случае мы имеем дело с эпизевксисом (*epizeuxis*, *épizeuxe*) или палилогией (*palilogia*, *palilogie*), повтором слова подряд без промежуточных слов. Однако в существующих определениях не акцентируется внимание на позиции повторяющихся элементов по отношению к началу, середине или концу предложения. Это необходимо для его разграничения с анадиплозисом, при котором повтор слов наблюдается на стыке частей предложения или на стыке предложений, которые также могут быть разграничены запятой. Во французской риторике выделяется эпанадиплозис, но он определяется как повтор слов в начале и в конце предложения, то есть совпадает по функции с английским эпаналепсисом.

Разграничение понятий эпаналепсиса, кольца и диакопы. Проблема состоит в различном понимании эпаналепсиса. М. Л. Гаспаров рассматривает данное средство как «слова повторяющиеся подряд (А А...)» [Литературный словарь, 1986]. Н. Н. Романова определяет эпаналепсис как повтор слова после промежуточных слов [Романова, 2009]. В английских словарях отмечается привязка элементов данного средства к конкретной позиции, то есть эпаналепсис рассматривается как повтор начальной части фразы в конце этой фразы (*Epanalepsis is the repetition of the initial part of a clause or sentence at the end of that same clause or sentence*) [Smyth, 1920]. В русской стилистике этот тип повтора называется кольцом. А для повторов слов через определенные промежутки в английской стилистике существует понятие диакопы (*Diacope is a repetition of a phrase or word, broken up by other intervening words*) [Smyth, 1920], аналогичное понятие существует и в русской стилистике (диакопа).

Мы принимаем точку зрения, согласно которой эпаналепсис представляет собой повтор слов или сочетаний слов в начале и в конце предложения, то есть ту позицию, которую описывает кольцо. Для диакопы будем рассматривать повтор слов через определенные промежутки.

Особыми средствами, которые рассматриваются в системе риторических фигур в том или ином языке, являются следующие: 1) конкатенация (*concatenation* во французской системе средств), 2) *mesarchia*, *mesodiplosis*

(в английской системе средств), 3) *répétition renforcée* (*la répétition des mots avec des adverbess de quantité/* повтор слов в сочетании с количественными наречиями) в русской системе средств – градационный повтор. Для них не найдены точные эквиваленты в трех языках. Конкатенация близка к палилогии в русской риторике, *mesarchia*, *mesodiplosis* являются разновидностями симплоки в русской риторике, градационный повтор был выделен только в русском и французском языках.

Автоматизированный анализ ритма рекламного текста

Для осуществления автоматизированного поиска перечисленных выше средств было создано компьютерное приложение *ProseRhythmDetector*, позволяющее работать с текстами на четырех языках (английском, французском, испанском и русском). Авторами приложения (Е. И. Бойчук, Н. С. Лагутина, К. В. Лагутина) предусмотрен также статистический анализ текстов любого стиля и жанра, который может быть ориентирован на сравнительный анализ текстов разных эпох.

В приложение можно загрузить *txt*-файл в формате *UTF-8* с текстом, затем указать язык (русский, английский, французский, испанский). Программа обрабатывает текст: разделяет его на слова и предложения, нумерует слова, находит слова и предложения, в которых имеются ритмические характеристики. Затем она выводит текст на экран, а ритмические характеристики подсвечивает различными цветами. Также она выводит общий список ритмических характеристик. Программой также осуществляется статистический анализ стилеметрических и ритмических характеристик текстов на естественном языке.

С использованием данной программы были определены наиболее частотные ритмические средства для англоязычных рекламных текстов, взятых в объеме 50000 печатных знаков с пробелами. На данное количество материала наиболее частотным средством стала диакопа (125 единиц): *This version of the classic game makes a great birthday gift for kids, or holiday gift for kids ages 3 and up.*

Менее активными являются эпифора (9 единиц), анафора (6 единиц) и анадиплозис (2 единицы), а также последовательность вопросительных предложений (1 единица): *This scented foaming shower gel produces a generous*

lather that gently cleanses the skin. Its fresh formula, enriched with rose oil known for its nourishing properties, brings beauty and comfort to the skin.

Gone is the garish, cringeworthy styling, the oversized features, the questionable chrome. Gone are the cheap plastics, the laughable switches and the cramped third row.

Take game-changing pics and video with the triple lens camera and 3X optical zoom. Zoom in close from farther away and capture images with 30X Space Zoom (анадиплозис + энифора).

There are in fact as many good reasons for cycling as there are bikes. Are you looking for mountain bikes and road bikes for competitive cycling? Or do you want to get one of those so-called E-bikes everyone is talking about?

Данные примеры демонстрируют возможности исследования ритмики текста с опорой на компьютерное приложение PRD. Для получения статистики по ритмическим характеристикам рекламных текстов необходим более обширный корпус текстов для исследования.

Ритмические характеристики, представленные для автоматизированного анализа, представляют собой лишь часть тех средств, которые способствуют определению текста как ритмического. Более эффективным является анализ комплексных характеристик рекламного текста, который включал бы как анализ размера предложений и абзацев, визуальный ритм текста, так и его языковую составляющую, включающую анализ повторов различных типов на различных языковых уровнях. В настоящий момент ведется работа по внедрению в программу PRD таких средств, как аллитерация и ассонанс для четырех языков. Комплексный ритмический анализ рекламных текстов позволит более точно сформулировать закономерности, по которым строится суггестивный текст, а также использовать эти параметры для создания текстов различных типов, способных воздействовать на подсознание.

Библиографический список

1. Алимуратов О. А., Хасуева М. Х. Сущность явления суггестии в медиа-дискурсе и основные факторы успешности данного процесса // Язык. Текст. Дискурс, 2010. № 8. С. 363–375.
2. Антонова Л. Г. Актуальные вопросы жанра и стиля в концепции «маркетинговой лингвистики» // Филологические чтения. Текст. Дискурс. 2019. С. 1–5.
3. Балахонская Л. В., Сергеева Е. В., Мартынова И. А. Общество с ограниченной ответственностью

«ФЛИНТА». Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. 2016. 350 с.

4. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.

5. Болтаева С. В. Имплицитные ритмы суггестивного текста // Программные материалы международной научной конференции 15–18 мая 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 10.

6. Бурцев В. А. Анализ дискурса в порождающей перспективе: способы функционирования высказываний в русском религиозном дискурсе: монография. Елец: ЕГУ им И. А. Бунина, 2010. 153 с.

7. Волобуев И. В. Языковые средства выразительности рекламного текста на английском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2013. № 3 (126). С. 37–41.

8. Гаврилова Ю. В. Роль суггестии в процессе формирования общественного сознания (на примере религии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31). В 2-х ч. Ч. I. С. 43–46.

9. Гаврилова Ю. В. Роль суггестии в процессе формирования общественного сознания (на примере религии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. I. С. 43–46.

10. Грачев М. Н. Трансформация моделей мобилизующего и десоциализирующего воздействия коммуникативных технологий на аудиторию // Век информации. 2017. № 2. С. 100–102.

11. Гришенкова Т. Ф., Варясова Е. В. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. 21(4). С. 1086–1094.

12. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

13. Кара-Мурза Е. С. Краткий курс манипуляции сознанием. Москва: Алгоритм, 2002. 448 с.

14. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. Москва: Изд-во МГУ, 2003.

15. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. Москва: Издательство «Наука», 2008. 176 с.

16. Костромина Т. А. Звуковая организация текстов англоязычной социальной рекламы // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. Белгород. 2017. № 11. С. 127–131.

17. Литературный энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия / под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. 1987.

18. Македонцева А. М. Убеждающая и внушающая функции рекламных объявлений (на материале англоязычных текстов) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2009. № 7. Вып. 1. С. 196–199.
19. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
20. Наговицын А. Е. Ритмо-фонетическая структура текста: смысловое наполнение фонетических знаков. Москва : МПСИ : Флинта, 2005. 408 с.
21. Никитина К. В. Речевая манипуляция как предмет лингвистического исследования // Вестник Башкирского университета, 2006. № 4. С. 104–106.
22. Поварницына М. В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте // Известия ВГПУ. Волгоград, 2016. С. 117–124.
23. Путятин А. Ритм в рекламном тексте – секреты шаманов и гипнотизеров // Рекламные техники. URL: <https://kaplunoff.com/blog/reklamnye-tehniki/228-ad-rhythm> (дата обращения: 21.01.2021)
24. Романова Н. Н. Стилистика и стили: учебное пособие. Москва : Издательство «Флинта», 2009. 405 с.
25. Сергеева Е. В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.) // «Политическая лингвистика». 2012. № 2. С. 46–52.
26. Степанов В. Н., Чибисова Е. А. Суггестия и механизмы ее реализации в рекламном тексте: ритм и синестезия // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2013. Вып 1. С. 206–215.
27. Томашевский Б. В. Стилистика. Ленинград, 1983. 288 с.
28. Ухова Л. В. Использование риторических фигур в текстах печатной рекламы: к вопросу об эффективности коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. С. 96–106.
29. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. Москва : Ленанд, 2017. С. 160.
30. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие. Москва, 2006.
31. Чумичева Н. В. Метроритмические технологии рекламного программирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология» – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2008. Вып. 3. С. 42–46.
32. Юданова Е. Т. Лингвистические особенности суггестивного политического дискурса (на материале обращения Ф. Д. Рузвельта от 2 мая 1943 года) // Studia Linguistica, РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 546–549.
33. Pellegrin P., Hecquet-Devienne M., Aristote : Œuvres complètes, Éditions Flammarion, 2014.
34. Smyth H. W. Greek Grammar. Cambridge MA : Harvard University Press. 1920.

Reference List

1. Alimuradov O. A., Hasueva M. H. Sushhnost' javlenija suggestii v media-diskurse i osnovnye faktory uspehnosti dannogo processa = The essence of the 'suggestion' phenomenon in media discourse and the main success factors of this process // Jazyk. Tekst. Diskurs, 2010. № 8. S. 363–375.
2. Antonova L. G. Aktual'nye voprosy zhanra i stilja v koncepcii «marketingovoj lingvistiki» = Current issues of genre and style in the concept of «marketing linguistics // Filologicheskie chtenija. Tekst. Diskurs. 2019. S. 1–5.
3. Balahonskaja L. V., Sergeeva E. V., Mart'janova I. A. Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvenost'ju «FLINTA». Lingvistika rechevogo vozdejstvija i magnipulirovanija = FLINTA Limited Liability Company. Linguistics of speech influence and manipulation. 2016. 350 s.
4. Bobyreva E. V. Religioznyj diskurs: cennosti i zhanry = Religious discourse: values and genres // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. № 1. S. 162–167.
5. Boltaeva S. V. Implicitnye ritmy suggestivnogo teksta = Implicit rhythms of suggestive text // Programmnye materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15–18 maja 2003 g. Ekaterinburg, 2003. S. 10.
6. Burcev V. A. Analiz diskura v porozhdajushhej perspektive: sposoby funkcionirovanija vyskazyvanij v russkom religioznom diskurse = Analysis of discourse from a generative perspective: utterance functioning in Russian religious discourse : monografija. Elec : EGU im I. A. Bunina, 2010. 153 s.
7. Volobuev I. V. Jazykovye sredstva vyrazitel'nosti reklamnogo teksta na anglijskom jazyke = Linguistic means of expression in English advertising text // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie, 2013. № 3 (126). S. 37–41.
8. Gavrilova Ju. V. Rol' suggestii v processe formirovanija obshhestvennogo soznanija (na primere religii) = The role of suggestion in shaping social consciousness (using religion as an example) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2013. № 5 (31). V 2-h ch. Ch. I. C. 43–46.
9. Gavrilova Ju. V. Rol' suggestii v processe formirovanija obshhestvennogo soznanija (na primere religii) = The role of suggestion in shaping social consciousness (using religion as an example) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (vhodit v perechen' VAK). Tambov : Gramota, 2013. № 5. Ch. 1. S. 43–46.
10. Grachev M. N. Transformacija modelej mobilizujushhego i desocializirujushhego vozdejstvija kommunikativnyh tehnologij na auditoriju = Transforming patterns of mobilising and desocialising the impact of communication technology on audiences // Vek informacii. 2017. № 2. S. 100–102.
11. Grishenkova T. F., Varijasova E. V. Suggestija kak sposob rechevogo vozdejstvija v religioznom diskurse = Suggestion as a means of speech impact in

religious discourse // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. 21(4). S. 1086–1094.

12. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Nazran': OOO «Piligrim», 2010. 486 s.

13. Kara-Murza E. S. Kratkij kurs manipuljacji soznanijem = A brief course in mind manipulation. Moskva : Algoritm, 2002. 448 s.

14. Kara-Murza E. S. Lingvisticheskaja jekspertiza reklamnyh tekstov = Linguistic expertise in advertising texts // Jazyk sredstv massovoj informacii kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija : uchebnoe posobie. Moskva : Izd-vo MGU, 2003.

15. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie = Speech manipulation : uchebnoe posobie. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 2008. 176 s.

16. Kostromina T. A. Zvukovaja organizacija tekstov anglojazyčnoj social'noj reklamy = Sound organisation of English social advertising texts // Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal Alleja Nauki. Belgorod. 2017. № 11. S. 127–131.

17. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' = Literary encyclopaedic dictionary. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija / pod redakciej V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. 1987.

18. Makedonceva A. M. Ubezhdajushhaja i vnushhajushhaja funkcii reklamnyh ob'javljaenij (na materiale anglojazychnyh tekstov) = The persuasive and suggestive functions of advertisements (based on English-language texts) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». 2009. № 7. Vyp. 1. S. 196–199.

19. Mihajlova O. L. Politicheskij diskurs: Specifika manipuljativnogo vozdejstvija = Political discourse: The specificity of manipulative influence. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.

20. Nagovicyn A. E. Ritmo-foneticheskaja struktura teksta: smyslovoe napolnenie foneticheskikh znakov = Rhythm and phonetic structure of the text: the semantic content of phonetic signs. Moskva : MPSI : Flinta, 2005. 408 s.

21. Nikitina K. V. Rechevaja manipuljacija kak predmet lingvisticheskogo issledovanija = Speech manipulation as a subject of linguistic research // Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2006. № 4. S. 104–106.

22. Povarnicyna M. V. Manipuljacija, suggestija, atrakcija i fascinacija v kreolizovannom tekste = Manipulation, suggestion, attraction and fascination in creolised text // Izvestija VGPU. Volgograd, 2016. S. 117–124.

23. Putjatina A. Ritm v reklamnom tekste – sekrety shamanov i gipnotizerov = Rhythm in advertising text –

the secrets of shamans and hypnotists // Reklamnye tehniki. URL: <https://kaplunoff.com/blog/reklamnye-tehniki/228-ad-rhythm> (data obrashhenija: 21.01.2021)

24. Romanova N. N. Stilistika i stili = Stylistics and styles : uchebnoe posobie. Moskva : Izdatel'stvo «Flinta», 2009. 405 s.

25. Sergeeva E. V. K voprosu o nekotoryh manipuljativnyh priemah v tekstah predvybornoj agitacii (na materiale kampanii 2011 g.) = On some manipulative techniques in election campaign texts (based on the 2011 campaign) // «Politicheskaja lingvistika». 2012. № 2. S. 46–52.

26. Stepanov V. N., Chibisova E. A. Suggestija i mehanizmy ee realizacii v reklamnom tekste: ritm i sinestezija = Suggestion and its implementation mechanisms in advertising text: rhythm and synaesthesia // Vestnik TvGU. Serija Filologija. 2013. Vyp 1. S. 206–215.

27. Tomashevskij B. V. Stilistika = Stylistics. Leningrad, 1983. 288 s.

28. Uhova L. V. Ispolzovanie ritoricheskikh figur v tekstah pechatnoj reklamy: k voprosu ob jeffektivnosti kommunikacii = Using rhetorical figures in text-based advertising: on the effectiveness of communication // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2011. S. 96–106.

29. Chernjavskaja V. E., Molodychenko E. N. Rechevoe vozdejstvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse = Speech impact in political, advertising and internet discourse. Moskva : Lenand, 2017. S. 160.

30. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika = Political linguistics : uchebnoe posobie. Moskva, 2006.

31. Chumicheva N. V. Metroritmicheskie tehnologii reklamnogo programmirovanija = Metrorhythmic techniques in advertising programming // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija» – Majkop: Adygejskij gosudarstvennyj universitet, 2008. Vyp. 3. S. 42–46.

32. Judanova E. T. Lingvisticheskie osobennosti suggestivnogo politicheskogo diskursa (na materiale obrashhenija F. D. Ruzvel'ta ot 2 maja 1943 goda) = Linguistic features of suggestive political discourse (based on F. D. Roosevelt's speech of 2 May 1943) // Studia Linguistica, RGPU im. A. I. Gercena, 2003. S. 546–549.

33. Pellegrin P., Hecjauet-Devienne M., Aristote : Œuvres complètes, Éditions Flammarion, 2014.

34. Smyth H. Shh. Greek Grammar. Cambridge MA : Harvard University Press. 1920.

УДК 811

Е. А. Глебова

<http://orcid.org/0000-0002-2284-631X>

И. А. Тисленкова

<http://orcid.org/0000-0002-7202-2773>

И. В. Бганцева

<http://orcid.org/0000-0001-5128-8858>

Лингвокультурные концепты цвета в английском, французском и русском языках (на материале фразеологических единиц с цветовым признаком)

Для цитирования: Глебова Е. А., Тисленкова И. А., Бганцева И. В. Лингвокультурные концепты цвета в английском, французском и русском языках (на материале фразеологических единиц с цветовым признаком) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 145–151. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-145-151

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что концепты цвета предоставляют значимую информацию о ценностной иерархии языкового коллектива и способствуют созданию понятия «цветовая картина мира». Появляется необходимость в изучении цвета с позиций лингвокультурологии, а именно такого ее раздела, как лингвоконцептология. В статье представлен лингвокультурологический анализ цветовой концептосферы, реализуемой во фразеологических единицах с цветовым признаком и словах-цветообозначениях в английском, французском и русском языках. **Задачи исследования** состояли в том, чтобы провести сопоставительный анализ фразеологических единиц с цветовым признаком и слов-цветообозначений в английском, французском и русском языках и выявить их универсальность, различность и уникальность в сопоставляемых лингвокультурах. В качестве **основных методов** исследования применялись этимологический, интерпретативный, сравнительный и количественный анализы. **Материалом исследования** послужили фразеологические единицы с цветовым признаком и слова-цветообозначения, извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского, французского и русского языков. В ходе нашего исследования мы пришли к следующим умозаключениям: человек воспринимает окружающий мир в форме колорита, поскольку цвет сопровождает почти все проявления его жизни; в каждой лингвокультуре есть свои этноприоритетные и этнорелевантные цвета; цвет выступает как выразитель универсальности, различности и уникальности в восприятии внешнего мира. **Теоретическая значимость** исследования состоит в развитии лингвокультурной концептологии применительно к концептам цвета.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, фразеологизмы с цветовым признаком, слова-цветообозначения, концептосфера цвета, цветовая картина мира.

E. A. Glebova, I. A. Tislenkova, I. V. Bgantseva

Linguo-cultural concepts of colour in english, french and russian (on the material of phraseological units with colour attribute)

The relevance of the given research can be explained by the fact that concepts of colour represent significant information about the hierarchy of values within the linguistic community and contribute to the notion «colour picture of the world». It is reasonable to conduct a research of colour from the perspective of cultural linguistics, in particular, of its branch, linguistic conceptology. The article provides a linguo-cultural analysis of the colour conceptual sphere, represented by phraseological units with colour attribute and colour words in the english, french and russian languages. The objectives of the research are to carry out a comparative analysis of phraseological units with colour attribute and colour words in the english, french and russian languages and reveal their universality, difference and their unique character in the linguistic cultures under consideration. The main methods of the research are comparative and interpretation analyses as well as etymological and quantitative methods. The main sources for the research are phraseological units with colour attribute and words denoting colour collected from english, french and russian phraseology dictionaries using the continuous sampling method. The research has led to the following conclusions: man perceives the world around through colours, because colour accompanies almost all manifestations of human life; every language culture is characterized by its own ethnic-priority and ethnic-relevant colours; colour acts as an expression of universality, difference and uniqueness in the perception of the outside world. The theoretical significance of the study lies in the development of linguistic and cultural conceptology with regard to the concepts of colour.

Keywords: linguo-cultural concept, phraseological units with colour attribute, words denoting colour, colour conceptual sphere, colour picture of the world.

1. Введение

Концепты цвета занимают немалое место в межкультурной коммуникации, поскольку посредством слов-цветообозначений могут быть выражены самые глубокие, сложные отношения и различные стороны жизни. Как отмечает Т. Ю. Светличная, система цветообозначений этнокультурологически маркирована. Она имеет две ипостаси, являясь как производной культуры, так и культурообразующим фактором [Светличная, 2014, с. 76].

Концепты цвета можно отнести к эмоциональным концептам, которые, вслед за Н. А. Красавским, понимаются нами «как этнически, культурно обусловленные сложные структурно-смысловые интегративные, ментальные образования, базирующиеся на понятийной основе, включающие в себя помимо понятия образ, оценку, культурную ценность и функционально замещающие человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский, 2001, с. 73]. Вывод о эмоциональной окрашенности концептов цвета мы делаем, опираясь на данные ряда исследований [Вольская, 2016, с. 99; Гуз, 2009, с. 42; Мартыанова, 2013, с. 58], доказавших, что эмоциональная реакция является составной частью целостной психофизиологической реакции организма на цвет. Так, *красный* цвет воспринимается как теплый и возбуждающий, *розовый* – как нежный, мягкий, очаровательный, женственный, *желтый* цвет часто ассоциируется с весельем, радостью, *голубой* цвет вызывает ощущение спокойствия, а иногда и меланхолии... [Купер, Метьюз, 2001, с. 23–53]. Следовательно, то, что субъективно переживается как эмоция, во внешнем по отношению к человеку мире существует в форме цветов: в форме колорита человеку дано видеть эмоции. Цвета эмоциоподобны, а эмоции цветоподобны [Яньшин, 2000, с. 18].

Поскольку эмоции оценочны, то рассматриваемые нами концепты цвета содержат в себе и оценочную составляющую, которая, как замечает В. И. Шаховский, отражает ценность эмоционально рефлекслируемой культуры для данной языковой общности [Шаховский, 2002, с. 6].

Наименования цвета образуют классический пример семантического поля, границы которого, по мнению ученых, могут быть четко определены

[Скребцова, 2000, с. 38]. По утверждению А. Вежбицкой, фокусы у разных семантических категорий цвета могут быть относительно стабильны по языкам и культурам, потому что фундаментальные концептуальные модели, которые основаны на нашем общем человеческом опыте, у нас одинаковы [Вежбицкая, 1996, с. 284]. В то же время у каждого народа есть национально-обусловленные символы, отражающие особенности идиоэтнического восприятия мира, когда в качестве эталона, стереотипа ситуации, выступают реалии, жизненно важные только для данной этнокультурной общности. Поскольку именно на фразеологическом субуровне эксплицитно отражается сама специфика познавательного опыта того или иного социума, особенности его мировидения, менталитета [Шаховский, Панченко, 1999, с. 285–289], то мы присоединяемся к мнению З. М. Сафиной, что подключение к языковому анализу, наряду с отдельными языковыми единицами, семантики фразеологических единиц позволит выявить те нюансы в концептосфере цвета, которые не поддаются описанию при рассмотрении языковых единиц цветообозначений изолированно [Сафина, 2002, с. 199].

2. Материалы и методы

Придерживаясь основного спектра цветов (Р. М. Фрумкина полагает, что «основными» в русском языке принято считать кроме традиционных «семи цветов радуги» еще розовый и коричневый цвета, а также ахроматические – белый, черный, серый [Фрумкина, 1984, с. 31]), мы проанализировали около 800 французских, английских и русских фразеологизмов с цветовым признаком и слов-цветообозначений. Материал почерпнут из различных фразеологических словарей английского [Кунин, 2004; Литвинов, 2000; From the horse's mouth ..., 2009], французского [Новый большой француско-русский ..., 2005; Rey, Chantreau, 2003] и русского языков [Ларионова, 2014; Фразеологический словарь ..., 2003]. На основе анализа можно констатировать следующее:

– ядерными концептами (отобрано свыше 50 фразеологических единиц, содержащих в своем составе апелляцию к концептам цвета) в сопоставляемых культурах являются концепты «белый» и «черный», которые выступают как противопоставление «светлой» стороны человеческой жизни (добродетель, волшебство,

невинность) «темной» (нечистая сила, наказание, несчастье). Концепт «красный» ассоциируется в трех лингвокультурах с революцией, а потому олицетворяет значимые и важные понятия для каждого этноса. Концепт «синий» в рассматриваемых культурах несет в себе в большей мере отрицательные коннотации, и это сближает его с концептом «черный»;

– периферийные концепты (менее 50 фразеологических единиц, апеллирующих к концептам цвета) – это концепты «зеленый», «серый» и «желтый», которые отображают в сравниваемых лингвокультурах составляющие повседневной жизни и не несут в себе, в отличие от ядерных концептов цвета, более глубинного смысла;

– единичные концепты (менее 10 фразеологических единиц с апелляцией к концептам цвета) представлены концептами «розовый» и «коричневый», указывают больше на родство сопоставляемых культур, нежели, чем на различие между ними, а единичные концепты «фиолетовый» и «оранжевый» оказались неактуальными для русской лингвокультуры.

На основе количественного анализа, мы делаем вывод, что этноприоритетный цвет в английской (67 фразеологических единиц с цветовым признаком) и русской (60 фразеологических единиц) лингвокультурах – черный, во французской лингвокультуре (122 фразеологические единицы) – белый; этнорелевантный цвет в английской (8 фразеологические единицы) и русской (16 фразеологических единиц) лингвокультурах – серый, во французской (16 фразеологических единиц) лингвокультуре – желтый. Коричневый, розовый, фиолетовый и оранжевый цвета являются единичными в рассматриваемых нами лингвокультурах.

Количественные данные также показывают, что цветовая концептосфера является более актуальной для французской (отобрано 380 фразеологизмов с цветовым признаком и словцетообозначений) лингвокультуры, чем для английской (257 фразеологизмов) и русской (228 фразеологизмов) лингвокультур.

3. Ядерные концепты цвета в английской, французской и русской лингвокультурах

Отобранные нами французские, английские и русские фразеологизмы с цветовым признаком можно классифицировать по следующим семантическим группам:

1. характеристики человека (внешность, черты характера, профессиональная принадлежность, национальность и др.);

2. неорганический мир (цветовые и вкусовые характеристики, явления природы, химические соединения и вещества, предметы одежды, предметы отдыха и развлечений и др.);

3. органический мир (номинации животного и растительного мира);

4. символика государства (государственная деятельность, номинации наград / печатных изданий / оружия и др.);

5. номинации территориальных единиц;

6. номинации болезней;

7. обряды, заклинания, традиции;

8. философские понятия.

Сосредоточим свое внимание на рассмотрении ядерных концептов цвета в сопоставляемых культурах.

3.1. Концепт «белый» в английской, французской и русской лингвокультурах

В трех сопоставляемых лингвокультурах самой обширной тематической группой, включающей фразеологизмы с цветовым признаком «белый» оказалась группа – характеристики человека. Так, количество фразеологизмов в процентах в трех языках следующее: в английском языке – 14 %, во французском языке – 38 %, в русском языке – 14 %.

В трех лингвокультурах белый цвет использует преимущественно для отображения черт характера человека и взаимоотношений между людьми. Он символизирует «упрямство» (англ. яз.: *swear black is white* – *уверять, что черное – белое, т. е. утверждать что-либо, противоречащее истине*; франц. яз.: *c'est bonnet blanc et blanc bonnet* – *посл. что в лоб, что по лбу*; рус. яз.: *называть белое черным, а черное белом; ты ближе к делу, а он про козу белу*), «трусость» и «глупость» (англ. яз.: *white-livered* – *трусливый, малодушный*; франц. яз.: *avoir les foies blancs* – *испугаться, струсить, быть трусом*; *ne connaitre ni le blanc ni le noir* – *не отличать черного от белого; ничего не знать; не смыслить*; рус. яз.: *принимать белое за черное*), «недоброжелательность» в отношении между людьми (англ. яз.: *a white elephant* – *ничемный человек*; франц. яз.: *sourir blanc* – *неестественная улыбка, натянутая улыбка*; *laisser une marge blanche* – *умалчивать о чем-либо, обходить молчанием*; *d'un sac à charbon ne peut sortir blanche farine* – *из угольного мешка не посыплется белая мука*; *от осины яблочко не родится*; рус. яз.: *довести до белого каления; черного кобе-*

ля, не отмоешь до бела).

Рассматривая другие тематические группы (такие, как неорганический мир и обряды / заклинания / традиции), следует отметить, что белый цвет в трех лингвокультурах олицетворяет зиму и снег (англ. яз.: *white frost* – иней; франц. яз.: *geler à blanc* – покрыться инеем; рус. яз.: белые мухи), это цвет воды (англ. яз.: *white fuel* – «белое топливо», гидроэнергия; франц. яз.: *houille blanche* – белый уголь, т. е. энергия рек; рус. яз.: белый уголь), а также белый цвет символизирует чародейство посредством божественных сил (англ. яз.: *white magic* – белая магия; франц. яз.: *magie blanche* – белая магия; рус. яз.: белая магия).

Различными в трех лингвокультурах являются фразеологические единицы, отображающие философские понятия (во французской лингвокультуре белый цвет – это цвет неизведанного: *page blanche*, в английской лингвокультуре – цвет лжи (невинной): *a white lie*, в русской – мира, как Вселенной / Земного шара): *белый свет*.

3.2. Концепт «черный» в английской, французской и русской лингвокультурах

В трех сопоставляемых лингвокультурах самой обширной тематической группой, включающей фразеологизмы с цветовым признаком «черный» также является группа – характеристики человека. Так, количество фразеологизмов в процентах в трех языках следующее: в английском языке – 16 %, во французском языке – 25 %, в русском языке – 18 %.

В трех лингвокультурах черный цвет – это цвет подавленного настроения человека (англ. яз.: *paint a black picture of something* – рисовать что-либо мрачными красками; *нарисовать мрачную картину чего-либо*; *the black dog* – плохое настроение, уныние, хандра, ипохондрия; *as black as thunderer* – разг. мрачнее тучи, туча-тучей; франц. яз.: *rapillons noirs* – черные мысли; *chagrin noir* – сильное огорчение, глубокая печаль; *pousser au noir* – видеть все в мрачном свете; рус. яз.: черными красками (рисовать); в черном цвете (видеть, представлять); черная меланхолия). Черный цвет олицетворяет «неуважение», «презрение» и «уничижительность» в отношениях между людьми (англ. яз.: *black looks* – хмурые, неодобрительные взгляды; *black ingratitude* – черная неблагодарность; *give somebody a black eye* – подбить глаз, поставить фонарь под глазом; франц. яз.: *rendre (bien) noir* – очернить, оклеветать; *rentrer de piques noires* – некстати и грубо вмешаться в разговор; *vendre du noir à qn* – обманывать, вводить в заблуждение кого-либо;

рус. яз.: черная кошка пробежала; *держатъ кого-либо в черном теле*).

В рамках других тематических групп (обряды / заклинания / традиции; неорганический мир; номинации болезней) черный – это цвет нечистой силы (англ. яз.: *black art* – черная магия, чернокнижие; франц. яз.: *messe noire* – колдовство, шаманство; *magie noire* – черная магия; рус. яз.: чернокнижие). Во французской и русской лингвокультурах черный цвет – это цвет ржаного хлеба и кофе (франц. яз.: *du café noir* – черный кофе; *le pain noir* – черный хлеб; рус. яз.: черный кофе; черный хлеб). В английской и русской лингвокультурах черный цвет – это цвет острой эпидемической болезни (англ. яз.: *the black death* – черная смерть; рус. яз.: черная смерть).

Уникальными являются фразеологические единицы, отображающие физические характеристики человека (во французской лингвокультуре черный цвет – это «цвет» нетрезвого человека: *être noir* – быть пьяным; *se noircir le nez* – выпивать, напиваться пьяным) и внешность человека с положительной коннотацией в русской культуре: *черноволосый, чернявый, чернобровый, черноглазый*.

3.3. Концепт «красный» в английской, французской и русской лингвокультурах

В трех сопоставляемых лингвокультурах доминирующей тематической группой со словами-цветообозначениями «красный» является группа характеристики человека. Так, количество фразеологизмов в процентах в трех языках следующее: в английском языке – 19 %, во французском языке – 26 %, в русском языке – 19 %.

В трех лингвокультурах красный цвет олицетворяет «стыд» и «смущение» (англ. яз.: *as red as a turkey-cock* – красный как индюк; *redden to the roots of one's hair* – покраснеть до корней волос; *покраснеть до ушей*; франц. яз.: *rougir comme une tomate* – покраснеть как рак); рус. яз.: *покраснеть (краснеть) до корней волос (ушей); краснеть от стыда*). Красный цвет употребляется для обозначения представителей воинской службы (англ. яз.: *red coat* – уст. английский солдат; франц. яз.: *cul rouge* – уст. арг. солдат; рус. яз.: красноармеец, красногвардеец, под красной шапкой служить) и это цвет революции (англ. яз.: *the Reds* – красные, революционеры; франц. яз.: *le rouge* – «красный», революционный; рус. яз.: красный).

В английской и французской лингвокультурах посредством красного цвета отображается такая эмоция человека, как гнев и ярость (англ. яз.: *see red* – прийти в ярость, бешенство, рассвирепеть,

взбеситься, быть ослепленным яростью; *red (blue / black) in the face* – багровый от гнева; франц. яз.: *colère rouge* – ярость; *se fâcher tout rouge* – расщипать, рассердиться).

По-разному в сопоставляемых лингвокультурах воспринимается красный цвет для описания отношений между людьми. В английской и французской лингвокультурах красный цвет символизирует «недоброжелательность» (англ. яз.: *drag (draw) a red herring across the path (track / trail)* – намеренно вводить в заблуждение; франц. яз.: *marquer qn au fer rouge* – наложить клеймо на кого-либо; *заклеймить кого-либо*; *être écrit sur le livre rouge* – попасть на черную доску; *попасть в черные списки*). В русской же лингвокультуре отношения между людьми представлены фразеологическими единицами, отображающими «гостеприимство» (*не красна изба углами, а красна пирогами*), «почет» (*весело пожить, а красно умереть*), «долг» (*долг платежом красен*).

В английской и русской лингвокультурах красный – цвет стихийного бедствия, пожара (англ. яз.: *red cock* – «красный петух»; рус. яз.: *красный петух*) и значимых для государства печатных изданий (англ. яз.: *the Red book* – «красная книга»; *the Red book of the Exchequer* – «красная книга министерства финансов»; рус. яз.: *красная книга*).

Уникальными являются фразеологические единицы, отображающие манеру человека одеваться, во французской лингвокультуре красный – «цвет изысканности»: *être talon rouge* – *быть изысканным в одежде*; *faire le talon rouge* – *подчеркнуто изысканно одеваться*. В рамках тематической группы – номинации зданий и помещений – в русской лингвокультуре красный цвет символизирует «чистоту», «священность», «парадность / празднество»: *красная изба* (чистая изба); *красный угол* (передний угол в старых крестьянских избах, в котором ставился стол и вешалась икона); *красное крыльцо* (переднее / парадное крыльцо).

Группа – номинации животного и растительного мира – в русской лингвокультуре представлена словами-цветообозначениями, в которых красный цвет употребляется для обозначения наиболее ценных пород растений и животных: *красная дичь, красный зверь, красная рыба; красное дерево, красный лес / краснолесье*.

3.4. Концепт «синий / голубой» в английской, французской и русской лингвокультурах

В трех сопоставляемых лингвокультурах доминирующей тематической группой со словами-

цветообозначениями «синий / голубой» является группа – характеристики человека. Так, количество фразеологизмов в процентах в трех языках следующее: в английском языке – 25.5 %, во французском языке – 26.5 %, в русском языке – 9 %.

В трех лингвокультурах синий / голубой цвета употребляются для описания цвета лица, т. е. его посинения вследствие ряда причин: негодования, болезни, холода, нетрезвости ... (англ. яз.: *till one is blue in the face* – до посинения; франц. яз.: *être bleu de froid* – посинеть от холода; рус. яз.: *синюшный*). Это цвета «тоски» и «чувства уныния / отчаяния» (англ. яз.: *look blue* – *выглядеть унылым*; *be in the blues* – *хандрить*; франц. яз.: *les diables bleus* – *разг. тоска, меланхолия*; рус. яз.: *гори оно синим пламенем*), «недоброжелательности» и «пренебрежения» в отношениях между людьми (англ. яз.: *beat somebody black and blue* – *зверски избить кого-либо*; *make (turn) the air blue* – *ругаться, сквернословить*; франц. яз.: *en faire voir de bleues* – *проучить кого-либо*; *bas bleu* – «синий чулок»; рус. яз.: *голубая кровь*).

Во французской и английской лингвокультурах синий / голубой цвета – цвета почета, отмечающие заслуги людей (англ. яз.: *blue ribbon* – *лента ордена Подвязки*; франц. яз.: *cordon bleu* – *голубая орденская лента*). Это олицетворение нечего недостижимого (англ. яз.: *blue rose*; франц. яз.: *oiseau bleu*).

В английской и русской лингвокультурах – синий / голубой цвета – это цвета «счастья», его ожидания (англ. яз.: *blue bird of happiness* – *птица счастья*; рус. яз.: *синяя птица, птица счастья*).

4. Результаты и выводы

В данной работе мы рассмотрели лингвокультурные концепты основных цветов спектра в английской, французской и русской лингвокультурах и пришли к следующим выводам:

1. ядерными в английской, французской и русской лингвокультурах являются фразеологические единицы и слова-цветообозначения, содержащие в своем составе апелляцию к концептам «белый», «черный», «красный» и «синий / голубой»;
2. периферийными в английской, французской и русской лингвокультурах являются фразеологические единицы и слова-цветообозначения, содержащие в своем составе апелляцию к концептам «зеленый», «серый» и «желтый»;
3. единичными в английской, французской и

русской лингвокультурах являются фразеологические единицы, содержащие в своем составе апелляцию к концептам «розовый», «коричневый», «фиолетовый», «оранжевый»;

4. в английской, французской и русской лингвокультурах есть свои этнически предпочтительные цвета, обладающие качеством доминантности и этнопriorитетности. Так, этнопriorитетный цвет в английской и русской лингвокультурах – черный, во французской лингвокультуре – белый. Цветовая концептосфера является более актуальной для французской лингвокультуры, чем для английской и русской лингвокультур;

5. цвет выступает как выразитель универсальности, различности и уникальности в восприятии внешнего мира;

6. в сопоставляемых лингвокультурах подавляющее большинство фразеологических единиц с цветовым признаком и слов-цветообозначений связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Это доказывает, что человеческий фактор играет огромную роль во фразеобразовании, поскольку человек стремится наделить человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные. Так, почти все проявления жизни человека, его рождение и смерть, особенности характера, умственной деятельности, возраста, внешнего облика, профессиональные качества отображаются посредством слов-цветообозначений, это говорит о том, что человек воспринимает мир в форме цветов, а потому в форме колорита выражаются самые различные стороны жизни человека.

Перспектива нашего исследования состоит в изучение цветовой концептосферы на примере других языков, а также в анализе концептов полутонов.

Библиографический список

1. Вольская Н. П. Сравнительный анализ концепта «цвет» в русской и английской языковых картинах мира (на примере колоратива «красный») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 99–103.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.
3. Гуз Ю. В. Исследование коннотативного значения цвета методом семантического дифференциала на примере русского, китайского, немецкого и английского языков // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 41–44.
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. Волгоград : Перемена, 2001. 493 с.
5. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Москва : Русский язык – Медиа, 2004. 512 с.
6. Купер М., Метьюз А. Язык цвета. Как использовать преимущества своего цвета для успеха в личной жизни и бизнесе. Москва : Эксмо-пресс, 2001. 144 с.
7. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. Москва : Аделант, 2014. 512 с.
8. Литвинов П. П. Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией: продвинутый английский – через фразеологию. Москва : Яхонт, 2000. 446 с.
9. Мартыянова Н. А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре // Филология и человек. 2013. № 4. С. 56–67.
10. Новый большой французско-русский фразеологический словарь: более 50000 выражений / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова, И. А. Будницкая и др. Москва : Русский язык – Медиа, 2005. 1625 с.
11. Сафина З. М. Фразеологизмы со цветообозначениями как отражение идиоэтнического образа мира // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сборник научных трудов. Волгоград : Колледж, 2002. С. 196–199.
12. Светличная Т. Ю., Ефимова О. В. Этнопriorитетный цвет современной русской лингвокультуры (на примере песенной поэзии конца 20 – начала 21 веков) // Проблемы современной науки. 2014. № 14. С. 75–82.
13. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. Санкт-Петербург, 2000. 202 с.
14. Фразеологический словарь русского языка: 10000 фразеологизмов / А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. Москва : Русский язык – Медиа, 2003. 335 с.
15. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа: монография. Москва : Наука, 1984. 176 с.
16. Шаховский В. И. Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (Есть ли неэмоциональные концепты?) // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сборник научных трудов. Волгоград : Колледж, 2002. С. 3–10.
17. Шаховский В. И., Панченко Н. Н. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте // Фразеология в контексте культуры: сборник статей. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 285–288.
18. Яньшин П. В. Цвет как фактор психической регуляции // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 14–27.
19. From the horse's mouth: Oxford Dictionary of English Idioms / J. Ayto. Oxford University Press, 2009. P. 408.
20. Rey A. S. Chantreau. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2003. 1086 p.

Reference List

1. Vol'skaja N. P. Sravnitel'nyj analiz koncepta «cvet» v russkoj i anglijskojazykovykh kartinah mira (na primere kolorativa «krasnyj») = Comparative analysis of the concept «colour» in the Russian and English linguistic world pictures (on the example of the colourative «red») // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija: Filologicheskie nauki. 2016. T. 2 (68). № 4. S. 99–103.
2. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moskva : Russkie slovari, 1996. 416 s.
3. Guz Ju. V. Issledovanie konnotativnogo znachenija cveta metodom semanticheskogo differencijala na primere russkogo, kitajskogo, nemeckogo i anglijskogo jazykov = A study of the connotative meaning of colour using the semantic differential method in Russian, Chinese, German and English // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2009. № 4 (16). S. 41–44.
4. Krasavskij N. A. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah = Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures : monografija. Volgograd : Peremena, 2001. 493 s.
5. Kunin A. V. Anglo-russkij frazeologičeskij slovar' = English Russian Phraseological Dictionary. Moskva : Russkij jazyk – Media, 2004. 512 s.
6. Kuper M., Met'juz A. Jazyk cveta. Kak ispol'zovat' preimushhestva svoego cveta dlja uspeha v lichnoj zhizni i biznese = The language of colour. How to use the advantages of your colour to succeed in your personal life and business. Moskva : Jeksmo-press, 2001. 144 s.
7. Larionova Ju. A. Frazeologičeskij slovar' sovremenno go russkogo jazyka = Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language. Moskva : Adelant, 2014. 512 s.
8. Litvinov P. P. Anglo-russkij frazeologičeskij slovar' s tematičeskogoj klassifikacijej: prodvintyj anglijskij – cherez frazeologiju = English-Russian phraseological dictionary with thematic classification: advanced English through phraseology. Moskva : Jahont, 2000. 446 s.
9. Mart'janova N. A. «Simvoličeskoe» cvetooboznachenij v russkoj lingvokul'ture = «Symbolic» colour codes in Russian linguistic culture // Filologija i chelovek. 2013. № 4. S. 56–67.
10. Novyj bol'shoj francuzsko-russkij frazeologičeskij slovar': bolee 50000 vyrazhenij = New Great French-Russian Dictionary of Phraseology: over 50,000 expressions / V. G. Gak, L. A. Muradova, I. A. Budnickaja i dr. Moskva : Russkij jazyk – Media, 2005. 1625 s.
11. Safina Z. M. Frazeologizmy so cvetooboznachenijami kak otrazhenie idiojetničeskogo obraza mira = Phraseological units with colour words as a reflection of the idio-ethnic image of the world // Aksiologičeskaja lingvistika: problemy izučenija kul'turnykh konceptov i jetnosoznanija: sbornik nauchnyh trudov. Volgograd : Kolledzh, 2002. S. 196–199.
12. Svetlichnaja T. Ju., Efimova O. V. Jetnoprioritetnyj cvet sovremennoj russkoj lingvokul'tury (na primere pesennoj poezii konca 20 – nachala 21 vekov) = The ethnic priority colour of contemporary Russian linguistic culture (on the example of song poetry of the late 20th – early 21st centuries) // Problemy sovremennoj nauki. 2014. № 14. S. 75–82.
13. Skrebcova T. G. Amerikanskaja shkola kognitivnoj lingvistiki = The American school of cognitive linguistics. Sankt-Peterburg, 2000. 202 s.
14. Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka: 10000 frazeologizmov = Russian Phraseological Dictionary: 10,000 phraseological units / A. N. Tihonov, A. G. Lomov, L. A. Lomova. Moskva : Russkij jazyk – Media, 2003. 335 s.
15. Frumkina R. M. Cvet, smysl, shodstvo. Aspekty psiholingvističeskogo analiza = Colour, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis : monografija. Moskva : Nauka, 1984. 176 s.
16. Shahovskij V. I. Jemocional'naja / jemotivnaja kompetencija v mezhkul'turnoj kommunikacii (Est' li nejemocional'nye koncepty?) = Emotional / emotive competence in cross-cultural communication (Are there non-emotional concepts?) // Aksiologičeskaja lingvistika: problemy izučenija kul'turnykh konceptov i jetnosoznanija: sbornik nauchnyh trudov. Volgograd : Kolledzh, 2002. S. 3–10.
17. Shahovskij V. I., Panchenko N. N. Nacional'no-kul'turnaja specifika koncepta «obman» vo frazeologičeskome aspekte = National and cultural specificity of the concept «deception» in phraseological aspects // Frazeologija v kontekste kul'tury: sbornik statej. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 285–288.
18. Jan'shin P. V. Cvet kak faktor psihicheskoj reguljacii = Colour as a factor in mental regulation // Prikladnaja psihologija. 2000. № 4. S. 14–27.
19. From the horse's mouth: Oxford Dictionary of English Idioms / J. Ayto. Oxford University Press, 2009. R. 408.
20. Rey A. S. Chantreau. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2003. 1086 p.

УДК 81;008

О. В. Ртищева

<http://orcid.org/0000-0003-2861-471X>

Языковая личность в культуре: направления исследований

Для цитирования: Ртищева О. В. Языковая личность в культуре: направления исследований // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 152–158. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-152-158

Статья посвящена рассмотрению вопросов определения языковой личности в контексте развития представлений о связи языка и культуры. Язык как явление культуры в определении языковой личности рассматривается при обращении к работам Й. Л. Вайсгербера. Рассуждая о языке как культурном достоянии, исследователь оценивает возможность его понимания как внутреннего содержания культуры. Языковая личность определяется контекстом внутренних особенностей культуры с учетом бытийных характеристик языка в его статике и динамике.

В отечественной науке первое упоминание языковой личности мы находим в работах В. В. Виноградова. Языковая личность в интерпретации исследователя выступает как интегративное образование, включающее две стороны, коллективную (социальную) и индивидуальную. Важным аспектом реконструкции языковой личности у В. В. Виноградова является то, что автор обращает внимание на ее речевую структуру, что свидетельствует о живом понимании языка с учетом его функциональных характеристик.

Более детальная разработка практик языковой личности в контексте культуры осуществляется уже в современных отечественных лингвокультурологических концепциях. Так, например, В. И. Карасик рассматривает языковую личность с позиции лингвистической концептологии, ориентированной на интегративное понимание языка, с одной стороны, в его семантическом, ценностном аспектах, с другой стороны – практическом, функциональном аспектах. Об этом рассуждает Ю. Н. Караулов, пытаясь интегрировать полярность языковой личности уровнями ее организации с учетом инвариантных и вариативных характеристик.

Отмечается, что языковую личность можно охарактеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, однако направление ее изучения в контексте культуры открывает те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые связаны с осуществлением культурных форм, в которых реализуются бытийные основания человеческой жизни, отражающие ее духовное содержание.

Ключевые слова: языковая личность, языковое сообщество, языковая культура, языковая интеракция, лингвокультурология, культурный антропоцентризм.

О. V. Rtischeva

Linguistic personality in culture: research areas

The article deals with the definition of linguistic personality in the context of the relationship between language and culture. Language as a cultural phenomenon in determining the linguistic personality is considered in the works of J. L. Weisgerber. Speaking about language as a cultural value, the researcher evaluates the possibility for understanding it as an internal content of culture. Moreover, the author considers the linguistic personality within the context of the internal features of culture, taking into account the existential characteristics of language in its statics and dynamics.

In Russian science, the first mention of the linguistic personality is found in V. V. Vinogradov's works. In his interpretation the linguistic personality acts as an integrative formation including two sides, the collective (social) and individual. An important aspect of V. V. Vinogradov's linguistic personality reconstruction is the fact that the author focuses on the speech structure, which demonstrates real understanding of a language with regard to its functional characteristics, which overcome the closed existence in the system of set rules.

Modern Russian linguistic and cultural concepts present more detailed study of linguistic personality practices in the context of culture. For example, V. I. Karasik considers the linguistic personality from the point of view of linguistic conceptology, focusing on integrative understanding of a language in its semantic and value aspects, on the one hand, and in its practical and functional aspects, on the other. Y. N. Karaulov tries to integrate the polarity of the linguistic personality with the levels of its organization, taking into account invariant and variable characteristics.

The author notes that the linguistic personality can be characterized from the position of language consciousness and speech behavior. However, the focus of its study in the context of culture reveals certain aspects of human nature and

life connected to the implementation of cultural forms, in which the existential foundations of human life are realised, reflecting its spiritual content.

Keywords: linguistic personality, language community, language culture, language interaction, cultural linguistics, cultural anthropocentrism.

Введение. Культура и языковая личность в контексте антропоцентристской парадигмы гуманитарного знания

Современный научный интерес к языковой личности во многом диктуется становлением лингвокультурологии и когнитивной лингвистики в рамках антропологистики, обусловленной формированием антропоцентристской парадигмы гуманитарного знания. «Термин „языковая личность” активно утверждается в лингвистике наших дней. Его востребованность обусловлена прежде всего антропологической направленностью современной науки о языке», – отмечает Е. В. Иванцова [Иванцова, 2010, с. 31]. Ключевой проблемой антропоцентристской гуманитаристики, в которой субъект выступает в качестве доминанты пространства человеческой деятельности, является рассмотрение культурных дискурсов в отношении к личности, что обуславливает внимание к различным формам языковой интеракции, обеспечивающей формирование символических конструкций, отражающих характер миропонимания, что выражается в ценностном содержании соответствующей культуры [Овчинникова, 2016]. Поэтому феномен языковой личности становится центральным в лингвокультурологии, интегрирующей в себе лингвистику и культурологию, ориентированной на исследование проблем, связанных с выявлением универсальных и идиоэтнических отношений в осуществлении языка, культуры, личности.

Культура и языковая личность в работах Й. Л. Вайсгербера

В связи с рассмотрением идиоэтнического содержания языка как явления культуры к вопросам определения языковой личности сквозь призму культуры впервые обращается Й. Л. Вайсгербер. В своей работе «Родной язык и формирование духа» (1929) автор рассматривает языковую личность в следующем контексте: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу, он изучает свой родной язык, то есть он вырастает в это языковое сообщество. Благодаря тому, что

некая группа людей является носителем одного языка, он приобретает характер объективного образования. То есть язык какого-либо сообщества прежде всего не зависит от конкретного члена сообщества. Конечно, он всегда воплощается лишь в языковом организме конкретного человека и проявляется в мышлении и говорении, но он не может осуществиться полностью ни в одном из своих носителей; ведь никто не владеет всем своим родным языком. Он также не связан с конкретным человеком как таковым; так, один или даже целая группа членов языкового сообщества могут уйти в мир иной, но это не окажет негативного влияния на общее достояние языкового сообщества» [Вайсгербер, 2004, с. 81]. Отчасти автор рассматривает языковую личность в отношении к коллективной стороне жизни в сообществе, однако обращаясь к языковому сообществу, Й. Л. Вайсгербер ставит проблему отношения языка к культуре не на уровне внешних горизонтальных связей, а, по выражению И. А. Аполлонова, вертикальных, с учетом внутренних характеристик, которые устремлены к предельной универсальной родовой сущности человека, определяющей подлинность его «второй природы» [Аполлонов, 2018, с. 171]. Рассматривая язык как культурное достояние, Й. Л. Вайсгербер оценивает возможность его понимания как освоение внутреннего содержания культуры. С этой точки зрения становится очевидным, что языковая личность определяется контекстом внутренних характеристик культуры, в связи с чем возникают вопросы согласования ее субъектных позиций и культурной общности.

Согласование субъектной активности с культурной общностью должно осуществляться двояким образом с учетом статических и динамических характеристик языка: с одной стороны, это требует рассмотрения языка в аспекте оценки его как устойчивого образования, поэтому Й. Л. Вайсгербер пишет именно о родном языке, в котором усматривает реализацию возможности погружения в контекст его внутреннего содержания, а с другой стороны, это значимость рассмотрения языка как организмического образования, способного к развитию, к постоянному обновлению. В свою очередь статическое рассмотрение языка осуществляется с двух сторон: внешней

(звуковой) и содержательной (понятийной). Динамическое рассмотрение языка также имеет две стороны: с одной стороны, рассматривается роль языка в процессе познания, в процессе языкового открытия явлений и предметов действительности; с другой стороны, рассматривается влияние языка на поступки человека и на жизнь языкового коллектива в целом. И в этом автор продолжает идеи В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что язык есть не факт (*ergon*), а деятельность (*energia*): «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), но как создающий процесс (*Erzeugung*). При этом надо абстрагироваться от того, что он функционирует для обозначения предметов и как средство общения, и вместе с тем с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений» [Гумбольдт, 2000, с. 69].

В связи с этим Л. П. Лобанова отмечает: «Язык как эргон содержит, согласно Вайсгерберу, статическую картину мира (*Weltansicht*), представленную „языковыми содержаниями“ (*sprachliche Inhalte*), а язык как энергея – динамическую картину мира (*Weltbild*), представленную „языковыми приемами“ (*sprachliche Zugriffe*) освоения мира» [Лобанова, 2013]. То есть, рассматривать язык как эргон, – значит определять его характеристики как изолированного образования, обращенного к себе, а видеть его энергею, – значит открывать в нем действенные возможности развития, ориентированного на открытие нового содержания. Опозиция эргон – энергея – это не формальное разделение на статичную письменную речь и динамичную устную речь, а опозиция более крупного масштаба, связанная с бытийными характеристиками языка в его статике и динамике.

Соответственно языковая личность отражает в себе эту двойственность языкового бытия, осуществление которого реализуется посредством языкового организма. По этому поводу Й. Л. Вайсгербер пишет: «Говоря о способности человека владеть конкретным языком, используют термин языковой организм человека (*Sprachorganismus*). Тем самым фиксируются два обстоятельства, скрывающиеся под термином язык: говорение (или в более общем виде – использование языковых средств) и индивидуальное владение языком, причем последнее образует основу первого» [Вайсгербер, 2004, с. 48]. В этой активности реализуется, с одной стороны, причастность языковой личности к целому, с другой стороны, ее самовыражение посредством владе-

ния языка. Однако просто языковое владение не отвечает характеру идиолекта как воплощения возможной языковой деятельности, поэтому Й. Л. Вайсгербер обращается к рассмотрению языкового потенциала человека, который включает лингвопсихологическую триаду: усвоение языка (*Sprachgewinn*) – языковая мощь – языковая деятельность (*Sprachtun*) [Радченко, 2005, с. 147].

В этом контексте Й. Л. Вайсгербер рассуждает о феномене языковой личности: «Языковой личностью мы считаем того человека, который способен во всех случаях, требующих от него языковых достижений, уместно действовать» [Цит по: Радченко, 2005, с. 147]. А языковое чутье, предвещающее языковые действия, становится способом перевода языковых конструкций из неосознанного состояния на осознаваемый уровень. Таким образом языковая личность в теории Й. Л. Вайсгербера фактически становится динамичной «культурообразующей силой» способной творить мир [Самарин, 2013, с. 166]. Если язык выражает внутренние основы культуры, и человек в своих языковых интеракциях проявляет эту связь, то его языковые действия становятся способом создания новых контекстов культуры, но в пределах своей погруженности в глубинное содержание родной культуры, определяющей картину мира языковой личности в виде «коллективной концептосферы», включающей ментальные концепты [Степанова, 2012, с. 188].

В связи с этим, обращаясь к характеристике языковой картины мира в исследованиях Й. Л. Вайсгербера, перекликающейся с пониманием языковой личности, В. П. Даниленко пишет: «Иначе говоря, от языковой картины мира, имеющейся в сознании, в принципе никто освободиться не может, но в рамках самой этой картины мы можем позволить себе некоторый „маневр“, который и делает нас индивидуальностями» [Даниленко, 2009, с. 15]. Таким образом в работах Й. Л. Вайсгербера просматривается проблема установления сложных корреляций языковой личности в отношении к себе и культуре в целом, которые не ограничиваются системой линейных причинно-следственных связей.

Культуры и языковая личность в отечественных исследованиях

В отечественной науке подобные корреляции языковой личности изначально рассматривались в аспекте постановки социальных проблематики. Первое упоминание языковой личности мы находим в работе В. В. Виноградова «О художествен-

ной прозе» (1930). В разделе своего исследования «Язык литературно-художественного произведения» автор, обращаясь к работам И. А. Бодуэна де Куртенэ, характеризуя его метод аналитического самонаблюдения как лингвистическую интерпретацию субъективного сознания в аспекте социально-языковой системы, отмечает, что «его интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смешения разных социально-языковых категорий» [Виноградов, 1980, с. 61].

Далее языковая личность упоминается в связи с обращением к исследованиям Ф. де Соссюра, связанными с рассуждениями о языковом творчестве личности, предполагающем интеграцию индивидуального и социального контекстов в словесном мышлении: «В объектном плане все сказанное можно перенести и на parole как сферу творческого раскрытия языковой личности. Индивидуальное словесное творчество в своей структуре включает ряды своеобразно слитых или дифференцированных социально-языковых и идеологически-групповых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими личностными формами» [Виноградов, 1980, с. 91]. Рассуждая о сложностях деформаций социальных контекстов в их личностной интерпретации, В. В. Виноградов пишет: «Но здесь этот путь пересекается другим, когда изучение „личностного“ говорения отрывается от параллелизма построений и аналогий с социальной лингвистикой и стремится раскрыть структурные формы словесного творчества личности в имманентном плане. В этом случае социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [Виноградов, 1980, с. 91].

Важным аспектом, на который обращает внимание Ю. Н. Караулов, является то, что В. В. Виноградов в реконструкции языковой личности основывался главным образом на говорении, т. е. если от безличной речи естественен переход к языку, то только от индивидуальной речевой структуры можно перейти к языковой личности, что свидетельствует о живом понимании языка с учетом его функциональных характеристик, преодолевающих замкнутое существование в системе заданных правил [Караулов, 2010, с. 34]. В том же контексте автор рассматривает поэтическую личность: «Поэтическая личность обычно не уместается в пределах одной литературной школы, потому что прибегает к различным приемам речевых построений. В таком случае она существует одновременно в нескольких школах, является но-

сительницей как бы нескольких „поэтических ликов“» [Виноградов, 1980, с. 96].

Следует отметить, что во многом размышления о языке у автора носили языковедческий и литературоведческий, но не лингвофилософский характер, предполагающий уже бытийный уровень обобщений. Таким образом, языковая личность в интерпретации В. В. Виноградова выступает как интегративное образование, включающее две стороны, коллективную (социальную) и индивидуальную. В языковой интеракции эти стороны отличаются друг от друга, но при этом сохраняют свое единство. При развитии индивидуальной языковой личности ее социальная составляющая раскрывается на уровне всех «структурных оболочек». Соответственно в художественном языке поэтической личности реализуются те же самые установки: поэтика зависит от меры развития коллективной стороны языковой личности. В связи с этим В. В. Виноградов пишет: «В поэтической речи всплывают, затушевывая семантическое ядро, те периферические оттенки значений и эмоционального тембра слова, которые не составляют привычной данности повседневного языка и – ввиду этого – не осознаются как необходимая принадлежность того или иного знака. И для того чтобы ощутить индивидуальное и творческое в словоупотреблении поэта, надо владеть общими с ним лексемами литературной речи – в ее разных контекстах» [Виноградов, 1980, с. 93]. В этих суждениях отражается логика развития русского языкознания, ориентированного на рассмотрение роли языка в жизни общества, разработке социальных аспектов бытия языка и его дидактической уникальности с точки зрения формирования языковой личности.

Более детальная разработка практик языковой личности в контексте культуры осуществляется уже в современных отечественных лингвокультурологических концепциях. На сегодняшний день существует большое количество аспектных исследований языковой личности: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) языковая личность; этно-семантическая языковая личность; элитарная языковая личность; семиологическая языковая личность, русская языковая личность, языковая и речевая личность, словарная языковая личность, эмоциональная языковая личность, языковая и коммуникативная личность и др., однако нас интересует направление рассмотрения языковой личности в контексте культуры, предложенное Й. Л. Вайсгербером в связи с выявлением глубинных связей характери-

стик культуры в языковых практиках. Но практическое решение этого вопроса оказывается проблематичным в связи с неоднозначной оценкой способов понимания этих связей, которые фиксируют собой совокупность не только языковых, но и «доязыковых» образований. По этому поводу В. И. Красик писал: «В целом выражение „доязыковой уровень” имплицитно пирамиду, в составе которой есть только одно измерение – от простого, доязыкового – к сложному, языковому. Эта модель, возможно, приятна лингвистам, но психологи, социологи и культурологи справедливо посчитают ее упрощенной и поэтому неверной. [...] Элементы сугубо контекстного понимания смысла пронизывают все наше общение» [Карасик, 2002, с. 133.].

По мнению автора, интегрируя достижения в области культурологического языкознания (В. фон Гумбольдт, Й. Л. Вайсгербер), на уровне таких контекстных образований можно рассматривать культурные доминанты, которые закрепляются в культурном концепте, представляющем собой «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2002, с. 137]. В этом ключе языковая личность определяется автором с позиции лингвистической концептологии, ориентированной на интегративное понимание языка, с одной стороны, в его семантическом, ценностном аспектах, с другой стороны – практическом и функциональном аспектах: «Языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик, 2002, с. 106]. Таким образом, парадокс языковой личности заключается в том, что при всей ее цельности она не поддается реконструкции в единой системе заданных координат.

Об этом рассуждает Ю. Н. Караулов: «Этот парадокс личности вообще своеобразно преломляется в структуре языковой личности, которая на каждом уровне своей организации соответственно имеет и вневременные, и временные, изменчивые, развивающиеся образования, и сочетание этих феноменов и создает наполнение соответствующего уровня» [Караулов, 2010, с. 39]. Исследователь пытается интегрировать полярность языковой личности уровнями ее организации с учетом

инвариантных и вариативных характеристик:

– на нулевом уровне рассматриваются системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период;

– на первом уровне – социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность и которая определяет субординативно-иерархические, т. е. идеологические, отношения основных понятий в картине мира;

– на втором уровне – сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу и определяющие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка») [Караулов, 2010, с. 42].

Соответственно выстраивая возможность полного описания языковой личности в целях ее анализа или синтеза, Ю. Н. Караулов предлагает следующий ряд действий:

а) характеристика семантико-строевого уровня ее организации (т. е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя);

б) реконструкция языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования);

в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов [Караулов, 2010, с. 43].

Вне всякого сомнения, эти уровни зависят друг от друга, но, по мнению автора, эта зависимость далеко не прямая и не однозначная, для перехода от одного уровня к другому каждый раз нужна некоторая дополнительная информация. Таким образом, в этих рассуждениях исследователя есть косвенные указания на то, что содержание языковой личности не ограничивается лишь прямым указанием на ее отношение к видам индивидуальных и коллективных практик, существуют некие «зазоры», которые не поддаются логическому объяснению с позиции причинно-следственных отношений. В этом ключе правомерным является обращение к идеям Й. Л. Вайсгербера о внутренней глубинной связи, не обязательно на уровне ее

очевидного представления, языка и культуры, фиксирующей целостность языковой личности на всех уровнях ее бытования. Конечно, следует осознавать подвижность этой целостности, на что обращает внимание Ю. Н. Караулов, рассуждая о тезаурусе личности, фиксирующем способ организации знаний о мире: «Такое положение объясняет создавшуюся в науке (в частности, в лингвистике) парадоксальную ситуацию, когда при существующем у исследователей единодушии в признании тезауруса реальностью, оказывается крайне затруднительным выработать приемлемый для всех путь его объективирования: при общепринятых принципах его устройства символизация его узлов и связей допускает индивидуализацию» [Караулов, 2010, с. 172].

Пытаясь реконструировать целостность языка на уровне его функционирования в практиках и сознании языковой личности Ю. Н. Караулов обращается к «промежуточному языку»: «Тогда то, что я называю промежуточным языком, действительно будет занимать своеобразную прослоечную позицию, выполнять посредническую функцию и допускать изучение и трактовку с двух противостоящих одна другой позиций – взгляд от текста, с позиций внешней речи, и взгляд от интеллекта, с позиций коррелирующих с наблюдаемой речью интеллектуальных (когнитивных) структур и процессов» [Караулов, 2010, с. 186]. Предлагаемая гипотеза функционального положения промежуточного языка свидетельствует о стремлении выявить целостность отношений внешнего речевого потока (через ассоциативно-вербальную сеть) с тезаурусом языковой личности и системой ее коммуникативно-деятельностных потребностей через осознание равноправности уровней языковой личности.

Заключение. Онтологическая проблематика рассмотрения культуры и языковой личности

Вне всякого сомнения, языковую личность можно охарактеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, однако направление ее изучения в контексте культуры открывает те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые связаны с осуществлением культурных форм, в которых реализуются бытийные основания человеческой жизни. В связи с этим М. Хайдеггер, интерпретируя язык, ставит задачу показать его онтологическое «место»: «В конце концов философское исследование должно однажды решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку?» [Хайдеггер, 2003, с. 193].

Подобная ориентированность исследований, связанных с возвращением к онтологической проблематике, востребована в связи с необходимостью установления глубинных ориентиров в понимании языковой личности. В связи с этим В. И. Постовалова отмечает: «В науке о языке наблюдающаяся тенденция к интегрированию находит свое выражение, прежде всего, в возвращении лингвистической мысли к основным установкам антропологической программы представления языка и культуры В. фон Гумбольдта. Осуществление данной программы начинается с создания комплексных (синтетических) дисциплин по изучению языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении» [Постовалова, 2012, с. 56]. Обращение к идеям В. фон Гумбольдта и его последователя Й. Л. Вайсгерберера способствует сохранению связи с фундаментальным знанием, с целью преодоления, по выражению О. Р. Демидовой, «агрессивного вынужденного устремления к всеобщему объединению без учета специфики истории, культур, ментальности, духовности, мировидения и пр.» [Демидова, 2009, с. 11]. В современных исследованиях отчетливо проявляется дискурсивный аспект определения языковой личности, что диктуется ее погруженностью в жизнь со всеми ее социокультурными нюансами, она несет на себе отпечаток условий, в которых человек вырос, индивидуальных психологических черт, характера, темперамента, ситуационных настроений и это определяет необходимость решения регулятивных задач в организации коммуникативных практик [Астахов, 2014]. Однако за всем этим рядом вариативных практик языковой личности скрываются устойчивые образования, которые можно выявить при обращении к фундаментальным основаниям культуры, отражающим духовную жизнь человека.

Библиографический список

1. Аполлонов И. А. Мультикультурализм и проблема границ культуры // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 168–171.
2. Астахов О. Ю. Регулятивные основания коммуникационных процессов в условиях современной культуры // Homo communicans IV: человек в пространстве межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / Щецинский университет. Щецин : Grafform, 2014. С. 61–66.
3. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / перевод с нем. и комментарии О. А. Радченко. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

4. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избр. тр. Москва : Наука, 1980. 360 с.

5. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / под общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. Москва : Прогресс, 2000. 400 с.

6. Даниленко В. П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера // Филология и человек. 2009. № 1. С. 7–17.

7. Демидова О. Р. Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки // Вестник Герценовского университета. 2009 № 11 С. 7–11.

8. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4. С. 24–32.

9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

11. Лобанова, Л. П. Язык как энергия в концепции В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера // Мир лингвистики и коммуникации (электронный научный журнал). 2013. № 3 (32). URL: <http://tverlingua.ru/> (Дата обращения: 06.08.2020).

12. Овчинникова А. С. Понятие интеракции в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Тульского университета. 2016. № 7. Т. 1. С. 76–79.

13. Постовалова, В. И. Теолингвистика в современном религиозном дискурсе // Magister Dixit. 2012. № 4. С. 56–103. URL: <http://md.islu.ru> (Дата обращения: 06.08.2020).

14. Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Москва : Едиториал УРСС, 2005. 312 с.

15. Самарин Д. А. Специфика ономазиологической концепции языка у Лео Вайсгербера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (22). Ч. II. С. 163–166.

16. Степанова Ю. В. Языковая личность и аспекты ее изучения // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1 С. 186–192.

17. Хайдеггер М. Бытие и время / перевод с нем. В. В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003. 509 с.

Reference list

1. Apollonov I. A. Mul'tikul'turalizm i problema granic kul'tury = Multiculturalism and the problem of cultural boundaries // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 1. S. 168–171.

2. Astahov O. Ju. Reguljativnye osnovanija kommunikacionnyh processov v uslovijah sovremennoj kul'tury = The regulatory foundations of communication processes in the contemporary cultural context // Homo communicans IV: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. nauch. st. / Shhecinskij universitet. Shhecina : Grafform, 2014. S. 61–66.

3. Vajsgerber J. L. Rodnoj jazyk i formirovanie duha = The mother tongue and the formation of spirit / perevod s

nem. i kommentarii O. A. Radchenko. Moskva : Editorial URSS, 2004. 232 s.

4. Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj prozy: izbr. tr. = On the Language of Fiction: Selected Works. Moskva : Nauka, 1980. 360 s.

5. Gumbol'dt V. fon Izbrannye trudy po jazykoznaniju = Selected works on linguistics / pod obshh. red. G. V. Ramishvili; poslesl. A. V. Gulygi, V. A. Zveginceva. Moskva : Progress, 2000. 400 s.

6. Danilenko V. P. Jazykovaja kartina mira v teorii L. Vajsgerbera = The linguistic picture of the world in L. Weisgerber's theory // Filologija i chelovek. 2009. № 1. S. 7–17.

7. Demidova O. R. Gumanitaristika, gumanitarnoe znanie, gumanitarnye nauki = Humanities, humanitarian knowledge, humanitarian sciences // Vestnik Gercenovskogo universiteta. 2009 № 11 S. 7–11.

8. Ivancova E. V. O termine «jazykovaja lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovanija = On the term «linguistic personality»: origins, problems, potential usage // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4. S. 24–32.

9. Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs = The linguistic circle: identity, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.

10. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and linguistic personality. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.

11. Lobanova, L. P. Jazyk kak jenergeja v koncepcii V. fon Gumbol'dta i L. Vajsgerbera = Language as energy in the concept of W. von Humboldt and L. Weisgerber // Mir lingvistiki i kommunikacii (jelektronnyj nauchnyj zhurnal). 2013. № 3 (32). URL: <http://tverlingua.ru/> (Data obrashhenija: 06.08.2020).

12. Ovchinnikova A. S. Ponjatie interakcii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike = The concept of interaction in national and foreign linguistics // Vestnik Tul'skogo universiteta. 2016. № 7. Т. 1. S. 76–79.

13. Postovalova, V. I. Teolingvistika v sovremennom religioznom diskurse = Theolinguistics in contemporary religious discourse // Magister Dixit. 2012. № 4. S. 56–103. URL: <http://md.islu.ru> (Data obrashhenija: 06.08.2020).

14. Radchenko O. A. Jazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaja koncepcija neogumbol'dtianstva = Language as world creation: The neo-Humboldtian linguophilosophical concept. Moskva : Editorial URSS, 2005. 312 s.

15. Samarina D. A. Specifika onomasiologicheskoj koncepcii jazyka u Leo Vajsgerbera = The specificity of Leo Weisgerber's onomasiological conception of language // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 4 (22). Ch. II. С. 163–166.

16. Stepanova Ju. V. Jazykovaja lichnost' i aspekty ee izuchenija = Linguistic personality and the aspects of its study // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1 S. 186–192.

17. Hajdegger M. Bytie i vremja = Existence and time / perevod s nem. V. V. Bibihina. Har'kov : Folio, 2003. 509 s.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов

<https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Россия и Китай: от страха перед панмонголизмом к постижению евразийства

Для цитирования: Хренов Н. А. Россия и Китай: от страха перед панмонголизмом к постижению евразийства // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 159–172. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-159-172

Данная статья – фрагмент из серии публикаций автора, посвященных взаимоотношениям между тремя цивилизациями, во многом определяющими сегодня судьбу всего мира, а именно, Америки, России и Китая. Предмет исследования – цивилизационная идентичность, в формировании которой принимают участие как внутренние, так и внешние факторы. К внутренним факторам следует отнести ключевые события, имевшие место в истории каждой цивилизации, определяющие и ментальность народа, и его коллективную идентичность. К внешним факторам следует относить давление на каждую конкретную цивилизацию ценностей других цивилизаций, в особенности претендующих на лидерство в современной истории. В современной философии существует концепт «Другого». По принципу «Другого» в статье рассматривается и взаимодействие между цивилизациями. Понятно, что выходя за пределы вестернизации еще в начале XX века и не став лидером мировой истории, хотя исторический архетип в виде «третьего Рима» вроде бы обязывал эту роль играть и похоже революция 1917 года давала для этого основания, Россия в XX веке переживала длительный период переходности, а ныне в ситуации, когда появляется новый претендент на лидера мировой истории в лице Китая, она все чаще вспоминает о своих евразийских корнях. Что же касается Китая, то, подпадая под обаяние марксизма, Китай также в XX веке переживает длительный переходный период, в ходе которого усложняются отношения между Россией и Китаем, хотя вроде бы усвоение идей Маркса и идея социализма способствовала их сближению. К сегодняшнему дню конфликты между Россией и Китаем, кажется, устранены. С некоторых пор идея русских мыслителей – эмигрантов, назвавших себя евразийцами, становится новым политическим курсом. По всей вероятности, возвышение Китая не может не оказывать воздействие на трансформацию цивилизационной идентичности сегодняшней России. Так, вновь становится актуальным вопрос, некогда заданный российским мыслителем П. Чаадаевым, – к какой же суперцивилизации находится Россия ближе, к Западу или же к Востоку. Автор пытается разглядеть эту психологическую трансформацию, развертывающуюся в России, сквозь призму кино, анализируя в данной, а также в предшествующих и в последующих публикациях в данном журнале российские, американские и китайские фильмы.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, Восток, Запад, панмонголизм, исихазм, марксизм, троцкизм, маоизм, евразийство, либерализм, оттепель, вестернизация, культурная революция.

CULTURAL SCIENCE

N. A. Khrenov

Russia and China: from fear of pan-Mongolism to perception of Eurasianism

This article is a fragment of a series of publications by the author on the relationship between the three civilizations that largely determine the fate of the world today, namely, America, Russia, and China. The subject of the study is civilizational identity, which is formed by both internal and external factors. Internal factors should include the key events that took place in the history of each civilization, determining both the mentality of the people and their collective identity. External factors include the pressure exerted by the values of other civilizations, especially those claiming leadership in modern history. There is a concept of the «Other» in contemporary philosophy. The article also examines the interaction between civilizations according to the principle of the «Other». It is clear that going beyond

Westernization in the early twentieth century and not being the leader of world history, although the historical archetype of «Third Rome» seemed to oblige the country to play this role, with the revolution of 1917 giving grounds for this, Russia has experienced a long period of transition in the twentieth century. Nowadays, in the situation when China is claiming to play the role of a new world leader, Russia has started thinking of its Eurasian roots more often.

As for China, enchanted by Marxism, it also underwent a long period of transition in the twentieth century, during which relations between Russia and China became more complicated, although it seems that Marx's ideas and the idea of socialism should have contributed to their becoming closer. By now, the conflicts between Russia and China seem to have been resolved. For some time now, the idea of Russian émigré thinkers, who called themselves Eurasianists, has become the new political course. In all likelihood, the rise of China cannot but affect the transformation of the civilizational identity of today's Russia. Thus, the question once asked by the Russian thinker P. Chaadayev has become relevant again – which supercivilization is Russia closer to: the West or the East.

The author attempts to examine this psychological transformation unfolding in Russia through the prism of cinema, analyzing Russian, American, and Chinese films in this, as well as in the previous and subsequent publications in this journal.

Keywords: civilizational identity, East, West, pan-mongolism, hesychasm, marxism, trotskyism, maotism, eurasiatism, liberalism, thaw, westernization, cultural revolution.

Введение

Приступая к вопросу об отношениях России и Китая, невозможно не напомнить о том страхе В. Соловьева перед панмонголизмом, о котором идет речь в его предсмертном сочинении «Три разговора», которое, по мнению Ж. Бодрийяра, предвосхитило реконструкции постиндустриального общества (правда, его наш философ наблюдать уже не мог), которые сегодня известны по Ясперсу, Хайдеггеру, Ортеге-и-Гассету, Адорно, Маркузе, Фромму и т. д. [Бодрийяр, 2000, с. 12]. В. Соловьев своей идеей о панмонголизме хотя и не пугал художников России на рубеже XIX–XX веков, которые и сами в это время проявили интерес к Востоку [Хренов, 2013, с. 110] (а А. Блок даже использовал эту тему в своих «Скифах»), тем не менее, пророчил надвигающуюся монгольскую орду на весь мир, страх перед которой некогда испытывала Европа [Соловьев, 1991, с. 12]. Прогноз В. Соловьева не мог не напугать, ведь во времена Чингисхана страх перед этой ордой в мировой истории уже имел место [Кардини, 2007].

В 1890 году в журнале «Русское обозрение» появляется статья В. Соловьева «Китай и Европа», которая в настоящее время кажется пророческой. В ней философ констатирует: европейская цивилизация сегодня главенствует и лидирует. Однако уже в конце XIX века возникает проблема Китая как соперника Европы и возможного лидера в истории [Соловьев, 1890]. Он формулирует: мы находимся в самом начале восхождения Китая. А ведь китаец чувствует, мыслит и рассуждает иначе, чем мы, европейцы. Мы-то думаем, что китайцы – варвары, а они так думают о европейцах. По сути, задолго до С. Хантингтона [Хантингтон, 2003]. В. Соловьев прогнозирует столкновение между цивилизациями, причем, вполне

конкретными цивилизациями. Больше всего философа пугало отсутствие в китайском мировоззрении столь желанного русскому как человеку империи личного начала и приверженность прошлому, которое продолжает воспроизводиться в настоящем. Длительную историю сохранения страха западного человека перед Востоком воспроизводит К. Ясперс [Ясперс, 1991]. Ведь это самое личное начало – колоссальное достижение, итог длительного развития культуры, начиная античной и продолжающей утверждать ее ценности западной культуры. Неприятие прогресса и значимости будущего замедляет развитие и превращает поведение людей в повторяющийся ритуал.

Дискурс перехода от страха перед панмонголизмом к осмыслению евразийства

О том, что такое ритуал в личной и государственной жизни Китая поведал итальянский режиссер Б. Бертолуччи в своем фильме «Последний император» (1987). Но в этом фильме внимание режиссера направлено как раз на ту эпоху в истории, в которой этот ритуал разрушается и начинается хаос. Разрушается ритуал потому, что уходит в прошлое старая китайская империя. В этой ситуации последнему китайскому императору уже не суждено сыграть свою роль. Он, как и любой другой человек, простой смертный в XX веке претерпевает все катаклизмы, порождаемые в этом столетии возникающим массовым обществом и последующей гипнотически действующей аурой коммунизма. В фильме прослежено, как Китай постепенно, под воздействием проникающих сюда европейских ценностей в лице английского гувернера, прибывшего в Китай образовывать молодого императора, обретает новое, европейское чувство личности, что провоцирует сопротивление со стороны хранителей конфуци-

анской морали. Этот ритуализм жизни становится причиной полного неприятия инакомыслящих, как тех, кто приносит в мир новое знание и существование которых подтверждает наличие демократии. В конечном счете, негативное отношение к мысли приводит и к негативному отношению к действительности и позитивному отношению к созерцательной жизни, кажется, совсем исчезнувшей у европейских народов, что, кстати, сказывается и на отношении к искусству. Так возникает знакомая по Лао-цзы идея «недеяния».

Конечно, отмеченное В. Соловьевым расхождение между менталитетом китайцев и менталитетом западных народов не может не проявиться в искусстве и, в частности, в кино [Хренов, 2020]. Так, пишущие о китайском кино констатируют его особенности, отличающие его от европейского кино. Обычно применительно к китайскому кино констатируется наличие так называемого принципа «жемчужного ожерелья» в повествовании. Если европейское кино строится по принципу причинности действия, то в китайском кино действует иная закономерность. «Начало рассказа, как правило, удалено от центрального пункта фабулы, действие имеет несколько направлений, развивается асинхронно во времени и пространстве, а финал фильма совсем не обязательно совпадает с разрешением истории. Фильм представляет собой совокупность фрагментов, которые необязательно выстраиваются по принципу осевой симметрии, а могут обращаться к радиальной симметрии или вообще структурироваться свободно» [Кинематограф..., 1984]. Такая структура повествования родилась не в кино, она возникла и прошла этапы становления в литературе. «Как известно, китайские романы охватывают далеко лежащие, а порой и просто не относящиеся к делу события. В частности, в начале, а также и конце истории действие нередко расслаивается на несколько сюжетных линий» [Кинематограф..., 1984].

Судя по всему, западные режиссеры в эпоху постмодернизма таким принципом уже тоже давно овладели. И, кстати сказать, они нередко прибегают в своих фильмах к приемам, используемых в кино Востока, хотя бы в виде пародирования, но не только. В этом можно убедиться, просматривая фильмы Джима Джармуша («Пес – призрак, или путь Самурая», «Предел контроля») или Квентина Тарантино («Убить Билла») [Савченкова, 2018]. В свою очередь, китайские режиссеры внимательно следят за тем, что происходит в западном кино и ассимилируют его опыт.

Так, известно, что китайские режиссеры почитают Феллини, Антониони, Фассбиндера. Когда одного из самых авторитетных современных режиссеров Китая Чжана Имоу спросили, кого из западных режиссеров он предпочитает, он ответил: Спилберга [Торопцев, 2008, с. 259]. Что же касается специфической для китайского кино структуры повествования, то мы этот принцип продемонстрируем в последующей публикации на примере фильма Ч. Имоу «Герой», в котором режиссер заметно усложнил киноязык, отказался от последовательной логики в изложении сюжета, перемешал время и пространство, продемонстрировал такое переплетение фабульных событий, что, кажется, что фильм иллюстрирует столь обративший на себя внимание у нас еще в 60-е годы принцип дедраматизации или столь известный по эстетике постмодернизма принцип ризомы [Торопцев, 2008, с. 165]. Это не удивляет, поскольку постмодернисты хорошо усвоили философию М. Хайдеггера, а тот решительно повернул Запад в сторону Востока.

Несомненно, было бы полезным провести исследование воссоздания на экране трех цивилизаций и зрительской рецепции в них одних и тех же сюжетов. Такие исследования уже предпринимаются, правда, лишь применительно к отношениям российского и западного кино [Федоров, 2016]. Так возможно сопоставление интерпретаций сюжета, ставшего основой американского фильма «Двенадцать разгневанных мужчин» (1957), а затем воспроизведенного в российском фильме «Двенадцать» (режиссер Н. Михалков, 2015) и в китайском фильме «Двенадцать граждан» (2015). Оно проделано профессором института искусств Пекинского университета Чю Сьюгуаном и дает любопытные результаты [Сьюгуан, 2016]. Если в американском фильме акцент поставлен на торжестве духа закона и правосознании, то два других фильма погружают зрителя в противоречия современной жизни.

В подкрепление мысли В. Соловьева по поводу несходства в восприятии мира фаустовским человеком и китайцем сошлемся на пример, приводимый С. Сонтаг. В уже опубликованном фрагменте в данном журнале мы уже успели отметить, как Антониони, исчерпав свои западные темы, попытался в своих фильмах увидеть, с одной стороны, Америку, а, с другой, Китай. Его фильм «Чжун Го – Китай» (1974) в самом Китае вызвал настоящую бурю, а именно, критику фильма, названного в китайской печати антикитайским. В связи с эстетикой фотографии эту критику вос-

производит С. Сонтаг. Выясняется, что фотограф, как, впрочем, и кинематографист, в Китае не свободен. Он обязан в фотографии воспроизводить те условные, конвенциональные установки, что характерны для китайской культуры в целом и свидетельствует о столь сильном в ней ритуализме. Так Антониони здесь упрекали за то, что он на экране фиксирует объекты, не подтверждающие существующий в сознании китайцев образ своей страны, образ китайца. Короче: не совпал созданный итальянским художником образ Китая с идентичностью китайцев. «Как это свойственно людям на ранней стадии фотографической культуры, – пишет С. Сонтаг – когда изображение представляется чем-то таким, что может быть украдено у человека, китайцы обвинили Антониони в том, что он «снимает людей насильно, вопреки их желанию», как «вор». Обладание камерой не дает права на вторжение, в отличие от нашего общества, где это право признается вне зависимости от желания фотографируемого» [Сонтаг, 2013, с. 172].

Некоторые эпизоды из фильма Антониони эту особенность просто иллюстрируют. «Китайцы не хотят, чтобы фотографии несли большой смысл и были очень интересными. Они не хотят смотреть на мир под необычным углом, открывать новые темы. Фотографии должны показывать то, что уже описано. У нас фотография – обоюдный инструмент для производства клише и для создания «нового взгляда». У китайских властей есть только клише – но считается, что это не клише, а «правильные взгляды» [Сонтаг, 2013, с. 225]. Это тоже доказательство существующего китайского ритуализма и ориентации китайца на прошлое, о чем писал В. Соловьев. Невозможно подвергнуть сомнению заключение В. Соловьева, подкрепленные более конкретными наблюдениями С. Сонтаг, касающимися уже искусства. Все это так и есть. Только вот в той же китайской цивилизации есть и нюансы. Эти нюансы существенны, если отношения между народами рассматривать на уровне отношений между развертывающимися в «большом времени» цивилизациями. Эти нюансы свидетельствуют, что, несмотря на явное несходство в менталитете, существует, может существовать и общая основа для контактов с другими цивилизациями.

Так, обратимся, например, к даосизму. Откуда появился в Византии исихазм, а ведь оттуда, из Византии и наша культура, а затем распространился в Древней Руси, дошел до XVIII и XIX века, когда в России субкультура старцев оказалась

столь притягательной, в том числе, для Достоевского [Хоружий, 2012]. В XX веке он улавливается даже у А. Тарковского [Хренов, 2018, с. 169–178]. Однако шло время, о прогнозе В. Соловьева, связанном с панмонголизмом, забыли, да и как не забыть, ведь при советской власти его сочинения не печатались. Что касается XX века, то резонанс революции 1917 года не мог не повлиять на Китай. Древняя цивилизация входит в переходную эпоху и переживает хаос. В 1921 году в Китае возникает коммунистическая партия. В 1949 году к власти здесь приходят коммунисты. Марксистская идеология способствовала другой идее – идее всеединства и братства на революционной основе. И хотя братства, в конечном счете, не получилось, и сегодня на этом слове мы ощущаем налет архаичности, между Китаем и Россией все же появились реальные точки соприкосновения.

С 1956 года в Китае начинается нечто, похожее на российскую оттепель, хотя это был кратковременный период. Тем не менее, в этот период интеллигенция Китая ощутила некоторое послабление. Что-то вроде российской «оттепели», спровоцировавшей реставрацию. Оно получило выражение в известном курсе «Политика ста цветов». Китайская оттепель продолжалась до 1964 года, что также соответствует хронологии оттепели в России. Затем начинаются заморозки. В 1966 году вспыхивает так называемая «культурная революция» и продолжается десятилетие. В 1966 году Мао на площади Пекина объявил о создании организации хунвэйбинов. В нее вошла китайская молодежь. По этому поводу был организован митинг, который был снят. Некоторые зарубежные критики сравнивали его с фильмом Л. Рифеншталь «Триумф воли». В печати эти события объяснялись необходимостью борьбы с ревизионизмом и укреплением партийной дисциплины. Под ревизионистами, естественно, подразумевались советские коммунисты. На самом же деле, все это прodelывалось для сохранения власти Маодзедуна, у которого появилось много противников. Однако эта революция имела резонанс на Западе. Здесь некоторые молодежные радикальные группировки ориентировались на маоизм. В 1976 году в Китае происходит процесс над лидерами хунвэйбинов, ставшими инициаторами расправы над «пятой колонной», т. е. диссидентами и интеллигенцией, в том числе, над кинематографистами.

Вот как, например, очевидец одного из митингов на площади описывает судилища над «пятой колонной». Речь идет о расправе над ректором

Пекинского университета. «... На голову «критикуемому надевают бумажный колпак или же канцелярскую корзину для использования бумаги. На колпаке (корзине), а также на плакате, который прикрепляется на груди, пишутся обвинения. В таком виде «критикуемый», стоя на коленях, предстает перед разъяренной толпой или собранием, причем каждый присутствующий стремится физически оскорбить его (толкнуть, схватить за руку, ударить). Ораторы, выступления которых то и дело прерываются возгласами участников митинга: «Защитим Мао Цзедуна», «Выметим дочиста ревизионистскую нечисть!» и т. п., перечисляют все грехи «критикуемого», ему самому слово не дается, и он должен молча (иногда в течение двух и более часов) воспринимать критику» [Бурлацкий, 1979, с. 128]. Почти все ведущие режиссеры, сценаристы и актеры оказались приговоренными к заключению в тюрьмах или к принудительным работам в сельскохозяйственных коммунах. Некоторые из них были подвергнуты суду и казнены. Вот какую оценку этой «революции» дает режиссер Чжан Имоу. «Я полагаю, – говорит он, – что «культурная революция» – не только трагедия человека, но и унижение самого духа человека... Люди начали сомневаться в самих себе, дух их был подавлен» [Торопцев, 2008, с. 258]. В ряду врагов революции оказались, как об этом свидетельствует фильм Б. Бертолуччи, в том числе, и верноподданные прежнего режима, представители старшего поколения в партии, например, начальник тюрьмы, в которой отбывал свой срок несостоявшийся император, обвиняемый в шпионаже в пользу Японии.

Однако испытывая влияние в XX веке революционных идей, что шло из России, Китай позднее так и не принял той урезанной свободы, что в Россию принес ветер оттепели. Китай как «Другой» стал повертываться по отношению к России новыми сторонами. Для Мао советские коммунисты воспринимались уже не идеальными марксистами, а ревизионистами, изменившими делу Маркса. Мао уже планировал войну с Советским союзом. В 1971 году на студии документальных фильмов был сделан документальный фильм о «культурной революции» под названием «Ночь над Китаем», в котором прозвучала оценка того, что происходило в Китае. Поставил фильм режиссер А. Медведкин. Чистоту марксизма, стало быть, блюдет лишь он, Мао. Весьма красноречива такая фраза Мао: «Нам надо соединить Карла Маркса и Цинь Шихуана». Кто такой этот Цинь Шихуан? А это основатель циньской империи

(221–207 гг. до н. э.). Это тот самый император, который, подобно российскому Ивану Грозному, покорил все независимые царства, существовавшие на территории Китая, и основал одну из самых великих империй мира. При этом императоре в Китае сжигали книги, так было сожжено сочинение «Лунь Юй», в котором изложены взгляды Конфуция. Что же касается последователей Конфуция, то их насчитали 460 человек, и все они были живыми закопаны. Хунвейбины продолжили этот древний курс. Они громили книжные магазины в Пекине, Шанхае и в других городах. На улицах горели костры, в которые бросали сочинения, не соответствующие идеям Мао. В Шанхае разрушили памятник Пушкину. Вот как писалось в одном из манифестов хунвэйбинов: «Мы – красные охранники Председателя Мао, мы заставляем страну корчиться в судорогах. Мы рвем и уничтожаем календари, драгоценные вазы, пластинки из США и Англии, амулеты, старинные рисунки и возвышаем над всем этим портрет Председателя Мао» [Бурлацкий, 1979, с. 146]. Вот такой вот партийный футуризм по-китайски. Так разворачивалось в Китае возвращение к архаике, к империи в ее традиционной форме.

Отношения между Китаем и Россией принимали конфликтный характер. На этот раз Китай, пытаясь сохранить верность традиции и прошлому, за Россией не пошел. Более того, отношения скатывались к прямому военному столкновению. Китайцы даже стали претендовать на часть земель, принадлежащих России, о чем и свидетельствовали события на острове Даманском. Вместо того, чтобы постепенно брать курс на либерализм, в Китае попытались вернуть ту атмосферу, которая в России была до середины 50-х годов и сделать то, чего не успел, но, по всей видимости, планировал реализовать в России Сталин. Кстати, почему же диктаторы имеют одну общую особенность – страсть к «подмораживанию» общества и время от времени ее демонстрируют, реабилитируя имперские традиции и истребляя «пятую колонну»? Да потому, видимо, что они имеют дело с живой жизнью, а загнать ее в жесткие догматические системы до конца никогда не удастся. Жизнь, как бы ее не называть, обычно отождествляемая с оттепелью, свободой, демократией, либерализмом, берет свое. А значит, выстроенная вертикаль власти все время колеблется. Китай также не принял очередного глотка свободы, что несла с собой перестройка. Но потребность снизу в этой свободе в Китае, несомненно, существовала, о чем и свидетельствовали события на площа-

ди Тяньвэньмэн.

Сложнее с Россией, оказавшейся между Западом и Востоком и обладающей признаками, позволяющими ее соотносить и с Западом и с Востоком. Самостоятельность цивилизации, столь очевидная в случае с Китаем, здесь достигается сложнее. Да и достигается ли? Тем не менее, Россия тоже всегда в своей истории двигалась к самостоятельности и ее утверждала. Так, ставя вопрос, к чему Россия все-таки ближе – к Западу или к Востоку, Чаадаев отвечал, что ни к тому, ни к другому. Более определенную позицию в XIX веке занимал Н. Данилевский. Доказывая самобытность России как культурно-исторического типа, он показал, как она активно разрушает тот дискурс, что создает ей Запад и как она ускользает от предназначенной ей Западом роли во взаимоотношениях между цивилизациями. Естественно, что идентичность каждой из этих трех цивилизаций нельзя рассматривать изолированно от названных и неназванных других цивилизаций.

Дело в том, что идентичность каждой цивилизации возникает, укрепляется и поддерживается в процессе взаимоприятия и взаимоотталкивания с идентичностями других цивилизаций. Здесь возникает значимость того, что в философии получило обозначение как «Другой» [Нойманн, 2004]. А это значит, что контакт с другой цивилизацией предполагает создание образа этой другой цивилизации. Такой образ может соответствовать или не соответствовать реальности этой другой цивилизации. Если, скажем, рассмотреть взаимоотношения между Западом и Востоком, то мы можем фиксировать неадекватность того образа Востока, который создавал и продолжает создавать Запад, распространяя его во всем мире. Об этом, в частности, подробно и аргументированно пишет Э. Саид [Саид, 2006; Саид, 2012]. То же самое происходит и с контактом между Россией и Западом [Гачев, 1997]. Русские считают себя прозападным народом, в то время, как сам Запад относит Россию к Востоку. Эту точку зрения, например, может иллюстрировать позиция Шпенглера. У русских все, как говорится в анекдоте, часто все «уходит в гудок». Они все еще спорят и друг друга обвиняют во всех ошибках, просчетах и злоупотреблениях, а китайцы в это время так двинулись вперед, что затмили тех, казалось бы, реальных лидеров на мировые авторитеты, о которых писал Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 125]. Жизнь все время уходит вперед, и ее не успевают осознать. Так в последние десятилетия на арене мировой истории неожиданно по-

явился новый и сильный игрок, В мире возникла новая расстановка сил. Вместо американизации мира, пожалуй, скоро можно будет говорить о его китаевизации. При таком раскладе сил, когда Америка и Китай оказываются уже реальными соперниками в состязании за лидерство в мире, Запад уходит в тень, подтверждая диагноз Шпенглера, данному еще в третьем десятилетии прошлого века.

Что касается России, то она перечеркивает возвращение к вестернизации как неактуальной сегодня стратегии и вроде бы берет курс на Китай, а, следовательно, пытается реализовать евразийский проект [Хренов, 2012, с. 467–476]. Что это: следствие неприятия Западом сегодняшней России, как ответ на это отторжение Западом или же в самом деле мир входит в такой этап, когда политики, учитывая происходящие в мире сдвиги, должны конструировать новую цивилизационную идентичность. На этой основе переосмысливается тот курс, что был характерен для России в последние три десятилетия. Отсюда и критическое отношение в России к либералам, все еще ориентирующихся на те установки, что были оптимальными для эпохи вестернизации.

Мы не будем вдаваться в политические тонкости взаимодействия между этими цивилизациями. Нас будет интересовать только психологический аспект, т. е. проблема цивилизационной идентичности и то, какую роль в ее трансформации и поддержании играет кино. Правда, не лишним здесь будет затронуть и вопрос о том, обладает ли каждая из трех названных цивилизаций статусом именно цивилизации. Если иметь в виду Америку, то о своей цивилизационной самостоятельности она заявила лишь в прошлом столетии. До этого она воспринималась тем же Западом. Тем не менее, не порывая окончательно с Западом, Америка все же творит нечто свое, неповторимое и многое, что в ней уже реально существует и что позволяет говорить о ней как о самостоятельной цивилизации. Что касается Китая, то этот вопрос кажется бесспорным. Китай – самостоятельная, уникальная и древнейшая цивилизация, поддерживающая свою идентичность, как кажется, в неизменном виде на протяжении многих веков. Из всех ныне существующих цивилизаций это, как кажется, самая закрытая цивилизация. Во всяком случае, до последнего времени. У нее как-то так получается, что успешно развиваемая экономика и в то же время сохраняется коммунистическая идеология, вроде не соответствующая ныне реализуемым установкам.

Однако стоит ли в данном случае подчеркивать вопрос о закрытости Китая. Ведь то обстоятельство, что сегодня он вышел в число лидирующих цивилизаций, уже этим самым фактом он вынужден учитывать специфику тех цивилизаций, с которыми в новой ситуации он обязан взаимодействовать. И таким ли уж Китай был закрытым на протяжении XX века? [Герт, 2011]. Разве не проигрывал он под воздействием революции в России марксистский вариант истории, имевший резонанс во многих цивилизациях. Да, испытывал это влияние, а когда стало очевидным, что та коммунистическая партия, которая некогда демонстрировала жесткую дисциплину, а затем начала разлагаться и перерождаться, последователи Маркса и Ленина в Китае решили в форме так называемой «культурной революции» вернуть к первоначальной идее и провести чистку старой гвардии в партии. В России, когда наступила оттепель, такую «культурную революцию» провести в крутых формах не рискнули. Вождь к этому времени из жизни уже ушел. Воспользовались западным либерализмом, когда на самом Западе все коммунистические партии демонстрировали кризис коммунистической идеи, как и вообще кризис западной цивилизации, которую марксизм так и не вывел из ситуации, что диагностировал Шпенглер. Да, собственно, на Западе марксизм в тех жестких формах, что имели место в России, так и не реализовался. И тогда младшее поколение на Западе, махнув рукой на вырождающийся марксизм как в самой России, так и в его западных формах, начало демонстрировать свое негативное отношение и к старшему поколению, и к забюрократизированной цивилизации, которую это поколение создало. Не случайно в среде бунтующей молодежи замелькали красные книжечки с цитатами из Мао-дзедуна, так называемые «цитатники», и возник маоизм как одно из направлений в революционной студенческой среде.

Таким образом, в середине прошлого столетия влияние Мао, а, следовательно, Китая было бесспорным. Но если уж говорить о цепной реакции в функционировании идей в разных цивилизациях, то здесь не обойти и следующий вопрос. Ну, а сам-то маоизм, за который так ухватились в 1968 году бунтари Запада и который так пугал в Советском Союзе, где все еще продолжали считать, что самым революционным является только рабочий класс, откуда он происходит? Этот вопрос касается все того же взаимодействия между цивилизациями. Ведь маоизм – это один из вариантов того, что в России когда-то называли троцкизмом,

правда, в этот самый троцкизм вкладывали и смыслы, не имеющие ничего общего с идеями Троцкого. Просто идеолога перманентной революции в мире следовало убрать и утвердить построение социализма в одной стране. Так Мао расправился со своим соратником, но и с соперником Линь Бяо, так Сталин расправится со своим соперником Л. Троцким. Чтобы сохранить власть, нужно было убрать соперника, каким был Троцкий. Так поступал Сталин, но эту же цель в Китае преследовал и Мао. Не случайно во время студенческих волнений на улицах Парижа появились портреты не только Мао, но и Троцкого. Да, собственно, даже сам термин «культурная революция» был заимствован в России. Его употребляли уже в 1917 году. Правда, гордиться тут, как выясняется, нечем.

Так вот, Троцкого, а не Мао, т. е. Россию и следует считать местом порождения этого перманентного революционного бунта, который поразил мир в очередной раз в конце 60-х годов прошлого века. А дело было так. В первой половине 20-х годов, точнее, ближе к середине этого десятилетия в революционной России в рядах компартии вспыхнула дискуссия о так называемом «новом курсе». Под таким курсом подразумевалось признание некоторыми лидерами перерождения партии в лице представителей ее старшего поколения, чей курс признан неоптимальным, необходимость в демократизации партии и предоставлении младшему поколению возможности проявить себя в партийном строительстве. В среде молодежи накапливались бунтарские настроения в связи с невозможностью ее самореализации в постреволюционном обществе. Эти настроения решает использовать Л. Троцкий. Отзвуки этой дискуссии можно обнаружить в стенограмме XIII съезда партии. Так, например, в выступлении Л. Троцкого на этом съезде прозвучало беспокойство за молодых. «Молодое поколение – говорит на съезде один из вождей – не может повторить историю, и, к счастью, не должно повторять историю старшего поколения. Старое поколение шло на нынешнюю свою дорогу другими тропами, в других условиях, в условиях буржуазно-капиталистической страны, под чугунной крышей царизма. Старшее поколение обеспечило младшему поколению возможность идти вперед в других условиях, качественно совершенно отличных. И задача состоит в том, чтобы дать возможность или, вернее, обеспечить возможность молодому поколению новыми тропами, новыми путями, которые отвечают природе рабочего государства и новой

обстановке, выбраться на ту же широкую дорогу большевизма, коммунизма, ленинизма» [XIII съезд..., 1924, с. 158]. Более подробно идеи Л. Троцкого о смене поколений в рядах партии были изложены Л. Троцким в его книге 1924 года «Новый курс» [Троцкий, 1924]. Один из самых резких критиков Л. Троцкого по этому вопросу был его соперник в борьбе за власть И. Сталин, пытавшийся защитить старых большевиков от обвинения в разложении и перерождении [Сталин, 1947, с. 384]. На самом деле, карта с молодыми была разыграна лишь для того, чтобы удерживать власть.

Не зная этих возникших в революционной России, но в ней самой так и не реализовавшихся ни к концу 20-х, ни к концу 60-х идей и настроений, трудно понять, что происходило в 1968 году на Западе, который ведь первоначально и породил марксизм, и в Китае. А ведь и студенческие волнения в Париже и «культурная революция» в Китае – это все варианты реализации тех идей, которые когда-то были изложены Л. Троцким. Их пытались реализовать где угодно, и в коммунистическом Китае, и на империалистическом Западе, но только не там, где они были рождены, т. е. в России. И здесь, конечно, возникает любопытный вопрос, почему нечто подобное в России не произошло. Видимо, в период оттепели движение в эту сторону все же в России было, но, тем не менее, энергетической вспышки здесь не произошло. Ее удалось избежать, загнать вовнутрь. Но, может быть, если эта энергия не проявилась в самой жизни, то она все же проявилась в искусстве и, в частности, в кино. Тогда в фильмах каких режиссеров следует искать ее следы. Может быть, в фильмах А. Германа, Э. Климова, В. Шукшина, Л. Шепитько [Хренов, 2018]. Ведь не может же быть, чтобы в России этот бунтарский комплекс вообще не существовал.

Но как комментировать в то же время и самые известные фильмы тех революционных лет, вроде фильма «Забриски Поинт» Антониони или «Китайка» Годара. Ведь они как раз и демонстрируют этот новый революционный энергетизм и в то же время свидетельствуют о том, как этот энергетизм в виде цепной реакции передается от цивилизации к цивилизации, как эти самые цивилизации друг от друга зависимы. Так что эти три цивилизации – Россия, Америка и Китай еще до формулы С. Хантингтона уже давно присматриваются друг к другу и в конструировании своей идентичности используют принцип «Другого». Но поскольку уж мы упомянули маоизм в годаровском варианте, то

здесь следует отметить, что его фильм «Китайка», который во время его выхода был воспринят манифестом молодежного бунта, не был ведь признанием маоизма как истины в последней инстанции. Да, закрывшиеся в парижской квартире пять студентов, составляющих революционную и террористическую ячейку, слушают радио революционного Пекина, читают и комментируют книжки Мао-дзедуна, которые раскиданы по всей комнате, и кажется, что маоизм – это мировоззрение и самого Годара, а фильм – это сплошная апология маоизма. Но отношение режиссера к происходящему, к увлеченности студентов маоизмом, переходящим в терроризм (ведь ближе к финалу фильма одна студентка из этой ячейки идет в какое-то правительственное учреждение, кажется, это советское посольство, идет с бомбой, чтобы взорвать прибывшего в Париж советского министра культуры по фамилии «Шолохов») сложнее.

Конечно, герои приходят к выводу, что настоящая революция происходит с бомбами. Это всегда террор. И следует брать в руки бомбу. Насилие рождает насилие. И нужно закрывать университеты, где производят ложное знание, с помощью бомбы. О дистанции режиссера по отношению к происходящему свидетельствует упоминание в фильме романа Достоевского «Бесы». Один из студентов называет себя Кирилловым. Это упоминание и о романе, и о персонаже из этого романа свидетельствует, что у режиссера все же идентификация с его героями отсутствует. Студенты – бунтари – вовсе не рупор идей самого Годара, как это может показаться. Он наблюдает за ними, видит их убежденность, но и наивность в том, что они нашли истину и готовы за нее бороться, но с ними не отождествляется. Он размышляет о них, держась на дистанции. Судя по всему, революционный пафос парижских студентов мешал уяснить эту дистанцию между автором и персонажами его фильма. Фильм воспринимался манифестом революции. Ведь не случайно все существующие формы коммунистической идеи, будь это компартия Франции или компартия Советского Союза с точки зрения молодых выступают перерожденцами, загубившими саму суть революции и вступившими в сговор с империализмом. Вот это обвинение направлено и в адрес Никиты Хрущева, предпринявшего поездку в Америку и, следовательно, осуществляющего такой сговор с империалистами.

В этом фильме достается и Америке, пытающейся задушить и уничтожить коммунистический Вьетнам [Раны сознания..., 1985]. В фильме по-

стоянно мелькают портреты Ленина, Мао, Сталина, даже молодого Сталина, Троцкого, не забыта и Крупская. Звучит Интернационал. Цитируют не только Маркса и Мао, но Энгельса и Гегеля. Упоминаются имена Арагона и Сартра. Сартра, который у «новых левых» стал любимым автором и не случайно, ведь этот один из самых известных по тем временам философов маоизм поддержал, как, впрочем, и вообще бунтующих студентов. Все время звучит песня, в которой часто упоминается имя Мао. Постоянно повторяются знакомые русским, но почти забытые слова: империализм, классовая борьба, марксизм-ленинизм, ревизионизм, коммунизм. Все время мелькают плакаты, изображающие символы китайской «культурной революции». В конце концов, в кадре появляется лозунг: «Все пути ведут в Пекин». Сегодня фильм Годара кажется совершенно архаичным, в том числе, и по языку. Ведь невозможно все время слушать тексты из сочинений Маркса, Ленина и Мао.

Но дело не в языке. Дело в том, что эпоха идеологий, как пытается нас убедить С. Хантингтон, уходит в прошлое. Пришла эпоха организации жизни на цивилизационном уровне. Мудрее всего в этом смысле поступает опять же Китай. Ведь и увлечение марксизмом старшим поколением, и пафос «культурной революции» здесь – лишь мгновения в истории этой древней цивилизации, способной лучше других ценить прошлое. Поэтому в Китае все эти политические идеи и движения изживаются тихо, без излишнего шума. Было и прошло. А существующие в больших длительностях истории ритмы цивилизации берут свое. Несмотря на революционные всплески и разрывы преемственности, как это показано в фильме Б. Бертолуччи, эта самая преемственность в истории китайской цивилизации сохраняется. Неодинаковое отношение к коммунистическим идеям отношения между Россией и Китаем осложнило. Но рубеж XX–XXI веков в отношениях между ними вносит коррективы. Разочаровываясь в результатах нового витка вестернизации, о чем свидетельствует либерализм горбачевской эпохи, в России вспомнили об идеях русских эмигрантов – так называемых евразийцев, утверждавших, что с некоторых пор судьба России будет зависеть от ее поворота в сторону от Запада и в направлении Востока [Хренов, 2010]. Сегодня такая ориентация становится политическим курсом, а, следовательно, Россия в своих отношениях с Китаем вступает в совершенно новый этап.

Таким образом, каждый шаг России сегодня,

будет ли он касаться экономики, культуры или искусства, не может быть осмыслен, если не соотносить его с тем, что происходит в Китае и Америке. Получается, что в настоящий момент Китая больше пугаются в Америке и на Западе, нежели в России. Страх В. Соловьева здесь, кажется, похоронен. Да, собственно, его здесь и не знали, как не знали и сочинений самого В. Соловьева. Но он похоронен не сегодняшним политическим курсом, а постоянно распространяющимися во второй половине XX века интересом к Востоку и переоценкой некоторых фактов российской истории, например, так называемого «татаро-монгольского ига», которого, как уверяет в своих сочинениях «последний евразиец» в России Л. Гумилев, не было. Последователь и продолжатель идеи евразийцев Л. Гумилев отказался вслед за своими предшественниками от концепции татаро-монгольского ига, начало которой ведет к историкам В. Татищеву и Н. Карамзину, а именно она была растиражирована всеми вариантами школьного учебника по истории и, следовательно, впитана каждым русским. Именно Л. Гумилеву, сочинения которого были сначала запрещены, а потом разрешены, и стали весьма читаемыми, обязан сегодняшний политический курс. Хотя не следовало бы преувеличивать значимость научных сочинений для смены политического курса. Новые ориентации рождаются, как мы уже успели отметить, потому, что мир сегодня приходит в движение в результате уточнения, а, следовательно, изменения границ между странами, осознающими свою цивилизационную идентичность.

Но, конечно, сочинения Л. Гумилева новому политическому курсу весьма способствовали, его готовили. Например, чего стоит сформулированное Л. Гумилевым завещание, которое звучит так: «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава». Относительно друзей, которых мы, русские, сегодня ищем в Китае, Л. Гумилев писал следующее: «Евразийский тезис: надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, тюрки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами» [Основы евразийства..., 2002].

Конечно, эти проникающие в искусство настроения мимо кинематографистов не прошли. Эту тему сначала опробовал Н. Михалков в своем фильме «Урга: территория любви» (1991), а затем стали осваивать и другие режиссеры. Следует от-

метить, что, например, фильмы о Чингисхане ставят везде – от Америки до Японии. Так, в Америке в 1956 году вышел фильм «Завоеватель» режиссера Д. Пауэлла с Джоном Уэйном в главной роли. Ближе к нашему времени, в 2007 году японский режиссер С. Савай поставил фильм «Чингисхан. Великий монгол». В связи с фильмами, посвященными «потрясателю Вселенной», невозможно не назвать фильм российского режиссера С. Бодрова «Монгол» (2007), в котором Чингисхан предстал уже не кровавым монстром, а мудрым полководцем и справедливым государственным мужем. Может быть, даже тем, что исследователи мифа называют «культурным героем». Для России появление такого фильма кажется событием. Это героическая личность.

Конечно, это не тот самый жестокий монстр, варвар, возглавляющий многоголовую орду анонимных солдат, что некогда напугали Запад на всю оставшуюся жизнь, и образ которого вызывал к жизни образы Апокалипсиса. Его восхождение объясняется необходимостью в сплочении и, по сути, спасении его народа, начавшего после распада империи деградировать под воздействием вакханалии обогащения. В стране начались междоусобицы, столкновения, коррупция. Этому нужно было сопротивляться, а это значит, должен был появиться мессия, т. е. новый «культурный герой», который должен был помочь народу преодолеть хаос и предстать в образе спасителя. Он и появился, как это всегда в экстремальных ситуациях и бывает, в лице Чингисхана, сплотившего народ, возродившего свою страну, создавшего новую мощную империю и расширившего ее границы. Ну, точь-в-точь предвосхитившего то, что в свое время сделал Сталин с Россией, возрождая византийскую империю в ее монгольской редакции, что, между прочим, не могло не способствовать победе России во второй мировой войне [Хренов, 2020, с. 224–251]. Не случайно Л. Троицкий называл Сталина Чингисханом. И это, пожалуй, не преувеличение. Даже Б. Акунин в своей «Истории государства российского» пишет о влиянии монгольской модели государственного управления на функционировании власти в российской империи [Акунин, 2015].

Как оправдывал Чингисхана Н. Трубецкой, он – не только завоеватель, но и организатор. По мнению выдающегося русского философа, представление о нем как поработителя, завоевателя и разрушителя неверно [Трубецкой, 2007, с. 306–736]. Он – носитель положительной идеи. С нашей стороны он заслуживает внимания уже по-

тому, что Россия является преемницей созданной им государственности, ведь географически территория России совпадает с основным ядром империи Чингисхана. Утверждая, что дух Чингисхана проник в душу русских, Н. Трубецкой, возможно, объясняет и вторую сторону отношения русского человека к государству, о которой писал Н. Бердяев. Режиссер С. Бодров, видимо, прочувствовал идеи евразийцев по поводу созданного на Западе мифа о якобы присущем Чингисхану стремлению к мировому господству, о чем вроде бы свидетельствовала надпись на государственной печати: «Бог – на Небе. Ха-Хан – Могущество Божие на Земле. Печать Владыки Человечества». Но, как уверяют евразийцы, и, в частности, Э. Хаара-Даван, точка зрения которого разделялось и Л. Гумилевым, целью Чингиса было не мировое господство, а объединение под своей властью всех племен Великой Степи. Войны другого характера тоже были, но они носили вынужденный характер, хотя их воспринимали в духе мировой экспансии.

Совсем другой, более традиционный, даже мифологический образ Востока воспроизводится в фильме А. Прошкина «Орда» (2011). Режиссер, правда, и не претендует ни на новое открытие Востока как возможный вариант «Другого» как друга, с которым необходимо укреплять связи и который соответствовал бы концепции Л. Гумилева. Восток здесь предстает функцией тех мрачных и жестоких сил, которые позволили бы разглядеть в истории митрополита московского Алексия еще одну Голгофу, тот путь Христа, без которого не существует святости. Героем фильма является именно носитель святости. Вот и происходит в поведении монголов нагнетание варварства. А фильм воспроизводит то самое татаро-монгольское иго, которого, согласно утверждению Л. Гумилева, кажется, на Руси не было. Оно все-таки было, ведь русские князья, как это мы видим в развертывании сюжета, вынуждены платить дань Золотой Орде и сталкиваться в случае неповиновения с угрозами и жестокостью. Это XIV век. Золотая Орда еще не угасает, и стражники хана, которые будут сопровождать в финале фильма возвращение Алексия в Москву, на его вопрос, не хотят ли они вместе с ним уйти от хана к московскому князю, получают отказ. Но уже недалеко то время, когда им все же придется идти к нему на службу.

Пока же мы видим демонстрируемую монголами власть, силу и полное отсутствие ценности человеческой жизни. Это касается не просто ря-

довых, прислуживающих хану, но и членов его семьи. Так на глазах прибывших из Авиньона, от папы римского как раз в это время вынужденного бежать из Рима и обосноваться в Авиньоне, послов, прибывших в Золотую Орду, чтобы проведать, собирается ли хан завоевывать Запад, честолюбивый младший брат Джанибек убивает старшего брата Тинибек, который отныне и становится ханом. Отныне ханом становится Джанибек, и этому не сопротивляется, догадываясь о том, что произошло, и обладающая огромным авторитетом его мать Тайдула. Что же касается заморских гостей, посланников папы, то он их откровенно унижает, упрекая в том, что они прибыли в Орду без подарков. Но подарков нет потому, что по дороге послы были ограблены теми же монголами. Что же касается ответа, пойдет ли хан завоевывать Запад, то на это Джанибек отвечает так: на Авиньон пойду и, несмотря на то, что я добр, смешаю его с землей. Эта же опасность нависает и над Москвой. А что делать, признается Джанибек, ведь мне нужна территория, на которой я могу пасти своих овец.

Но что касается Авиньона, то набег на него то ли случится, то ли нет. А вот что касается Москвы, то тут хан готовится к настоящей войне. Дело в том, что Тайдула ослепла, и Джанибек пытается найти способ вернуть ей зрение. Те знахари, которых можно было отыскать поблизости, помочь не могут. Остается последнее. Людская молва доносит до хана, что в Московском княжестве есть великий колдун Алексей, способный творить чудеса. На него единственная надежда. Перед московским князем люди хана ставят условие: или ваш колдун Тайдулу излечит или Москва будет уничтожена. Что делать московскому князю? Он уговаривает митрополита Алексея, чтобы тот, столько раз убеждавший, что может творить чудеса, продемонстрировал бы это и в Золотой Орде, что спасло бы Москву от гибели. Алексей вместе с молодым монахом отправляется во владения хана. Но его усилия вернуть зрение Тайдуле успехом не увенчались. Тайдула не прозрела. Москва в опасности. Над Алексием в Орде издеваются, его унижают, избивают, принуждают к тяжелым работам. По сути его превращает в раба и чуть не лишают жизни. Да и сам святой отец в рубище, отчаявшись, решает наложить на себя руки.

Однако собираясь к войне с Москвой, хан меняет решение. Своим слугам он приказывает сохранить Алексею жизнь, чтобы он мог увидеть уничтожение Москвы, в чем будет и его вина. Бо-

лее того, как приказывает хан, нужно каждый день на глазах Алексея убивать по три раба – русича, от чего Алексей испытывает страдание. Да, Алексею суждено пройти путь Христа, пережить свою Голгофу, испытать, как истинному исихасту, полное отречение от себя. И вот именно это устранение своего «я», без которого чуда не может произойти, меняет все дело. Чудо все-таки происходит. Происходит, ибо в человеке ничего не остается, кроме веры, веры в бога. Чудеса требуют полного самоотречения. Чудеса делает не сам Алексей, а именно бог. Сам Алексей в этом убежден и в это верит. Все дело в том, чтобы верить. И бог делает чудо. К Тайдуле зрение возвращается. Алексею и его молодому спутнику, который тоже, как и святитель, пережил все возможные и невозможные истязания варваров, дают лошадей, чтобы они благополучно отбыли в Москву, а молодому монаху, как он и мечтал, направляясь в Орду, дарят лисью шубу. Осада Москвы и ее разграбление монголами отменяется, И Алексей из Золотой Орды возвращается домой.

Итак, Золотая Орда в фильме – это, по замыслу авторов, логово Антихриста. Здесь не действуют законы, отсутствуют усвоенные русичами христианские заповеди. Кроме одного – варвары держат слово. В случае удачи, т. е. чуда монголы обещают Москву пощадить. И они слово держат. Москва устояла. Тем не менее, Орда в фильме – это чуждый мир варваров. Это – именно Другой, а под Другим следует подразумевать врага. В фильме много подробностей, свидетельствующих, как эти варвары далеки от христианского мира. Да, это, конечно, далеко от гумилевского прекраснодушия. В этом смысле Восток у Ю. Арабова и А. Прошкина предстает традиционным, таким, каким его всегда видел Запад, а заодно и Россия. Да, хан не идет разрушать ни Авиньон, ни Москву и пока только об этом говорит, но ведь может и пойти и не раз ходил и разрушал. А то, как Запад видит Восток, блистательно продемонстрировано в фильме итальянского режиссера В. Дзурлини «Пустыня Тартари» (1976), о котором речь пойдет в следующей публикации.

Заключение

Несмотря на наличие интереса в проблеме Востока, спровоцированного сочинениями Л. Гумилева и евразийцев, названные фильмы утопают в массиве других отечественных фильмов. Все же приходится констатировать, что российские режиссеры перед этой темой робеют. Политический курс ведь всегда получал выражение в художе-

ственных образах. Искусство способно предшествовать такому курсу, но может обращаться к этим темам, следуя курсу. Этого следовало бы ожидать и сегодня. Но этого все же пока не происходит. Видимо, многие из современных кинорежиссеров предстают западниками, испытывая некоторое замешательство. Ничего тут не поделаешь. Контакт с Западом, несмотря на весь его драматизм, все же уже, как в свое время византизм, русский человек впитал в себя, и поворот в сторону Китая его не может не пугать. Режиссеры по-прежнему работают над сюжетами, воспроизводящими войну с Западом, т. е. события второй мировой войны. Такие сюжеты уже выполняют другую функцию. Может показаться, что Россия снова гремит оружием. Уж не разворачивается ли в ней процесс милитаризации? А это уже связано с реставрацией имперского комплекса.

На наш взгляд, сегодня у военных сюжетов на первый план выходит другая функция. Ведь война всегда была мощным средством консолидации населения. Вот ее в этой функции и воспроизводят. А эта функция сегодня, как никогда, востребована, ведь страна расколота. По поводу того, что война, пусть даже в кинематографическом отражении, способна не только приобщать к сакральному событию, но и использоваться как средство разрешать неразрешенные по вине власти внутренние проблемы, хорошо сказал Д. Быков. «Им (представителям власти – Н. Х.) не впервые было лечить внутренние проблемы внешним воздействием. Только война могла разрешить все. Она списывала что угодно, объединяла нацию, запрещала задавать вопросы. Так было множество раз – всегда, когда явно не получалось. А что не получалось – видели уже все» [Быков, 2018]. Получается, что часто причины войны не связаны с внешним вызовом, т. е. с агрессией другой цивилизации, а со стремлением власти загнать вовнутрь процессы, которые она неспособна решить и дать творческий ответ на Вызов. Но все можно списать на врага, т. е. Другого. Сегодня самые талантливые из режиссеров свое внимание сосредотачивают на противоречиях внутренней жизни страны. Это преимущественно молодые режиссеры. В этом они похожи на то поколение китайских режиссеров, которое называют «шестым» и которое предпочитает, как это происходит в фильмах А. Звягинцева, изживать внутренние комплексы. Старшее поколение отмалчивается.

Библиографический список

1. Акунин Б. История российского государства. От истоков до монгольского нашествия. Москва : АСТ, 2015. С. 370.
2. Бодрийяр Ж. Америка. Санкт-Петербург : Владимир даль, 2000. С. 12.
3. Бурлацкий Ф. Мао Цзедун и его наследники. Москва : Международные отношения, 1979. С. 128, 146.
4. Быков Д. Июнь. Москва : Издательство АСТ, 2018. С. 361.
5. Гачев Г. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. Москва : Раритет, 1997. 623 с.
6. Герт К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир. Как китайские потребители меняют все. Москва : Юнайтед Пресс, 2011. 271 с.
7. Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. Санкт-Петербург : Alexandria, 2007.
8. Кинематограф Китайской народной республики в зеркале западной прессы. Москва, 1984. С. 40.
9. Нойманн Н. Использование «Другого» в формировании европейской идентичности. Москва : Новое издательство, 2004. С. 236.
10. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва : Издательство «Весь мир», 1997. 704 с.
11. Основы евразийства. Москва : Арктогея-Центр, 2002. С. 482.
12. Раны сознания. Американские писатели и журналисты об агрессии США во Вьетнаме. Москва : Прогресс, 1985.
13. Савченкова Н. Рецепция элементов восточной культуры в современном авторском кинематографе (в фильмах Джима Джармуша и Квентина Тарантино) // Китай. Россия. США. Особенности рефлексии культурного опыта в XXI веке. Санкт-Петербург : Троицкий мост. 2018. С. 204.
14. Саид Э. В. Культура и милитаризм. Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2012. 734 с.
15. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург : Русский мир, 2006. 626 с.
16. Соловьев В. Китай и Европа. Русское обозрение. 1890. № 2. С. 675.
17. Соловьев В. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. Москва : Современник, 1991. С. 12.
18. Сонтаг С. О фотографии. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 172–223, 225.
19. Сталин И. Сочинения. Т. 5. Москва : ОГИЗ, 1947. С. 384.
20. Сюйгуан Ч. Исследование американского, российского и китайского ремейков межкультурного фильма «Двенадцать разгневанных мужчин» // Китай. Россия. США. Особенности рефлексии культурного опыта в XXI веке. 2016. С. 209.
21. Торопцев С. «Международный брэнд» китайского кино: режиссер Чжан Имоу. Москва : Экономика. 2008. С. 165, 258, 259.
22. Троцкий Л. Новый курс. Москва : Красная новь, 1924.
23. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. Москва : Эксмо, 2007. С. 306–736.

24. Федоров А. В. Трансформации образа западного мира на советском и российских экранах: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2016). Москва : Издательство МОО «Информация для всех», 2016.
25. XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. Москва, 1924. С. 158.
26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва : Издательство АСТ, 2003. 603 с.
27. Хоружий С. Исследования по исихастской традиции. В 2-х т. Т. 2. Санкт-Петербург : Издательство РХГА., 2012.
28. Хренов Н. Война и культура: традиция византизма в столкновении цивилизаций // Человек и война. Москва : Голос. 2020. Материалы ко дню философии, посвященному 75-летию победы во второй мировой и великой Отечественной войнах и к XVII конференции Института философии РАН с регионами России «Проблемы советского самосознания». Москва : Голос, 2020. С. 224–251.
29. Хренов Н. Дискурс А. Тарковского с культурологической точки зрения: русский мессианизм без имперского дискурса // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 169–178.
30. Хренов Н. Идеи Л. Н. Гумилева на фоне ориенталистского дискурса // Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы... 2010. С. 85–103.
31. Хренов Н. Культурный синтез в истории: евразийские ценности российской культуры // Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. Сборник статей Международного научного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. Санкт-Петербург, 1-3 октября 2012 года. Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 467–476.
32. Хренов Н. Между Америкой и Китаем. «Другой» в становлении и трансформации цивилизационной идентичности России // Китай, Россия, США. Искусство. Гуманитарные науки: От поколения к поколению. Материалы Международной конференции / под ред. Т. С. Юрьевой, Г. Л. Тульчинского. Санкт-Петербург : Издательство «Скифия-Принт», 2020. 78 с.
33. Хренов Н. Методологический аспект изучения истории искусства: принцип «истории искусства без имен» в кинематографическом варианте // Теория художественной культуры. Выпуск 16. Москва, Государственный институт искусствознания, 2018.
34. Хренов Н. Русская культура на перекрестке Запада и Востока. Россия как подсознание Запада. Восток как подсознание России // Искусствознание. 2013. № 3–4. С. 110.
35. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва : Политиздат, 1991. 527 с.
- Russian state. From the origins to the Mongol invasion. Moskva : AST, 2015. S. 370.
2. Bodrijar Zh. Amerika = America. Sankt-Peterburg : Vladimir dal', 2000. S. 12.
3. Burlackij F. Mao Czedun i ego nasledniki = Mao Tse Tung and his successors. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1979. S. 128, 146.
4. Bykov D. Ijun' = June. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2018. S. 361.
5. Gachev G. Nacional'nye obrazy mira. Amerika v sravnenii s Rossiej i slavjanstvom = National images of the world. America versus Russia and the Slavic. Moskva : Raritet, 1997. 623 s.
6. Gert K. Kuda pojdet Kitaj, tuda pojdet mir. Kak kitajskie potrebiteli menjajut vse = Where China goes, the world goes. How Chinese consumers are changing everything. Moskva : Junajted Press, 2011. 271 s.
7. Kardini F. Evropa i islam. Istorija neponimanija = Europe and Islam. History of misunderstanding. Sankt-Peterburg : Alexandria, 2007.
8. Kinematograf Kitajskoj narodnoj respubliki v zerkale zapadnoj pressy = Cinematography of the People's Republic of China in the mirror of the Western press. Moskva, 1984. S. 40.
9. Nojmann N. Ispol'zovanie «Drugogo» v formirovanii evropejskoj identichnosti = Using the «Other» in shaping European identity. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2004. S. 236.
10. Ortega-i-Gasset H. Izbrannye trudy = Selected works. Moskva : Izdatel'stvo «Ves' mir», 1997. 704 s.
11. Osnovy evrazijstva = The basics of Eurasianism. Moskva : Arktogeja-Centr, 2002. S. 482.
12. Rany soznaniya. Amerikanske pisateli i zhurnalisty ob agressii SShA vo V'etname = Wounds of Conscience. American writers and journalists on US aggression in Vietnam. Moskva : Progress, 1985.
13. Savchenkova N. Receptija jelementov vostochnoj kul'tury v sovremennom avtorskom kinematografe (v fil'mah Dzhima Dzharmsa i Kventina Tarantino) = Reception of oriental culture in contemporary auteur cinema (in the films of Jim Jarmusch and Quentin Tarantino) // Kitaj. Rossija. SShA. Osobennosti refleksii kul'turnogo opyta v NHI veke. Sankt-Peterburg : Troickij most. 2018. S. 204.
14. Said Je. V. Kul'tura i militarizm = Culture and militarism. Sankt-Peterburg : «Vladimir Dal'», 2012. 734 s.
15. Said Je. V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka = Orientalism. Western conceptions of the East. Sankt-Peterburg : Russkij mir, 2006. 626 s.
16. Solov'ev V. Kitaj i Evropa = China and Europe // Russkoe obozrenie. 1890. № 2. S. 675.
17. Solov'ev V. Tri razgovora o vojne, progresse i konce vseмирnoj istorii, so vključeniem kratkoj povesti ob Antihriste i s prilozhenijami = Three conversations about war, progress and the end of world history, with a short tale of the Antichrist and with supplements. Moskva : Sovremennik, 1991. S. 12.

Reference list

1. Akunin B. Istorija rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo nashestvija = History of the

18. Sontag S. O fotografii = About photography. Moskva : Ad Marginem Press, 2013. S. 172–223, 225.
19. Stalin I. Sochinenija. T. 5 = The Works. Vol. 5. Moskva : OGIZ, 1947. S. 384.
20. Sjuguan Ch. Issledovanie amerikanskogo, rossijskogo i kitajskogo remejkov mezhkul'turnogo fil'ma «Dvenadcat' razgnevannyh muzhchin» = A study of the American, Russian and Chinese remakes of the cross-cultural film *Twelve Angry Men* // Kitaj. Rossiya. SShA. Osobennosti refleksii kul'turnogo opyta v HHI veke. S. 209.
21. Toropcev S. «Mezhdunarodnyj brjend» kitajskogo kino: rezhisser Chzhan Imou = «International brand» of Chinese cinema: director Zhang Yimou. Moskva : Jekonomika. 2008. S. 165, 258, 259.
22. Trockij L. Novyj kurs = The new route. Moskva : Krasnaja nov', 1924.
23. Trubeckoj N. Nasledie Chingishana = The legacy of Genghis Khan. Moskva : Jeksmo, 2007. S. 306–736.
24. Fedorov Transformacii obraza zapadnogo mira na sovetском i rossijskih jekranah: ot jepohi ideologicheskoj konfrontacii (1946–1991) do sovremennogo jetapa (1992–2016) = Fedorov Transformations of the Western world image on Soviet and Russian screens: from the era of ideological confrontation (1946-1991) to the modern stage (1992-2016). Moskva : Izdatel'stvo MOO «Informacija dlja vseh», 2016.
25. HIII s#ezd Rossijskoj Kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Stenograficheskij otchet = XIII Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Transcript of the Congress. Moskva, 1924. S. 158.
26. Hantington S. Ctolknovenie civilizacij = Clash of civilisations. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2003. 603 s.
27. Horuzhij S. Issledovanija po isihastskoj tradicii. V 2-h t. T. 2 = Studies on the Hesychastic Tradition. In 2 vols. Vol. 2. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo RHGA., 2012.
28. Hrenov N. Vojna i kul'tura: tradicija vizantizma v stolknovenii civilizacij = War and Culture: The Byzantine tradition in the clash of civilisations. // Chelovek i vojna. Moskva : Golos. 2020. Materialy ko dnju filosofii, posvjashhennomu 75-letiju pobedy vo vtoroj mirovoj i velikoj Otechestvennoj vojnah i k XVII konferencii Instituta filosofii RAN s regionami Rossii «Problemy sovet'skogo samosoznaniya». Moskva : Golos, 2020. S. 224–251.
29. Hrenov N. Diskurs A. Tarkovskogo s kul'turologicheskoj tochki zrenija: russkij messianizm bez imperskogo diskursa = A. Tarkovsky's discourse from a cultural perspective: Russian messianism without imperial discourse // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 2. S. 169–178.
30. Hrenov N. Idei L. N. Gumileva na fone orientalist'skogo diskursa = L. N. Gumilev's ideas against the background of Orientalist discourse // Nasledie L. N. Gumileva i sud'by narodov Evrazii: istorija, sovremenost', perspektivy... 2010. S. 85–103.
31. Hrenov N. Kul'turnyj sintez v istorii: evrazijskie cennosti rossijskoj kul'tury = Cultural synthesis in history: Eurasian values of Russian culture // Nasledie L. N. Gumileva i sud'by narodov Evrazii: istorija, sovremenost', perspektivy. Sbornik statej Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, posvjashhennogo 100-letiju so dnja rozhdenija L. N. Gumileva. Sankt-Peterburg, 1-3 oktjabrja 2012 goda. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2012. S. 467–476.
32. Hrenov N. Mezhdou Amerikoj i Kitaem. «Drugoj» v stanovlenii i transformacii civilizacionnoj identichnosti Rossii = Between America and China. The "Other" in the formation and transformation of Russia's civilizational identity // Kitaj, Rossiya, SShA. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki: Ot pokolenija k pokoleniju. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii / pod red. T. S. Jur'evoj, G. L. Tul'chinskogo. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Skifija-Print», 2020. 78 s.
33. Hrenov N. Metodologicheskij aspekt izuchenija istorii iskusstva: princip «istorii iskusstva bez imen» v kinematograficheskom variante = The methodological aspect of studying the history of arts: the principle of 'art history without names' in the cinematic version // Teorija hudozhestvennoj kul'tury. Vypusk 16. Moskva, Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya, 2018.
34. Hrenov N. Russkaja kul'tura na perekrestke Zapada i Vostoka. Rossija kak podsoznanie Zapada. Vostok kak podsoznanie Rossii = Russian culture at the crossroads of East and West. Russia as a subconsciousness of the West. The East as the subconsciousness of Russia // Iskusstvoznanie. 2013. № 3–4. S. 110.
35. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii = The meaning and purpose of history. Moskva : Politizdat, 1991. 527 s.

УДК 008

Т. С. Злотникова

<https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

А. В. Самсонова

<https://orcid.org/0000-0002-2037-2851>

Театральная интерпретация классики как культурный опыт постсоветской эпохи

Статья подготовлена в рамках работ по гранту РНФ 20-68-46013

Для цитирования: Злотникова Т. С., Самсонова А. В. Театральная интерпретация классики как культурный опыт постсоветской эпохи // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 173–177. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-173-177

Статья посвящена анализу постсоветской художественной практики работы с театральными интерпретациями русских классических пьес – «Леса» А. Н. Островского и «Чайки» А. П. Чехова. Новизной отличается эмпирический материал, в качестве которого предложены постановки Ярославского театра драмы им. Ф. Волкова. Основная задача исследования состоит в выявлении особенностей, характеризующих современное понимание классики, акцентировании социально-нравственной и социально-культурной проблематики произведений. Основными методами исследования являются, прежде всего, культурно-исторический, прибегая к которому авторы представляют особенности содержательных аспектов интерпретации русской классической драматургии в ее социальном и нравственно-психологическом аспектах. Наряду с названным важным является эстетический метод, с акцентом на художественно-образный анализ конкретных произведений искусства, что востребовано в связи с необходимостью анализа парадоксальных произведений театра, возданных в недавний, постсоветский период. Конкретные ссылки на ведущих авторов, представляющих данные методы, сделаны по ходу изложения результатов исследования. В статье представлены как литературоведческие и театроведческие версии классических пьес, так и суждения современных критиков о спектаклях. Это позволяет дать объемную характеристику взглядов на классику. В статье выявлены две тенденции работы с классической в постсоветский период. Одна тенденция, представленная в постановках Островского, связана с актуализацией социально-нравственной проблематики автора. Сделан акцент на фигуре помещицы, на комедийных и нравственно-критических аспектах пьесы через актерскую работу и сценографию. Вторая тенденция, представленная в постановке Чехова, связана с постмодернистским переосмыслением классических персонажей как психологически и эстетических негативных людей. Авторы считают проанализированные произведения и выразившиеся в них художественные и социально-нравственные тенденции репрезентативными для постсоветской культуры.

Ключевые слова: постсоветская эпоха; режиссёрская интерпретация; жанр пьесы; художественный приём; «Лес» А. Кузина; «Чайка. Эскиз» Е. Марчелли.

T. S. Zlotnikova, A. V. Samsonova

Theatrical interpretation of the classics as cultural experience of the post-soviet era

The article analyzes the post-soviet artistic practice of working with theatrical interpretations of the Russian classical plays «The Forest» by A. N. Ostrovsky and «The Seagull» by A. P. Chekhov. The productions of the Yaroslavl Volkov Drama Theatre were chosen as novel empirical material. The main objective of the study is to identify the features that characterize modern understanding of the classics, emphasizing the socio-moral and socio-cultural range of problems in the works. The main methods of the research are, above all, cultural and historical, resorting to which the authors present the peculiarities of interpreting Russian classical drama in its social, moral and psychological aspects. Equally important is the aesthetic method with emphasis on artistic descriptive analysis of specific works of art, which is necessary for examining the paradoxical theatrical productions staged in the recent post-soviet period. Alongside with presenting the results of the research the authors give references to the leading authors using these methods. The article presents both literary and theatrical versions of the classical plays, as well as the opinions of contemporary critics about the productions. This allows us to give a thorough characterization of the views on the classics. The article shows two tendencies of working with classical literature in the post-soviet period. The first one, represented in Ostrovsky productions, is related to the actualization of the social and moral problems in the play. Through acting and

scenography, the emphasis is made on the character of the landlady, on the comic aspects and moral criticism in the play. The second tendency presented in Chekhov productions has to do with the postmodern re-interpretation of classical characters as psychologically and aesthetically negative people. The authors consider the works analyzed in the article and the artistic, social and moral tendencies expressed in them to be representative of post-soviet culture.

Keywords: post-soviet era, director's interpretation; genre of the play; artistic device; «Forest» directed by A. Kuzin; «The Seagull. Sketch» directed by E. Marcelli.

Введение

Внимание людей каждой новой эпохи к классике не ослабевает во времени, а изучение классики не прекращается никогда, в том числе и сейчас, когда перед теми, кто задумал воплотить классический материал на театральной сцене, стоит вопрос о выборе возможных путей интерпретации. Эти пути включают в себя: поиск новых смыслов в оригинальном тексте, но с учетом тенденций современности; выявление границ режиссёрской интерпретации классического произведения, а также художественных приёмов, призванных выступить в роли посредника между интерпретатором и зрителем. Главной задачей театральных интерпретаций классики, как показывает историко-культурный опыт, является переосмысление классики и предложение своего варианта трактовки смыслов, заложенных автором в произведение.

Методы исследования

Основными методами исследования являются, прежде всего, культурно-исторический [Лотман, 2002], прибегая к которому авторы выявляют особенности содержательных аспектов интерпретации русской классической драматургии в ее художественно-эстетическом, социальном и нравственно-психологическом аспектах. Наряду с названным важным является эстетический метод [Бахтин, 1986; Бенгли, 1978; Каган, 1996] с акцентом на художественно-образный анализ конкретных произведений искусства, что востребовано в связи с необходимостью анализа парадоксальных произведений художественной культуры, созданных в недавний, постсоветский период [Вислова, 2009; Кондаков, 2011]. Конкретные ссылки на других ведущих авторов, представляющих данные методы, сделаны по ходу изложения результатов исследования.

Результаты исследования: выявление реалистических, нравственно-психологических аспектов интерпретации пьесы А. Н. Островского

А. Н. Островский – классик русской литературы, всем понятный и близкий многим. Как отмечал А. А. Аникст в своем фундаментальном труде

«Теория драмы в России от Пушкина до Чехова» [Аникст, 1972, с. 643], Островский был продолжателем традиций русской драмы, опиравшимся на Пушкина, который освободил литературу «от подражательности» [Аникст, 1972, с. 282]. Принято считать, что именно вслед за Пушкиным Островский последовательно утверждал в драме принципы народности. «Сочетание большой художественной культуры с глубоким знанием народной жизни – вот основа творчества, как она мыслилась Островскому» [Аникст, 1972, с. 283]. Многие пьесы Островского были написаны в жанре комедии или, так или иначе, содержали в себе признаки комедийного жанра (это относится и к комедии «Лес», которая интересует нас особо).

Для культурных практик постсоветской эпохи характерным и значимым становится аккумуляция не только эстетических или социально-нравственных, но и технологических обретений. В традициях отечественного искусства значимым на протяжении десятилетий были при интерпретации классики социальные акценты, даже социально-экономическая проблематика [Ревякин, 1974; Лакшин, 1982], особенно это касалось пьес и постановок Островского. Но и чеховские мотивы и проблематика не рассматривались как чуждые социальности, которую классику иногда назойливо приписывали, а иногда тонко вычленили [Ермилов, 1951; Головащенко, 1964; Сухих 2002; Шах-Азизова, 2011]. Концептуальность понимания русской классической драмы как источника новых художественных решений стала основой научной традиции [Зингерман 1989; Злотникова 2011] и стимулом театральных версий.

Выбор классического материала режиссерами постсоветской эпохи, прежде всего, актуализирует самые популярные, яркие и подчас самые парадоксальные пьесы русских классиков. Для сценического опыта важным является желание и готовность к парадоксам и альтернативам, которые опираются на тексты классики, но не чуждаются актуальной нюансировки в отношении характеров и ситуаций. Для критики важным становится принцип работы «от обратного», когда едва ли не пошагово опровергаются лирические и нравственные детали, это, в частности, касалось балаганной версии «Леса», поставленного в МХТ К. Серебрянниковым [Карась, 2019; Ямпольская, 2019].

Само название комедии «Лес» задаёт тон общему настроению происходящего и связано с животрепещущей социальной и семейной проблематикой, актуальной для периода, в который жил и творил Островский. Лес – это аллегория и обобщение. Это глушь, в которой живут дворяне-помещики. Продажа леса Гурмыжской в свое время рассматривалась как закат дворянства, расставание с прошлым, многовековым помещичьим укладом.

Отметим кратко: мотив провинциальной жизни для режиссера А. Кузина значим, он составляет канву и предыдущей его постановки «Леса» (2008 г. в Самарском академическом театре драмы), там центром были именно помещики и их судьбы, особый акцент был сделан на величественной и комичной Гурмыжской-Ж. Романенко в контрасте с трогательными и неприкаянными артистами, Несчастливцевым-А. Амелиным и Счастливцевым-О. Беловым. Разноплановые версии спектаклей одного режиссёра дополняют друг друга, предлагая две трактовки пьесы.

А. Н. Островский в «Лесе» в особой степени уделяет внимание театральной линии сюжета. Автор строит своего рода театр в театре, где существуют два плана: герои разыгрывают спектакль друг перед другом в своей обыденной жизни, а сами как персонажи являются частью комедии.

Премьера «Леса» режиссёра А. Кузина в постановке театра драмы им. Ф. Волкова состоялась 29 октября 2016 г. Жанр постановки «Леса» в волковском театре следует обозначить как сатирическая комедия. Тем самым обществом, потерявшим нравственные ориентиры, являются Гурмыжская и её приближённые в усадьбе, именуемой «Пеньки». Место, где обитают так называемые люди – «пеньки», Несчастливцев определил словом, несущим негативную коннотацию, – лес.

Главную «пьесу» в своём провинциальном театре разыгрывают Раиса Павловна Гурмыжская (Т. Малькова) и её молодой любовник Буланов (М. Поздин). Гурмыжская, вопреки возрасту, играет роль кокетки в общении с Булановым; при взаимодействии с соседями, пришедшими её навестить, а также с Несчастливцевым примеряет маску добродушной «бабушки» и заботливой помещицы; в разговоре с Восмибратовым, Улитой и Аксией позволяет себе бесцеремонность и фамильярность. Буланов представляет собой обычного молодого человека, не слишком заботящегося о собственном умственном развитии, но очень целеустремлённого – он стремится завладеть богатством Гурмыжской, прибегая к нетривиальной тактике соблазнения помещицы. Буланов так же,

как Раиса Павловна, носит маску. Он надевает её, чтобы очаровать Гурмыжскую.

Кроме Гурмыжской и Буланова постановщиками и исполнителями своего рода «пьесы жизни» являются Геннадий Несчастливцев (В. Майзингер) и Аркадий Счастливцев (В. Даушев). Они выражают основной мотив, присутствующий в «Лесе» Волковского театра, – мотив актёрской жизни. Трансформация их амплуа (трагика и комика) в господина и слугу происходит так естественно, что воспринимается в положительном смысле, в отличие от вышеназванных персонажей.

Основные декорации – это собственно обрубленный «лес», голубятня, скульптура льва и пень. Что касается самих деревьев, то они выглядят неестественно крупными, но за счёт этого невольно возникает ассоциация с комплекцией хозяйки поместья. Отсылки к ироничному представлению о Гурмыжской мы обнаруживаем и в фигуре льва, декорирующего вход в усадьбу и призванного акцентировать мотив власти и могущества помещицы.

Результаты исследования: выявление черт постмодернистской эстетики в театральной интерпретации пьесы А. П. Чехова

С успехом и элементами скандала ворвалась в современную театральную жизнь версия «Чайки» режиссёра Е. Марчелли в Ярославском театре драмы им. Фёдора Волкова 2016 г. Эту «Чайку» можно назвать интерпретацией с намёком на экстравагантность во всём: начиная от интонаций, продолжая звуковыми эффектами и поведением героев, заканчивая элементами декораций и неантропоморфными персонажами. [Авраменко, 2016; Ваняшова, 2017]

Некоторые рецензенты делают попытки толкования жанрового определения, данного режиссёром своему спектаклю. В частности, на сайте «Lenta.ru» [Банасюкевич, 2017] опубликована рецензия, где предлагается любопытная версия трактовки «эскизности» постановки: «К названию «Чайка» добавлено слово «эскиз» – в случае с ярославским спектаклем это жанр: и первому, и особенно второму акту трехчасового действия свойственна некоторая дробность, сбивчивость ритма, нарочитая смазанность общей картины». По нашему мнению, эскизность «Чайки», поставленной Е. Марчелли, заключается в том, что режиссёр делает явно беглые, подчас случайные наброски образов героев, не раскрывая их полностью, остановившись лишь на намёках. Однако внешние проявления, такие как стиль одежды или манера поведения раскрывают характеры и даже настроения героев, обеспечивая внутренний пси-

хологизм, проекцию которого можно уловить, внимательно наблюдая каждую мизансцену.

Теме любви, по нашему мнению, отведено одно из главных мест в данной версии «Чайки».

В связи с главными персонажами (хотя это понятие у Чехова весьма относительно) подчеркнём, что «выделение» их – это всегда важный вопрос, на который даёт ответ каждая новая постановка, ибо само понятие «главный герой» для чеховской драмы неоднозначно. Е. Марчелли особенно выделяет на фоне остальных Заречную и Аркадину – это две полярных женщины и актрисы. Мы лишь отчасти согласимся с высказыванием рецензента, где в статье под заглавием « «Чайка» в Ярославле: полет на одном крыле» на сайте «Regnum. Информационное агентство» [Куликова, 2016] говорится о главенствующем положении, занимаемом Аркадиной в спектакле, которая отодвигает Нину на второй план: «... складывалось впечатление, что спектакль рассчитан на одного актёра – сегодняшнюю приму Волковского Анастасию Светлову... Акцент с Нины Заречной и вовсе был снят. Аркадина уверенно расположилась в центре спектакля, все крутилось вокруг нее».

Нина по ходу действия спектакля преобразуется. Её образ представлен режиссёром в динамике – если в первом акте Заречная ведёт себя как обычная девушка – подросток XXI века, с типичными манерами (резкость, порой даже вульгарность, развязность в движениях, позах и речи); то во втором акте Нина, пройдя становление от девушки к женщине, ведёт себя совсем иначе – появляется женственность, надлом.

Аркадина же остаётся собой в каждом действии спектакля. Одевается она броско, чтобы привлечь внимание, а также не по возрасту – что говорит о её стремлении выглядеть молодо, наравне с младшим поколением. В данном спектакле Ирина Николаевна носит короткую стрижку, смело надевает короткие платья, подчёркивая красивые ноги, не боится полупрозрачных тканей – в ней легко узнаётся современная «роковая женщина», которая своим внешним видом даёт послыл: она готова покорять окружающих.

Режиссёр использует тот же приём непрерывности действия, демонстрации кажущегося плавным течения жизни, который был введён в «Чайку» ещё Станиславским в Художественном театре. Герои могут подолгу молчать, выдерживая длинную паузу, которая соединяет и пронизывает сценические эпизоды.

Неожиданной и откровенно провокативной «деталью» в данной «Чайке» является лошадь – живое, натуральное существо, которое появляется в самом начале спектакля. Режиссёр сообщает,

как мы полагаем, что если спектакль начинается с такой «детали», – значит, и дальше пришедших на спектакль ждёт нечто необычное. Провокативность решения Е. Марчелли состоит в том, чтобы через аквариум с водой вызвать ассоциации с озером, которое задействовано в ходе представления Треплева. Данный эффект скорее создан для повышения визуального эффекта, чем для функциональной значимости в постановке.

«Чайка. Эскиз» Е. Марчелли предоставляет зрителю ответить на вопрос, задаваемый и многими другими постановками этой пьесы: кто же из персонажей является той самой «чайкой», жизнь и гибель которой не без мелодраматизма рассматривается в этом спектакле. Ответ явно не может быть однозначным, но ни истерично-инфантильная Нина, ни анемичный Треплев не выглядят героями трагического действия, лишь – растерянными жертвами обстоятельств.

Заключение

Подводя итог культурно-исторического очерка современных художественных практик в сфере интерпретации национальной классики, отмечаем: российская художественная традиция интерпретации классической драматургии, с одной стороны, задаёт вектор для направления деятельности режиссёра и театра. С другой стороны, в каждый период развития культуры режиссёры, актёры, сценографы не только опираются на сложившуюся традицию и трансформируют ее, но отыскивают и предлагают подчас противоречивые художественные и нравственные смыслы классических пьес. Таким, очевидно, и должен быть процесс творческого освоения классического наследия.

Библиографический список

1. Авраменко Е. Хищная «Чайка» из Ярославля. Евгений Марчелли продолжил традицию «жесткого Чехова» – 31.10. 2016. URL: <https://www.iz.ru/news/641198> (дата обращения: 25.04.2017).
2. Аникст А. А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. Москва : Издательство «Наука», 1972.
3. Банасюкевич А. Чайку Нина задушила. Экстравагантный взгляд на классику в спектакле Марчелли. URL: <https://www.lenta.ru/articles/2016/10/29/seagull> (дата обращения: 25.04.2017).
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / примеч.: С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. 2-е изд. Москва : Искусство, 1986. 444 с.
5. Бенгли Э. Жизнь драмы / пер. с англ. В. Воронина. Москва : Искусство, 1978.
6. Ваняшова М. Театр Евгения Марчелли : путешествие на пределе возможностей. Ярославль : Академия 76, 2017. 303 с.
7. Вислова А. В. Русский театр на сломе эпох : рубеж XX–XXI веков. Москва : Университетская книга, 2009. 217 с.

8. Головащенко Ю. А. Классика на сцене. Москва : Искусство, 1964. 302 с.
9. Ермилов В. В. А. П. Чехов; Драматургия Чехова. Москва : Советский писатель, 1951. 509 с.
10. Зингерман Б. И. Очерки истории драмы 20 века : Чехов, Стриндберг, Ибсен, Метерлинк, Пиранделло, Брехт, Гауптман, Лорка, Ануй. Москва : Наука, 1979. 390 с.
11. Злотникова Т. С. Эстетические парадоксы русской драмы. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. 288 с.
12. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. 414 с.
13. Карась А. Пуще леса // Российская газета. URL: <https://mxat.ru/performance/main-stage/forest/4766/> (дата обращения: 15.05.2019).
14. Кондаков И. В. Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме. Москва : Издательство МБА, 2011.
15. Куликова В. «Чайка» в Ярославле : полёт на одном крыле – 11.05. 2016. URL: <https://www.regnum.ru/news/2130664.html> (дата обращения: 25.04.2017).
16. Лакшин В. Я. Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Искусство, 1982. 567 с.
17. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2002. 765 с.
18. Ревякин А. И. Искусство драматургии А. Н. Островского 2-е изд., испр. и доп. Москва : Просвещение, 1974. 332 с.
19. Сухих И. Н. А. П. Чехов : Proetcontra: творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. : антология. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. 1072 с.
20. Шах-Азизова Т. К. Полвека в театре Чехова, 1960–2010. Москва : Прогресс-Традиция, 2011. 325 с.
21. Ямпольская Е. Гурмыжская пушха // Русский курьер. URL: <https://mxat.ru/performance/main-stage/forest/4767/> (дата обращения: 15.05.2019).
5. Bentli Je. Zhizn' dramy = Life of drama / per. s angl. V. Voronina. Moskva : Iskusstvo, 1978.
6. Vanjashova M. Teatr Evgenija Marchelli : puteshestvie na predele vozmozhnostej = Yevgeni Marcelli's theatre: a journey to the limit. Jaroslavl' : Akademija 76, 2017. 303 s.
7. Vislova A. V. Russkij teatr na slome jepoh : rubezh НН–ННІ vekov = Russian theatre at the shift of eras : the turn of XXth and XXIst centuries. Moskva : Universitetskaja kniga, 2009. 217 s.
8. Golovashenko Ju. A Klassika na scene = Classics on stage. Moskva : Iskusstvo, 1964. 302 s.
9. Ermilov V. V. A. P. Chehov; Dramaturgija Chehova = A. P. Chekhov; Chekhov as a playwright. Moskva : Sovetskij pisatel', 1951. 509 s.
10. Zingerman B. I. Oчерki istorii dramy 20 veka = Essays on the history of 20th century drama : Chehov, Strindberg, Ibsen, Meterlink, Pirandello, Breh, Gaupman, Lorka, Anuj. Moskva : Nauka, 1979. 390 s.
11. Zlotnikova T. S. Jesteticheskie paradoksy russkoj dramy = Aesthetic paradoxes of Russian drama. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011. 288 s.
12. Kagan M. S. Filosofija kul'tury = Philosophy of culture. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1996. 414 s.
13. Karas' A. Pushhe lesa = More than forest // Rossijskaja gazeta. URL: <https://mxat.ru/performance/main-stage/forest/4766/> (data obrashhenija: 15.05.2019).
14. Kondakov I. V. Vmesto Pushkina. Jetjudy o russkom postmodernizme = Instead of Pushkin. Essays on Russian postmodernism. Moskva : Izdatel'stvo MBA, 2011.
15. Kulikova V. «Chajka» v Jaroslavle : poljot na odnom kryle – 11.05. 2016 = «The Seagull» in Jaroslavl' : flying on one wing – 11.05. 2016. URL: <https://www.regnum.ru/news/2130664.html> (data obrashhenija: 25.04.2017).
16. Lakshin V. Ja. Aleksandr Nikolaevich Ostrovskij. 2-e izd., ispr. i dop. = Aleksandr Nikolayevich Ostrovsky. 2nd ed. revised and updated. Moskva : Iskusstvo, 1982. 567 s.
17. Lotman Ju. M. Istorija i tipologija russkoj kul'tury = History and typology of Russian culture / Semiotika i tipologija kul'tury. Tekst kak semioticheskaja problema. Semiotika bytovogo povedenija. Istorija literatury i kul'tury. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 2002. 765 s.
18. Revjakin A. I. Iskusstvo dramaturgii A. N. Ostrovskogo 2-e izd., ispr. i dop. = The Art of A. N. Ostrovsky's drama. 2nd edition, revised and updated. Moskva : Prosveshhenie, 1974. 332 s.
19. Suhij I. N. A. P. Chehov : Proetcontra: tvorcestvo A. P. Chehova v russkoj mysli konca XIX – nachala XX v. = A. P. Chekhov : Proetcontra: Chekhov's work in Russian philosophy in the late 19th – early 20th centuries : antologija. Sankt-Peterburg : Izd-vo Rus. hristian. gumanitar. in-ta, 2002. 1072 s.
20. Shah-Azizova T. K. Polveka v teatre Chehova, 1960–2010 = Half a century at the Chekhov theatre, 1960–2010. Moskva : Progress-Tradicija, 2011. 325 s.
21. Jampol'skaja E. Gurmyzhskaja pushha = Gurmyzhskaya forest // Russkij kur'er. URL: <https://mxat.ru/performance/main-stage/forest/4767/> (data obrashhenija: 15.05.2019).

Reference list

1. Avramenko E. Hishhnaja «Chajka» iz Jaroslavlja. Evgenij Marchelli prodolzhlil tradiciju «zhestkogo Chehova» – 31.10. 2016 = The rapacious «Seagull» from Jaroslavl. Yevgeny Marchelli continues the tradition of «tough Chekhov» – 31.10. 2016. URL: <https://www.iz.ru/news/641198> (data obrashhenija: 25.04.2017).
2. Anikst A. A. Teorija dramy v Rossii ot Pushkina do Chehova = Theory of drama in Russia from Pushkin to Chekhov. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1972.
3. Banasjuevich A. Chajku Nina zadushila. Jekstravagantnyj vzgljad na klassiku v spektakle Marchelli = Nina strangled the Seagull. An extravagant twist of the classics in Marcelli's production. URL: <https://www.lenta.ru/articles/2016/10/29/seagull> (data obrashhenija: 25.04.2017).
4. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = The aesthetics of verbal expression / primech.: S. S. Averinceva, S. G. Bocharova. 2-e izd. Moskva : Iskusstvo, 1986. 444 s.

УДК 008.009+101.1

Л. Г. Ивлицкая

<https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

Город и его со-бытийный хронотоп: диагностический аспект

Для цитирования: Ивлицкая Л. Г. Город и его со-бытийный хронотоп: диагностический аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 178–184. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-178-184

В статье предпринята попытка обосновать возможности хронотопа в качестве инструмента культурологической диагностики города. Выбранный ракурс исследования обусловлен востребованностью в настоящее время трансдисциплинарного подхода при изучении самых различных феноменов, связанных с бытием человека. Город в этом плане не является исключением, его исследование также предполагает обращение к методологиям, позволяющим соединить управленческие практики и научные теории.

Город рассматривается в статье в своем «срединном бытии», как пространство смыслов, что обуславливает возможность использования хронотопа в качестве онтологической единицы, которая может быть положена в основу культурологической диагностики города. Благодаря тому, что хронотоп связывает в единую структуру темпорально-топосные и смысловые критерии, различные измерения города приобретают специфическое выражение, находя свое отражение в различных хронотопических инвариантах (профаном, глобальном, инновационном и т. д.).

Автор сосредотачивает свое внимание на со-бытийном хронотопе, который акцентирует внимание на настоящем города, отражая его пространственно-временные основания, в границах которого осуществляется время жизни и деятельности человека, взятого в качестве потребителя городского пространства-времени. В качестве показателей со-бытийного хронотопа, позволяющих осуществить культурологическую диагностику города, предлагаются насыщенность, концентрированность и соразмерность. Насыщенность отражает наличествующий спектра пространственно-временных конфигураций, в которых происходит непосредственное воспроизведение жизни человека в городе, реализация его потребностей и интересов, его формирование как горожанина. Концентрированность указывает на дифференцированность города с точки зрения «центральности» места, определяемого его функциональным предназначением. Соразмерность позволяет выявить соответствие между городом и его жителями, рассмотренное субъективном аспекте.

Ключевые слова: город, хронотоп, человек, потребитель, диагностика, пространство, время, бытие.

L. G. Pivitskaya

The city and its co-existential chronotope: a diagnostic aspect

The article attempts to substantiate the possibilities of the chronotope as a tool for cultural diagnostics of the city. The angle of the research is chosen due to the current demand for a transdisciplinary approach in the study of a variety of phenomena associated with human existence. In this regard, the city is no exception, its research also involves the use of methodologies which allow combining managerial practices and scientific theories.

The city is considered in the article in its «medial existence» as a space of meanings, which makes it possible to use the chronotope as an ontological unit, which can be used as the basis for the cultural diagnostics of the city. Due to the fact that the chronotope connects temporal-topos and semantic criteria into a single structure, different dimensions of the city acquire specific expression, being reflected in various chronotopic invariants (profane, global, innovative, etc.).

The author concentrates on the co-existential chronotope which focuses on the present of the city, reflecting its spatio-temporal foundations, within the boundaries of which the life and activity of a person as a consumer of urban space-time take place. Saturation, concentration and proportionality are suggested as indicators of the co-existential chronotope, which make it possible to carry out cultural diagnostics of the city. Saturation reflects the existing spectrum of spatio-temporal configurations, in which there is a direct reproduction of human life in the city, the realization of human needs and interests, the formation of a person as a city dweller. Concentration indicates the differentiation of the city from the point of view of the «centrality» of the place, determined by its functional purpose. Proportionality allows you to identify the correspondence between the city and its inhabitants, considered in a subjective aspect.

Keywords: city, chronotope, person, consumer, diagnostics, space, time, existence.

Введение

При всем многообразии исследовательских оптик, которые демонстрирует в настоящее время социогуманитарный дискурс в отношении современного города, можно с большой долей вероятности предположить, что их объединяющим моментом выступает общее понимание смысла его существования. Как отмечает Ю. Палласмаа, новый этап в развитии городов и городской архитектуры связан с переориентацией навстречу человеку, что позволяет говорить об антропологическом повороте в урбанистике [Палласмаа, 2010, с. 20.]. Согласно ему именно человек становится главной ценностью городского развития, основной доминантой стратегий городского планирования и благоустройства. Такой взгляд на смысл существования города фактически отсутствовал вплоть до середины XX в. Я. Гейл в своей книге «Города для людей» отмечал, что доминирующие идеологии городского планирования долгое время игнорировали проблему человеческого масштаба городов, демонстрируя «отсутствие должного внимания к людям, которые пользуются городским пространством» [Гейл, 2012, с. 3]. Города рассматривались в большей степени как место концентрации, как ресурсы, как оборона (до определенного момента). В результате антропологического поворота главный смысл города усматривается в его понимании в качестве «мира человека, дома человека» [Устюгова, 2018, с. 205], где «на первый план выходит жизнь горожан как таковая» [Мельничук]. Возникают концепции «очеловеченного города», «городов для жизни». В них фиксируется сближение города и человека, человек, проживающий в таком городе мыслиться уже не «среднестатистически», а как «личность, со своими запросами, оценками и ожиданиями, со своими привязанностями, со своими складывавшимися годами социальными связями и контактами» [Дридзе, 1998, с. 96].

В этом разрезе обращение к анализу современному городу с точки зрения культурологического подхода позволяет говорить о нем как о встрече собственно бытия города и бытия человека в городе. Говоря о бытии города, мы предполагаем, что он может быть рассмотрен в качестве субъекта, которому присуща определенная самостоятельность. И в этом плане город представляет собой своеобразную коллективную личность, имеющую свою судьбу, историю, собственный путь развития, определяющий его облик, его лицо [Хронотопия, 2016, с. 125]. В тоже время город – это и место жительства человека, который встраи-

вает свою жизнь в большую жизнь, «большое время» города. В точке их «соударения» (Н. Бор) бытие города переплетается с бытием человека, что и позволяет исследовать специфику бытия самого города через особенности бытия человека в городе.

Со-бытийный хронотоп как инструмент диагностики города

В данной статье мы попытаемся рассмотреть возможности культурологического подхода к диагностике города, представляющего собой «место обитания современного субъекта» [Гумбрехт, 2007, с. 46]. В качестве инструмента данного анализа нами выбран хронотоп. Выбор хронотопа в данном случае не случаен. Он обусловлен спецификой самого культурологического подхода, состоящей в прояснении смысловых структур, в которых существует человек. Город представляет собой пространство смыслов, возникающего на стыке бытия человека и бытия города в процессе их взаимодействия. Данное пространство раскрывает себя в хронотопе и через хронотоп, так как согласно М. М. Бахтину, благодаря которому данное понятие и вошло в гуманитаристику, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин, 1975, с. 406]. Именно культурный смысл кристаллизует в себе качественные характеристики города, взятого в качестве «единственного и безграничного время-пространства для жизни» [Амин, 2002, с. 10] человека. Совокупность пространственных и временных характеристик города, выступающих в качестве базовых параметров, определяющих наличное бытие горожанина, процесс его жизни и деятельности в городском пространстве обозначается нами как со-бытийный хронотоп. Город, с точки зрения со-бытийного хронотопа, рассматривается как жизненное пространство, то есть «та среда, которая существует для человека, и то, как она существует для человека» [Левин, 2000, с. 77].

Однако, прежде чем говорить о специфике и диагностических возможностях данного хронотопа, следует указать на то, что он, заключая в себе смысловые основания человеческого бытия, предполагает человека не только в качестве базовой ценности, оправдывающей существование города, но и задает определенное его видение, относительно которого и выстраивается система оценок его содержательного наполнения. Сошлемся вновь на М. М. Бахтина [Бахтин, 1975, с. 435], утверждавшего, что хронотоп определяет не только сюжет, но и образ человека. Если дан-

ное положение трактовать практически буквально, то можно утверждать, что хронотоп включает в себя образ человека, являя его, делаясь с ними одним целым. Иными словами, через хронотоп всегда просвечивает образ человека его аккумулирующего. Это не означает, что такой человек уже наличествует или будет наличествовать в пространстве города. Речь идет именно об образе, который выступает составной частью хронотопа, а не наоборот (хотя такой вариант тоже имеет полное право на существования). В данном случае образ горожанина предполагает его трактовку в качестве потребителя. Говоря о человеке, как о потребителе, мы имеем в виду не узкое, экономическое его толкование. Потребление рассматривается нами как одна из сущностных характеристик человека. С. В. Борзых утверждает, что потребление есть онтологическая характеристика человека, бытийная сторона его существования [Борзых, 2013, с. 127]. Пространственно-временные координаты города в данном случае осмысляются с точки зрения тех возможностей, которые они образуют для обеспечения потребностей жителей города, а, в конечном счете, для реализации их сущности в данном разрезе. В со-бытийном хронотопе фиксируются смыслы города, порождаемые пространственно-временными конфигурациями, в которых происходит непосредственное воспроизведение жизни горожанина, реализация его потребностей и интересов. Город предстает как пространство-время возможностей, выступающих основой для реализации разнообразных жизненных практик горожан, для развития человека, для реализации гуманистических принципов его бытия [Исторический город..., 2010; Ермолин, 2010; Ерохина, 2010; Кондаков, 2010; Новиков, 2010].

Каждый город нацелен на удовлетворение потребностей, именно они выступают одним из его градообразующих факторов. Речь в данном случае не идет об исторических причинах создания города, тех потребностях исторического развития, которые вызвали их к жизни. Хотя, следует отметить, что именно эти потребности во многом определяют те возможности, которыми зачастую располагает город как место жительства горожанина. Так, например, многие «российские города формировались не только как административные центры, но и как некоторый необходимый придаток производства, некоторая «тара» для размещения персонала» [Ахиезер, 1995, с. 28]. В связи с этим преобладающим становилась массовая жилая застройка с минимальной инфраструктурой. В

нашем случае, речь идет о том, что именно способность города удовлетворять разнообразные потребности его жителей является значимой ценностью и выступает в качестве основы для реализации человеческого потенциала. Город больше не является только пространством, связанным с работой, и как следствие удовлетворения тех потребностей, которые позволили бы человеку воспроизводить свою рабочую силу. Как отмечает Е. А. Устюгова, «антропологическая ориентация современной урбанистики ... должна стремиться к объемному системному пониманию содержания антропологизма, гармонизируя телесные, чувственные, коммуникативные и духовные потребности человека» [Устюгова, 2018, с. 214]. Статус современного города настоятельно указывает на то, что его жители, помимо удовлетворения базовых потребностей в жилье, питании, безопасности и т. д. рассчитывают на возможность получения перечня услуг, ориентированных на потребности более высокого порядка. А. Лефевр отмечает, что реалистический подход к городу в настоящее время, должен учитывать потребности тех групп, которые проживают в городе. «Среди социальных потребностей мы можем упомянуть потребность в безопасности, потребность в непредвиденном, в информации, удивлении, игровую потребность, потребность в «приватной» интимности среди множества социальных контактов и отношений» [Лефевр, 2002, с. 26]. В свою очередь, перспективы города, его конкурентоспособность зависят от его привлекательности для тех, кого экономисты называют «человеческим ресурсом». «Каждый житель мегаполиса, имеющий представление о комфорте, хочет быть уверен, что его ожидания будут удовлетворены, иначе смысл проживания в условиях городской среды теряет привлекательность» [Разомасова, 2012, с. 172].

Показатели со-бытийного хронотопа

Исходя из вышесказанного базовые показатели со-бытийного хронотопа будут определяться, прежде всего, с точки зрения способности городского пространства удовлетворить потребности человека, способствовать его развитию при взаимодействии с соответствующим элементом городской среды. То есть со-бытийный хронотоп позволяет интерпретировать город исходя из соотнесения друг другу двух проекций: со стороны жителей и их потребностей и со стороны города и его возможностей в удовлетворении этих потребностей.

Говоря о показателях, с помощью которых

может быть диагностирован город с точки зрения со-бытийного хронотопа, мы будем говорить о его насыщенности, концентрированности и соразмерности.

Насыщенность. Для города, рассмотренный через призму данного инварианта, характерна «структурно-функциональная неоднородность» [Лотман, 2010, с. 682]. Это неоднородность носит не диахронический, а синхронистический характер. Согласно со-бытийному хронотопу городское пространство оказывается внутри себя разграниченным на множество сегментов, обладающих различными качественными свойствами [Росси, 2015, с. 28]. Оно предстает как палимпсест, но не в качестве напластования исторических слоев, а в качестве одновременного сосуществования различных пространств, обладающих различной функциональной загруженностью, разными возможностями в отношении реализации важнейших потребностей горожанина, его личностного роста, раскрытия его потенциала.

Насыщенность со-бытийного хронотопа и позволяет оценить город с точки зрения многообразия городских пространств, интегрируя два показателя: широта и глубина. Обращение к широте предполагает оценку спектра наличествующих в городе различных по назначению, но дополняющих друг друга «мест» и «времен», создающим «необходимые условия для приобщения каждой личности к различным формам жизни города» [Ахизер, 1989, с. 29]. В каждом конкретном городе такой набор может быть различным. Но разворачиваясь различными локусами организации бытия человека они, либо способствует вовлечению горожанина в различные сферы деятельности, либо продуцирует пассивный, обывательский образ жизни. Чем уже данный перечень тем больше он ограничивает возможности человека, формированию ощущения несвободы отношению к внешнему миру.

Однако, данная характеристика должна быть дополнена таким показателем как глубина, предполагающем не только межвидовое разнообразие, но и внутривидовое, открывающее возможность перемещения не только между различными площадками, но и внутри них (смена мест работы, образования, отдыха, развлечений и т. д.). Речь идет о дублировании различных городских сервисов внутри одного вида городских пространств. Единичная представленность не может служить основанием для признания насыщенности города с точки зрения его потребительских возможностей. Наличие внутривидового выбора, причем

достаточно обширного, делает городское пространство многообразным по своим потребительским функциям.

Концентрированность. Концентрированность со-бытийного хронотопа фиксирует ценность и иерархию мест исходя из степени их насыщенности различными по своим потребительским способностям городским пространствам. Периферия здесь именно периферия, потому что бедна по своим возможностям, она может предложить очень ограниченный набор пространств, удовлетворяющих скорее базовые потребности. В свою очередь, центр представляет собой «наложение функций», место, где в одной точке «соединяются административный, финансовый, торговый, культурный, научный, образовательный центры» [Резвин, 2018, с. 14]. Для каждого города подобное соединение приобретает собственную вариативность, но в любом случае, по своей функциональной насыщенности центр всегда противостоит периферии.

Следует отметить, что современная урбанистическая мысль основной тренд городского развития видит в преодолении моноцентричности с присущим для нее ярко выраженным противопоставлением центра, совмещающим в себе различные функции, и периферийными районами. В качестве трудностей, с которыми сталкивается город, для которого характерен классический городской моноцентризм, исследователи отмечают: возрастание нагрузки на транспортные магистрали, разрастание пригородов, все более уделенных от мест работы [Поморов, 2016, с. 68], уменьшение количества «зеленых зон» вокруг города, разорванность структуры города и нехватка социальных контактов [Панченко, 2014]. Полицентризм, как альтернатива моноцентризма, связывается, с одной стороны, с распределением функциональных центров по всей территории города, с другой, с формированием субцентров, которые фактически идентичны центру по своим функциональным возможностям, в следствии чего способны существовать автономно. Другое дело, что в реальной ситуации современных российских городов полицентричность, заявлена слабо и скорее относится к области теоретических построений, чем практических реализаций.

Однако, концентрированность может отражать и другое противопоставление. В определенном смысле она может быть рассмотрена в проекциях повседневного, частного и неповседневного, общественного. По мнению А. А. Высоковского, городская среда может быть сегментирована ис-

ходя из двух конкурирующих ценностных шкал. Первая шкала «удерживает ценность коллективного, публичного начала в городе» [Высоковский, 2015, с. 28]. Согласно ей главным местом города выступает центр. Он представляет собой сосредоточение наиболее важных административных, культурных, торговых, коммуникационных объектов города. Вторая шкала фиксирует ценность персонального мира человека. Она соотносится с приватной, частной жизнью. Круг ее объектов – это квартира, двор, квартал и т. п. «Здесь ценятся совершенно иные смыслы жизни в городе – тишина, близость природного окружения, обилие зелени, ограниченность доступа на жилую территорию» [Высоковский, 2015, с. 28]. Более высокие оценки места по одной шкале неизбежно оказываются низкими по другой.

Выделенные ценностные основания имеют в большинстве случаев пространственную соотношение. Периферийность согласуется с повседневностью и приватностью, а центральность – с публичностью. Периферийность в большинстве случаев оказывается наиболее приспособленной к рутинным, каждодневным действиям, по сравнению с центром. Однако, данное удобство не всегда способно компенсировать вариативность публичного пространства центра. Более того, результаты исследований жизненных стратегий молодых людей с высоким уровнем человеческого капитала свидетельствуют о том, что для российского «креативного класса» удобство жизни в ее традиционном понимании не является первоочередным фактором, влияющим на выбор места жительства [Стародубровская, 2013, с. 140]. Для них наиболее важной выступает возможность самореализации и саморазвития. Самореализация здесь трактуется достаточно широко: от профессиональной состоятельности до неформальной творческой активности, от образовательных притязаний до досуговых предпочтений.

Соразмерность. По мысли Г. В. Горновой «соразмерность можно представить как соответствие человека городу и города человеку, адекватность среде своего обитания, такой тип отношений, который содержит в себе оптимум для реализации сущности человека» [Горнова, 2016, 24]. Не оспаривая возможности двойковости проявления соразмерности города, мы, используем данный показатель по линии соответствия города человеку, придавая ему субъективную характеристику. Ведь каким образом человек мыслит город, таким он ему и является. И здесь мы переходим от оценки пространственно-временного измерения города

исходя из общего, абстрактного понимания человека как жителя современного города с присущими для него потребностями, к его восприятию, возникающему в результате непосредственного проживания человека в городе. Используя городское пространство в соответствии с имеющимися потребностями и жизненными целями, жители города интерпретируют его исходя из тех возможностей, которые с их точки зрения он им предоставляет. Осваивая внешнюю для себя городскую среду, человек превращает исходные пространственные единицы «дом – работа – учеба – отдых – магазины» и т. д. в элементы собственного жизненного пространства. Он начинает осмысливать их как совокупность «известных мест» – *loci*, которые им «проживаются» и которые им востребуются. В результате в сознании горожан складывается собственное представление о городском пространстве: насколько удобен для проживания тот или иной город в целом или отдельные его районы в частности, вызывают ли они чувство комфортности или, наоборот, чувство отчужденности, может ли человек в нем самореализоваться или нет, имеются ли перспективы для дальнейшего проживания в нем или нет. Нельзя не согласиться с Ю. В. Преображенским, который связывает причины миграции с поиском «своего хронотопа» города [Преображенский, 2017, с. 70].

Таким образом, параметр соразмерности в отношении со-бытийного хронотопа ведет к более точному пониманию города через сопоставление его пространственно-временных координат с потребностями и практиками непосредственно живущих в нем людей в аспекте их субъективного восприятия. Как отмечает Смирнов, «мерой личных образов города выступают уже не точность изображения, не правильность и корректность фиксации места обитания, а событийность, осмысленность места обживания, сообразность городской среды потребностям человека: «сообразность образа города задачам человека оказывается важнее точности образа» [Смирнов, 2019, с. 27].

Заключение

В целом, с точки зрения со-бытийного хронотопа, город, будучи пространством, в котором его жители реализуют свой потенциал, должен быть столь же многомерен и многогранен как и бытие его жителя, обеспечивая вовлеченность человека в пространство города, создание глубоких и разнообразных связей человека с городской средой. В отношении городских стратегий он позволяет получить ответ на вопрос, как лучше обустроить го-

родскую среду, позволяющую ощущать человеку в ней собственную «уместность», располагающую необходимыми условиями для реализации запросов горожан, формирующую вовлеченное и положительное отношение жителей к своему городу.

Библиографический список

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3. С. 1–25.
2. Ахиезер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. Москва : Наука, 1995. С. 21–28.
3. Ахиезер А. С. Качество городской среды как фактор интенсификации прогресса // Проблемы качества городской среды. Москва, 1989. С. 28–35.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Худ. лит., 1975. 504 с.
5. Борзых С. В. Человек-потребитель // Философия и общество. 2013. Вып. № 1(69). С. 120–127.
6. Высоковский А. А. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Public. Москва : Gray Matter, 2015. 352 с.
7. Гейл Ян. Города для людей. Москва : Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
8. Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: категорический императив градостроительства // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 22–25.
9. Гумбрехт Х. Современная история» в настоящем меняющегося хронотопа // Новое литературное обозрение. 2007. № 1. С. 45–50.
10. Дридзе Т. М. Социальная диагностика в градостроительстве // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 94–98.
11. Ермолин Е. А. Мифообраз города: итоги и перспективы изучения // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 24–33.
12. Ерохина Т. И. Символика города в культуре русского символизма // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 78–87.
13. Исторический город русской провинции как культурный универсум / науч. ред. Т. С. Злотникова, М. В. Новиков, Н. А. Дидковская, Т. И. Ерохина. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 536 с.
14. Кондаков И. В. Город как текст: структура, культурная семантика, смысловая динамика // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 46–67.
15. Левин К. Теория поля в социальных науках. Санкт-Петербург : Сенсор, 2000. 368 с.
16. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26.
17. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв: Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. 703 с.
18. Мельчук Г. А. Смысл для жизни: как городу понять то, для кого и куда он развивается. URL: <https://opinion.platfor.ma/gorod-so-smyslom/> (дата обращения: 12.10.2020).
19. Новиков М. В. Динамика образовательной среды города Ярославля // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 8–24.
20. Палласмаа Ю. Эстетика и экзистенциальное пространство: диалектика искусства и архитектуры // Проект Балтия. 2010. № 3. С. 18–24.
21. Панченко К. Гигантомания в кризисе. Урбанисты разрабатывают концепции комфортного развития городов // Газета.ru. 2014. 25 июня. URL: http://www.gazeta.ru/realty/2014/06/24_a_6084649.shtml (дата обращения: 12.10.2020).
22. Поморов С. Б., Жуковский Р. С. Анализ современных представлений о полицентрической структуре города // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 1. С. 67–79.
23. Преображенский Ю. В. Хронотоп в современном географическом дискурсе // Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». 2017. № 3. С. 65–73.
24. Разомасова Е. А. Теоретико-методологические основы формирования экономического механизма развития сферы потребительских услуг: монография. Новосибирск : СибУПК, 2012. 236 с.
25. Ревзин Г. Центр и периферия. Как устроен город // Коммерсантъ Weekend. 2018. № 21. С. 14.
26. Росси А. Архитектура города. Москва : Strelka Press, 2015. 264 с.
27. Смирнов С. А. Человекоразмерность города // Праксема. 2019. № 2. С. 13–32.
28. Стародубровская И., Лободанова Д. Креативный класс и креативный город: российское преломление // Экономическая политика. 2013. № 5. С. 127–149.
29. Устюгова Е. А. Антропологический поворот в современной урбанистике // TERRA AESTHETICAE. 2018. № 1. С. 199–215.
30. Хронотопия города: монография / Е. Я. Бурлина, Л. Г. Иливицкая, Н. В. Барабошина. Самара : ООО «Книжное издательство», 2016. 240 с.

Reference list

1. Amin Je., Trift N. Vnjatnost' povsednevnogo goroda = Clarity of the urban routine // Logos. 2002. № 3. S. 1–25.
2. Ahiezer A. S. Gorod – fokus urbanizacionnogo processa = The city as the focus of urbanisation // Gorod kak sociokulturnoe javlenie istoricheskogo processa. Moskva : Nauka, 1995. S. 21–28.
3. Ahiezer A. S. Kachestvo gorodskoj sredy kak faktor intensifikacii progressa = The quality of urban environment as a factor in intensifying progress // Problemy kachestva gorodskoj sredy. Moskva, 1989. S. 28–35.
4. Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let = Questions of Literature and Aesthetics.

Studies from different years. Moskva : Hud. lit., 1975. 504 s.

5. Borzyh S. V. Chelovek-potrebitel' = The human consumer // *Filosofija i obshhestvo*. 2013. Vyp. № 1(69). S. 120–127.

6. Vysokovskij A. A. Sochinenija. V 3-h t. T. 3. Public = Works. In 3 vols. Vol. 3. Public. Moskva : Gray Matter, 2015. 352 s.

7. Gejl Jan. Goroda dlja ljudej = Cities for people. Moskva : Al'pina Publisher, 2012. 276 s.

8. Gornova G. V. Sorazmernost' goroda i cheloveka: kategoricheskij imperativ gradostroitel'stva = Proportionality of the city and man: a categorical imperative of urban planning // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija*. 2016. № 2 (11). S. 22–25.

9. Gumbrecht H. *Sovremennaja istorija» v nastojashem menjajushhegosja hronotopa = «Modern history» in the present of a changing chronotope // Novoe literaturnoe obozrenie*. 2007. № 1. S. 45–50.

10. Dridze T. M. Social'naja diagnostika v gradoustrojstve = Social diagnostics in urban management // *Sociologicheskije issledovanija*. 1998. № 2. S. 94–98.

11. Ermolin E. A. Mifoobraz goroda: itogi i perspektivy izuchenija = The Mythos of the city: results and prospects for research // *Obrazy goroda v gorizonte rossijskoj dinamiki: nauchnyj sbornik / otv. red. M. V. Novikov, T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. S. 24–33.*

12. Erohina T. I. Simvolika goroda v kul'ture russkogo simbolizma = City symbols in the culture of Russian symbolism // *Obrazy goroda v gorizonte rossijskoj dinamiki: nauchnyj sbornik / otv. red. M. V. Novikov, T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. S. 78–87.*

13. Istoricheskij gorod russkoj provincii kak kul'turnyj universum = A historical city of provincial Russia as a cultural universum / nauch. red. T. S. Zlotnikova, M. V. Novikov, N. A. Didkovskaja, T. I. Erohina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. 536 s.

14. Kondakov I. V. Gorod kak tekst: struktura, kul'turnaja semantika, smyslovaja dinamika = The city as text: structure, cultural semantics, dynamics of meaning // *Obrazy goroda v gorizonte rossijskoj dinamiki: nauchnyj sbornik / otv. red. M. V. Novikov, T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. S. 46–67.*

15. Levin K. Teorija polja v social'nyh naukah = Field theory in social sciences. Sankt-Peterburg : Sensor, 2000. 368 s.

16. Lefevr A. Idei dlja koncepcii novogo urbanizma = Ideas for a new urbanism concept // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2002. T. 2. № 3. S. 19–26.

17. Lotman Ju. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv: Vnutri mysljashhij mirov: Stat'i. Issledovanija. Zametki = Semiosphere: Culture and Explosion: Inside intellectual worlds: Articles. Research. Notes. Sankt-Peterburg : Iskustvo-SPB, 2010. 703 s.

18. Mel'chuk G. A. Smysl dlja zhizni: kak gorodu ponjat' to, dlja kogo i kuda on razvivaetsja = Meaning for life: how a city understands who it is developing for and

where it is going URL: <https://opinion.platfor.ma/gorod-so-smyslom/> (data obrashhenija: 12.10.2020).

19. Novikov M. V. Dinamika obrazovatel'noj sredy goroda Jaroslavlja = Dynamics of the Jaroslavl educational environment // *Obrazy goroda v gorizonte rossijskoj dinamiki: nauchnyj sbornik / otv. red. M. V. Novikov, T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. S. 8–24.*

20. Pallasmaa Ju. Jestetika i jekzistencial'noe prostanstvo: dialektika iskusstva i arhitektury = Aesthetics and existential space: the dialectics of art and architecture // *Proekt Baltija*. 2010. № 3. S. 18–24.

21. Panchenko K. Gigantomanija v krizise. Urbanisty razrabatyvajut koncepcii komfortnogo razvitija gorodov = Megalomania in crisis. Urbanists work out concepts for comfortable urban development // *Gazeta.ru*. 2014. 25 ijun.

URL: http://www.gazeta.ru/realty/2014/06/24_a_6084649.shtml (data obrashhenija: 12.10.2020).

22. Pomorov S. B., Zhukovskij R. S. Analiz sovremennyh predstavlenij o policentricheskoj strukture goroda = Analysis of current perceptions of the polycentric city structure // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2016. № 1. S. 67–79.

23. Preobrazhenskij Ju. V. Hronotop v sovremennom geograficheskom diskurse = Chronotope in contemporary geographic discourse // *Vestnik TvGU. Serija «Geografija i geojekologija»*. 2017. № 3. S. 65–73.

24. Razomasova E. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy formirovanija jekonomicheskogo mehanizma razvitija sfery potrebitel'skih uslug = Theoretical and methodological basis of forming an economic mechanism for the development of the consumer services sector: monografija. Novosibirsk : SibUPK, 2012. 236 s.

25. Revzin G. Centr i periferija. Kak ustroen gorod = Centre and periphery. How the city is organised // *Kommersant# Weekend*. 2018. № 21. S. 14.

26. Rossi A. Arhitektura goroda = Urban architecture. Moskva : Strelka Press, 2015. 264 s.

27. Smirnov S. A. Chelovekorazmernost' goroda = The human dimension of the city // *Praksema*. 2019. № 2. S. 13–32.

28. Starodubrovskaja I., Lobodanova D. Kreativnyj klass i kreativnyj gorod: rossijskoe prelomlenie = Creative class and creative city: Russian perspective // *Jekonomicheskaja politika*. 2013. № 5. S. 127–149.

29. Ustjugova E. A. Antropologicheskij povorot v sovremennoj urbanistike = An anthropological turn in contemporary urbanism // *TERRA AESTHETICAE*. 2018. № 1. S. 199–215.

30. Hronotopija goroda = City Chronotopy: monografija / E. Ja. Burlina, L. G. Ilivickaja, N. V. Baraboshina. Samara : OOO «Knizhnoe izdatel'stvo», 2016. 240 s.

УДК 008 (1-6)

Т. И. Ерохина

<https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Е. С. Желтов

<https://orcid.org/0000-0002-2108-4085>

Репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Ерохина Т. И., Желтов Е. С. Репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 185–192. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-185-192

Статья посвящена исследованию репрезентации образов советской эпохи, представленной в отечественной комикс-культуре. Отмечая популярность и актуальность советской культуры в современной массовой культуре, авторы подчеркивают дискуссионный характер репрезентации «советского прошлого». Анализируя особенности репрезентации, которая является многозначным понятием и может преследовать разные цели, авторы акцентируют внимание на «зрелищной» функции репрезентации, которая свойственна современной массовой культуре. В статье представлен последовательный анализ отечественных комиксов, в которых репрезентация советской эпохи заявлена наиболее очевидно, более того – она декларируется создателями комиксов как сознательный прием. Авторы статьи отмечают, что репрезентация советской эпохи может быть представлена в сюжете комикса, который имеет отсылки к историческим событиям или историческому хронотопу советской эпохи. Советская эпоха может быть представлена в системе персонажей, которые узнаваемы и могут иметь прототипов в советской культуре. Отечественные комиксы, обращенные к российскому читателю, могут актуализировать визуальные образы советской эпохи. Анализируя различные приемы и способы репрезентации советской эпохи в комиксах, авторы предлагают функциональный анализ репрезентации, отмечая, что обращение к советской эпохе может преследовать разные цели и иметь как положительные, так и отрицательные коннотации. В статье рассмотрены различные функции репрезентации советской эпохи, связанные как с ностальгическими тенденциями в обществе, так и ироническим восприятием советского прошлого.

Ключевые слова: комикс, отечественная культура, массовая культура, репрезентация, советская эпоха, ностальгия, художественный образ.

T. I. Erokhina, E. S. Zheltov

Representation of the soviet era in national comics

The article studies representation of the soviet era images in the national comics culture. Paying attention to the popularity and relevance of soviet culture in contemporary mass culture, the authors emphasize the controversial nature of showing the «Soviet past». Analyzing the peculiarities of representation, which is a polysemantic concept and can pursue different goals, the authors focus on the «spectacular» function of representation typical of modern mass culture. The article gives a thorough analysis of national comics in which the representation of the soviet era is most obvious; moreover, the comic strips creators claim it is a deliberate technique. The authors of the article note that the representation of the soviet era can be featured in the plot of a comic book, with references to historical events or historical chronotope of the soviet era. The soviet era can be represented in the system of recognizable characters with possible prototypes in soviet culture. National comic books, addressed to the russian reader, can actualize the visual images of the soviet era. Analyzing various techniques and ways of showing the Soviet era in comics, the authors offer a functional analysis of representation, noting that resorting to the soviet era can serve different purposes and have both positive and negative connotations. The article examines different functions of the soviet era representation connected both with nostalgic trends in society and with ironic perception of the soviet past.

Keywords: comics, national culture, mass culture, representation, soviet era, nostalgia, artistic image.

Введение

Репрезентация советской эпохи в современной

массовой культуре России становится всё более актуальным и популярным явлением. Ностальгия

по советской культуре может проявляться в нескольких вариантах: «и в виде моды на советское, и как предмет исторического познания, и как источник ностальгических переживаний» [Немченко, 2016]. Обращение к советскому прошлому может быть «связано с жизненным опытом нескольких поколений россиян и, вместе с тем, с достаточной временной дистанцией, обеспечивающей осмысление этого опыта в новом, «ностальгическом» ракурсе. Однако атрибуты советской эпохи, интерпретированные в массовой культуре, сегодня привлекают и те социальные группы, чья жизнь, казалось бы, непосредственно не связана с реалиями советской повседневности: молодежь, чьи детские воспоминания едва ли затрагивают советский период, а также иностранных туристов» [Александрова, 2018]. Особенно активно «советское прошлое» востребовано массовой культурой, которая, с одной стороны, использует коды советской культуры в качестве игрового дискурса, рождающего у потребителя определенный эмоциональный отклик и ассоциативный ряд, с другой стороны, репрезентирует образы советской культуры в качестве популярного артефакта или симулякра.

В рамках данной статьи мы сосредоточим внимание на репрезентации советского эпохи в современной массовой культуре, а именно в отечественном комиксе, который и сам по себе является актуальным предметом изучения в современном гуманитарном знании. Комикс стал одним из самых популярных феноменов, влияние которого на другие виды искусства (киноискусство, живопись) трудно переоценить. Кроме того, актуальность исследования обусловлена осмыслением генетических связей комикса с мифотворчеством, а также осмыслением социокультурных оснований популярности комикса в современной массовой культуре.

Методология исследования

В качестве методологической базы статьи выступает социокультурный подход к феномену комикса как явления массовой культуры.

Отметим, что осмысление отечественного комикса имеет сложившуюся научную традицию: комикс как явление культуры рассматривается в работах Р. Т. Алиева, Р. Брандфорда, С. Б. Бхат, С. В. Ветошкина, Д. Г. Дмитриевой, С. Макклауда, Г. Моррисона, К. В. Поляковой, Г. Г. Почепцова, А. Г. Сониной, Т. А. Фетисовой, П. Фрэнно-Дерюэля, Е. В. Харитоновой, К. В. Полякова. Генезису и эволюции отечественного ко-

микса посвящены исследования Д. Г. Дмитриевой, А. И. Кунина, Е. В. Харитоновой.

В статье востребованы методы семиотического и функционального анализа, представленные в исследованиях Р. Барта, Л. Л. Геращенко, С. В. Григорьевой, Б. Н. Ельциной, С. С. Каличенко, Н. Б. Кирилловой, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, В. С. Мальшевой, Н. В. Шульгиной.

Материалом исследования стали комиксы «Собакистан» (2020 г.) (В. Терлецкий, художница Катя), «Продукты 24» (2017 г.) (А. Бизяев); комиксы издательства «Bubble Comics»: «Экслибриум» (2014–2018 гг.) (сценаристы Н. Дёвова, А. Булатова, художники А. Родин, А. Ерофеева, К. Гарасов, Ю. Журавлёва, М. Привалова) и «Майор Гром. Шанс» (А. Габрелянов, художница М. Привалова).

Результаты исследования

На наш взгляд, внимание массовой культуры (в том числе – в отечественных комиксах) к советскому периоду обусловлено несколькими причинами: «Первая – это реальная ностальгия, трактуемая как тенденция в умонастроении. Вторая – это квазиностальгия, используемая в коммерческих целях» [Даньков, 2018]. Для современного комикса в России характерна именно квазиностальгия, поскольку ностальгию по прошлому могут испытывать и те, кто это прошлое не застал. При этом такого рода ностальгия предполагает как тоску по прошлому, так и «связанную с этой тоской негативную оценку настоящего» [Иванов, 2007]. Возникает смысловое поле, позволяющее конструировать ностальгические настроения аудитории, когда прошлое используется в качестве «интеллектуально-эмоционального конструкта, искажающего публичную версию определенного исторического периода...» [Абрамов, 2007, с. 100].

Важной особенностью массовой культуры постсоветской России было и есть не только создание ностальгии по советскому, но и «демифологизация ностальгических настроений» [Немченко, 2016], при этом демифологизация является также важным условием преодоления ностальгии, так как ностальгия – «это попытка преодолеть необратимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство» [Бойм, 1999]. Если сделать исторический обзор конструирования медийной реальности за прошлый век и начало нынешнего, то в масс-медиа произошёл отказ от главенствующего идеала и принципов изображения объективной реаль-

ности. Современные процессы трансформации отношения к реальности заключаются в том, что основной целью творцов является конструирование новой картины мира, в том числе и авторской. Комикс в данном случае оказался весьма пригодным для конструирования некоей идеальной картины мира, в которой помимо пропаганды моральных установок могла проходить и пропаганда политических взглядов (особенно в первые десятилетия существования комикса как популярной формы искусства, что особенно заметно в комиксах США 1940–1960 гг.).

Стоит отметить, что российский комикс не всегда следует действующим трендам в полной мере, в отличие от кинематографа и СМИ (телевидения). В частности, это проявляется в том, что авторы и художники комиксов хоть и используют коды советской эпохи и образы советской художественной культуры, но репрезентируют это, преимущественно, как отсылки к первоисточникам. При этом не всегда чувство ностальгии будет являться причиной обращения к конкретному материалу, тогда как узнаваемость образа будет более «цениться» и легко считываться аудиторией. Окружающая нас сегодня культурная среда – это мир, который создан человеческой практикой. Это природа, трансформированная в артефакт, внутри которого воплощены человеческие намерения и потребности. Сейчас для подобного феномена, который можно назвать как «овеществление», и вводится понятие «репрезентация». Суть этого явления заключается в посреднической роли между субъективным «Я» и окружающим миром.

Репрезентация является многозначным понятием, которое широко употребляется в философии, культурологии, психологии и социальном познании в целом. Наиболее общее определение может быть зафиксировано как «представление одного в другом и посредством другого» [Грицанов, 2002, с. 1376].

В когнитивной психологии первичная репрезентация понимается как «ментальная репрезентация» в слове, которое служит проводником, транслятором от сущности феномена к его проявлению: «В процессе такой трансляции «ментальные структуры», представляющие собой неявные сущности, «языковляются», «репрезентируются» в языковых структурах как явных сущностях, доступных восприятию» [Кравченко, 2012].

Также активное обсуждение принципа репрезентации происходит в постмодернистской филологии. Это связано с тем, что невозможно опи-

сать реальность одним языком, что заставляет уделять внимание различиям, которые становятся онтологическим свойством существования человеческого мира. Такие различия создают множество точек (как индивидуальных, так и групповых) отсчёта, которые используют свой собственный язык для описания действительности, то есть предложить собственные репрезентативные формы: «Различие, таким образом, понимается относительно вариантов усвоения разнообразных дискурсивных практик, но не как различие в отношении выражения некоторых сущностей (= идей) в многообразных ситуациях исторической перспективы и горизонтали жизни культур» [Миронов, 2016]. С традиционной точки зрения репрезентация – это создание образа чего-либо, дающего определенное представление об объекте, представление объекта, но не прямое, коим является презентация, а опосредованное, то есть посредством каких-либо идей или образов: «Репрезентация – это опосредованное, или «вторичное» (через подобие) представление в сознании человека образов (первообразов) материальных или идеальных объектов их свойств, отношений и процессов» [Микешина, 2021]. При этом репрезентация использует функцию обозначения, которая придаёт ей символический характер.

Репрезентация может осуществляться с помощью посредников: символов, моделей и любых знаковых систем, в том числе языковых, математических и т. п. Тут стоит отметить, что именно естественные и искусственные языки – это главные репрезентанты, посредники, а в качестве такого посредника может выступать любой знак, символ, рисунок и др., то есть всё может быть репрезентацией всего. Репрезентация является конструктивной функцией знака, то есть эти два понятия взаимно определяют друг друга. Репрезентация представляется как знаковый феномен, так как она сама создаёт знак. Также оба этих понятия соотносятся с презентацией, как присутствием или наличием, то есть репрезентация возникает из-за того, что объект, который она репрезентирует, отсутствует. Отсюда репрезентация в целом есть функция визуального понимания, которым обладает субъект, но отсюда же репрезентация есть лишь акт симуляции. Если говорить о функции репрезентации, то она заключается в замене чего-то, находящегося за ней, но при этом лишь субъект определяет, что есть репрезент в данной ситуации. Отношение реципиента к миру во многом определяется и трансформируется под воздействием созданных и/или выбранных им самим

репрезентаций. Представление о действительности каждого индивида – это продукт деятельности самого индивида: «формы восприятия, способы видения и понимания, от которых зависят виды репрезентации, трансформируются в зависимости от того, какие образцы репрезентации предписываются нам культурой и внедряются практикой и образованием» [Микешина, 2005]. Такой подход понимания репрезентации был разработан М. Вартофским. В его концепции говорится, что понимание репрезентации реципиентом зависит от принципов интерпретации, которые подготавливают реципиента к тому, что ему предстоит увидеть посредством канонов, которые приняты в данной культуре. Но при этом репрезентация не может быть сведена к простому сходству, она не стремится в адекватности, а скорее тяготеет к канонам и прочим образцам, которые обладают большой степенью конвенциональности.

Если рассматривать репрезентацию с точки зрения культурных процессов, то мы одновременно имеем в виду и сам процесс означивания, и результат этого процесса. То есть, мы постоянно имеем дело с динамичной, подвижной ситуацией. Не случайно в английском языке термин «репрезентация» часто используется во множественном числе. Также отметим, что репрезентация апеллирует к эмоциям. На этом основана, в первую очередь, зрелищность масскульта, ориентированная на привлечение внимания массового зрителя, на необходимость представить необходимые мысли, идеи в привлекательной форме. Если говорить о средствах зрелищность, то их арсенал достаточно разнообразен: это и использование визуальных образов, и музыкальное сопровождение, и звуковые эффекты и др.

Таким образом, мы отмечаем, что объект, который репрезентируется становится популярным только в случае, если из его репрезентации сделать шоу. Массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковостью. Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработен стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным» [Бодрийяр, 2005, с. 186–270], – писал Ж. Бодрийяр.

Обращаясь к материалу нашего исследования, мы отмечаем, что наиболее репрезентативным произведением, в котором актуализируются коды советской культуры, является комикс «Собакистан». Отчасти это связано с тем, что, как уже было сказано выше, авторы не пытаются следовать «моде на ностальгию», а лишь используют наиболее узнаваемые образы эпохи для рассказа своей

истории, как отмечает художница комикса Катя: «Для меня это не про Советский Союз, не про Корею, не про Туркмению. Скорее, это комикс про нас, про современные осколки Союза» [Плунгян, 2019].

В центре сюжета данного комикса – история иностранного журналиста, прибывшего в закрытую социалистическую республику Собакистан во время репетиции похорон лидера республики – товарища Дружка. В контексте происходящих событий авторы очень часто обращаются к «тоталитарной эстетике», которая была характерна как для Советского союза, так и для современных стран, отличающихся закрытостью или наличием социалистических систем. Современная массовая культура больше нацелена на использование как реально, так и условно положительных элементов, которые «могут восприниматься сегодня в отрыве от связанных с ними прежде негативных коннотаций, бытовавших в советский период» [Александрова, 2018].

Из наиболее примечательных элементов, используемых авторами в этом комиксе, можно выделить обращение к архитектурным объектам, которые представлены конструктивизмом, элементами ампира, эклектики сталинской эпохи, а также обращение к плакату, точнее – эстетике плакатного искусства. И если использование архитектурных образов обусловлено их узнаваемостью и даже однотипностью (поскольку архитектурные объекты советской эпохи можно встретить на территории всего постсоветского пространства), то обращение к плакатному искусству представлено более неожиданно и интересно. Во-первых, на страницах комикса (достаточно объемного – сто шестьдесят страниц) мы не встречаем буквального «цитирования» агитационных плакатов, которые были так популярны в СССР, да и в других тоталитарных странах. Во-вторых, единственным плакатом, на который дается явная ссылка, становится плакат/портрет вождя, который хоть и встречается несколько раз, но присутствует лишь на некоторых кадрах и обложке комикса. И, в-третьих, и это кажется нам наиболее интересным: в рисунках комикса появляются кадры, которые выполнены в стилистике советских плакатов. И этот прием выводит визуальный ряд комикса на иной уровень – уровень интертекстуальный, доступный не каждому читателю, поскольку процесс узнавания стилистики плаката уже не столь очевиден.

Характерно, что обращение авторов комикса «Собакистан» (название которого тоже отсылает

нас к вербальным ассоциациям, поскольку явно перекликается с названиями нескольких республик, входящих в состав СССР – Узбекистан, Таджикистан и др.), к визуальным кодам советской культуры не носит однозначно позитивных или негативных коннотаций. Более того, комбинирование как «положительных», так и «отрицательных» ассоциаций, связанных с советским периодом, становится удачным экспериментом в современном отечественном комиксе. На это обращает внимание Т. С. Злотникова, отмечая, что «в массовом сознании – и в глобализирующемся мире, и в России как его неотъемлемой составляющей – образы недавнего прошлого нашей страны различны, конфликтны, соблазнительны и отвратительны» [Злотникова, 2016, с. 194]. Обратим внимание на то, что комикс «Собакистан» вошёл в шорт-лист литературной премии «НОС» за 2020 год и получил достаточно высокие оценки как читателей, так и критиков, чему, на наш взгляд, способствовала и предложенная авторами игра с образами советской эпохи, которая создавала не только особый «ностальгический» колорит, но также – иронический (местами – сатирический) дискурс.

Авторы комиксов издательства «Bubble Comics» предложили иной путь репрезентации советской культуры. Они представили и адаптировали лишь те коды и образы «советского прошлого», которые имеют непосредственное отношение к сюжетной истории или хронотопу комикса, поэтому не выглядят инородно и/или карикатурно.

Ярче всего это проявилось в серии «Экслибриум», сюжет которой повествует об ордена книголюбцев, охраняющих границы реального мира и мира художественных произведений друг от друга. В этой серии использованы цитаты и аллюзии, отсылающие нас к советской мультипликации и кинематографу. Так, например в первом томе «Экслибриума» нам представлена история Красной шапочки, которая разворачивается на улицах современной Москвы. Обратим внимание на образ Серого Волка, трансформация которого наиболее очевидна. Не случайно сценарист серии Н. Дёвова даёт этому персонажу следующую характеристику: «Этот гражданин должен был представлять в двух ипостасях: жуткой копошащейся массе зубастых волкочервей и более человеческой оболочке, в которую эти волкочерви складываются в целях конспирации. Мне очень понравилось, что человеческая личина Волка получилась даже более пугающей, чем животная.

Может, мне так кажется из-за того, что Волк-человек напоминает мне Глота с планеты Картук из приключений Алисы Селезнёвой» [Дёвова, 2015, с. 184]. Сценарист отсылает нас к советскому мультфильму «Тайна третьей планеты» (1981 г., режиссёр Р. Качалов). Прямая отсылка к советскому мультфильму (популярному не только в период СССР, но и в современной культуре), как нам кажется, имеет смыслообразующее значение, поскольку возникает определённый ассоциативный ряд, рассчитанный на узнаваемость образа и его знание его истории (сюжета «Тайны третьей планеты»). Конечно, речь не идет об использовании «мейнстримных» образов, но рассмотренный пример репрезентации свидетельствует об актуализации ностальгических настроений, связанных с памятью детства.

Еще одним вариантом репрезентации советской эпохи становится представленная в комиксе система персонажей, составляющих «МЧК» (Магический Чрезвычайный Комитет), которая впервые появилась в пятом томе комикса «Бесобой» и продолжила свое развитие в серии «Экслибриум». Среди этих персонажей обозначим явных лидеров, которые создают интертекстуальное прочтение комикса. Так, первым персонажем, узнаваемость которого очевидна, стал «Товарищ Железных», а именно Феликс Эдмундович (Дзержинский), имеющий реального прототипа. Сценарист серии «Бесобой» А. Хатчетт прокомментировал систему персонажей «МЧК» следующим образом: «Нас очень часто спрашивают, почему были выбраны именно эти персонажи. Ответ очевиден, стоит лишь расставить их в хронологическом порядке. Каждый из глав «МЧК» воплощает собой определённую эпоху развития нашей страны, и все они – следователи и детективы... Чисто теоретически, должен быть ещё майор Пронин, но его дублирует Феликс, так что его особо и не видно» [Хатчетт, 2016, с. 180]. Помимо Железных, на страницах комикса появляется Глеб Егорович, прототипом которого стал персонаж романа братьев Вайнеров «Эра милосердия» (1976 г.), роль которого в кинофильме «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.) (экранизации романа Вайнеров) сыграл В. Высоцкий: «С прототипом в этом случае всё довольно очевидно. Мало какой персонаж мог так удачно воплотить в себе и представления людей о том, каким обязан быть страж порядка и, как это ни парадоксально, каким он не должен быть, но, чёрт возьми, каким бы нам хотелось, чтобы он был» [Хатчетт, 2016, с. 182]. И еще одним «советским» персонажем на страницах ко-

микса стал Женя – герой романа Владимира Богомолова «В августе сорок четвёртого» (экранизация которого состоялась в 2000 г., режиссер М. Пташук).

Обращение к персонажам советской литературы, мультипликации, кинематографа, на наш взгляд, имеет несколько функций: прежде всего, создается эффект узнаваемости, который имеет положительный смысл в массовой культуре, стремящейся к стереотипности, воспроизведению известных образов и сюжетов. Кроме того, отечественный комикс демонстрирует определенную преемственность в культуре, актуализируя известные образы, придающие тексту комикса дополнительные коннотации. Наконец, это отсылка к некоторым «авторитетам», моделирующим культурную память на уровне кодов и символов.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах представлена на разных уровнях: уровне сюжетных (исторических) кодов (социалистическая республика Собакистан); уровне персонажей («Товарищ Железных», Глеб Егорович, Женя); уровне визуальных образов (советская архитектура, стилистика советского плаката). Комикс активно использует образы разных видов искусства (литература, мультипликация, кинематограф, плакатная графика). Смысловое наполнение репрезентации советской эпохи в отечественных комиксах имеет, на наш взгляд, несколько значений: от актуализации культурной памяти, которая может иметь как ностальгический, так и иронический (или сатирический) подтекст, до моделирования узнаваемого (комфортного для читателя/зрителя) мира, в котором прочитывается определенная преемственность между прошлым и настоящим, которая, впрочем, имеет скорее формальную, а не концептуальную основу. Будучи феноменом массовой культуры, отечественный комикс не стремится создать сложные ассоциативные ряды и обращение к кодам и образам советской эпохи не придает уникальности смысловому содержанию комикса и не создает новые парадигмы прочтения советской или современной культуры. Более того, в отличие от комиксов, созданных в США или Западной Европы, которые намного чаще эксплуатируют исторические сюжеты и образы в комикс-культуре, отечественный комикс не столь часто обращается к советской эпохе, что, на наш взгляд, обусловлено противоречивым отношением отечественного зрителя к

советской культуре. Скорее можно говорить об использовании в отечественном комиксе отсылок не столько к советской эпохе как таковой, сколько к художественным образам советской культуры.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? URL: <https://chelovek.jes.su/s0236-20070000616-8-1-ru-319/> (дата обращения: 11.01.2021).
2. Александрова М. В. Стилистика советской эпохи в современной массовой культуре: концептуальные кафе и рестораны. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilistika-sovetskoj-epohi-v-sovremennoj-massovoy-kulture-kontseptualnye-kafe-i-restorany/viewer> (дата обращения 10.01.2021).
3. Бодрийяр Ж. Фантомы современности. Москва : Алгоритм, 2008. С. 186–270.
4. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html> (дата обращения: 11.01.2021).
5. Габрелянов А. Майор Гром. Шанс // Книга комиксов. Москва : ООО «БАБЛ», 2017. С. 60.
6. Хатчетт А. Бесобой. Том 5. Метро // Книга комиксов. Москва : ООО «БАБЛ», 2016. С. 180.
7. Грицанов А. А., Румянцева Т. Г. и др. История философии: Энциклопедия. Минск : Изд. «Книжный Дом», 2002. С. 1376.
8. Злотникова Т. С. Актуализация «оттепели» в массовом сознании современной России // Массовая культура: Российский дискурс (методология изучения, актуальные практики). Ярославль, 2016. С. 194–200.
9. Даньков В. В. Ностальгия как один из факторов привлечения внимания к знаковой личности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgija-kak-odin-iz-faktorov-privlecheniya-vnimaniya-k-znakovoj-lichnosti/viewer> (дата обращения 10.01.2021).
10. Дёвова Н. Эклибриум. Том 1. ...И дверь открывается // Книга комиксов. Москва : ООО «БАБЛ», 2015. С. 184.
11. Дёвова Н., Котков Р. Эклибриум. Том 3. Меж трёх огней // Книга комиксов. Москва : ООО «БАБЛ», 2016. С. 264.
12. Ерохина Т. И., Желтов Е. С. Репрезентация мифотворчества Г. Ф. Лавкрафта в современной массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2018_6/46.pdf (дата обращения: 10.01.2021).
13. Иванов А. Прогрессивная ностальгия? URL: <http://xz.gif.ru/numbers/65-66/aleksandr-ivanov/> (дата обращения 20.02.2016).
14. История комиксов в России: с домонгольской Руси до наших дней. URL: <https://rtvi.com/stories/russian-comics/> (дата обращения 02.03.2019).
15. Комиксы в России. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/komiksy_v_rossii (дата обращения 10.02.2019).

16. Кравченко А. В. «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса. URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/archive/fulltexts/828.pdf> (дата обращения: 28.04.2018).
17. Крученко О. Истории в картинках: как комикс-культура приживается в России. URL: <https://vm.ru/culture/777667-istorii-v-kartinkah-kak-komiks-kultura-prizhivaetsya-v-rossii> (дата обращения 10.04.2020).
18. Кунин А. И. Комикс в России. URL: https://rgub.ru/professional/published/article.php?article_id=286 (дата обращения 10.10.2018).
19. МакКлауд С. Понимание комикса. Москва : Белое Яблоко, 2016. С. 13–15.
20. Микешина Л. А. Репрезентация. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7282> (дата обращения: 28.04.2018).
21. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учебное пособие. Москва : Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005. С. 88–98.
22. Миронов Д. Д. Репрезентация и ее особенности в художественной культуре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/representatsiya-i-ee-osobennosti-v-hudozhestvennoy-kulture> (дата обращения: 28.04.2018).
23. Немченко Л. М. Стратегии работы с ностальгией по советскому в современном российском кинематографе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-raboty-s-nostalgiei-po-sovetskomu-v-sovremennom-rossijskom-kinematografe/viewer> (дата обращения 10.02.2020).
24. Немченко Л. М. Стратегии работы с ностальгией по советскому в современном российском кинематографе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-raboty-s-nostalgiei-po-sovetskomu-v-sovremennom-rossijskom-kinematografe> (дата обращения: 11.01.2021).
25. Почепцов Г. Г. Комиксы как медиакommunikация. URL: <https://psyfactor.org/lib/media-communication-8.htm> (дата обращения 10.11.2018).
26. Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ. Барнаул : Издательство Алтайского госуниверситета, 1999. С. 111.
27. Терлецкий В. Продукты 24. Санкт-Петербург : «Комильфо», 2017. С. 136.
28. Терлецкий В. Собакистан. Санкт-Петербург : «Терлецки Комикс». 2019. С. 160.
29. Фетисова Т. А. Комикс – порождение американской массовой культуры. Аналитический обзор. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komiks-porozhdenie-amerikanskoj-massovoy-kul'tury-analiticheskij-obzor/viewer> (дата обращения 10.02.2019).
30. Харитонов Е. В. Графическая проза. Путеводитель по миру комикса: (Фантастика и «экзотические приключения»). URL: http://www.fandom.ru/about_fan/comics/ (дата обращения 02.03.2019).
31. Плуныян Н. Собакистан. Катя и Терлецкий о российских комиксах и жизни собак в социалистическом государстве. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/22583-katya-i-terletskiy-pro-rossijskie-komiksy-i-sobakistan> (дата обращения 08.01.2021).
32. Alaniz J. Komiks: Comic Art in Russia. Jackson : University Press of Mississippi, 2010. 269 p.
33. Bradford W. Comic Book Nation. 2001. 272 p.
34. Coogan P. Superhero: The Secret Origin of a Genre. Austin : MonkeyBrain Books, 2006. 290 p.
35. Fresnault-Deruelle P. Aspects de la bande dessinée en France // Comics and visual culture. La bande dessinée et la culture visuelle. Munchen; New York; London; Paris, 1986. 62–77 p.
36. Herbrechter S. Posthumanism – a Critical Analysis. London : Bloomsbury Academic, 2013. 10 p.

Reference list

1. Abramov R. N. Muzeifikacija sovjetskogo. Istoričeskaja travma ili nostalgija? = Museumification of the Soviet. Historical trauma or nostalgia? URL: <https://chelovek.jes.su/s0236-20070000616-8-1-ru-319/> (дата обращения: 11.01.2021).
2. Aleksandrova M. V. Stilistika sovjetskoj jepohi v sovremennoj massovoj kul'ture: konceptual'nye kafe i restorany = Stylistics of the Soviet era in modern mass culture: conceptual cafés and restaurants. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilistika-sovjetskoj-epohi-v-sovremennoj-massovoj-kul'ture-kontseptualnye-kafe-i-restorany/viewer> (дата обращения 10.01.2021).
3. Bodrijar Zh. Fantomy sovremennosti = Phantoms of the modern times. Moskva : Algoritm, 2008. S. 186–270.
4. Bojm S. Konec nostalgii? Iskusstvo i kul'turnaja pamjat' konca veka: Sluchaj Il'i Kabakov. = The end of nostalgia? The arts and cultural memory at the end of the century: The case of Ilya Kabakov. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konec-nostalgii.html> (дата обращения: 11.01.2021).
5. Gabreljanov A. Major Grom. Shans = Major Thunder. Chance // Kniga komiksov. Moskva : OOO «BABL», 2017. S. 60.
6. Hatchett A. Besoboj. Tom 5. Metro = Besoboy. Volume 5. Metro // Kniga komiksov. Moskva : OOO «BABL», 2016. S. 180.
7. Gricanov A. A., Rumjanceva T. G i dr. Istorija filosofii = History of philosophy : jenciklopedija. Minsk : Izd. «Knizhnyj Dom», 2002. S. 1376.
8. Zlotnikova T. S. Aktualizacija «ottepeli» v massovom soznanii sovremennoj Rossii = Actualisation of the «Thaw» in the mass consciousness of contemporary Russia // Massovaja kul'tura: Rossijskij diskurs (metodologija izuchenija, aktual'nye praktiki). Jaroslavl', 2016. S. 194–200.
9. Dan'kov V. V. Nostalgija kak odin iz faktorov privlečeniya vnimanija k znakovoj lichnosti = Nostalgia as a factor in drawing attention to an iconic figure. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgija-kak-odin-iz-faktorov-privlečeniya-vnimanija-k-znakovoj-lichnosti/viewer> (дата обращения 10.01.2021).
10. Devova N. Jekslilibrium. Tom 1. ...I dver' ot-kroetsja = Exlibrium. Volume 1. ...And the door will open // Kniga komiksov. Moskva : OOO «BABL», 2015. S. 184.

11. Devova N., Kotkov R. Jekslibrium. Tom 3. Mezhtroj ohnej = Exlibrium. Volume 3: Between Three Fires // Kniga komiksov. Moskva : OOO «BABL», 2016. S. 264.
12. Erohina T. I., Zheltov E. S. Reprerentacija mifotvorcestva G. F. Lavkrafta v sovremennoj massovoj kul'ture = Representation of H. F. Lovecraft's myth-making in contemporary mass culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 6. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2018_6/46.pdf (data obrashhenija: 10.01.2021).
13. Ivanov A. Progressivnaja nostalgija? = Progressive nostalgia? URL: <http://xz.gif.ru/numbers/65-66/aleksandr-ivanov/> (data obrashhenija 20.02.2016).
14. Istorija komiksov v Rossii: s domongol'skoj Rusi do nashih dnejj = History of comics in Russia: from pre-Mongol Russia to the present day. URL: <https://rtvi.com/stories/russian-comics/> (data obrashhenija 02.03.2019).
15. Komiksy v Rossii = Comics in Russia. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/komiksy_v_rossii (data obrashhenija 10.02.2019).
16. Kravchenko A. V. «Reprerentacija myslitel'nyh struktur v jazyke» kak tema nauchnogo diskursa = «Representation of cognitive structures in language» as a topic of scientific discourse. URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/archive/fulltexts/828.pdf> (data obrashhenija: 28.04.2018).
17. Kruchenko O. Istorii v kartinkah: kak komiks-kul'tura prizhivaetsja v Rossii = Stories in pictures: how comics culture is taking root in Russia. URL: <https://vm.ru/culture/777667-istorii-v-kartinkah-kak-komiks-kultura-prizhivaetsya-v-rossii> (data obrashhenija 10.04.2020).
18. Kunin A. I. Komiks v Rossii = Comics in Russia. URL: https://rgub.ru/professional/published/article.php?article_id=286 (data obrashhenija 10.10.2018).
19. MakKlaud S. Ponimanie komiksa = Understanding the comics. Moskva : Beloe Jabloko, 2016. S. 13–15.
20. Mikeslina L. A. Reprerentacija = Representation. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7282> (data obrashhenija: 28.04.2018).
21. Mikeslina L. A. Filosofija nauki: Sovremennaja jepistemologija. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologija nauchnogo issledovanija = Philosophy of Science: Modern Epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research : uchebnoe posobie. Moskva : Progress-Tradicija : MPSI : Flinta, 2005. S. 88–98.
22. Mironov D. D. Reprerentacija i ee osobennosti v hudozhestvennoj kul'ture = Representation and its characteristics in artistic culture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/reprerentatsiya-i-ee-osobennosti-v-hudozhestvennoj-kul'ture> (data obrashhenija: 28.04.2018).
23. Nemchenko L. M. Strategii raboty s nostalgiej po sovetскому v sovremenном rossijskom kinematografe = Strategies of dealing with nostalgia for the Soviet in contemporary Russian cinema. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-raboty-s-nostalgiej-po-sovetскому-v-sovremenном-rossijskom-kinematografe/viewer> (data obrashhenija 10.02.2020).
24. Nemchenko L. M. Strategii raboty s nostalgiej po sovetскому v sovremenном rossijskom kinematografe = Strategies of dealing with nostalgia for the Soviet in contemporary Russian cinema. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-raboty-s-nostalgiej-po-sovetскому-v-sovremenном-rossijskom-kinematografe> (data obrashhenija: 11.01.2021).
25. Pohepcov G. G. Komiksy kak mediakommunikacii = Comics as media communication. URL: <https://psyfactor.org/lib/media-communication-8.htm> (data obrashhenija 10.11.2018).
26. Sonin A. G. Komiks: psiholingvisticheskij analiz = Comics: a psycholinguistic analysis. Barnaul : Izdatel'stvo Altajskogo gosuniversiteta, 1999. S. 111.
27. Terleckij V. Produkty 24 = Products 24. Sankt-Peterburg : «Komil'fo», 2017. S. 136.
28. Terleckij V. Sobakistan = Sobakistan. Sankt-Peterburg : «Terlecki Komiks». 2019. S. 160.
29. Fetisova T. A. Komiks – porozhdenie amerikanskoj massovoj kul'tury. Analiticheskij obzor = Comics as a product of American mass culture. Analytical review. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komiks-porozhdenie-amerikanskoj-massovoj-kul'tury-analiticheskij-obzor/viewer> (data obrashhenija 10.02.2019).
30. Haritonov E. V. Graficheskaja proza. Putevoditel' po miru komiksa: (Fantastika i «jekzoticheskie prikljucheni-ja») = Graphic Prose. A Guide to the World of Comics: (Fiction and «Exotic Adventures»). URL: http://www.fandom.ru/about_fan/comics/ (data obrashhenija 02.03.2019).
31. Plungjan N. Sobakistan. Katja i Terleckij o rossijskih komiksah i zhizni sobak v socialisticheskom gosudarstve = Sobakistan. Katja and Terletsky on Russian comics and the life of dogs in a socialist state. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/22583-katja-i-terletskiy-pro-rossijskie-komiksy-i-sobakistan> (data obrashhenija 08.01.2021).
32. Alaniz J. Komiks: Comic Art in Russia. Jackson : University Press of Mississippi, 2010. 269 p.
33. Bradford W. Comic Book Nation. 2001. 272 p.
34. Coogan P. Superhero: The Secret Origin of a Genre. Austin : MonkeyBrain Books, 2006. 290 r.
35. Fresnault-Deruelle P. Aspects de la bande dessinée en France // Comics and visual culture. La bande dessinée et la culture visuelle. Munchen; New York; London; Paris, 1986. 62–77 r.
36. Herbrechter S. Posthumanism – a Critical Analysis. London : Bloomsbury Academic, 2013. 10 r.

УДК 008

А. В. Зайцев

<https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

**Гуманистическая онтология мировоззрения литературного критика И. Дедкова:
истоки, природа, сущность**

Для цитирования: Зайцев А. В. Гуманистическая онтология мировоззрения литературного критика И. Дедкова: истоки, природа, сущность // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 193–203. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-193-203

В статье рассматривается вопрос о природе, истоках и содержании гуманистического мировоззрения литературного критика И. Дедкова. Автор публикации полемизирует с существующими взглядами на данную проблему и предлагает, опираясь на конкретный эмпирический материал, собственный подход к решению данного вопроса. С точки зрения автора публикации субстанционально истоки гуманистического мировоззрения И. Дедкова находятся в лоне русской классической философии и русской дореволюционной философии. Кроме этого, как это вытекает из текстуального анализа различных вербальных источников, в том числе из эпистолярного наследия, дневников и литературно-критических статей И. Дедкова на него оказал большое влияние русский и западноевропейский экзистенциализм. Главной целью публикуемой статьи является реконструкция мировоззрения И. А. Дедкова в его динамике и развитии, определение его отношения к господствовавшим в то время марксистской философии и коммунистическому типу мировосприятия. В статье демонстрируется постепенный, но планомерный тренд трансформации мировоззренческих основ литературного критика от доминирования сталинистских элементов в общественных, политических и философских взглядах И. Дедкова к их критическому преодолению и формированию свободного и независимого восприятия окружающей действительности. Основные методы, на которые опирался автор статьи, это элементы системного анализа, индукции и дедукции, анализа и синтеза, биографического подхода, дискурсивного и нарративного анализа. В результате проделанной работы автору публикации удалось реконструировать основные элементы и черты гуманистического мировоззрения И. Дедкова, нашедшие отражение в его биографии и в литературно-критическом творчестве. В качестве одного из источников для написания данной статьи были использованы до настоящего времени не опубликованные письма И. Дедкова, хранящиеся в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова при Костромском государственном университете.

Ключевые слова: мировоззрение, литературная критика, марксизм, сталинизм, гуманизм, И. Дедков, русская классическая литература, философия, экзистенциализм.

A. V. Zaitsev

Humanistic ontology of the worldview in I. Dedkov's literary criticism: origins, nature, essence

The article examines the question of the nature, origins and content of the humanistic worldview of I. Dedkov, a literary critic. The author polemicizes with the existing views on this issue and offers his own approach to solving it using specific empirical material. From the author's point of view, the origins of Dedkov's humanistic worldview can be found in Russian classical philosophy and Russian pre-revolutionary philosophy. In addition, as it follows from the textual analysis of various verbal sources, including his epistolary heritage, diaries, literary and critical articles, I. Dedkov was strongly influenced by Russian and Western European existentialism. The main purpose of this article is to reconstruct Dedkov's worldview in its dynamics and development, and to determine his relation to the Marxist philosophy and communist worldview that prevailed at the time. This article demonstrates a gradual but systematic trend in the transformation of the literary critic's worldview from the dominance of Stalinist elements in Dedkov's social, political, and philosophical views to overcoming them and to forming free and independent perception of reality. The main methods the author relies on are the elements of system analysis, induction and deduction, analysis and synthesis, biographical approach, discursive and narrative analysis. As a result of this work the author of the article was able to reconstruct the main elements and features of I. Dedkov's humanistic worldview, as reflected in his biography and literary and critical work. The author used I. Dedkov's hitherto unpublished letters stored at the I. A. Dedkov Interregional scientific and educational center at Kostroma state university as a source for writing this article.

Keywords: worldview, literary criticism, marxism, stalinism, humanism, I. Dedkov, russian classical literature, philosophy, existentialism.

Введение

Игорь Дедков не только не был философом, но даже не написал ни одного философского текста. Однако это не значит, что «вечные вопросы» человеческого бытия были для него чужды; напротив, он живо интересовался философско-мировоззренческими проблемами, историей русской и западной философской мысли, вопросами марксизма-ленинизма, теории и практики социализма и коммунизма, читал доступные ему философские книги и статьи. «В центре его внимания постоянно присутствовали философские, так называемые вечные проблемы, а его осведомленность в новейшей философской литературе нетрудно обнаружить в текстах, которые он писал» [Дурилов, 2015, с. 61].

Происходившие исторические катаклизмы, свидетелем, очевидцем и участником которых был И. Дедков, требовали от него пересмотра одних, устаревших, философско-мировоззренческих позиций и восприятия новых идей и идеалов, приходящих на смену прежним. Мировоззрение И. Дедкова хотя и менялось, но, по целому ряду фундаментальных вопросов общественного бытия, он сохранял в качестве ядра свои глубоко укоренившиеся в его мировоззрении ценности и принципы. Среди них можно назвать: гуманизм (человечность), веру в исторический прогресс, познания истины (правды), торжества социальной справедливости, нравственности, коллективных ценностей, истинного социализма и коммунизма. Данная статья посвящена важной и актуальной теме, которую мы формулируем так: гуманистическая онтология мировоззрения Игоря Дедкова: истоки, содержание, сущность.

Ф. Цанн-Кай-Си выделяет три этапа формирования мировоззрения Игоря Дедкова. Первый – это 1954–1955 гг. – «узнавание действительности», которое сопровождалось «углубленным изучением классической марксистской литературы» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12]. Возразим сразу, поскольку стоит отметить, что мировоззрение у И. Дедкова существовало еще в школе и на первых курсах учебы на факультете журналистики МГУ. Это, как признавался сам Игорь Александрович, было откровенно сталинистское мировоззрение и ломка его происходила непросто. В статье «Кляняюсь московскому универси-

тету» он пишет так: «Мы кончили школу в пятьдесят втором, и мы были такими, какими должны были быть по высочайшему замыслу, и в наших студенческих чемоданчиках мы носили полный набор истин, отмыкающих любые замки... Мы были юными гражданами, знающими все на 100 лет вперед». При этом, продолжает И. Дедков, «мы вовсе не знали великого русского критика Аполлона Григорьева, не понимали Достоевского, не имели представления о русской философии и поэзии начала XX века» [Дедков, 2013а, с. 11–12].

Как следует из ряда высказываний самого И. А. Дедкова, на первых курсах университета его общественно-политические взгляды мало чем отличались от воззрений его современников, воспитанных в лоне сталинской агитации и пропаганды. Даже спустя год после смерти И. В. Сталина И. Дедков все еще оставался его адептом и эпигоном. И только с 1955–1956 гг. начались необратимые перемены в восприятии И. Сталина и сталинизма его роли в истории страны. В пятую годовщину со дня его смерти И. Сталина И. Дедков так опишет в неопубликованном письме своей невесте (хранящемся – как и другие его письма, цитирующиеся в данной статье – в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского гос. университета) трансформацию своего мировоззрения: «Сегодня знаменательный день – пять лет с тех с тех пор, как **мировоззрение** (выделено нами – А. З) пламенного сталиниста превратилось в оползень. Пять лет со дня смерти Сталина. Эта дата застаёт меня где-то на откосе, зацепившимся за дерево честности и преданности коммунизму».

Второй этап формирования мировоззрения И. Дедкова, по мнению Ф. Цан-Кай-Си, приходится на 1956 год, когда произошел «перелом в отношении к Сталину» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12]. Но этот «перелом», как мы показали выше, произошел несколько раньше.

Третий период – «вторая половина 1960-х годов», как пишет Ф. Цан-Кай-Си – «это начало жизни и работы в Костроме» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12]. Однако здесь стоит заметить, что в Кострому И. Дедков приехал в сентябре 1957, а вовсе не во второй половине 1960 годов. Хотя именно в этот период происходит серьезный сдвиг в его мировоззрении, когда он – по нашему

глубокому убеждению – начинает дистанцироваться даже от журнала «Новый мир». Ведь на окружающий мир И. Дедков в этот период времени стал смотреть «шире, чем в рамках строгого марксизма», в то время как «новомировцы шли в его русле». Именно в этот временной период, по признанию самого критика, «у него началось уже другое мироощущение» [Дедков, 2013б, с. 44, 41].

Кстати, точка зрения И. Дедкова на социальную действительность далеко не во всем совпала с позицией журнала «Новый мир». Вслед за Ю. Буртиным, одним из сотрудников «Нового мира», он считал, что журнал при А. Твардовском был выразителем «демократической тенденции в социализме», проповедовавшем ту партийность, которая была задана XX и XXII съездами партии [Дедков, 1991, с. 5]. При этом И. Дедков ставит себе задачу: «Новый мир» надо преодолевать, расширяя площадки критики, уходя от его ортодоксии» [Дедков, 2005, с. 96]. Игорь Александрович вполне недвусмысленно заявляет, что поскольку «Новый мир» остается в плену «ортодоксии», то есть на позициях «строгого марксизма», который он сам преодолел, то ему «надо писать наперекор идейному правописанию» [Дедков, 2005а, с. 96].

Под влиянием чего же произошло его размежевание с «Новым миром»? Сам он объясняет это тем, что в Костроме, получив доступ к дореволюционным библиотечным фондам, начался «кадетской литературы». Что же читал в Костроме И. Дедков и что на него произвело столь сильное впечатление, что даже «Новый мир» показался ему, говоря современным языком, «недостаточно крут»?

Постановка проблемы

В статье «Наши железные копыта» И. Дедков подробно воспроизводит авторов книг, которые он сумел заполучить из дореволюционных фондов Костромской областной научной библиотеки: Ремизов, Ходасевич, Бердяев, Булгаков, Эрн, Розанов, «Вехи», «Несвоевременные мысли» Горького и др. [Дедков, 2013в, с. 120]. Это позволило критику установить обрести «духовную связь» с русской дореволюционной интеллигенцией, приняв от них «эстафету» [Дедков, 2005, с. 117]. «И пусть я не единомышленник их, но критицизм «Вех» я принимаю охотно, потому, что есть в нем не умершая до сих пор правда» [Дедков, 2005а, с. 118]. Не известно, был ли знаком И. Дедков с работой С. Булгакова «От марксизма к идеализму», но его

идейной развитие шло не по направлению к марксизму, а от него, как это было у многих русских дореволюционных философов, включая Н. Бердяева, в сторону от марксизма.

В противовес только что изложенной нами точке зрения на развитие мировоззрения И. Дедкова, Ф. Цанн-Кай-Си характеризует его движение от «строгого марксизма» к «реальному гуманизму» в ранней марксистской интерпретации. Но именно И. Дедков в интервью Г. Зубковой (на которое неоднократно ссылается Ф. Цанн-Кай-Си) пишет о том, что это «Новый мир» продолжал следовать в русле «строгого марксизма», [Дедков, 2013б, с. 44] в то время как у него к середине-концу 1960-х появилось уже совсем «другое мироощущение» [Дедков, 2013б, с. 41].

Что же понимает Ф. Цанн-Кай-Си под «строгим марксизмом» и насколько его точка зрения релевантна действительному положению дел?

Начнем с того, что словосочетание «строгий марксизм», которое приковало внимание Ф. Цанн-Кай-Си, И. Дедков использовал лишь в интервью Г. Зубковой. При этом сплошь и рядом в текстах Игоря Александровича встречаются схожие термины. К примеру, «реальный марксизм», который «уже 50 лет воплощаемый огнем и мечом» и при этом, как замечает И. Дедков, «нам доказывают, что М. и Э. ни в чем не повинны, что они прекрасные мыслители» [Дедков, 2005а, с. 99].

Или еще одно близкое понятие «действительный социализм», о котором И. Дедков упоминает в статье «Прозрение в темном зале» [Дедков, 1989, с. 239] Еще в одной статье он пишет о «подлинном социализме», который, начинается с учета человеческого фактора. И его главная суть состоит в прекращении разбазаривания человеческих сил и жизней. Эта идея, по свидетельству критика, «жила в воздухе шестидесятых», именно в этом и заключается главная суть «философии социализма» [Дедков, 1989, с. 212]. Еще одно определение социализма было дано И. Дедковым летом 1974 г., в дополнение к сформулированному в период «пражской весны» (1968 г.) концепту «социализма с человеческим лицом», в котором должны были соединиться идеи социализма и принципы демократии («демократический социализм»). Игорь Александрович пишет в связи с этим так: «Я бы добавил: с умным лицом, социализм умных людей» [Дедков, 2005а, с. 163].

Ф. Цанн-Кай-Си словосочетание «строгий марксизм» выносит в заголовок своей статьи, ошибочно считая его отправной точкой в эволю-

ции мировоззрения И. А. Дедкова и, как это мы продемонстрируем ниже, отождествляя «строгий марксизм» со сталинистской версией марксизма [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 11–16]. «Строгий марксизм», – пишет Ф. Цанн-Кай-Си, – это что-то неопределенное, скорее метафора. ...Для самого Дедкова «строгий марксизм» – это марксизм доктринерский, догматический, представленный диалектическим и историческим материализмом Сталина. *Дисциплинарная система абсолютных истин...* Несмотря на то, что «строгий марксизм» постоянно декларировал свою приверженность диалектике, оставался настоящей метафизической системой, которая не имела ничего общего с классическим марксизмом» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12].

Итак, в интерпретации Ф. Цанн-Кай-Си «строгий марксизм» – это «доктринерский» или «догматический» марксизм, «система абсолютных истин», не имеющая «ничего общего с классическим марксизмом». Однако, если обратиться к словарям и справочникам, то мы в них не найдем отождествления понятия «строгий» с «догматизмом» или «доктринерством». Вот, к примеру, как расшифровывается слово строгий в «Толковом словаре русского языка» С. Н. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: 1) Очень требовательный, взыскательный. 2) Суровый, жесткий. 3) Не допускающий никаких отклонений от нормы, совершенно точный. 4) Не допускающий отступления от правил поведения, от общепринятых моральных норм. 5) Правильный, не отклоняющийся от лучших образцов 6) Об одежде, внешности, обстановке: простой, без украшений, но свидетельствующий о хорошем вкусе [Ожегов, 2003, с. 774].

В словаре синонимов к прилагательному «строгий» названы такие синонимы и близкие по смыслу слова как: простой, серьезный, железный, холодный, а также более редко встречающиеся аналоги: классический, точный, правильный, аскетичный, безупречный, неукоснительный, педантичный и др. [Словарь синонимов]. Из 80 представленных синонимов и близких по смыслу слов здесь нет упоминания ни «догматизма», ни «доктринерства». А вот использование в качестве синонимов таких прилагательных как «классический», «точный», «правильный», – является вполне правомерным. Таким образом, «строгий марксизм» – это изначальный марксизм, адекватный его исходному аналогу без последующих примесей и интерпретаций. Чтобы понять тот «строгий марксизм», который был

создан непосредственно К. Марксом и Ф. Энгельсом, И. Дедков на последних курсах университета действительно обращается к трудам отцов-основателей.

В интервью И. Дедкова Г. Зубковой (уже зрелый и обладающий гораздо большим жизненным опытом, чем юный студент) говорит всего лишь о двух марксовых работах (о «Немецкой идеологии» и «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», последняя из которых почему-то названа им «Восемнадцатое брюмера»), а так же о том, что, кроме них, читал еще «еще что-то» [Дедков, 2013б, с. 38]. Но «что» именно входит в это «еще что-то» было прочитано – неизвестно, поскольку нигде больше (кроме данного интервью о чтении И. Дедковым каких-либо иных трудов Маркса) не упоминается. Но даже этих двух вскользь упомянутых работ для Ф. Цанн-Кай-Си оказалось вполне достаточно, чтобы превратить И. Дедкова в правоверного марксиста, преданного коммунизму.

Совершенно непонятно исходя из чего Ф. Цанн-Кай-Си делает выводы о том, что И. Дедков будто бы очень «внимательно читал марксовы работы», и что содержащиеся в них «идеи», «оказались близки И. Дедкову» [Цанн-Кай-Си, 2005а, с. 116, 117]. Как говорит в «зубковском» интервью сам Игорь Александрович, чтение первоисточников давало пищу уму, заставляло размышлять.

Начиная со второй половины 1960-х в СССР начало осуществляться фундаментальное издание Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Но насколько И. Дедков мог быть с ним детально знаком, если в период его учебы в МГУ только-только вышли первые тома, в основном содержавшие ранние произведения классиков? Т. Елшина вполне справедливо замечает, что «ни в одной из своих критических статей, книг, ни в одном из своих публичных выступлений доперестроечного периода Дедков не цитировал классиков марксизма-ленинизма, как это было повсеместно принято» [Елшина, 2014].

Первая из двух названных в интервью И. Дедковым работ К. Маркса («Немецкая идеология») вышла из печати во второй половине 1956 года в третьем томе Полного собрания сочинений. Вторая работа («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») была напечатана (согласно выходным данным) в 1957 году в восьмом томе, то есть фактически уже где-то примерно после окончания И. Дедковым университета перед его отъездом по распределению на работу в Кострому. Поэтому,

вопреки выше приведенному утверждению Ф. Цан-Кай-Си, Игорь Александрович – в 1954–1955 гг. – не мог «углубленно изучать марксистскую литературу» (по крайней мере, эти две названные им, но в это время еще не вышедшие в свет работы К. Маркса из его полного собрания сочинений), тем более что даже первый том данного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса был издан только лишь в 1955 году и содержал в себе самые-самые (как и последующие тома) ранние (1842–1844 гг.) работы первого и сочинения второго (1839–1844 гг.) авторов.

Следует так же обратить внимание на следующий пассаж из интервью И. Дедкова Г. Зубковой, где он сообщает, что в то время никакой другой литературы, кроме марксистской, в СССР не существовало. Но даже чтение тщательно отобранной властью литературы заставило студента журфака «крепко задуматься» о соответствии марксистской теории реальному ходу истории. В частности И. Дедков упоминает о какой-то из работ Ф. Меринга, прочтя которую он сделал для себя выводы о том, что «прогнозы Маркса насчет революций – все они ошибочны. Маркс ошибся в расчетах» [Дедков, 2013б, с. 37].

Это была лишь первая «зацепка» (выражение самого И. А.), которая и заставила крепко «задуматься», и от которой, в конечном итоге, как настаивает сам И. Дедков, у «него начала работать голова» [Дедков, 2013б, с. 37], то есть появились сомнения, скептицизм в истинности теории даже такого авторитета, как К. Маркс. Если недоверие к И. Сталину заставило обратиться к первоисточникам, то после чтения доступной марксистской литературы у него родилось еще более критическое отношение и к оригинальному марксизму («строгую марксизму»), а не только к его сталинистской версии [Зайцев, 2020, с. 22].

Основная часть

Анализ «Дневников» Игоря Александровича еще больше подтверждает его крепнущее недоверие к марксистской теории. Так, летом 1957 года, то есть уже после завершения учебы в МГУ, но еще до отъезда в Кострому, он по сути дела солидаризируется с ревизионистом и анимарксистом Э. Бернштейном и с приписываемой ему фразой «движение все, конечная цель ничто» (в действительности она звучит так: «То, что понимают обычно под «конечной целью социализма», представляет для меня чрезвычайно мало смысла и интереса: эта цель, что бы она ни озна-

чала, для меня – ничто, движение – все») [Бернштейн, 1985, с. 37].

Для формулировки своей мировоззренческой позиции И. Дедков отталкивается от литературного образа бескомпромиссного, прямолинейного и мужественного борца с бандитизмом В. Малыгина из повести П. Нилина «Жестокость», который готов, не задумываясь, «жертвовать человеком ради организации» [Дедков, 2005а, с. 21]. Но это литературный персонаж. В реальной жизни и сам И. Дедков попал в схожую ситуацию, когда его после весенних событий 1957 года на факультете журналистики, которыми он по сути дела руководил, вызвали для «проработки» на заседание комитета ВЛКСМ МГУ и, где, по словам самого И. Дедкова, замсекретаря комитета комсомола Г. Попандопуло поставил его по сути дела в аналогичную ситуацию.

«Несколько лет назад, – пишет в «Дневнике» Игорь Александрович, – я был близок к таким идеям». Но теперь, то есть к моменту завершения учебы, его прежние взгляды претерпели серьезную трансформацию и подобный антигуманный подход к человеку для него стал неприемлем. Поэтому, ссылаясь на Д. Неру (не на Э. Бернштейна!), он задумывается о выборе «средств, ведущих к миру справедливости». При этом вполне возможно «соглашаться в цели и не соглашаться в методах ее достижения» [Дедков, 2005а, с. 21]. Ведь если быть неразборчивым в выборе средств, то вместо общества «социальной солидарности» «можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный» [Дедков, 2005а, с. 21]. В подобном государстве «не будет уважения к рядовым людям» и «они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в воздухе» [Дедков, 2005а, с. 21].

И если на раннем этапе жизни и деятельности И. Дедков еще не пользуется бернштейновской формулировкой о соотношении цели и средств, то в дальнейшем он ее начинает употреблять осознанно, солидаризируясь не с К. Марксом, а его противником. «Стократ руганная формула «Движение – все, конечная цель – ничто», наверное, справедлива», – откровенно заявляет он в одном из интервью и, конкретизирует свою позицию следующими аргументами: «Зачем нам сейчас расчерчивать свое будущее, конструировать и регламентировать то, что впереди? Будущее вырастает из настоящего, поэтому заняться бы всем устройством настоящего» [Дедков, 2005б, с. 87].

В предисловии книге В. Богомолова «Эта забытая далекая война» И. Дедков использует знаменитую формулировку из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» о «слезинке ребенка» (то есть о страдании невинного человека ради достижения каких-либо самых (высоки целей) в анализе повести этого автора под названием «Иван». Иван Буслов – это двенадцатилетний мальчик, которому на войне приходится рисковать своей жизнью наравне с взрослыми офицерами и солдатами. «Повесть построена так, – пишет литературный критик, – что мы видим Ивана глазами молодого старшего лейтенанта Гальцева. Это добрые и внимательные глаза. Им хорошо открыто главное: трагическая судьба детской жизни в дни войны. Когда-то Ф. М. Достоевский писал о неискупимых слезинках ребенка. В истории Ивана Буслова нет слез, но страдания его тоже из неискупимых» [Дедков, Предисловие].

В 1957 году в журнале «Вопросы философии» И. Дедков прочел статью И. Кона «Опиум для интеллигенции, или философия истории Р. Арона», которая была посвящена критике и демонстрации несостоятельности философии истории этого французского философа-антимарксиста Р. Арона и его книги «Опиум интеллигенции». Однако ознакомившись со статьей советского философа-марксиста, И. Дедков согласился не с его критикой, а «на 90 %», как он сам пишет, солидаризировался с антимарксистской интерпретацией хода истории Р. Арона.

В небольшой статье под названием «Спор о поколении» И. Дедков пишет, что даже после смерти Сталина, во второй половине 1950-х годов, «время оставалось суровым», но наряду с этим это было «незабываемое состояние душевного и умственного подъема». И нравственный выбор заключался не в служении идеалам «истинного марксизма-ленинизма», а в верности «идеалам русского освободительного движения» [Дедков, 2013а, с. 15]. Источник гуманизма И. Дедкова заложен в нем традициями русской классической литературы, русской идеалистической и материалистической философии, идеями русского утопического социализма с которой он вплотную познакомился во время учебы и, особенно, после приезда в Кострому. Из костромской глубинки он так описывал своей будущей супруге ощущения по данному поводу: «Стране позарез нужны культурные образованные люди. Когда я сижу в каком-нибудь Парфеньеве, я ненавижу сытую блестящую Москву и прекло-

няюсь перед народниками 70-х».

В пользу высказанной нами мысли свидетельствует и тот факт, что имя К. Маркса в многостраничном «Дневнике» Игоря Александровича встречается только лишь 6 раз, да и то мельком. При этом в двух случаях в связи с аллюзией, навеянной сравнением марксовой бороды с бородой Б. Негорюхина. Ф. Энгельс назван там всего лишь 4 раза. Зато Л. Толстой упомянут 28 раз, А. Пушкин – 21 раз, Ф. Достоевский – 20 раз, А. Чехов – 14, В. Розанов – 12, М. Горький – 9, С. Булгаков – 9, Н. Федоров – 8, А. Герцен – 8, К. Леонтьев – 7, Н. Бердяев – 6 (ровно столько, сколько К. Маркс), М. Салтыков-Щедрин – 5, П. Чаадаев – 3, И. Аксаков – 3, Н. Михайловский – 2, Д. Мережковский – 2 [Дедков, 2005а]. И этот список – стоит заметить – состоит не из современных И. Дедкову авторов, а, таких, как и К. Маркс с Ф. Энгельсом, – мыслителей прежних поколений. В более поздний отрезок времени И. Дедков не раз будет демонстрировать знакомство с трудами таких русских философов, как Н. Шестов [Дедков, 1995б, с. 87], Н. Лосский [Дедков, 1995б, с. 90-91], того же Н. Бердяева [Дедков, 1995б, с. 67, 91], К. Леонтьева [Дедков, 1995б, с. 66], С. Булгакова [Дедков, 1995б, с. 133], знает он и работы современного ему и достаточно близкого по своим убеждениям философа, социолога и логика А. Зиновьева [Дедков, 1995б, с. 59]. На кого только не ссылается И. Дедков, каких только русских и западноевропейских философов (и О. Шпенглера, А. Токвиля, Т. Карлейля и др.), не цитирует или не упоминает.

Среди книг, оставшихся на рабочем столе Игоря Александровича вслед за его последней госпитализацией в больницу с последующем уходом из жизни, нет ни одного произведения К. Маркса, Ф. Энгельса или В. Ленина. Среди 21 книги, оставшиеся на письменном столе оказались сразу пять работ В. Розанова, по одной книге А. Пушкина, С. Булгакова, К. Леонтьева, Г. Федотова, А. Ремизова, 10 номер журнала «Вопросы философии» за 1991 год, а так же второй том Л. Троцкого «Сталин» и двухтомник К. Поппера «Открытое общество» [Дедков, 2005а, с. 595].

Ф. Цан-Кай-Си, анализируя эволюцию мировоззрения критика, приходит к выводу, что на заключительном этапе жизни и деятельности «взгляды Игоря Александровича на коммунизм совпадали с марксовой концепцией коммунизма как реального гуманизма, представленной в работах Маркса 1840-х и последующих годов»

[Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 11]. По его убеждению будто бы с 1969 года в мировоззрении И. Дедкова открывается «новая веха в отношении к марксизму как к реальному гуманизму». Однако данные голословные тезисы не подкреплены реальными фактами и не выдерживают верификации с действительным положением дел.

В соответствии с точкой зрения французского философа-неомарксиста Л. Альтюссера марксистского гуманизма просто не существует, поскольку марксизм и гуманизм это антиподы. Гуманизм – по Л. Альтюссеру был присущ К. Марксу, но лишь на самом раннем этапе, когда (до 1845 года) он находился под влиянием, с одной стороны, Г. Гегеля, с другой – Л. Фейербаха. Однако вскоре он, создав теорию исторического материализма, напрочь в результате так называемого «эпистемологического разрыва» отказался от «абстрактного», то есть общечеловеческого гуманизма и перешел на позицию «теоретического антигуманизма» [Альтюссер, 2006, с. 392 и след.], больше уже никогда не возвращаясь к своим юношеским идеям. Дело в том, что, с точки зрения Д. Альтюссера, гуманизм – это идеология, в то время как коммунизм – наука.

Да и как можно ли зачислять в разряд «гуманистов» теоретика, который безапелляционно утверждал: что «революции – локомотивы истории»? [Маркс, 1956, с. 86]. Или писал, что «насилие является повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым». При этом насилие это не моральная категория, а бездушная «экономическая потенция» [Маркс, 1960, с. 761].

Результаты исследования

В отличие от «теоретического антигуманизма» марксовой теории И. Дедков буквально пропитан гуманистическими идеями Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького и других русских дореволюционных писателей и философов. «Правители, которых можно желать, – пишет в «Дневнике» И. Дедков, – должны были бы согласовывать свои нравственные, этические принципы (рекомендуемые народу) с принципами и идеалами русской классической литературы, потому что в ней более чем в чем-то ином, выразилась национальная философия, национальный идеал или, лучше сказать, истина русской жизни. Иначе образуется (образовался) разрыв между тем и другим, и первое не выдерживает сопоставления... Избежать его можно, лишь запретив

русскую классическую литературу, что невозможно» [Дедков, 2005а, с. 121].

Гуманизм И. Дедкова связан не только с ценностями русской классической литературы и русской философии, но и с философскими традициями, идущими от антропоцентризма софистов («человек есть мера всех вещей»), от И. Канта («человек (личность) – цель сама по себе»), а так же от философов-экзистенциалистов («экзистенциализм – это гуманизм»). Это вполне определенно вытекает хотя бы и следующей аксиологически заряженной фразы, вкрапленной И. Дедковым в строки его литературной статьи «О живой невыдуманной России»: «Истинное значение всего, что слывет ценным, единственно необходимым, «универсальным», проверяется через человека: от человека ведется всему счет... Человеком, его сбывшимися и несбывшимися возможностями, его судьбой все измеряется...» [Дедков, 1986, с. 24].

Менее чем через два месяца после приезда в Кострому, а если точнее, то 3-го ноября 1957 года Игорь Александрович в письме к Аркадию Макееву («Азику») пишет о том, что он «совсем не апологет марксизма». И приемлет марксизм «только в ряде пунктов». И совершенно не приемлет «то, что официально называют материалистическим взглядом на историю». При этом И. Дедков подчеркивает, что это не какое-то «временное разочарование», а «постоянно усиливающееся убеждение». «Говорят, что свобода – осознанная необходимость.- Пишет в одном из писем своей будущей жене И. Дедков. – Прежние марксисты понимали под необходимостью – объективно существующие законы. Но если сейчас то, что выдается за закон, не является законом объективного мира? В таком случае марксистская формулировка есть формула рабства, есть формула подчинения».

Для И. Дедкова близка отнюдь не марксистская концепция свободы, а гуманистическое понимание свободы как возможности выбора в ее экзистенциалистской интерпретации. Анализ текста «Дневника» свидетельствует, что Игорь Александрович интересовался философией и литературным творчеством французских экзистенциалистов и использовал их идеи в своей деятельности.

К примеру, в статье «Герои современной драмы», написанной в далеком 1968 году, он ссылается на работу известного советского философа Э. Соловьева под названием «Экзистенциализм», которая была опубликована в № 12 журнала

«Вопросы философии» за 1966 год [Дедков, 1989, с. 79]. В этой же статье литературный критик прямо заявляет о проявлении экзистенциальных идей в современной ему литературе: «Наряду с проблемой личной ответственности литературу все чаще занимают проблемы выбора, вины, страха, свободы, исторического самоотчета, веры, сохранения личности, «пограничной ситуации». Это вызывается растущим интересом к экзистенциализму, особенно французскому (Сартр, Камю)» [Дедков, 1989, с. 72–73]. В качестве примера он называет следующие литературные произведения советских авторов: А. Арбузов «Ночная исповедь», В. Тур «Бой с тенью», Л. Зорин «Варшавская мелодия», В. Розов «Затейник», Ю. Эллис «Авель, где твой брат Каин?»

Из дневниковой записи от 10-го апреля 1983 года следует, что Игорем Александровичем была прочитана книга Е. Кушкина «Альбер Камю. Ранние годы» [Дедков, 2005а, с. 404]. Вслед за ссылкой на эту книгу Игорь Александрович с большим сожалением пишет об ограниченности «духовной атмосферы (обстановки)», «о круго-зоре и миропонимании юного человека конца сороковых – начала пятидесятых годов», то есть поколения, к которому он сам принадлежит, Это способствовало «бедному, сжатому мышлению», [Дедков, 2005а, с. 404]. Преодоление этой «навязанной обстановки» было возможно почти исключительно «через библиотеку...», но это было индивидуальным актом», то есть экзистенциальный выбор. И, как вывод: «Пора бросить умиляться таким добродетелям, как... коммунистические идеалы» [Дедков, 2005а, с. 404]. Так встреча с экзистенциальной философией обогатила творческий арсенал этого литературного критика.

Знакомство с оригинальными текстами философов-экзистенциалистов началось еще до начала перестройки и массового издания их текстов в СССР. Так 14-го февраля 1985 года И. Дедков в «Дневнике» цитирует такие созвучные его гуманизму строки из «Письма немецкому другу» А. Камю: «Я хотел бы, чтобы любовь к моей родине была совместима с любовью к справедливости. Я не желаю моей родине любого величия, не желаю величия, которое зиждется на крови и лжи. Я хочу служить моей родине, служа справедливости...» [Дедков, 2005а, с. 444]. Из философских идей экзистенциализма И. Дедкова, прежде всего, волновали проблемы свободы, выбора, сопротивления и ответственности.

И. Дедков в одном из писем к А. Адамовичу охарактеризовал свою мировоззренческую позицию этикой «костремского экзистенциализма» [Из переписки, 2006, с. 158]. Это означало, что он, как и его современники, являясь по сути дела «спеленутыми» (его выражение из этого же письма) людьми, в то же время обладали некоторого рода внутренней (экзистенциальной) свободы и в, определенных рамках, могли ее транслировать, многое не договаривая, выражаясь полунамекками и обиняками. При этом, конечно, не исчезало «ощущение беспомощности человека, т. е. своей беспомощности», невозможности «докричаться» а, тем более, «взорвать» пассивное и беззаботное сознание» общества [Из переписки, 2006, с. 158]. Тем не менее, И. Дедков очень дорожил даже сильно ограниченным пространством своей внутренней духовной свободы и полагал, что в сложившихся условиях «возможен только один путь – путь духовного..., морального сопротивления». Сопротивления «индивидуального», то есть личного, без участия в каких-либо формальных или не формальных организациях или кружках [Дедков, 2013б, с. 39]. В. Яранцев даже называет мировоззренческую позицию Игоря Александровича «философией индивидуального сопротивления» [Яранцев, 2015, с. 135]. И это действительно так, зрелый И. Дедков это не апологет, а критик марксизма. Его гуманистические идеалы и ценности сближаются с экзистенциалистской философией и развиваются в их русле.

Заключение

Ф. Цанн-Кай-Си в подтверждение своей концепции эволюции мировоззрения И. Дедкова приводит одну из его фраз, записанную в «Дневнике» и связанную с глубоким духовным кризисом и разочарованием в идеалах перестройки и демократии. Как отмечает Федор Васильевич, в ситуации, когда произошел суд над КПСС и партия была запрещена, когда ее бывшие лидеры отрекались от коммунистического прошлого, И. Дедков нашел в себе мужество сказать: «Наверное, я коммунист...» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 11]. Что, по-мнению, Ф. Цанн-Кай-си, свидетельствует о том, что будто бы даже на закате жизни Игорь Александрович сохранял верность коммунизму и марксизму.

Но это не так. Во-первых, марксизм и коммунизм это не одно и то же. Во-вторых, фраза, приведенная Ф. Цанн-Кай-Си выхвачена из контекста и неверна. В подлиннике она звучит так:

«Наверное, я все-таки коммунист, и не в смысле принадлежности к политической партии, а по своим чувствам, по тому, что считаю справедливым и подлинно человеческим» [Дедков, 2005а, с. 565]. Если для Ф. Цанн-Кай-Си первостепенное значение имеет слово «коммунист», то я полагаю, что «ключевыми» здесь выступают два других слова: «наверное» и «все-таки». Они вызывают сомнения, неуверенность. Кроме этого речь-то здесь не о марксизме, а о его представлении, о коммунизме, коммунизме «по чувствам», по тому, что он в своем мировоззрении всегда считал и продолжает считать «справедливым и подлинно человеческим».

Стоит отметить, что в предложении, предыдущем выше процитированному отрывку из «Дневника», Игорь Александрович пишет вовсе не об основоположниках марксизма, а о русском философе Н. Федорове, высказывая надежду, что его философия «общего дела» когда-нибудь восторжествует» [Дедков, 2005а, с. 565]. Таков контекст фразы, произвольно выхваченной из текста воспоминаний И. Дедкова, неверно процитированной и ошибочно интерпретированной нашим уважаемым оппонентом.

Не знаю, сознательно или нет, но Ф. Цанн-Кай-Си не обращает внимания, на вполне определенную идеологическую позицию «поднего» И. Дедкова, открыто декларируемую им в своем дневнике. «Мне никогда не придет в голову, – пишет Игорь Александрович 21 июня 1992 года, – доказывать правоту коммунистического учения... Но и «свергать» т. н. «коммунистическую идею»... отвратительно» [Дедков 2005а, с. 551]. А пятнадцать днями раньше он еще более четко заявил о своей сугубо индивидуальной политической позиции: «Ни с теми я и не с другими: ни с «демократами», властвующими, ни с патриотами антисемитствующими, ни с коммунистами, зовущими за черту 85 года, ни с теми, кто предал рядовых членов этой несчастной, обманутой, запутавшейся партии...» [Дедков 2005а, с. 549].

Таким образом, онтологически гуманистическое мировоззрение И. Дедкова неразрывно связано с традициями русской духовной культуры, с русской литературой и русской философией, с методом критического реализма русской дореволюционной литературной критики, с ментальной интенцией русской духовной к справедливости, правде, истине, красоте, человечности и к гармоничному общественному устройству.

Библиографический список

1. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А. В. Денежкина. Москва : Праксис, 2006. 392 с.
2. Бернштейн Э. Из статьи «Борьба социал-демократии и социальная революция» (Германия, январь 1898) // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. Учебное пособие для студентов вузов по спец. «История». Москва : «Высшая школа», 1985. С. 36–37.
3. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. Москва : «Прогресс-Плеяда», 2005а. 792 с.
4. Дедков И. А. Индивидуальное – но сопротивление. (Интервью доктору исторических наук Е. Ю. Зубковой) // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Издательство МГУ, 2013б. С. 16–47.
5. Дедков И. А. Наши железные копыта // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Изд-во МГУ, 2013в. С. 118–122.
6. Дедков И. А. Спор о поколении // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Изд-во МГУ, 2013а. С. 14–16.
7. Дедков И. А. Обновленное зрение: Из шестидесятых в восьмидесятые. Москва : «Искусство», 1989. 318 с.
8. Дедков И. А. Эта земля и это небо. Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994. Кострома : «Костромаиздат», 2005. 430 с.
9. Дедков И. А. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых-восьмидесятых. Москва : «Сов. Писатель», 1986. 392 с.
10. Дедков И. А. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. Москва : ИЦ «АИРО-XX», 1995б. 156 с.
11. Дедков И. А. Эта незабытая далекая война. URL: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html> (дата обращения 30.08.2020).
12. Дедков И. А. Наше слово – не пустой репортерский звон // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Изд-во МГУ, 2013а. С. 9–14.
13. Дедков И. А. Поддержание костра. // Кондратович А. Новомировский дневник (1967–1970): Воспоминания. Москва : «Советский писатель», 1991. С. 3–18.
14. Дурилов А. П. «Esse Homo» как становятся сами собой // Дедков: очерки, статьи, воспоминания: альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Изд-во Костромского гос. технологического ун-та, 2015. С. 47–63.
15. Из переписки Игоря Дедкова с Василием Быковым и Алесем Адамовичем // Знамя. 2006. № 1. С. 136–168.
16. Елшина Т. А. Прозрение наступает. Но всегда запаздывает // Вопросы литературы, 2014. № 4. С. 139–163. URL: <https://voplit.ru/article/prozrenie>

nastupaet-no-vsegda-zapazdyvaet-k-80-letiyu-igorya-dedkova/ (дата обращения 30. 08.2020).

17. Зайцев А. В. И. А. Дедков: сентябрь пятьдесят седьмого // Кострома. Genus Loci : альманах / сост. и отв. ред. А. В. Зайцев. Кострома : Костромской государственной университет, 2020. Вып. 3. С. 11–15.

18. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1958 по 1850 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 5–110.

19. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23, 907 с.

20. Ожегов С. Н. Толковый словарь русского языка // Российская академия наук. Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. Москва : ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

21. Словарь синонимов / Строгий – синонимы и близкие по смыслу слова. URL: <https://wordsynonym.ru/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B9> (дата обращения 30. 08.2020).

22. Цанн-Кай-Си Ф. В. И. Дедков: от «строгости марксизма» к реальному гуманизму // Костромской гуманитарный вестник, 2015а. № 2 (9). С. 11–16.

23. Цанн-Кай-Си Ф. В. К вопросу об общественном идеале Дедкова // Дедков: очерки, статьи, воспоминания : альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Издательство Костромского государственного технологического университета, 2015б. С. 110–127.

24. Яранцев В. Н. Творческие доминанты и универсалии литературной критики Дедкова // Дедков: очерки, статьи, воспоминания: альманах / сост. отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Издательство Костромского государственного технологического университета, 2015. С. 129–142.

Reference list

1. Al'tjusser L. Za Marksa = For Marx / per. s franc. A. V. Denezhkina. Moskva : Praxis, 2006. 392 s.

2. Bernshtejn Je. Iz stat'i «Bor'ba social-demokratii i social'naja revoljucija» (Germanija, janvar' 1898) = From «The Struggle of Social Democracy and the Social Revolution» (Germany, January 1898) // Sbornik dokumentov po istorii rabochego i socialisticheskogo dvizhenija stran Evropy i SShA. Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov po spec. «Istorija». Moskva : «Vysshaja shkola», 1985. S. 36–37.

3. Dedkov I. A. Dnevnik. 1953–1994 = Diary. 1953–1994. Moskva : «Progress-Plejada», 2005a. 792 s.

4. Dedkov I. A. Individual'noe – no soprotivlenie. (Interv'ju doktoru istoricheskikh nauk E. Ju. Zubkovej) = Individual – but resistance. (Interview with Elena Zubkova, Doctor of History) // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izdatel'stvo MGU, 2013b. S. 16–47.

5. Dedkov I. A. Nashi zheleznye kopyta = Our iron hooves // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga

vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izd-vo MGU, 2013v. S. 118–122.

6. Dedkov I. A. Spor o pokolenii = The debate on generation // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izd-vo MGU, 2013a. S. 14–16.

7. Dedkov I. A. Obnovlennoe zrenie: Iz shestidesjatyh v vos'midesjatyh = Renewed vision: From the sixties to the eighties. Moskva : «Iskusstvo», 1989. 318 s.

8. Dedkov I. A. Jeta zemlja i jeto nebo. Ocherki. Zametki. Interv'ju. Dnevnikovyje zapisi o kul'ture provincii 1957–1994 = This land and this sky. Essays. Notes. Interviews. Diary notes on provincial culture 1957–1994. Kostroma : «Kostromaizdat», 2005. 430 s.

9. Dedkov I. A. Zhivoe lico vremeni: Ocherki prozy semidesjatyh-vos'midesjatyh = The Living Face of Time: Essays on the Prose of the Seventies and Eighties. Moskva : «Sov. Pisatel'», 1986. 392 s.

10. Dedkov I. A. Ljubiti'? Nenavideti'? Chto eshhe?.. Zametki o literature, istorii i nashej bystrotekushhej absurdoj zhizni = To love? To hate? What else? Notes on literature, history and our fast-paced absurd life. Moskva : IC «AIRO-HH», 1995b. 156 s.

11. Dedkov I. A. Jeta nezabytaja dalekaja vojna = That unforgotten distant war. URL: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaja-dalekaya-voyna-predislovie.html> (data obrashhenija 30. 08. 2020).

12. Dedkov I. A. Nashe slovo – ne pustoj reporterskij zvon = Our word is not an idle reporter's buzzword // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izd-vo MGU, 2013a. S. 9–14.

13. Dedkov I. A. Podderzhanie kostra = Keeping the fire burning // Kondratovich A. Novomirovskij dnevnik (1967–1970): Vospominanija. Moskva : «Sovetskij pisatel'», 1991. S. 3–18.

14. Durilov A. P. «Esse Homo» kak stanovjatsja sami soboj = «Esse Homo» as they become themselves // Dedkov: ocherki, stat'i, vospominanija: al'manah / sost. i отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Изд-во Костромского гос. технологического un-ta, 2015. S. 47–63.

15. Iz perepiski Igorja Dedkova s Vasiliem Bykovym i Alesem Adamovichev = From Igor Dedkov's correspondence with Vasiliy Bykov and Ales Adamovich // Znamja. 2006. № 1. S. 136–168.

16. Elshina T. A. Prozrenie nastupaet. No vseгда zapazdyvaet = An epiphany is imminent. But it is always late // Voprosy literatury, 2014. № 4. S. 139–163. URL: <https://voplit.ru/article/prozrenie-nastupaet-no-vsegda-zapazdyvaet-k-80-letiyu-igorya-dedkova/> (data obrashhenija 30. 08.2020).

17. Zajcev A. V. I. A. Дедков: сентябрь п'ят'десят сед'мого = I. A. Dedkov: September fifty-seventh // Kostroma. Genus Loci : al'manah / sost. i отв. ред. А. В. Зайцев. Кострома : Костромской государственной университет, 2020. Вып. 3. С. 11–15.

18. Marks K. Klassovaja bor'ba vo Francii s 1958 po 1850 = The class struggle in France from 1958 to 1850 // K. Marks, F. Jengel's. Sочinenija. Изд. 2-е. Т. 7. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. S. 5–110.

19. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoj zkonomii. Tom 1 = Capital. The Critique of Political Economy. Volume 1 // K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija. Izd. 2-e. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1960. T. 23, 907 s.

20. Ozhegov S. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory Dictionary of the Russian Language // Rossijskaja akademija nauk. In-t russkogo jaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. Moskva : OOO «ITI Tehnologii», 2003. 944 s.

21. Slovar' sinonimov = Dictionary of Synonyms / Strogij – sinonimy i blizkie po smyslu slova. URL: <https://wordsynonym.ru/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B9> (data obrashhenija 30. 08.2020).

22. Cann-Kaj-Si F. V. I. Dedkov: ot «strogogo marksizma» k real'nomu gumanizmu = Dedkov: from

«strict Marxism» to real humanism // Kostromskoj gumanitarnyj vestnik, 2015a. № 2 (9). S. 11–16.

23. Cann-Kaj-Si F. V. K voprosu ob obshhestvennom ideale Dedkova // Dedkov: ocherki, stat'i, vospominanija = On Dedkov's social ideal // Dedkov: Essays, articles, memoirs : al'manah / sost. i otv. red. T. A. Elshina. Kostroma : Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta, 2015b. S. 110–127.

24. Jarancev V. N. Tvorcheskie dominanty i universalii literaturnoj kritiki Dedkova = The creative dominants and universals of Dedkov's literary criticism // Dedkov: ocherki, stat'i, vospominanija: al'manah / sost. otv. red. T. A. Elshina. Kostroma : Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta, 2015. S. 129–142.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственной академии культуры». 156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14. E-mail: lanfra87@mail.ru

Бганцева Ирина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и экономики ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры». 400005, г. Волгоград, пр. им. Ленина, д. 78. E-mail: irina07085@rambler.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Богданова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Бойчук Елена Игоревна – доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: elena-boychouk@ Rambler.ru

Бокарев Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: asbokarev@mail.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Бурская Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». 115093, г. Москва, Стремянный пер., д. 36. E-mail: burlena12@yandex.ru

Глебова Екатерина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет». 400005, г. Волгоград, пр. им. Ленина, д. 28. E-mail: eaglebova@mail.ru

Ерохина Татьяна Иосифовна – доктор культурологии, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 43. E-mail: tatyanaer@yandex.ru

Желтов Евгений Сергеевич – аспирант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: floyds@mail.ru

Зайцев Александр Владимирович – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Костромской государственной академии культуры». 156005 г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 19. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: sij_yar@mail.ru

Иливицкая Лариса Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет». 443099, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89. E-mail: laraili@mail.ru

Исаева Мария Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. E-mail: mashasurugina@yandex.ru

Калмазова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1. E-mail: kalmazova@gmail.com

Канафьева Аля Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Козловская Алёна Александровна – учитель русского языка и литературы ГБОУ Лицей № 369. 198330, г. Санкт-Петербург, ул. Маршала Захарова, д. 52. E-mail: agafonova_2008@bk.ru

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119435, г. Москва ул. Малая Пироговская, д. 1/1. E-mail: asya28@list.ru

Колода Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Колядко Светлана Владимировна – доктор филологических наук, сотрудник ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси». 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2. E-mail: kolyadko@list.ru

Кузнецова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1. E-mail: kuznetsova.julya@mail.ru

Кулаковский Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Ли Сяотао – доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: Lxt928lxt@163.com

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: lucciano55@yandex.ru

Мельникова Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: em09@mail.ru

Некрасов Сергей Михайлович – доктор культурологии, профессор, Всероссийский музей А. С. Пушкина (Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова). 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 36. E-mail: snekrasoff@mail.ru

Ртищева Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, декан социально-гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры». 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 17. E-mail: ortishheva@mail.ru

Самсонова Анастасия Викторовна – магистрант I курса филологического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: nastyasamsonova1998@mail.ru

Тисленкова Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400005, г. Волгоград, пр. им. Ленина, д. 27. E-mail: tislenskova@bk.ru

Ткачук Юлия Витальевна – студентка филологического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: julia1732000@mail.ru

Федотова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreeva Valeria Gennadjevna – doctor of philological sciences, professor of the department of russian philology, Kostroma state university. 156961, Kostroma, st. 1 Maya, 14. E-mail: lanfra87@mail.ru

Bgantseva Irina Vladimirovna – doctor of pedagogical sciences, associate professor, department of humanitarian disciplines and economics of Volgograd state academy of physical culture. 400005, Volgograd, Lenin pr., 78. E-mail: irina07085@rambler.ru

Beglova Elena Ivanovna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of the department of foreign language and speech culture, «Nizhny Novgorod academy of the RF ministry of internal affairs». 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Bogdanova Olga Vladimirovna – doctor of philological sciences, professor, leading researcher at the Research institute of educational regional studies, Herzen state pedagogical university of Russia. 191186, St. Petersburg, Moyka River Embankment, 48. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Bojchuk Elena Igorevna – doctor of philological sciences, associate professor, romance languages department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: Elena-boychouk@rambler.ru

Bokarev Alexei Sergeevich – candidate of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: asbokarev@mail.ru

Boldyreva Elena Mikhailovna – doctor of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng street, 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Burskaya Elena Alekseevna – candidate of philological sciences, associate professor, department of the russian language and speech culture, Plekhanov russian university of economics. 115093, Moscow, Stremyanny lane, 36. E-mail: burlena12@yandex.ru

Glebova Ekaterina Aleksandrovna – candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of foreign languages, faculty of economics and management, Volgograd state technical university. 400005, Volgograd, Lenin Ave, 28. E-mail: eaglebova@mail.ru

Erokhina Tatiyana Iosifovna – doctor of cultural sciences, professor, vice-rector for academic work, Yaroslavl state theater institute. 150000, Yaroslavl, Pervomaiskaya st., 43. E-mail: tatyner@yandex.ru

Zheltoev Evgeni Sergeevich – a postgraduate student of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: floyds@mail.ru

Zaitsev Alexander Vladimirovich – doctor of political sciences, candidate of philosophical sciences, professor of the department of philosophy, cultural studies and social communications, Kostroma state university. 156005 Kostroma, Dzerzhinskogo st., 19. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Zlotnikova Tanjana Semjenovna – doctor of arts, professor of cultural studies department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Ilivitskaya Larisa Gennadyevna – candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy and cultural studies, Samara state medical university. 443099, Samara, Chapaevsкая st., 89. E-mail: la-raili@mail.ru

Isaeva Mariya Gennadyevna – candidate of philological sciences, associate professor at the department of germanic languages and intercultural communication, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky pr., 5. E-mail: mashasuprugina@yandex.ru

Kalmazova Nadezhda Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor, department of foreign languages, Saratov state law academy. 410056, Saratov, Volskaya st., 1. E-mail: kalmazova@gmail.com

Kanafieva Alya Vasilyevna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of the modern russian language department named after prof. P. A. Lekant, Moscow region state university. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24. E-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Kozlovskaya Alyona Aleksandrovna – teacher of the russian language and literature, Lyceum No. 369. 198330, St. Petersburg, Marshal Zakharov St., 52. E-mail: agafonova_2008@bk.ru

Kolesnikova Svetlana Mikhailovna – doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department, Moscow pedagogical state university. 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1/1. E-mail: asya28@list.ru

Koloda Svetlana Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng street, 2. E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Koliadko Svetlana Vladimirovna – doctor of philological sciences, researcher at the Centre for research of belarusian culture, language and literature, Belarus national academy of sciences. 220072, Minsk, Surganov st., 1, bld. 2. E-mail: kolyadko@list.ru

Kuznetsova Yulia Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor, department of foreign languages, Saratov state law academy. 410056, Saratov, Volskaya Street, 1. E-mail: kuznetsova.julya@mail.ru

Kulakovskiy Mikhail Nikolaevich – candidate of philological sciences, associate professor of the russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Li Xiaotao – doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing, China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2. E-mail: Lxt928lxt@163.com

Lukin Oleg Vladimirovich – doctor of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Luchenetskaya-Burdina Irina Yurievna – doctor of philological sciences, professor, head of the russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: lucciano55@yandex.ru

Melnikova Ekaterina Mikhailovna – candidate of philological sciences, associate professor of the russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: em09@mail.ru

Nekrasov Sergey Mikhailovich – doctor of cultural sciences, professor, National Pushkin Museum (memorial museum-apartment of N. Nekrasov). 191104, St. Petersburg, Liteiny prospect, 36. E-mail: snekrasoff@mail.ru

Rtishcheva Oksana Vladimirovna – candidate of philological sciences, associate professor of the department of foreign languages, dean of the social and humanitarian faculty, Kemerovo state institute of culture. 650029, Kemerovo, Voroshilova st., 17. E-mail: ortishheva@mail.ru

Samsonova Anastasia Viktorovna – 1st year master's student, faculty of philology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: nastyasamsonova1998@mail.ru

Tislenkova Irina Aleksandrovna – candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of english philology, Volgograd state pedagogical university. 400005, Volgograd, Lenin prospect, 27. E-mail: tislenkova@bk.ru

Tkachuk Yulia Vitalievna – student of the faculty of philology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: julia1732000@mail.ru

Fedotova Anna Alexandrovna – doctor of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Khrenov Nikolai Andreyevich – doctor of philosophical sciences, professor, chief researcher, department of media and mass arts, entertainment culture sector, State institute of art studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 26 п. л., 23,05 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 55. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.03.2021

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69